Страны и народы Востока

ВЫПУСК X

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК X

Посвящается 2500-летию
Самарканда

Dedicated to the 2500th
Anniversary of Samarqand

U. S. S. R. ACADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE U.S.S.R.
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of D. A. OLDEROGGE, Corresponding Member
Academy of Sciences
of the U. S. S. R.

VOL. X

CENTRAL ASIA

GEOGRAPHY, ETNOGRAPHY, HISTORY

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1971

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК X

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

9
С83

Ответственный редактор
В. А. РОМОДИН

Сборник состоит из статей, посвященных вопросам палеогеографии, археологии, этнографии, истории, истории культуры и искусства Средней и Центральной Азии.

2-8
17-70

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей регионально-тематический сборник «Средняя и Центральная Азия» («Страны и народы Востока», вып. X) весьма разнообразен по составу включенных в него статей и заметок. Они посвящены различным вопросам палеогеографии, археологии, этнографии, истории и вспомогательных дисциплин (эпиграфики, нумизматики, сфрагистики), истории культуры и искусства. При всем разнообразии содержания статей сборника их объединяет одна большая общая тема — история цивилизации обширного региона, в котором в определенные периоды, например в эпоху Кушан (I—IV вв. н. э.), длительное время существовали крупные государства, включавшие в свой состав многие страны и области этого региона; в другие периоды судьбы их надолго расходились, но культурные взаимосвязи народов Средней и Центральной Азии, восходящие к глубокой древности, сохранялись. Изучение богатого прошлого народов Средней и Центральной Азии, внесших большой вклад в мировую историю культуры, — задача благородная и трудная. В ее выполнение вносят свою лепту и авторы статей, публикуемых в сборнике, вводя в научный обиход новые материалы по истории, археологии и этнографии Средней и Центральной Азии или выдвигая новые объяснения исторических фактов и событий.

Сборник составлен востоковедами, географами и учеными различных специальностей, исследующими прошлое народов Средней Азии и сопредельных стран. Опубликованием этого сборника Восточная комиссия Географического общества СССР вносит посильный вклад в разработку истории культуры Средней и Центральной Азии — темы, поставленной ЮНЕСКО. В исследованиях по этой теме принимают активное участие научные учреждения нашей страны.

С. А. Несмеянов, В. А. Ранов

К ПАЛЕОГЕОГРАФИИ МУСТЬЕРСКИХ СТОЯНОК В ГОРАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Попытки восстановления общей картины природных условий, в которых существовал человек мустьерской эпохи в горных областях Средней Азии, начались вместе с первыми исследованиями мустьерских стоянок. До последнего времени палеогеографические реконструкции опирались в основном на данные анализа фауны. Однако достаточный материал для такого анализа известен лишь из нескольких пещерных стоянок. Поэтому палеореконструкции многочисленных открытых поселений в литературе отсутствуют. Следует отметить, что изменения фауны лежат в основе палеогеографических построений позднего плейстоцена Передней Азии [32; 5].

В пещерных стоянках Тешик-Таш и Аман-Кутан сделаны наиболее богатые находки фауны. Их анализ показал, что неандертальцы освоили различные высотно-ландшафтные зоны. Так, в навесе Тешик-Таш В. И. Громова установила присутствие как обитателей альпийской зоны (горный козел, пищуха, сурок), так и жителей древесно-кустарникового пояса (крыса, соня). Были здесь и интразональные животные (медведь, заяц, хомячок, слепушонка). Следовательно, положение навеса Тешик-Таш к растительным поясам Байсунтау осталось неизменным [4].

Пещера Аман-Кутан располагалась в иной ландшафтной зоне. По мнению В. И. Бибиковой, наличие здесь большого количества остатков азиатского муфлона и костей кулана, дикобраза, сурка, слепушонки и степной черепахи указывает на значительное развитие открытых равнинных пространств с обильной травяной растительностью. Поэтому В. И. Бибикова считает, что пещера находилась, как и сейчас, в зоне распространения древесной и кустарниковой растительности, перемежающейся с открытыми травянистыми пространствами [1].

Упомянутые исследователи вслед за В. И. Громовым относили мустье к рисской и миндель-рисской эпохам и единодушно пришли к выводу о неизменности ландшафтов и климатической обстановки во второй половине плейстоцена [1, стр. 233]. Эти исследователи указали также на незначительность отличий в составе древней и современной фауны. Так, по В. И. Бибиковой, из двадцати видов млекопитающих, найденных в Аман-Кутане, только пещерная гиена и кулан не встречаются в этом районе в настоящее время. Однако и кулан еще совсем недавно был обычен в юго-западном Таджикистане и в Туркмении [1, стр. 230]. В. И. Громова указывает, что из фауны Тешик-Таша ныне вымерла только дикая лошадь [4, стр. 97]. Близость фауны из

мустьерских стоянок с современной находилась в явном противоречии с датировкой этих стоянок, принятой упомянутыми исследователями. Дело в том, что миндель-рисской и началу рисской эпохи во всей Северной Евразии, и в том числе в Средней Азии, отвечают весьма своеобразные сингильская и хазарская фауны [3].

К несколько иным выводам пришел Д. Н. Лев. Он считает, что в период заселения пещеры Аман-Кутан климат был влажнее, а залесенность района гораздо большей, чем в современную эпоху [11, стр. 28—29].

Следует отметить, что в последнее время в Европе для воссоздания обстановки, которая окружала древнего человека, помимо анализа фауны и флоры все чаще используются и наблюдения над изменением состава самих пещерных отложений [1]. В Средней Азии многие виды палеогеографического анализа еще не нашли применения. Это связано отчасти с недостаточной разработанностью некоторых новейших методов, отчасти — с определенной спецификой природных условий аридной области. В частности, мало применяется палинологический анализ. Анализ литологии пещерных осадков сильно затруднен тем, что к собственно пещерным стоянкам в Средней Азии относится только Аман-Кутан. Все остальные памятники пещерного типа связаны со скальными убежищами — гротами или навесами, в осадках которых климатические изменения фиксируются менее четко.

В настоящей статье затронута слабо изученная, но очень важная сторона палеогеографических реконструкций — геоморфологическая обстановка, в которой формировались мустьерские стоянки. Эти материалы позволяют определенно судить и о величине изменений, происшедших в рельефе с того времени. Но прежде чем перейти к изложению материалов по палеореконструкциям, необходимо остановиться на двух вопросах: во-первых, на главных особенностях мустьерской культуры в Средней Азии и, во-вторых, на ее геологическом возрасте.

Среднеазиатское мустье достаточно полно охарактеризовано в ряде работ [17; 19; 25]. Долгое время эти стоянки рассматривались как однородные, принадлежащие к леваллуа-мустьерской культуре, близкой к леваллуа-мустье Передней Азии.

Применение новых методов обработки археологического материала позволило в последнее время выделить четыре локальных варианта (фации) среди мустьерских памятников. Это: леваллуазская фация (Ходжикент, Джар-Кутан, Обирахмат (?)), леваллуа-мустьерская фация (Кайрак-Кумы, Капчигий, Ферганские стоянки, Тоссор), мустьерская фация (Тешик-Таш, Семиганч), мустьеро-соанская фация (Кара-Бура, Ак-Джар) [20]. Возможно, со временем будет выделена еще одна фация — зубчатое мустье. Из перечисленных фаций к леваллуа-мустье Передней Азии очень близки первые две.

Резко отличается мустьеро-соанская фация, имеющая сходство с галечными культурами северо-западной Индии. Мустьерская фация занимает промежуточное место между этими двумя группами.

Для мустьерской индустрии первых трех фаций характерны следующие черты. Основным типом заготовки для производства орудий являются пластины, среди которых значительный процент падает на леваллуазские [2], и реже — отщепы. Несмотря на то что правильные пластинки очень редки, общий облик мустьерских индустрий Средней

[1] См., например, 33; 28.

[2] Мы считает леваллуазской пластину правильных очертаний различной формы (прямоугольной, треугольной, листовидной) независимо от гранки ее спинки и характера ударной площадки.

Азии можно назвать пластинчатым (разумеется, в рамках мустьерского возраста). Среди орудий преобладают скребла. Они преимущественно боковые, но подавляющий процент этих скребел связан с пластинками леваллуазского облика. Второе место по количеству занимают остроконечники. Наиболее распространенным типом являются асимметричные. Встречаются в примерно равном количестве как мустьерские, так и леваллуазские типы [13]. Безусловно, среди орудий, отнесенных по старой классификации к разряду боковых скребел, можно выделить немало режущих инструментов — ножей, но пока эта работа еще не проделана. Орудий других типов, как правило, немного. Этот вывод не касается коллекции из Обирахмата, где процент орудий верхнепалеолитических типов значителен [14]. В Кайрак-Кумах отмечено 11 орудий единичных форм, на Кара-Буре — 8. Судя по опубликованному материалу, во всех мустьерских памятниках Средней Азии (исключая Обирахмат) мало орудий верхнепалеолитического облика (резцов, концевых скребков и т. д.), хотя по наблюдениям Р. С. Сулейманова, верхнепалеолитические приемы раскалывания камня возникают уже в таких памятниках, как Тешик-Таш, Ферганские стоянки и т. д. [25, стр. 16].

Нуклеусы можно объединить в три большие группы: дисковидные двусторонние, дисковидные односторонние и полюсные. Между ними в общих чертах наблюдаются как локальные, так отчасти и хронологические различия (развитие идет от двусторонних дисковидных к полюсным). По количеству памятников большее число падает на мустьерские стоянки с преобладанием полюсных нуклеусов (4 из 10 крупнейших памятников). В целом эти же признаки характерны и для «классического» леваллуа-мустье Палестины — пещерных индустрий горы Кармел, которые лежат в основе наших представлений о мустьерской культуре Передней Азии. Действительно, находки в пещерах Мугарет-эль Вад, Табун и Схул демонстрируют широкое распространение леваллуазских заготовок, которые доминируют; скребла разных типов близки к среднеазиатским. В обоих случаях тщательно обработанные скребла типа Кина встречаются редко. Заметно преобладание скребел (ножей), изготовленных на пластинах. Сходна и обработка остроконечников. Среди нуклеусов первое место [31] занимают леваллуазские, второе — полюсные. Различие определяется существованием отдельных форм, общим характером заготовок (что вызвано применением разного первичного материала и большим разнообразием набора инструментов в палестинских коллекциях), в частности присутствием орудий верхнепалеолитического облика — концевых скребков, скребков высокого сечения, долот и т. д. [16]. Но такие различия и должны быть. Они отмечаются и в материалах значительно более близко расположенных памятников [3]. Важнее для нас то, что для подавляющего числа мустьерских стоянок Средней Азии мы не можем найти более близких аналогий в других районах Старого Света. Слова Д. А. Гаррод: «...леваллуа-мустьерская группа в Палестине, которая дает заметно одинаковую линию развития, существует здесь довольно длительный период времени, не соответствует в полной мере культурам Европы, где горизонты классического мустье чередуются с леваллуазскими проявлениями» [31] — в полной мере могут быть отнесены и к мустье Средней Азии.

Абсолютные датировки по среднеазиатским стоянкам отсутствуют.

[3] Нужно заметить, что в процентном отношении ко всему материалу количество верхнепалеолитических орудий в указанных леваллуа-мустьерских памятниках ничтожно.

Поэтому периодизация мустьерских памятников основывается здесь исключительно на археологических материалах. Она имеет следующий вид:

1. Финальное мустье — Обирахмат, Тоссор, Ферганские стоянки [4].

2. Развитое, или позднее, мустье — Ходжикент, Джар-Кутан, Кара-Бура, Тешик-Таш и др.

3. Раннее мустье (ашель-мустье) — Кайрак-Кумы, Томчи-су.

Группа стоянок развитого (позднего) мустье Средней Азии, состоящая из нескольких локальных вариантов, по технике обработки камня и общему уровню хозяйства соответствует леваллуа-мустьерской индустрии Передней Азии. Это дает основание считать, что и другие подразделения периодизации среднеазиатского мустье совпадают с группами периодизации мустье Передней Азии. Для ряда мустьерских памятников указанного региона имеются абсолютные даты [19, стр. 95]. Судя по данным радиоуглеродного анализа, переход от мустье к верхнему палеолиту (т. е. период, соответствующий финальному мусье) происходил здесь 35—40 тыс. лет назад. Развитое мустье (или раннее леваллуа-мустье Д. Гаррод) существовало 40 — 50 тыс. лет назад [5]. Раннее мустье должно датироваться цифрами, превышающими 50 тыс. лет [30].

Таким образом, интервал образования большинства памятников среднеазиатского мустье составляет всего 15 тыс. лет. По отношению к геохронологическим подразделениям четвертичного периода это краткий промежуток времени. Поэтому с позиций геологического возраста все эти стоянки могут рассматриваться как почти одновозрастные.

Большое разнообразие археологически одновозрастных или почти одновозрастных мустьерских памятников обусловило неоднозначность представлений об их геологическом положении. Между тем такая датировка чрезвычайно важна для успешных палеореконструкций. Поэтому необходимо кратко остановиться на существующей стратиграфической схеме и положении в ней мустьерских местонахождений.

До последнего времени наиболее широко распространенной в Средней Азии была схема расчленения четвертичных отложений Западного Тянь-Шаня, предложенная еще в 30-х годах Н. П. Васильковским и Ю. А. Скворцовым. Главные подразделения этой схемы — стратиграфические комплексы считались возрастными аналогами подразделений международной шкалы и индексировались следующим образом: нанайский — Q_1, ташкентский — Q_2, голодностепский — Q_3, и сырдарьинский — Q_4. В большинстве других регионов подразделения четвертичной системы хорошо коррелируются с вышеуказанными комплексами. К началу 60-х годов все известные в Средней Азии мустьерские памятники связывались с ташкентским комплексом и его стратиграфическими аналогами [21]. Это хорошо укладывалось в схему периодизации и датировки восточноевропейского палеолита, предложенную В. И. Громовым [2].

Более поздними работами подтверждена приуроченность большинства открытых стоянок к террасам ташкентского комплекса [19]. Наиболее важными в стратиграфическом отношении оказались стоянки

[4] Иная археологическая дата возраста Ферганских стоянок приведена Р. Х. Сулеймановым [25, стр. 11]. Она может быть вызвана тем, что мы включаем в это наименование местонахождения, открытые П. Т. Коноплей между 1955—1962 гг., и не касаемся более поздних сборов [см. 23].

[5] Возможно и более. См. расчеты [29, стр. 629—630].

Ферганской депрессии. Здесь на примере целого ряда местонахождений — Джар-Кутан, стоянки близ г. Ферганы и др. подтверждена связь развитого и позднего мустье к концу позднеташкентской (джаркутанской) эпохи [16, стр. 23]. В свете этих представлений весьма правдоподобной выглядит приуроченность шелльско-ашельского чоппера из Он-Арчи к началу, а ашеле-мустьерских изделий из Кара-Кумов — к середине ташкентского этапа и связь верхнего палеолита Охны с концом раннеголодностепской эпохи [22; 19; 23].

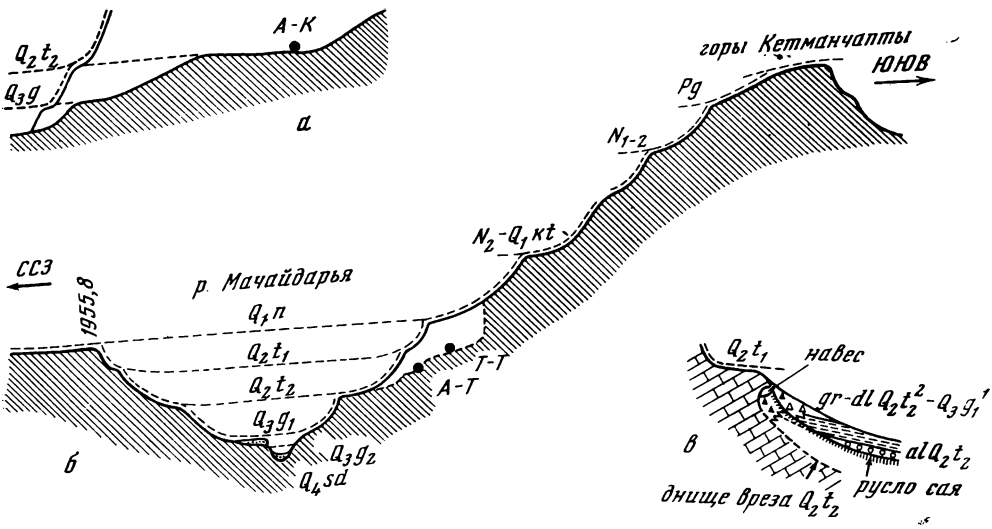


Рис. 1. Геологическое положение пещерных стоянок:
а — Аман-Кутан (*А — К*), *б* — Тешик-Таш (*Т — Т*) и Амир-Темир (*А — Т*), *в* — Обирахмат

Геологическая датировка всех известных стоянок пещерного мустье оказалась весьма однотипной и близкой к полученной по открытым стоянкам. Наиболее интересны пещеры из бассейна среднего течения р. Мачайдарьи в горах Байсунтау. Здесь навесы Тешик-Таш и Амир-Темир приурочены к верхним законсервированным участкам небольших, но глубоко врезанных саев. Днища этих саев коррелируются с уровнем позднеташкентской террасы и выработаны, очевидно, в первую половину джаркутанской эпохи. Следовательно, осваиваться людьми и заполняться осадками эти навесы стали в конце джаркутанской эпохи. Позднее, вероятно, уже в голодностепское время, когда произошло некоторое углубление русла Заутолошсая, началось разрушение и пещерных осадков в навесе Тешик-Таш. Аналогичную геоморфологическую позицию занимает и пещера Аман-Кутан (рис. 1*а*). Она также приурочена к днищу законсервированной с позднеташкентского времени части долины Бульбузарсая. В голодностепскую эпоху здесь произошел перемыв образовавшегося в ложе долины позднеташкентского аккумулятивного чехла. Это подтверждается отсутствием культурных слоев и изделий в теле и на поверхности прилегающей к устью пещеры голодностепской террасы [12, стр. 345]. Таким образом, заселение пещеры неандертальцами могло осуществляться только в конце позднеташкентской эпохи. Грот Ходжикент расположен, по нашему мнению, в тыловой части позднеташкентской, а не раннеголодностепской террасы, как думает Г. Ф. Тетюхин [27, стр. 387]. Ташкент-

ские террасы здесь дислоцированы и в районе грота сильно снижаются. Заселение грота Обирахмат, содержащего изделия позднего и финального мустье, датируется то позднеташкентским, то среднеголодностепским временем. При этом без какого-либо обоснования предпринимается переиндексация ряда террас бассейна р. Чаткал [26, стр. 39; 25]. Нам представляется, что гравитационные осадки, заполняющие грот, формировались как одновременно с лессовым чехлом позднеташкентской террасы, так и несколько позднее (рис. 1 *в*). Накопление щебнистой толщи, содержащей финальное мустье, прекратилось в середине раннеголодностепской эпохи. В это время эрозионные врезы расчленили не только позднеташкентскую террасу, но и опирающийся на нее гравитационный шлейф, который служил поставщиком щебнистого материала в грот.

В последние годы большинство советских исследователей вслед за западноевропейскими пришло к выводу о необходимости пересмотра схемы В. И. Громова в сторону омоложения возраста мустьерских памятников. В связи с этим появилась необходимость ревизии представлений о датировке среднеазиатского мустье. Эта ревизия шла двумя путями. В. А. Ранов предполагает, что большинство открытых стоянок не одновозрастно осадкам позднеташкентской террасы, а связано с перекрывающими аллювий делювиально-пролювиальными отложениями так называемой «покровной толщи» [9]. При этом считалось, что накопление «покровной толщи» отвечает сравнительно краткому промежутку времени в начале голодностепского этапа.

Следует, однако, отметить, что в ряде случаев мустьерские изделия залегают в пойменных лессовидных суглинках позднеташкентской террасы, которые удается отделить от также преимущественно суглинистых маломощных отложений «покровной толщи». Так, на местонахождении Джар-Кутан мустьерские изделия встречены на глубине 1,9 *м*, на местонахождении Тоссор — серия находок на глубине 2,5 *м*, а культурные слои на стоянке Карасу залегают на глубине до 3,8 *м*. Все это глубины, превышающие обычную мощность покровных осадков. Кроме того, в ряде местонахождений мустьерские изделия связаны с явно аллювиальными галечниками, гравием и песками, подстилающими лессовидные породы. Такие соотношения имеют место на местонахождениях Аирбаз, Оталыгзов и, по-видимому, Маргидар. По мнению С. А. Несмеянова, синхронность по крайней мере части мустьерских памятников с конечными этапами позднеташкентской эпохи является очевидной.

В результате вызывает сомнение принимавшаяся ранее синхронность среднеазиатских и международных стратиграфических подразделений. Следует отметить, что такая широкая корреляция из-за недостатка палеонтологических и археологических материалов обычно базируется на ряде общих представлений.

Сводная европейская шкала, фиксирующая смену ледниковых и межледниковых эпох, опирается на ритмические изменения климата. Среднеазиатская шкала, подразделения которой отвечают эрозионно-аккумулятивным циклам, отражает главным образом неравномерность интенсивности тектонических движений. При этом большинство исследователей считает достаточно хорошо установленной общность тектонической и климатической ритмичности.

Эрозионно-аккумулятивный цикл начинается эрозионной стадией, связанной с усилением поднятия горных сооружений, а заканчивается аккумулятивной стадией. С моментами усиления поднятий связаны стадии горного оледенения. Последнее подтверждается тем, что днища

отрогов, сформированных растущими ледниками, непосредственно сопрягаются с цоколями речных террас.

В международной стратиграфической шкале для послеминдельского времени каждый возрастной комплекс начинается с межледниковой или интерстадиальной эпохи, а заканчивается эпохой или стадией оледенения. При этом для Средней Азии, так же как и для других горных стран, например для Кавказа, принимается, что эпохи горного оледенения в общих чертах синхронны с эпохами или стадиями наступления материкового ледника [14, стр. 172]. Необходимо, следовательно, признать существование исходного несоответствия рубежей основных стратиграфических подразделений европейской и среднеазиатской шкал.

С учетом этого несоответствия схема сопоставления указанных шкал будет выглядеть таким образом, что позднеташкентская (джаркутанская) эпоха будет отвечать позднерисской и рисс-вюрмской эпохам (см. табл.). В этом случае памятники среднеазиатского мустье должны отвечать самому концу рисс-вюрма. Следует отметить, что объем вюрмской эпохи понимается неоднозначно и ее нижнюю границу одни исследователи считают сложившейся 75 тыс. лет, а другие — примерно 55 тыс. лет назад [6, стр. 79—83; 24, стр. 68—87]. В данном случае принимается последняя цифра. Учитывая приблизительность большинства современных абсолютных датировок, согласно которым финальное мустье обычно укладывается в интервал 35—47 тыс. лет, можно признать геологическую датировку среднеазиатского мустье близкой к геологической индексации аналогичных памятников в Европе.

Таким образом, независимо от принятой позиции — признание существенной роли «покровных толщ» или несоответствия местных и международных стратиграфических единиц — мустьерские памятники Средней Азии датируются, как и в Европе, первой половиной верхнего плейстоцена. Более того, в обоих случаях «мустьерская эпоха» совпадает с рубежом между ташкентским и голодностепским этапами. Последующие палеореконструкции и будут относиться к этому времени.

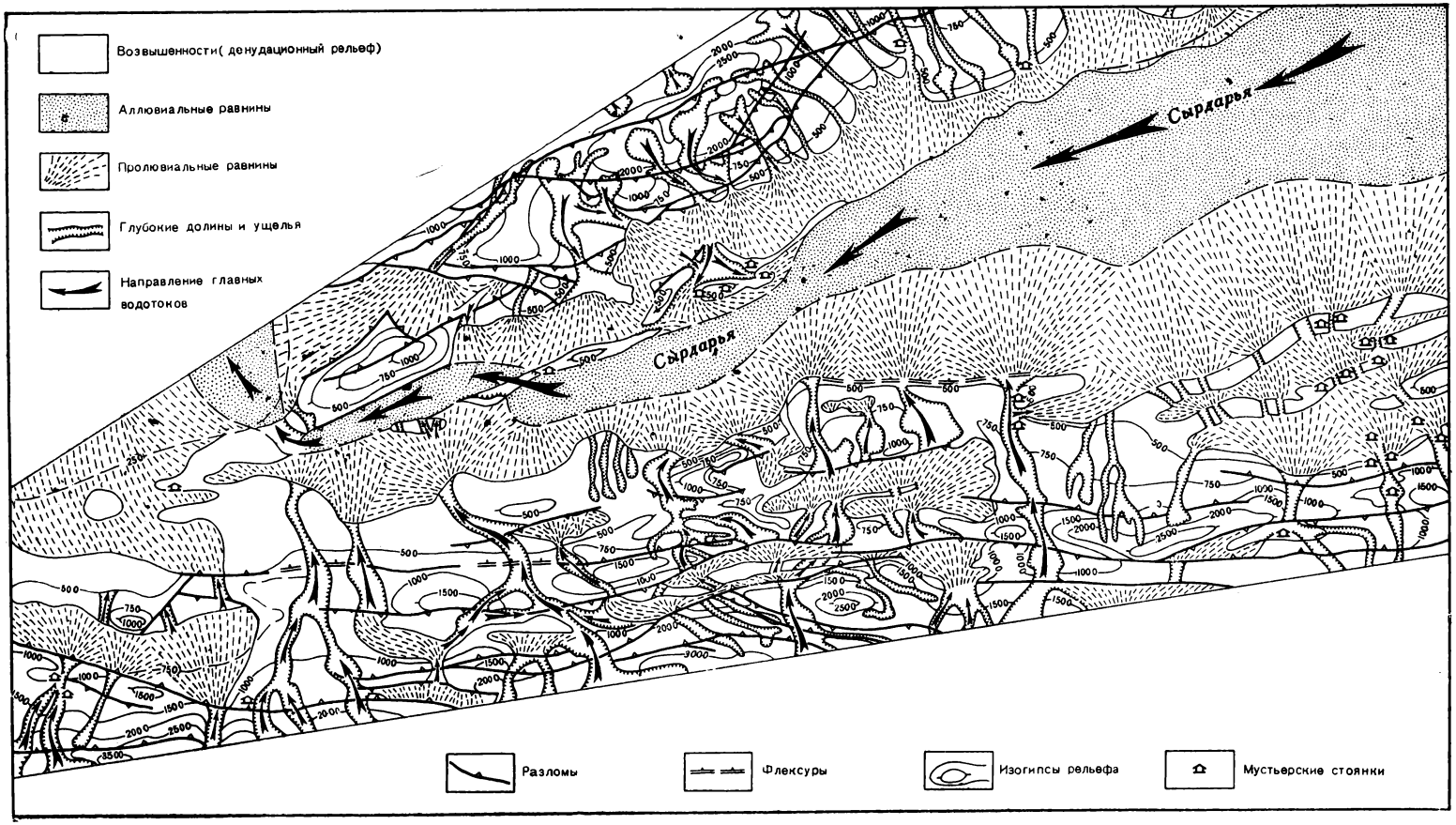
Распределение мустьерских стоянок в целом довольно определенно. Большинство открытых местонахождений расположено в межгорных впадинах и широких речных долинах типа Зеравшанской. Пещерные стоянки, за исключением Ходжикентской, приурочены к небольшим долинам в горных районах.

Специфику размещения открытых стоянок удобно рассмотреть на примере Ферганской впадины, где имеется большое разнообразие древних поселений и мастерских.

Палеореконструкции древнего рельефа опираются на возрастное расчленение форм этого рельефа геоморфологическими методами. Методика такого расчленения описана Н. П. Костенко [8]. Эти материалы позволяют определить глубину расчленения рельефа в прежние эпохи. Сведения же о палеогипсометрии могут быть получены путем расчетов [15]. Эти расчеты опираются на ряд допущений, а поэтому конечно приблизительны. В частности, принимается, что соотношение величин разновозрастных врезов рек пропорционально соотношению абсолютных поэтапных воздыманий каждого участка. Абсолютная отметка палеорельефа вычисляется путем сложения предшествующих поэтапных поднятий. Конечно, от столь прямолинейной зависимости существуют отклонения. Они могут быть связаны с разными причинами, и в первую очередь с изменениями общей водообильности рек, происходящими вследствие климатических изменений. В настоящее вре-

Сопоставление среднеазиатской и европейской стратиграфической шкал средне-верхнечетвертичных отложений

Европа					Средняя Азия			
фаунистические комплексы		палеолит	стратиграфические подразделения		стратиграфические подразделения		палеолит	фаунистические комплексы
поздняя стадия	верхнепалеолитический	верхний палеолит	уласский итс	W 3	голодностепский макрокомплекс	ходжагорский комплекс	верхний палеолит	верхнепалеолитический
			карельская ст (осташковская ст)					
			брянский итс	$W^2/_3$				
			валдайская ст	W 2				
		мустье	мгинский итс	$W^1/_2$		охнинский комплекс	мустье	
			калининская ст	W 1				
ранняя стадия		ашель	микулинское межл.	RW	ташкентский макрокомплекс	джаркутанский комплекс	ашеле-мустье ашель	хазарский
			московская ст	R 2				
			одинцовский итс	$R^1/_2$		шахристанский комплекс		
хазарский			днепровская ст	R 1				



Карта позднеташкентского палеорельефа и расположения мустьерских стоянок Ферганы

мя, однако, невозможно сделать количественные поправки в расчетах.

Опираясь на геоморфологические материалы, удается восстановить контуры палеовозвышенностей, их гипсометрию, расположение и глубину древних долин и пр.

Рельеф Ферганской межгорной впадины или депрессии к концу ташкентского этапа приобрел вид, довольно близкий к современному (см. карту). Уже существовала большая часть наблюдаемых ныне локальных поднятий и впадин. Однако дифференциация и интенсивность расчленения рельефа была значительно меньшей, особенно в центральных частях депрессии.

Аллювиальная равнина Сырдарьи хотя и была несколько более широкой, но располагалась примерно в том же районе, что и теперь. На западе она примыкала к самому подножью Моголтау. И здесь, у ее южного края, находилась чуть наметившаяся возвышенность Дигмайского адыра. Река пересекла Дигмай-Супетаускую гряду между Рухакским и Акчоп-Акбельским адырами. Первый был похож на Дигмайский, а вершина второго поднималась почти на 350 *м* над руслом. Относительная высота Супетауского адыра достигла уже почти 500 *м*. Небольшое возвышение существовало, возможно, и в западной части Джанбулакчопской гряды. Во всяком случае, к востоку от оз. Аксукон в аккумулятивном чехле позднеташкентской террасы намечается субширотное долинообразное понижение, выполненное в основном грубым галечно-глыбовым русловым материалом мощностью до 10 *м*. Это русло, очевидно, располагалось между Супетауской и очень низкой Джанбулакчопской возвышенностями. Раннемустьерские изделия, найденные на поверхности этой террасы, так же как и на поверхности всех более молодых террас к югу от Супетау, попали сюда с более высоких, ныне разрушенных, раннеташкентских террас. Состав археологического материала позволяет считать, что там существовали открытые местонахождения типа охотничьих лагерей. Такие же лагери располагались на западной оконечности Акчоп-Акбельского адыра на высоком берегу Сырьдарьи. При разрушении их образовалось местонахождение Шоркуль. Большое количество пунктов переотложенного мустье к югу от Супетауского адыра и Караваракского ущелья, разделявшего Супетауский и Акчоп-Акбельский адыры, свидетельствует о вероятном заселении южных бортов последних. Очевидно, террасы, возвышавшиеся над обширной аллювиальной равниной, были весьма удобны для заселения. Особенно благоприятны были участки, где гряды пересекались поперечными долинами (Караваракское ущелье, Волчий сай) или огибались ими. К подобной сквозной долине приурочено и местонахождение Аламас на южном борту расположенного восточнее Чустпапского адыра. В таком месте охотничий лагерь был с двух сторон защищен руслами, а позади него располагался крутой обрывистый склон. Кроме того, неандертальцы получили возможность прямо из лагеря обозревать большие участки заросших тугаями своих «охотничьих угодий» на аллювиальной равнине. В то же время нужда в воде, вероятно, заставляла их селиться преимущественно на низких зарослях.

У подножия Кураминского хребта известно местонахождение Чадак, связанное с одноименной долиной, которая выработана в дислоцированных осадках шлейфа конусов выноса нанайского комплекса. Здесь охотничий лагерь также располагался на невысокой террасе в сравнительно мелкой долине.

В пределах самой аллювиальной равнины мустьерские местонахождения в Фергане неизвестны. Однако единичный пример такого место-

нахождения известен в Таджикской депрессии. Оно расположено на небольшой возвышенности Акджар. Здесь конседиментационное поднятие, развивавшееся в течение всего четвертичного периода, время от времени обусловливало существование галечной косы. Такая коса существовала и в конце ташкентского (илякского) этапа, когда на ней устроили свою временную мастерскую неандертальцы. Последние широко использовали речную гальку для изготовления своих орудий [10, стр. 31].

К югу от аллювиальной долины Сырдарьи за шлейфом конусов выноса южноферганских рек в пределах депрессии четко оформились две гряды поднятий, разделенных цепями впадин. Северная из этих гряд представлена двумя крупными поднятиями — Каратуским и Гузанским, чьи абсолютные отметки достигли 1 *км*. Поднятия эти рассечены долинами, которые, вероятно, заселялись. Однако здесь плохо сохранились террасы ташкентского комплекса. Мустьерские изделия обнаружены только восточнее — в долине р. Сох близ кишлаков Чонгара и Сарыкурган [7]. Кроме того, в долине р. Ходжа-Бакирган, которая пересекает сильно сниженную западную часть Каратауского поднятия, А. П. Окладников нашел в аллювии ташкентской террасы нижнепалеолитический чоппер [18, стр. 68].

К востоку от долины р. Сох продолжением вышеописанной гряды поднятий служат две цепи адыров восток-северо-восточного простирания. Здесь в районе г. Ферганы расположена большая группа мустьерских стоянок, вероятно также представлявших собой периодически обновлявшиеся охотничьи лагери [23]. Все эти лагери находятся у крутых бортов плосковерхих адырных увалов на поверхности раннеташкентской или нанайской террас. Большинство из них находится в местах пересечения адыров антецедентными долинами разбившихся на многочисленные рукава рек Шахимардан и Исфайрамсай. В позднеташкентскую эпоху глубина таких долин обычно не превышала первых десятков метров. Все лагери расположены у бровки наиболее низкой над позднеташкентской поймой террасы, которая в одних случаях оказывалась раннеташкентской, а в других — нанайской. Очевидно, мотивы для подобного размещения были аналогичны тем, которые отмечались для адыров Дигмай-Супетауской гряды.

Южнее целая цепь пунктов (местонахождение Аирбаз) приурочена к террасам р. Ходжагаир. На этих пунктах и ранее упомянутых Ферганских стоянках употреблялся один и тот же первичный материал, что и обусловило одинаковые размеры изделий. Такое сходство обычно связано с единым источником первичного материала, а возможно и самих поделок. И действительно, выше по долине р. Хаджагаир, в урочище Кашка, расположены известные Капчигайские палеолитические мастерские. Они находятся на гребне одноименной горы на правом берегу реки. Здесь обнажаются нижнепалеозойские отложения. Гребень горы слагает 50-метровая пачка полосчатых и массивных микрокварцитов, местами переходящих в яшмы. Мастерские представляют собой небольшие площадки-каменоломни. На каждой из них видны развалы глыб и обломков кварцитов и россыпи поделок: сколов, обработанных нуклеусов и т. п. Все мастерские расположены на уровне, отвечающем раннеташкентской террасе и верхней части позднеташкентского вреза. Следовательно, «работы» начались здесь только в позднеташкентскую эпоху, что соответствует возрасту Ферганских открытых стоянок. Следует отметить, что близкие геолого-геоморфологические условия позволяют предполагать возможность существования аналогичных мастерских и на левом берегу реки.

Вышеописанные мастерские расположены в пределах Тохтабуз-Катрантауской гряды поднятий, которая граничит на юге с цепью впадин сороковой параллели. В пределах последней также имеются отдельные находки мустьерских изделий (Охна, Ходжа-Гор, левобережье Дакатсу и др.). Абсолютные отметки в гряде поднятий достигали 1500—2500 *м*.

На западе Ферганская долина была ограничена несколькими цепями очень низких субширотных адыров, которые объединяются в Беговатское поднятие. Эти адыры также расчленялись антецедентными долинами, но менее глубокими, чем в районе г. Ферганы. Здесь мустьерские изделия найдены на ташкентских террасах у кишлака Уяз.

В горном обрамлении Ферганской депрессии открытые мустьерские стоянки известны только в пониженной части северного склона Туркестанского хребта близ пос. Шахристан. Это местонахождение Джар-Кутан. Здесь охотничьи лагери также располагались в основном у бровки раннеташкентских террас. Но местами, чаще всего там, где раннеташкентская терраса отсутствовала, лагери находятся и на поверхности нанайского комплекса. Аналогичную позицию занимают открытые стоянки и в других горных районах Тянь-Шаня (например, Тоссор, «Георгиевский бугор»). Положение нижнепалеолитического чоппинга из района пос. Уч-Курган показывает, что и домустьерские лагери также располагались у бровок наиболее низких в то время террас.

Следует отметить, что абсолютные отметки открытых мустьерских стоянок в Средней Азии не превышали в позднеташкентскую эпоху 1 *км*. Только Охнинская впадина, где П. Т. Конопля нашел мустьерский нуклеус, имела более высокую абсолютную отметку своего днища (но менее 1,5 *км*). Однако эта впадина представляла, как и сейчас, замкнутую котловину, по-видимому с более благоприятным микроклиматом.

Теперь рассмотрим основные особенности палеогеографии пещерных стоянок. В этом отношении чрезвычайно показательны пещеры бассейна Мачайдарьи в горах Байсунтау. Все известные здесь пещерные стоянки расположены на левобережье реки. Они представляют собой относительно неглубокие навесы, выработанные в плотных келловей-оксфордских известняках и располагавшиеся в позднеташкентскую эпоху непосредственно у русла водотоков, вероятно временных.

Навес Амир-Темир расположен у основания вертикального уступа, с которого в периоды дождей или таяния снегов низвергался водопад. Навес и образовался первоначально как эрозионная ниша у основания этого водопада, а затем в его формировании приняли участие и карстовые воды. Накопление осадков в навесе осуществлялось за счет поступления делювиального материала со смежных частей склона, за счет «шелушения» и обрушения свода и в какой-то мере за счет материала, приносимого подземными водами. Следует отметить, что заданный здесь Окладниковым шурф находится в центре навеса. В этом месте, вероятно, существовал небольшой водоем, пополняющийся подземными водами. Наличие постоянного притока пресной воды очень удобно. Поэтому не исключено, что неандертальцы жили в основном в более сухих краевых частях навеса. Здесь будущих исследователей, вероятно, ждут новые и более обильные находки. Навес расположен в небольшой замкнутой котловине. Последняя соединяется с основной долиной узким ущельем, из устья которого можно было незаметно выслеживать добычу (рис. 2).

Навес Ташик-Таш представляет собой наиболее глубокую из не-

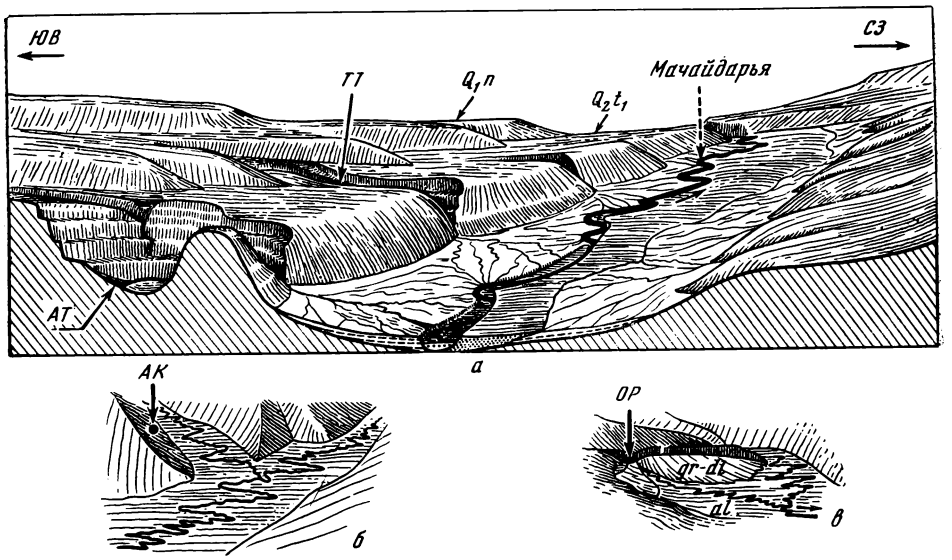


Рис. 2. Палеореконструкции позднеташкентского палеорельефа в районе пещерных стоянок:

а — среднее течение р. Мачайдарьи, *б* — устье Бальбузарсая, *в* — Пальтавсай: стрелки указывают на местоположение стоянок: *ТТ* — Тешик-Таш, *АТ* — Амир-Темир, *АК* — Аман-Кутан, *ОР* — Обирахмат

скольких эрозионных ниш, выработанных ручьем Заутолошсай в пласте брекчиевидного известняка. В позднеташкентскую эпоху он, вероятно, находился чуть выше дна сая. Не исключено, что заполнение навеса происходило параллельно с накоплением осадков в русле. Последние были уничтожены в начале голодностепского этапа. Навес Ташик-Таш расположен в узком щелеобразном каньоне с совершенно отвесными стенками. Выше по течению сая в более широкой части ущелья имеется еще два крупных навеса. В их пещерных осадках культурные слои не были обнаружены.

Предполагается, что неандертальцы использовали загонный способ охоты на горных козлов — киików [17]. Очевидно, они стремились осуществить его возможно ближе к жилищу. Вдоль верхнего края левого борта каньона наблюдается ряд пластовых уступов. Загон по некоторым из них неизбежно приводил к падению животных у самого навеса. По руслу сая неандертальцы могли выходить на охоту и в долину Мачайдарьи.

Пещера Аман-Кутан в западных отрогах Зеравшанского хребта имеет карстовое происхождение и выработана в палеозойских известняках. Она также располагалась у самого днища небольшого Бульбузарсая, невдалеке от его устья. Аналогично положение и грота Обирахмат, находящегося в нижнем течении Пальтавсая, правого притока р. Чаткал. Таким образом, большинство пещерных стоянок располагалось в нижнем течении небольших саев, у самого их днища (рис. 2). Очевидно, такие укромные участки были более удобны для защиты от врагов и непогоды. Исключение составляет лишь грот Ходжикент, который находится в левом борту широкой долины р. Чирчик. Грот выработан в тыловом уступе позднеташкентской террасы непосредственно над ее поверхностью. Следовательно, он, как и другие пещерные стоянки, в период заселения располагался у самого днища долины.

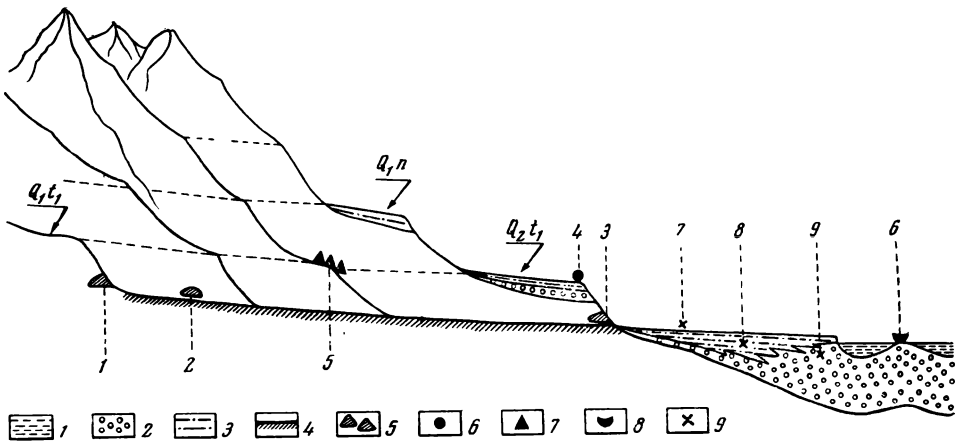


Рис. 3. Принципиальная схема расположения мустьерских стоянок в позднеташкентское время:

Условные обозначения: *1* — русло главной реки, *2* — песчано-галечные отложения русловой фации аллювия, *3* — преимущественно суглинистые отложения пойменной фации аллювия, делювия и пролювия, *4* — днище бокового сая, *5* — пещеры и навесы, *6* — открытые стоянки, *7* — каменоломни, *8* — мастерские на галечных косах в русле, *9* — переотложенные изделия.
Цифрами обозначены типичные местонахождения: *1* — Амир-Темир, Обирахмат; *2* — Аман-Кутан, Тешик-Таш; *3* — Ходжикент. *4* — Джар-Кутан, Ферганские стоянки; *5* — Калчигайские каменоломни; *6* — Ак-Джар; *7* — Кайрак-Кумы; *8* — Джар-Кутан, Тоссор, Карасу;. *9* — Аирбаз

Очевидно, местонахождение памятников не является случайным. Поэтому если открытые стоянки следует искать преимущественно на поверхности раннеташкентских террас, то пещерные скорее будут находиться у основания их уступа. Принципиальная схема расположения мустьерских стоянок выглядит следующим образом (рис. 3).

Тот факт, что навес Ташик-Таш и пещера Аман-Кутан находились у самого днища сая, свидетельствует о маловодности водотоков. Она же обусловила возможность заселения приводопадной ниши навеса Амир-Темир, образовавшейся в начале (в эрозионную фазу) позднеташкентской эпохи. Можно, следовательно, предположить, что водообильность водотоков, а соответственно и влажность климата позднеташкентской эпохи были близки к современным. В то же время климат был существенно холоднее. Это хорошо видно на примере навеса Ташик-Таш. Последний по результатам определения найденной в нем фауны находился близ нижней границы альпийских лугов. За послеташкентское время навес был поднят горообразовательными процессами почти на 0,5 *км*. Однако и сейчас редколесье поднимается на несколько сот метров выше него. Следовательно, верхняя граница леса, а соответственно и снеговая граница располагались в конце ташкентского этапа по меньшей мере на полкилометра ниже, чем сейчас. В начале же позднеташкентского этапа, т. е. в московскую ледниковую эпоху, снеговая граница спускалась еще ниже. Объем ледников тогда, вероятно, был очень велик. Дело в том, что вершины Гисаро-Алая в это время достигали уже 4,5—5 *км*. В Чаткало-Кураминской области — 3—3,5 *км*, а современная снеговая линия располагается на высотах 3,5—4 *км*.

Как показывают расчеты, наиболее высокие навесы Амир-Темир и Тешик-Таш находились в период заселения их неандертальцами на высотах ниже 1,5 *км* (ок. 1200—1300 *м*) [6]. Пещера Аман-Кутан располагалась на абсолютной отметке, несколько превышавшей 1 *км*. Это

[6] Если изделия из пещеры Токаликсай действительно мустьерские, то неандертальцы могли, хотя бы кратковременно, заселять пещеры и на несколько больших высотах,

подтверждается и большим количеством остатков степной черепахи, которая редко поднимается выше 1200 *м* [1]. Следовательно, известные ныне пещерные стоянки неандертальцев располагались немного выше открытых охотничьих лагерей. Все сказанное свидетельствует о существенных изменениях в природной обстановке Тянь-Шаня не только за весь плейстоцен, но и в конце его (поздний плейстоцен, голоцен).

Приведенные выше палеогеографические и геоморфологические данные о размещении мустьерских стоянок позволяют существенно повысить эффективность поисков новых местонахождений. Так, в короткий срок сделан ряд новых находок в предгорьях Копет-Дага и в горах Восточного Тянь-Шаня [19].

Наряду с упомянутыми следует учитывать и еще один фактор. Мы имеем в виду наличие в том или ином районе пород, пригодных для изготовления орудий и перспективных для формирования пещер. Так, присутствие кремнистых нижнепалеозойских пород в низкогорных грядах Южной Ферганы послужило одним из определяющих факторов интенсивного заселения междуречья Шахимардана и Исфайрамсая. Широкое развитие близких по возрасту осадков в Юго-Восточной Фергане свидетельствует о потенциальной перспективности исследований в этом районе.

В отношении пещер наиболее интересными, по-видимому, являются низкогорные гряды, сложенные среднепалеозойскими известняками. В Байсунских горах благоприятны для поисков пещер юрские известняки, а в Копет-Даге — меловые. В то же время в Тянь-Шане меловые и палеогеновые более рыхлые известняки скорее всего менее перспективны в этом отношении. Дело в том, что часто образующиеся в них пещеры быстро разрушаются. То же самое относится и к верхнетретичным молассам. Здесь возможность сохранения обжитой неандертальцами пещеры — а такие безусловно существовали — является скорее исключением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибикова В. И., Некоторые замечания по фауне из мустьерской пещеры Аман-Кутан 1, — СА, 1958, № 3, стр. 230—232.
2. Громов В. И., Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР, — ТИГЕАН, вып. 64, 1948, № 17.
3. Громов В. И. и др., Схема корреляции антропогеновых отложений Северной Евразии, — сб. «Корреляция антропогеновых отложений Северной Евразии», М., 1965.
4. Громова В. И., Плейстоценовая фауна млекопитающих из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан, — сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек», М., 1949.
5. Долуханов П. М., Палеогеография палеолита Восточного Средиземноморья, — «Археология Старого и Нового Света», М., 1966.
6. Иванова И. К., Геологический возраст ископаемого человека, М., 1965.
7. Касымов М. Р., Новые исследования по палеолиту Ферганской долины в 1964, — ИМКУ, вып. 7, 1966.
8. Костенко Н. П., О принципах составления специальной геоморфологической карты, — «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», М., 1961, № 26.
9. Костенко Н. П., Ранов В. А., Покровная толща среднеплейстоценовых террас и вопросы геологического возраста мустье в Средней Азии, — ИАН ТаджССР, ООН, вып. 1 (43), 1966.
10. Костенко Н. П., Несмеянов С. А., Ранов В. А., О находке палеолитических орудий на возвышенности Ак-Джар (Южный Таджикистан), — ДАН ТаджССР, 1961, т. 4, № 6.
11. Лев Д. Н., Древний палеолит в Аман-Кутане (исследования 1953—1954 гг.), — ТУЗГУ, нов. сер., 1956, № 61.
12. Лев Д. Н., Новые памятники палеолита в Узбекистане, — «Труды комиссии по изучению четвертичного периода», 1957, т. 13.

13. Лобин В. П., К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий, — МИА, 1965, № 131, стр. 60—71.
14. Милановский Е. Е., Хаин В. Е., Геологическое строение Кавказа,— «Очерки региональной геологии СССР», М., 1963, вып. 8.
15. Несмеянов С. А., Количественная оценка поэтапных новейших движений Западного Тянь-Шаня, — ДАН, 1967, т. 173, № 1.
16. Несмеянов С. А., Ранов В. А., Палеолитические находки у Шахристана, — ДАН ТаджССР, 1962, т. 5, № 6.
17. Окладников А. П., Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия), — сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек», М., 1949.
18. Окладников А. П., Исследование памятников каменного века Таджикистана, — МИА, 1958, № 66.
19. Ранов В. А., Каменный век Таджикистана, Душанбе, 1965.
20. Ранов В. А., К проблеме выделения палеолитических культур Средней Азии, — сб. «Проблемы археологии Средней Азии (тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии)», Алма-Ата, 1968, стр. 27—29.
21. Ранов В. А., О стратиграфическом положении палеолита Средней Азии, — сб. «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962.
22. Ранов В. А., Несмеянов С. А., Физико-географический и геологический очерк Кайрак-Кумов, — ТИИАН ТаджССР, 1962, вып. 33.
23. Ранов В. А., Несмеянов С. А., Конопля П. Т., Палеолитические местонахождения в Южной Фергане, — сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана», Фрунзе, 1967.
24. Серебрянный Л. Р., Применение радиоуглеродного метода в четвертичной геологии, М., 1965.
25. Сулейманов Р. С., Грот Оби-Рахмат и опыт математико-статистического изучения обирахматской культуры, Ташкент, 1968 (автореф. дисс.).
26. Сулейманов Р. Х., Предварительные результаты изучения грота Оби-Рахмат, — «Археологическая сессия. Тезисы», М., 1966.
27. Тетюхин Г. Ф., О стратиграфии четвертичных отложений Приташкентского района, — сб. «Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода», т. 3, 1961.
28. Butzer K. W., Archaeology and Environment, Chicago, 1964.
29. Colecki R., Three adult Neanderthal skeletons from Shanidar cave, Northern Iraq, — «The Smithonian report» for 1959, Washington, 1960.
30. Garrod D. A., The Middle Palaeolithic of the Near East and the problem of Mount Carmel Man, — «Journal of the Royal Anthropological Society», 1962, vol. 92, pt 2.
31. Garrod D. A. and Bate D. M., The stone Age of Mount Carmel, Oxford, 1937.
32. Howell C. F., Upper Pleistocene Stratigraphy and Early Man in the Levant, — «Proceedings of the American Philosophical society», vol. 103.
33. «Science and Archaeology. A Comprehensive Survey of Progress and Research», Bristol, 1953.

Е. А. Мончадская

ЭСХИЛ О СРЕДНЕЙ АЗИИ

Древнейшее упоминание Средней Азии в греческих источниках мы находим у Эсхила (525—456 гг. до н. э.), который в трагедии «Персы» упоминает один из народов Средней Азии — бактрийцев, жителей древней Бактрии. Эта единственная трагедия, написанная Эсхилом на историческую тему — о греко-персидских войнах, посвященная сражению при Саламине, была поставлена в Афинах через 8 лет после Саламинской битвы, в 472 г. до н. э. [1].

Эсхил, уроженец Аттики, родился в 525 г. до н. э. в Элевсине, близ Афин, в семье знатного землевладельца Евфориона. Как бы ни были скудны, а подчас и легендарны биографические сведения о нем, мы все же можем с уверенностью говорить о личном участии Эсхила и его братьев во всех основных сражениях греков с персами.

35-летний Эсхил прославился в 490 г. до н. э. как участник Марафонского боя [7, fr. 414; 8, fr. 3(4); 10, 11, 17; 16, I, 14, 5], во время которого он был тяжело ранен (Comm. Eustrat. 3, 2 ap. Eth. Arist.—CAG, XX) [2].

Сорокапятилетний Эсхил принимал участие в Саламинском сражении 28 сентября 480 г. до н. э. вместе со своим младшим братом Аминием. Античные авторы подробно рассказывают о том подвиге, который совершил «брат поэта Эсхила Аминий». Аминий, будучи триерархом, т. е. командиром афинского военного корабля, построенного и снаряженного на его собственный счет, первый начал Саламинский бой [11, XI, 27, 2—3; 5, V, 19; 16, I, 14, 5; 17, Them., 14; Schol. Med. Pers. 429]. Возможно, что на его корабле находился и сам Эсхил. Аминий первый напал на корабль наварха — командующего флотом персидской армии Ксеркса, потопил этот корабль и убил самого наварха [11, XI, 27].

Столь удачное начало предрешило в основном исход всего сражения.

О подвиге Аминия кратко упоминает и Геродот [12, VIII, 84, 93], а Диодор сообщает, что из афинских воинов, сражавшихся при Саламине, Аминий был представлен к награде [11, XI, 27]. К сожалению, никто из авторов не приводит имени наварха флота Ксеркса, убитого

[1] Старший современник Эсхила — трагический поэт Фриних (вторая половина VI — начало V в. до н. э.) написал и поставил в Афинах незадолго до Эсхила две трагедии на историческую тему: «Взятие Милета» (492 г.) и Финикиянки» (476 г.). Последняя трагедия Фриниха была им написана, как и «Персы» Эсхила, на тему сражения при Саламине. К сожалению, от трагедий Фриниха почти ничего не сохранилось.

[2] Вместе с Эсхилом при Марафоне сражался и пал смертью храбрых брат его Кинегир, который, по свидетельствам Геродота [12, VI, 114] и Юстина [14, II, 9, 16—19], ухватился руками за корму персидского корабля и утонул, когда персы секирой отрубили ему руки.

Аминием. Однако это имя удалось восстановить путем сопоставления данных Геродота и Диодора со сведениями Плутарха и Юстина. По Плутарху и Юстину, навархом армии Ксеркса был старший сын Дария, брат Ксеркса — Ариамен [17, Them., 14, 2; 18, Reg. apophth., 173C; 14, 11, 10[3]; 15, 231—232; 246]. Этот наварх Ариамен интересен еще и тем, что он был правителем Бактрии, среднеазиатской сатрапии Дария и Ксеркса [2, 111; 3, 94].

Относительно дальнейшей биографии Эсхила у нас есть сведения, что Эсхил в 480 г. до н. э. участвовал в морском сражении при мысе Артемисии (на Эвбее) [16, 1, 14, 5], а в 479 г. — в знаменитой битве при Платеях (в Беотии) (Βίος Αἰσχύλου — античная биография Эсхила) [6, 1]. Существует мнение, что после Платейской битвы «Эсхил несомненно участвовал во Фракийских походах, следуя за отступавшим неприятелем» [4, XV]. Эсхил находился, по-видимому, под предводительством афинского стратега Ксантиппа, отца Перикла.

Таков был воинский путь афинского гражданина Эсхила, сына Евфориона, бывшего в то же время и знаменитым трагическим поэтом. Первое его поэтическое выступление относится к 500 г. до н. э., когда ему было 25 лет. Первая победа пришла к нему в 489 г. — через год после Марафонской битвы.

Вернувшись из последнего Фракийского похода [479—478 гг.], Эсхил под впечатлением только что пережитых им событий создает трагедию «Персы». Поставленная в Афинах в 472 г. до н. э., эта трагедия оказалась самой ранней из всех сохранившихся трагедий Эсхила. Успех «Персов» был так велик, что около 470 г. Эсхил был приглашен в Сицилию, в Сиракузы, где при дворе тирана Гиерона вновь поставил трагедию «Персы» — случай небывалый для того времени.

В сохранившемся античном кратком содержании (ὑπόθεσις) трагедии сказано: «Ксеркс, пошедший с огромной армией войной на Элладу, разбит на суше у Платей, на море — у Саламина и, отступая через Фессалию, возвращается в Азию» [6, 36].

Действие трагедии происходит в персидской столице Сузах у гробницы Дария. К жене Дария, матери Ксеркса, дочери Кира Атоссе является вестник и сообщает о разгроме и гибели персидской армии под Саламином. Хор старейшин и царица Атосса оплакивают поражение персов. Отвечая Атоссе, спрашивающей: «Кто не погиб? Кого из народных вождей мы будем оплакивать?» (Pers. 296—298), вестник произносит длинный монолог, в котором перечисляет 18 имен павших в бою храбрейших и знатнейших персидских и других военачальников армии Ксеркса. Среди них третьим и двенадцатым названы жители Средней Азии — бактрийцы.

Вот эти строки из монолога вестника:

306—307. Τενάγων τ' ἄριστος Βακτρίων ἰθαιγενὴς θαλασσοπλήκτου νῆσον Αἴαντος πολεῖ.
318—319: ... Ἀρτάβην τε Βάκτριος, σκληρᾶς μέτοικος γῆς ἐκεῖ κατέφθιτο[*].

И знатнейший Тенагон, коренной бактриец
пребывает на ударяемом морем острове Аянта
(т. е. на о-ве Саламине).
...И бактриец Артаб, ставший поселенцем
твердой земли, там погублен
(под «твердой землей» подразумевается о-в Саламин).

[3] Геродот, очевидно, ошибочно называет военачальником флота Ксеркса (στρατηγός) другого брата Ксеркса — Ариабигна [12, VII, 97; VIII, 82].

Имена Тенагона и Артаба помещены среди знатных военачальников, как персов (Артембара, Дадака, Арсама, Ариомарда и др.), так и других, среди которых перечислены представители из Египта, Киликии, Мисии и Лерны.

Атосса, спрашивая вестника, «кто из вождей народа погиб?», употребляет термин ἀρχελέων — род. пад. мн. ч. от ἀρχέλαος, что означает: «вождь народа». В ответ вестник и перечисляет имена этих вождей, а заканчивая монолог, говорит: «мне вспомнились сейчас такие вот вожди» (Τοιῶνδέ γ' ἀρχῶν νῦν ὑπεμνήσθην πέρι — Pers. 329 [6][4].

Очевидно, это и есть те, так называемые ἐπιχώριοι ἡγεμόνες — «местные, туземные вожди» бактрийцев, о которых говорит, закончив описание флота Ксеркса, Геродот: «Как эти отряды (морские), так и те, что входили в состав пехоты, имели каждый своих туземных вождей (ἐπιχώριοι ἡγεμόνες); о них я не упоминаю при перечислении народов потому, что ход рассказа не вынуждает меня к этому» [12, VII, 96][5].

Имена Артаб и Тенагон нигде, кроме как в трагедии Эсхила «Персы», не встречаются. Этимология этих имен, по Ф. Юсти, — иранская [13, 33, 37, 323]. Ф. Юсти указывает, что имя Ἀρτάβης имеет разночтение Ἀρτάμης, встречающееся в ряде рукописей Эсхила. А. И. Пиотровский в русском переводе «Персов» Эсхила отдает предпочтение имени «Артаб» [4, 28][6].

В трагедии «Персы» мы находим еще одно упоминание бактрийцев — в диалоге Атоссы с тенью Дария, временно восставшего из гробницы.

Тень Дария: Что же с войском совершилось?
Слезы льете почему?
Атосса. Корабли погибли в море, войско пешее сгубив.
Тень Дария: Горе! Царственное войско!
Грозный воинский набор.
Атосса: Перебит народ бактрийский, —
молодежь, не старики.
Тень Дария: Горе! Юношество сгибло, храбрых преданных друзей.

Перевод А. И. Пиотровского [4, 42]

Обратимся к тексту последних двух строк:
Атосса: Βακτρίων δ' ἔρρει πανώλης δῆμος οὐδέ τις γέρων.
Тень Дария: ὦ μέλεος, οἵαν ἀρ' ἥβην ξυμμάχων ἀπώλεσεν. (Pers., 732—733) [6].

Мой перевод:

Атосса: Совершенно погибло войско[7] бактрийцев!
Тень Дария: О горе! Какая погибла молодежь, служившая [нам] поддержкой (или: «вместе [с нами] сражавшаяся»).

Эсхил в строке 733 употребляет слово σύμμαχος, что означает и «союзник» и «помощник, совместно сражающийся» и «служащий поддержкой». В данном случае σύμμαχος нельзя переводить как «союзник», поскольку бактрийская сатрапия не была самостоятельной, а подчинялась поставленному персидским царем правителю.

---

[4] Здесь ἀρχός означает «начальник, вождь». Этот термин употреблен и Гомером [1, 74; 19, 162].

[5] Термин ἐπιχώριοι — «местные, туземные» часто встречается у Геродота, например в описании вооружения бактрийцев [12, VII, 64].

[6] В издании Эсхила 1963 г. (Loeb Classical Library) тоже взято имя Артаб, но нет указания на существующее разночтение [6].

[7] Слово δῆμος (народ) в данном контексте правильнее переводить как «войско».

Как известно, по Геродоту [12, VII, 66], в армии Ксеркса из числа среднеазиатских народов кроме бактрийцев, названных Эсхилом, были согдийцы, хорезмийцы, парфяне, саки и др. Все они были распределены по особым отрядам и находились в подчинении вождя ἡγεμών — перса, приходившегося ближайшим родственником Дарию и Ксерксу [3, 84—95].

Так, бактрийским и сакским отрядом пехоты Ксеркса командовал его родной брат Гистасп [12, VII, 64]; он являлся вождем войска бактрийцев и саков, тогда как сатрапом бактрийцев был другой брат Ксеркса, упомянутый выше Ариамен[8]. Геродот [12, VIII, 89], сообщая, что в сражении при Саламине пал военачальник (στρατηγός) Ариабигн, сын Дария, брат Ксеркса, говорит, что «пало много и других знатных персов, милян и прочих союзников». При этом Геродот тоже употребляет термин σύμμαχος. В числе этих σύμμαχοι были, наверное, и бактрийцы, имена вождей которых Геродот знал, но решил не называть, тогда как Эсхил назвал два из них. По-видимому, Артаб и Тенагон — не просто воины, а бактрийские вожди, с которыми считались персы и гибель которых они оплакивали наравне с гибелью своих военачальников.

Эсхил, по сравнению с Геродотом, писавшим свою «Историю» 30—40 лет спустя после греко-персидских войн, был непосредственным, живым свидетелем описываемых событий. Эсхил участвовал во всех основных сражениях, видел своими глазами персов, бактрийцев и других представителей народов Средней Азии, сам дрался с ними и конечно был в курсе всех событий. Поэтому его трагедия «Персы» является для нас очень важным историческим источником. Но в то же время нельзя забывать, что его сочинение — это поэтическое произведение, и мы не должны удивляться, что при описании Саламинской битвы Эсхил не привел никаких имен, хотя и очень точно описал весь ход событий.

Велика была в древности слава и мощь далекой Бактрии и ее славных сынов — бактрийцев, если имена их вождей увековечил Эсхил в своей трагедии «Персы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Краузе Вл., Гомеровский словарь, СПб., 1896.
2. Мончадская Е. А., О правителях Бактрии и Согдианы VI—IV вв. до н. э. (Из древней истории народов Средней Азии), — сб. «Труды Гос. Эрмитажа», т. V. Культура и искусство народов Востока, Л., 1961.
3. Мончадская Е. А., «Хорезмиец» Артаикт, — ВДИ, 1968, № 2.
4. Пиотровский А. И., Эсхил, Трагедии. Перевод, статьи и комментарий, М.—Л., 1937.
5. Aeliani Claudii, Varia Historia, ed. R. Hercher, Lipsiae, 1856.
6. Aeschylus, Perser, Erkl. von L. Schiller, Berlin, 1869.
7. **Aeschylus, with an English Translation by Herbert Weir Smyth, vol. I, London — Cambridge Mass., 1963 (Loeb Classical Library).**
8. Aeschyli et Sophoclis, Tragoediae et fragmenta, ed. E. A. Ahrens, Parisiis, 1842.
9. Anthologia Lyrica Graeca, ed. E. Diehl, fasc. I, Lipsiae, 1954, стр. 78.
10. Anthologia Palatina Appendix, ed. Dübner, vol. III, Parisiis, 1890.
11. Diodorus of Sicily, with an English Translation by C. H. Oldfather, vol. IV, London — Cambridge Mass., 1956 (Loeb Classical Library).

[8] В статье «О правителях Бактрии и Согдианы VI—IV вв. до н. э.» мною был сделан вывод, «что сатрапами Бактрии назначались члены правящей династии, чаще всего братья царя». При этом я имела в виду братьев Ксеркса Ариамена и Масисту, бывших правителями Бактрии. Там же вслед за Ариаменом, погибшим в Саламинском сражении, были попутно упомянуты со ссылкой на Эсхила «бактрийцы Тенагон и Артам, павшие и похороненные на Саламине» [2, 111].

12. Herodotus, with an English Translation by A. D. Godley, vol. III, London — Cambridge Mass., 1963; vol. IV, London — Cambridge Mass., 1961 (Loeb Classical Library).
13. Justi F., Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895.
14. Justini Epitoma Historiarum Pompei Trogi, ed. Ruehl, Lipsiae, 1907.
15. **Olmstead A. T.**, History of Persian Empire (Achemenid. period), Chicago, 1948.
16. Pausanii Descriptio Graeciae, rec. L. Dindorfius, Parisiis, 1845.
17. Plutarchi Vitae, rec. Th. Doehner, vol. I, Parisiis, 1846.
18. Plutarchi Scripta Moralia, em Fr. Dübner, vol. I, Parisiis, 1841.
19. Rost V., Griechisch-Deutsches Wörterbuch, Bd I, Braunschweig, 1902.

Ю. А. Заднепровский

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАМЯТНИКОВ КОЧЕВНИКОВ СЕМИРЕЧЬЯ УСУНЬСКОГО ПЕРИОДА

II в. до н. э. — V в. н. э.

В исторических судьбах Средней Азии усуньского времени большую роль играли кочевые племена. Именно они явились главной силой в борьбе с Греко-Бактрийским царством и в образовании Парфянского и Кушанского государств. Изучение истории этих племен первоначально основывалось на интерпретации письменных источников. В последнее время все большее значение приобретают исследования археологических памятников.

На территории Семиречья изучено значительное количество главным образом погребальных памятников рассматриваемого периода. Они могут быть разделены на несколько групп, различающихся по устройству могилы, особенностям погребального обряда и характеру сопровождающего инвентаря, а отчасти и по антропологическому типу погребенных.

Резюмируя результаты археологических работ М. В. Воеводского — М. П. Грязнова [13], А. Н. Бернштама [12], А. Кибирова [21], Е. И. Агеевой [2], К. А. Акишева [6], Г. В. Кушаева [25], А. Г. Максимовой [30], А. К. Абетекова [1] и др., можно выделить два основных типа памятников — чильпекский и кенкольский. Первый объединяет захоронения в простых грунтовых могилах, обычно именуемые в литературе усуньскими. Второй включает по крайней мере две разновидности — памятники с погребениями в катакомбах, которые и составляют собственно кенкольскую группу, и группу могильников с захоронениями в подбоях, которую можно назвать айгырджальской. Автор считает необходимым рассматривать их как самостоятельные. Однако в данной работе для удобства и ясности изложения гипотезы автора они объединены по одному признаку — отличию их от могильников с простыми грунтовыми ямами.

Относительно этнической принадлежности отдельных групп захоронений Семиречья рассматриваемого времени в литературе высказаны разные предположения. Так, М. В. Воеводский и М. П. Грязнов изученные ими курганы с захоронениями в грунтовой яме отнесли к памятникам усуней [13]. А. И. Тереножкин высказал мнение, что часть вскрытых могил принадлежала усуням, а другая — племенам сэ [саков] или юечжей [39]. Катакомбные и подбойные захоронения Семиречья А. Н. Бернштам отождествлял с гуннами [10; 11, стр. 359—362]. Г. В. Кушаев подбойные могилы долины Или связывает с местным населением [25, стр. 253]. Появление этих же захоронений Е. И. Агеева объясняет переселением какой-то части среднеазиатских

племен в Семиречье [2, стр. 39]. Курганы с деревянным перекрытием и своеобразной глиняной посудой в могильниках Соколовка и Джергес на Тянь-Шане А. Н. Бернштам сопоставил с восточной группой юечжей [9, стр. 60]. Из приведенного перечня этнических определений можно заключить, что все исследователи рассматривают существование могильников с различной формой могильного сооружения как отражение этнической разнородности населения Семиречья усуньского времени, что засвидетельствовано в письменных источниках. Этнические сопоставления, как правило, недостаточно аргументированы, и в литературе отсутствуют обоснования принципов для отождествления археологических памятников.

Накопление нового материала дает возможность поставить вопрос о пересмотре этнических отождествлений памятников Семиречья усуньского времени в целом. При этом мы считаем необходимым отвлечься от существующих определений и руководствоваться следующими принципами: рассмотреть все известные на данной территории типы погребальных сооружений и их инвентарь интересующего нас времени и выделить из них основные типы, определить ареалы этих типов, уточнить хронологические рамки существования их; проследить генетические связи и происхождение каждого типа и в заключение сопоставить археологические данные со сведениями письменных источников.

В могильниках чильпекского типа с грунтовыми захоронениями курганы обычно расположены цепочками. На позднем этапе такое расположение сменяется бессистемным. Другой устойчивый признак — наличие каменного кольца в основании кургана. Захоронения производились в простых грунтовых ямах, стенки которых иногда укреплялись деревом. Могилы перекрывали деревянным накатом или каменными плитами. Часто они не имеют специального перекрытия. Особый вариант составляют могилы, перегороженные наклонно поставленными жердями, называемые «заставки». Некоторые археологи видят в них прототип подбойных могил, промежуточное звено между грунтовой и подбойной могилами. Скелеты лежат вытянуто на спине, головой, как правило, на запад. Встречаются отклонения в ориентировке; например, в могильнике Капчигай III в долине Или значительное количество костяков лежало головой на северо-запад [25, стр. 148—154]. Почти во всех могилах встречены одиночные захоронения, но известны случаи, когда под одной насыпью имеются две-три могильные ямы. Все умершие положены непосредственно на дно могилы, а не в гроб или на деревянном ложе. Обычно в могиле находятся один-два сосуда, изредка железный нож, а в женских захоронениях — единичные предметы украшения. Оружие в грунтовых захоронениях, как правило, отсутствует.

Довольно часто в могилах обнаруживают кости барана — свидетельство положения ритуальной пищи. Исключительно редко встречаются привозные вещи и изделия из драгоценных металлов. На 500 известных курганов такие находки известны только в трех-четырех могилах. В нескольких захоронениях обнаружены зернотерки.

Глиняная посуда — лепная. Очень часто на сосудах видны отпечатки ткани, матерчатого мешка, при помощи которого изготавливали керамику. Почти вся посуда с круглым дном и обычно без украшения. Типичные формы — полусферические чаши и миски, горшки грушевидной формы, изредка имеющие петлевидные ручки.

Перечисленные признаки полностью или с некоторыми вариантами свойственны всем исследованным могильникам в долинах Или, Чарына, Таласа, Чу и Тянь-Шаня. Погребенные в грунтовых могилах усунь-

ского времени в антропологическом отношении не представляли определенного единства. Антропологи выделили три типа: европеоидный андроновский тип, брахикранный европеоидный тип Среднеазиатского междуречья и смешанный тип — европеоидный с примесью монголоидных признаков. Первый тип, по данным изучения мужских черепов из Семиречья, составлял 40%, второй — 31% и третий — 9% [1]. Из долины Или происходят два мужских черепа монголоидного типа. Следовательно, население в расовом отношении было неоднородным. Такая неоднородность подтверждается изучением и женских черепов. Сравнительное изучение материалов из разных районов — Семиречья, Тянь-Шаня, Алая и Восточного Казахстана — показало, что население усуньского времени на этой территории существенно не различалось и было близко друг к другу.

Изучение антропологических материалов из грунтовых захоронений по хронологическим этапам усуньского периода позволяет говорить, что расовый тип населения, в общем, почти не изменился. Однако антропологи отмечают увеличение монголоидности в это время по сравнению с предшествующим сакским периодом [19].

Ареал памятников чильпекского типа с грунтовыми могилами включает все Семиречье. За пределами его, в Восточном Казахстане, в это время распространены захоронения в каменных ящиках кула-жургинской культуры [45]. В Центральном Казахстане памятники усуньского времени почти не изучены. Известно всего несколько подбойных захоронений [20]. В низовьях Сырдарьи исследованы наземные глинобитные погребальные сооружения, а также могилы с обрядом трупосожжения [41]. Могильники рассматриваемого типа разделены исследователями главным образом на основании изменения керамики на три хронологические группы: III—I вв. до н. э., I—III вв. н. э. и III—V вв. н. э. [2, стр. 35]; III—II вв. до н. э., I в. до н. э. — I в. н. э. и II — III вв. н. э. [25, стр. 147]. Ритуал погребения и устройство могилы во времени мало изменились, что свидетельствует об устойчивости обычаев и консервативности религиозных представлений. Обряд захоронения в грунтовых могилах представляет непосредственное развитие и продолжение традиции более раннего сакского времени.

Это наглядно видно при сравнении материалов могильников из долины Или Кзылауз I, относимого к сакскому периоду V—IV вв. до н. э. [5, стр. 91—101], и Капчигай III, датированного III—II вв. до н. э. [25, стр. 148—154, 175—177, 282—284].

Кзылауз I V—IV вв. до н. э. (по Акишеву, 1963)	Капчигай III III—II вв. до н. э. (по Кушаеву, 1963)
1. Могильник вскрыт полностью — 19 курганов с 27 могилами.	Из 52 курганов вскрыто 40, опубликовано 30 курганов.
2. Расположение цепочкой.	То же.
3. Захоронения в грунтовой могиле.	25 грунтовых и 5 подбойных могил.
4. Каменное кольцо под насыпью.	Кольцо у основания или на насыпи.
5. Могилы перекрыты деревом.	То же.
6. $^2/_3$ погребений одиночные, $^1/_3$ — парные и коллективные.	Как правило, одиночные.
7. Устойчивая ориентировка на запад.	На запад и северо-запад.
8. Кости овцы.	То же.
9. Один-два сосуда.	То же.
10. Поделки из железа и бронзы в небольшом количестве.	То же.

[1] Остальные 20% составляют другие смешанные и неопределенные типы, которые не имеют отношения к нашей теме.

В целом в могилах усуньского времени больше железных изделий. Формы посуды отличаются от форм сакского периода, что и является основанием для разграничения.

Тесные генетические связи памятников усуньского и сакского времени отмечаются всеми исследователями. Большое сходство могильников этих периодов обусловило появление терминов «сако-усуньские памятники», «сако-усуньская культура» [12; 41, стр. 28]. На основании длительного сохранения одинаковых могильных сооружений, одних и тех же погребальных обрядов и генетического сходства инвентаря можно заключить, что захоронения в грунтовых могилах типичны для местного кочевого населения Семиречья, мало изменившегося в ходе вторжений извне.

Из сообщений письменных источников известно, что в ахеменидское время Семиречье было заселено сакскими племенами. Китайские хроники рубежа нашей эры отмечают, что наряду с усунями здесь обитали племена сэ (саков) и юечжей. Племена сэ принято считать потомками саков ахеменидского времени. Исходя из этого, можно предположить, что основная масса захоронений усуньского периода — захоронения в грунтовых могилах — принадлежит именно местным сакским племенам Семиречья, вошедшим в состав усуньского племенного союза.

Между тем в нашей литературе принято после исследования М. В. Воеводского и М. П. Грязнова считать грунтовые захоронения памятниками усуньских племен. Сейчас, после накопления большого нового материала, это отождествление вызывает сомнение, и настало время или привести дополнительные обоснования, или отказаться от него.

Обряд захоронения в грунтовых могилах был распространен среди местного кочевого населения Семиречья на протяжении длительного периода и был известен здесь задолго до появления усуней. У нас нет никаких данных предполагать обитание усуней на территории Семиречья ранее 60-х годов II в. до н. э. По сведениям письменных источников, усуни первоначально обитали между Дуньхуаном и Цилянь-шанем в Центральной Азии. Именно здесь указывается прародина усуней. Под ударами гуннов в 160 г. до н. э. усуни вслед за юечжами переселились в Семиречье. Там они подчинили местное сакское население, а также часть юечжийских племен, другая часть которых переселилась дальше — в Среднюю Азию.

Естественно предположить, что погребальный обряд и устройство могил среди усуньских племен должны отличаться в каких-то элементах от обряда местного, подчиненного ими населения. Из сказанного следует, что на территории Семиречья только те памятники могут быть признаны усуньскими, которые появляются на этой территории начиная со II—I вв. до н. э. и коренным образом или в существенных элементах отличаются от памятников местного населения.

После переселения в Семиречье за короткий срок численность усуней, по сообщениям источников, достигла 630 тыс., что могло произойти за счет включения в их состав местных покоренных племен. В усуньском племенном союзе сами усуни были, очевидно, сравнительно немногочисленной господствующей прослойкой или частью общества. Основную массу населения Семиречья в это время, очевидно, по-прежнему составляли местные сакские племена. Численное соотношение местного и пришлого населения, очевидно, должно было бы отразиться и в исследованных погребальных памятниках.

Следовательно, анализ памятников и конкретные исторические

факты позволяют признать правильным отождествление наиболее массовых захоронений с местным сакским населением, а не с усунями — пришлыми племенами, вторгшимися на территорию Семиречья во II в. до н. э.

Рассмотрим вторую синхронную группу — памятники кенкольского типа с подбойными и катакомбными захоронениями. Ареал их включает обширные пространства юго-восточной половины Средней Азии — от Или на северо-востоке до Южной Туркмении и Южного Таджикистана. Памятники этой группы выявлены в настоящее время примерно в 140 пунктах в Семиречье, Фергане, Ташкентском и Бухарском оазисах, в долине Зеравшана, Южной Туркмении и Южном Таджикистане, а общее количество изученных курганов достигает более 1500 [4; 7; 8; 17; 23; 24; 27—29; 31; 32; 34—38; 43].

Вопрос о катакомбных и подбойных захоронениях Семиречья неразрывно связан с более общей и важной проблемой катакомбно-подбойных памятников Средней Азии, Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, их роли в истории эпохи «великого переселения народов». И вполне понятно, что при рассмотрении этой группы часто приходится выходить за пределы Семиречья.

Катакомбные могилы известны в Средней Азии на территории Северной Бактрии уже в могильниках эпохи поздней бронзы (IX—VIII вв. до н. э.) [33, стр. 94]. Но они не имеют прямой связи с рассматриваемыми памятниками. Наиболее ранние подбойные сооружения обнаружены за пределами Средней Азии — в Северном и Северо-Восточном Казахстане и датируются V—IV вв. до н. э. [3; 26]. В Средней Азии подобные ранние могилы до сих пор не обнаружены. Между ними и захоронениями II—I вв. до н. э. существует хронологический и территориальный разрыв.

Археологические данные позволяют говорить о том, что подбойные и катакомбные захоронения появляются в большом количестве в долине р. Или и в других районах впервые во II—I вв. до н. э. Основная масса их датируется первыми веками нашей эры. Верхняя грань существования памятников доходит до V в. н. э. В течение длительного периода, со II в. н. э. и до V в. н. э., они сосуществуют с чильпекской группой. К тому же в Семиречье могилы этих основных типов встречаются на одной и той же территории и часто в одних и тех же могильниках. В долинах Или и Чарына из 34 в 13 могильниках в небольшом количестве представлены и подбойные захоронения (количественно же преобладают грунтовые могилы).

Наиболее многочисленны здесь захоронения в грунтовых ямах, которые составляют 76,7% всех изученных в долине Или курганов, а подбойные — 19%. Из 370 курганов усуньского времени, учтенных Г. В. Кушаевым, 80% содержали грунтовые могилы и 17% — подбойные [25, стр. 249, 250].

В других районах соотношение количества памятников этих основных типов варьируется. Так, в долине Таласа известно 115 грунтовых и 73 катакомбных и подбойных могил, что составляет примерно 60 и 40% [23, стр. 59]. Приблизительно такое же соотношение на Тянь-Шане, где, по материалам А. Кибирова, известно более 100 грунтовых и около 50 синхронных им подбойных и катакомбных могил [21].

В могильниках с господствующим обрядом подбойных и катакомбных захоронений часто в небольшом количестве встречаются грунтовые могилы, например: в известном Кенкольском могильнике в долине Таласа [10], Карабулак в Южной Фергане [7], Тулхар в Южном Таджикистане [31].

Катакомбные и подбойные памятники, по имеющимся сейчас данным, генетически не связаны с могильниками предшествующего сакского периода на территории Средней Азии. Вопрос о происхождении катакомбно-подбойных захоронений, о том, откуда они появились в Средней Азии, остается открытым.

Рассматриваемая группа резко отличается от захоронений в грунтовых ямах не только своеобразием устройства могилы и инвентаря, но также рядом деталей в ритуале и по материальной культуре. Это наглядно видно из сравнения катакомбного могильника Кенкол в Таласе [10, 23] с синхронными памятниками правобережья Или [6] и той же долины Таласа.

Кенкол—II—IV вв. н. э. (Талас) (по Бернштаму—Кожомбердиеву)	**Правобережье Или II—III вв. н. э.** (по Кушаеву)
1. Около 100 земляных курганов, вскрыто—48: 41—катакомба, 6—грунтовых могил, 1—сырцовый ящик.	Раскопано в 7 могильниках 44 кургана с 47 могилами: 37—грунтовые, 10 подбойные.
2. Расположение бессистемное.	То же, частично цепочкой.
3. Изредка каменные выкладки под насыпью.	То же.
4. Ориентация погребенных разная (С, Ю, СВ, ЮВ и др.)	Устойчивая ориентировка на запад.
5. Одиночные и коллективные захоронения.	Как правило, одиночные.
6. Положение покойника на деревянном ложе, в гроб или на каменных плитах на полу.	Умершие положены непосредственно на дно могилы.
7. Ритуальная пища—мясо барана.	То же.
8. Мужские захоронения с оружием.	Оружие отсутствует.
9. Женские—с разнообразным набором украшений.	Общая бедность инвентаря.
10. В могилах встречаются привозные вещи.	Как правило, отсутствуют привозные вещи.

Различаются также формы глиняной посуды.

Керамика из катакомб и подбоев, как правило, плоскодонная. Часто встречаются сосуды с прорезным орнаментом. Своеобразны формы кувшинов, вьючных фляг, курильниц, резко отличающиеся от набора сосудов в грунтовых захоронениях. Значительно больше керамики, изготовленной на гончарном круге. Только в катакомбах и подбоях обнаружены деревянные столики и деревянная посуда.

Катакомбно-подбойные захоронения отличаются от грунтовых также распространением обычая прижизненной деформации головы, который является важным этническим признаком. У большинства погребенных в Кенколе отмечена искусственная деформация черепа [16]. Подобное явление выявлено в курганах Тянь-Шаня [14], Ташкентского оазиса [18], Ферганы и Алая [15] и в могильнике Аруктау и других в Южном Таджикистане [22]. Широкое распространение этого обычая среди населения, хоронившего в катакомбах и подбоях, можно считать показателем стремления представителей этой этнической группы как-то выделить себя. В грунтовых могилах подобный обычай не засвидетельствован. Наблюдается и определенное различие в расовом типе погребенных в этих двух группах. По составу антропологических типов катакомбно-подбойные захоронения мало отличались от памятников первой группы. Основное различие между ними заключается в количественном преобладании в катакомбах и подбоях монголоидного компонента, людей монголоидного и смешанного европеоидного с при-

месью монголоидных черт типа, так называемого кенкольского типа. Этот метисированный тип встречен в ряде могильников. Он сложился в области длительного контакта европеоидной и монголоидной рас, вероятнее всего, в Центральной Азии и Восточном Туркестане. Все это говорит о значительно большем участии пришлого населения с востока в формировании этнического облика племен с катакомбными и подбойными захоронениями.

Таким образом, на территории Семиречья в усуньский период II в. до н. э. — V в. н. э. выделяются две основные этнические группы, одну из которых составляло местное сакское население, а вторую — пришлые племена. Относительно этнической принадлежности погребенных в катакомбах и подбоях высказаны разные и противоречивые суждения. Также не существует единого мнения о происхождении их.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют предполагать, что обряд захоронения в катакомбах и подбоях привнесен в Среднюю Азию извне. Появление нового погребального обряда возможно в двух случаях: при изменении религиозных верований или при появлении нового населения. Для усуньского периода смена или изменение религиозных представлений не отмечена по археологическим данным и сведениям письменных источников. Поэтому имеются основания связать появление нового погребального обряда, а также усиление монголоидных элементов в расовом типе с вторжением пришлого населения. Необходимо учитывать широкое распространение катакомбных и подбойных памятников на территории Средней Азии и за ее пределами — в Нижнем Поволжье и Восточном Туркестане. Эти памятники широко распространяются почти одновременно в разных частях указанной территории в последних веках до нашей эры (ранние подбои V—IV вв. до н. э. известны только в Поволжье и в Северном Казахстане). Маловероятно, чтобы у разных племен и народов независимо и почти одновременно могла появиться и бытовать одинаковая форма погребального сооружения и сходный ритуал погребения.

Можно предполагать, что катакомбные и подбойные захоронения в Средней Азии появились в результате переселения чужеземных племен. Затем в течение 600—700 лет пришлые племена жили одновременно с местным населением.

Сопоставление археологических данных о распространении и времени появления катакомбных и подбойных захоронений с сообщениями письменных источников о вторжении в Семиречье юечжей и усуней приводит нас к предположению о связи этих памятников с усуньскими и юечжийскими племенами. С этими народами можно сопоставить только такие памятники, которые распространены в Семиречье, но встречаются также и на территории Средней Азии. Дело в том, что, по сведениям источников, эти племена наряду с другими участвовали в борьбе с Греко-Бактрией и в создании Кушанского государства. Этому условию и отвечает отождествление катакомбных и подбойных памятников с юечжами и усунями. Распространение указанных памятников на территории Средней Азии можно рассматривать как отражение происходивших в этот период передвижений кочевых народов. Дополнительным подтверждением может служить распространение обычая искусственной деформации головы среди кушан [юечжей], засвидетельствованное изображениями на кушанских монетах [42, стр. 179 и сл.].

Проблема сопоставления осложняется тем, что повествующие о падении Греко-Бактрии античные источники упоминают только о племенах, вторгшихся из-за Яксарта (Сырдарьи), в то время как по ки-

тайским хроникам племена, принимавшие участие в этом событии, появились из Центральной Азии. Попытки примирить противоречивые сведения источников привели к созданию концепции о вторжении с двух сторон: с севера и с востока.

При решении вопроса об этнической принадлежности следует учитывать, что в это же время катакомбные и подбойные могилы встречаются среди сарматских племен. Сарматские захоронения, несмотря на общее сходство со среднеазиатскими, по ряду признаков отличаются от них. Возможно, что часть рассматриваемых памятников Средней Азии, как, например, могильники Бухарского оазиса и Южной Туркмении, больше связаны с сарматами. Не исключено, что в дальнейшем удастся выделить среди среднеазиатских захоронений группы разного происхождения — одну, связанную с востоком (юечжами и усунями), и другую — с севером (сарматами).

Известное единообразие и общность культуры кочевников Средней Азии и сарматских племен были обусловлены особенностями кочевого хозяйства, культуры и быта, их тесными взаимосвязями, а также происхождением от родственных сако-массагетских и савроматских племен. Все они относились к группе ираноязычных племен.

Предполагаемое сопоставление захоронений Семиречья с усунями и юечжами является гипотезой, требующей дальнейшего обоснования и доказательств. Окончательное решение проблемы возможно лишь при появлении данных о погребальных памятниках на прародине усуней и юечжей в Центральной Азии, относящихся к периоду, предшествующему их появлению в Семиречье.

В Центральной Азии, в районе оз. Лобнор, исследованы могильники с катакомбами и подбойными захоронениями [44], имеющими сходство с семиреченскими. Погребальный инвентарь беден. Наряду с местными формами посуды здесь найдены кубковидные кружки с прямыми стенками и петлевидной ручкой. Эта форма сходна с подобными сосудами из сако-усуньского могильника Кзылауз I. Другая форма, шаровидная кружка с петлевидной ручкой, также имеет аналогии в Кзылаузе и в грунтовых могилах Или усуньского времени. Кроме того, имеются большие сосуды с волнистым прорезным орнаментом, близкие сосудам Кенкола. Сопоставление лобнорских и семиреченских памятников позволяет говорить об их одновременности, о том, что в рассматриваемое время в Восточном Туркестане были распространены сходные со среднеазиатскими типы захоронения.

Установление тесных связей и соперничество между юечжами и усунями восходит еще к периоду обитания их в Центральной Азии. В результате соседства уже в то время могла появиться некоторая общность в культуре этих племен. На древних землях усуней и юечжей, в могильниках оз. Лобнор обнаружены одновременные подбойные и катакомбные захоронения. Сосуществование этих двух типов захоронений отмечено и в ряде районов Средней Азии — долине Таласа, на Тянь-Шане, в Фергане и Бухарском оазисе. В настоящее время у нас нет оснований для дифференциации катакомбных и подбойных памятников и отождествления их с тем или иным племенем. Можно надеяться, что дальнейшее исследование, статистическая обработка материала и картографирование позволят уточнить сопоставление, связав каждый из вариантов захоронений с определенным этническим объединением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абетеков А. К., Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины, — в кн. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана», Фрунзе, 1967.
2. **Агеева Е. И.,** К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области, — ТИИАЭАН КазССР, 1961, т. 12.
3. **Агеева Е. И. и Максимова А. Г.,** Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г., — ТИИАЭАН КазССР, 1959, т. 7.
4. Агзамходжаев Т., Раскопки погребальных курганов близ станции Вревская,— ИМКУ, 1961, вып. 2.
5. Акишев К. А., Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.), — в кн. К. А. Акишев и Г. В. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963.
6. **Акишев К. А.,** Отчет о работе Илийской археологической экспедиции 1954 г., — ТИИАЭАН КазССР, 1956, т. 1.
7. Баруздин Ю. Д., Карабулакский могильник, — ИАН КиргССР, СОН, 1961, т. 3, вып. 3.
8. Баруздин Ю. Д. и Брыкина Г. А., Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Западная Киргизия), Фрунзе, 1962.
9. Бернштам А. Н., Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая, М.—Л., 1952 (МИА, № 26).
10. Бернштам А. Н., Кенкольский могильник, Л., 1940.
11. Бернштам А. Н., Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня, — СА, 1949, т. II.
12. Бернштам А. Н., Сако-усуньская культура ранних кочевников Чуйской долины, — в кн. «Чуйская долина», М.—Л., 1950 (МИА, № 14).
13. Воеводский М. В. и Грязнов М. П., У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории Усуней,— ВДИ, 1938, № 3.
14. Гинзбург В. В., Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алтая по антропологическим данным (1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э.), — ТИЭ, 1954, т. 21.
15. Гинзбург В. В., Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии (вторая половина 1 тыс. до н. э. — первая половина 1 тыс. н. э.), — ИАН КиргССР, СОН, 1960, т. 2, вып. 3.
16. Гинзбург В. В. и Жиров Е. В., Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас КиргССР, — СМАЭ, 1949, т. 10.
17. Заднепровский Ю. А., Археологические памятники южных районов Ошской области, Фрунзе, 1960, стр. 116 [указаны основные публикации до 1960 г.]
18. Зезенкова В. Я., Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская, — ТМИУ, 1951, вып. 1.
19. Исмагулов О., Антропологическая характеристика усуней Семиречья, — ТИИАЭАН КазССР, 1962, т. 16.
20. Кадырбаев М. К., Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана, — ТИИАЭАН КазССР, 1959, т. 7.
21. Кибиров А., Археологические работы в Центральном Тянь-Шане, — ТКирАЭЭ, 1959, т. 2.
22. Кияткина Т. П., Черепа из могильника Арук-Тау (Таджикистан), — ТИЭАН СССР, 1961, т. 71.
23. Кожомбердиев И., Катакомбные памятники Таласской долины,— в кн. «Археологические памятники Таласской долины», Фрунзе, 1963.
24. Крашенинникова Н. И., К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса, — ТТашГУ, 1966, вып. 295.
25. Кушаев Г. В., Культура усуней правобережья р. Или (III в. до н. э. — III в. н. э.), — в кн. К. А. Акишев и Г. В. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины р. Или, Алма-Ата, 1963.
26. Кушаев Г. В., Ранние погребения Алакульской впадины, — в кн. «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968.
27. Латынин Б. А., Некоторые итоги Ферганской экспедиции 1934 г., — «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», 1961, вып. 3.
28. Литвинский Б. А., Исследование могильника Исфаринского района в 1958 г.,— ТИИАН ТаджССР, 1961, т. 27.
29. Лоховиц В. А., Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении, — в кн. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
30. Максимова А. Г., Усуньские курганы левобережья р. Или, — ИАН КазССР. Серия ист., археол. и этногр., 1959, вып. 1.
31. Мандельштам А. М., Кочевники на пути в Индию, Л., 1966 (МИА, № 136).
32. **Мандельштам А. М.,** Некоторые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху, — ИАН ТуркмССР, 1963, № 2.

33. Мандельштам А. М., Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане, Л., 1968 (МИА, № 145).
34. Обельченко О. В., Могильник Акджар-Тепе, — ИМКУ, 1962, вып. 3.
35. Обельченко О. В., Курганы около селения Хазара, — ИМКУ, 1963, вып. 4.
36. Обельченко О. В., Сазаганские курганы, — ИМКУ, 1965, вып. 6.
37. Обельченко О. В., Погребение сарматского типа под Самаркандом, — СА, 1967, № 2.
38. Сорокин С. С., Боркорбазский могильник, — ТГЭ, 1961, т. 5.
39. Тереножкин А. И., [рец. на ст.:] М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, У-суньские могильники..., — ИУзФАН СССР, 1941, № 2.
40. Толстов С. П., Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., — ТХЭ, 1958, т. 2.
41. Толстов С. П., Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий, — ВДИ, 1963, № 2.
42. Трофимова Т. А., Изображение эфталитских правителей на монетах и обычай искусственной деформации черепа у населения Средней Азии в древности, — в кн. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
43. Тургунов Б. А., Айртамский могильник,— ОНУ, 1968, № 8.
44. Хуан Вэнь-би, Гаочанская керамика, Пекин, 1931 [на кит. яз.].
45. Черников С. С., Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г.,— ИАН КазССР. Серия археол., 1951, вып. 3.

Т. И. Зеймаль

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАНАЛЫ ВАХШСКОЙ ДОЛИНЫ

Археологические материалы по истории ирригации Средней Азии уже более трех десятилетий используются в качестве вещественных и, как правило, решающих аргументов при определении не только характера общественного строя древней Средней Азии, но и времени возникновения здесь классового (или — более определенно — рабовладельческого) строя и первых государственных образований.

Теоретическое обоснование и оценка методологической правомочности такого подхода к археологическим данным по древней среднеазиатской ирригации заключены в тезисе С. П. Толстова: «...если бы не было рабства, богатая ирригационная культура Востока не могла бы возникнуть» [44, стр. 273], сформулированном еще в 1938 г. [45; 48]. При этом С. П. Толстов опирался на археологические материалы Хорезма, дающего наиболее благоприятные условия для изучения древней ирригации, так как и древние каналы, и расположенные на них городища и поселения были как бы законсервированы пустыней на протяжении столетий. Но в Хорезме, лежащем в низовьях полноводной и имеющей переменчивую дельту Амударьи, существовали наиболее благоприятные условия не только для изучения, но и для проведения каналов. Это обстоятельство, видимо, не всегда учитывалось, когда наблюдения над древнехорезмийскими каналами и основанная на этих наблюдениях реконструкция общественно-экономического строя были экстраполированы на всю Среднюю Азию [1]. Приведенный выше тезис С. П. Толстова был выдвинут как предположение, требующее проверки археологическими данными из других областей Средней Азии. Но, уже принятый другими исследователями и оторванный от хорезмийского материала, этот тезис со временем утратил оттенок гипотетичности. В результате появилась формула «раз была ирригация — было рабовладение», позволявшая любые остатки земледельческого поселения рассматривать (раз земледелие невозможно без ирригации!) как свидетельство рабовладельческих отношений, как доказательство классового характера общества.

Теоретический аспект изучения ирригации древней Азии был затронут выше с единственной целью: чтобы подчеркнуть, что тезис С. П. Толстова в наши дни (как и тридцать лет назад) остается предположением и нуждается в проверке надежными данными на всем среднеазиатском материале. Эта работа предполагает изучение не только самих остатков каналов, но и всех археологических памятни-

[1] О других аспектах этой сложной проблемы, не связанных с археологическими остатками ирригации, см. полемику [47, стр. 103—110], но ср. [7].

ков, расположенных на этих каналах. Особенно трудно изучать остатки ирригационных сооружений на землях непрерывного орошения, где часть древних и средневековых каналов, функционируя до наших дней, совершенно утратила свой первоначальный облик; другие старые каналы (или их отдельные участки), оказавшись заброшенными, были срыты, разровнены, смыты или по каким-то иным причинам исчезли бесследно. В этих условиях особенно важны для реконструкций древней и средневековой ирригационной сети наблюдения почвоведов (интенсивность накопления культурно-ирригационных наносов и их мощность) и гидрогеологов. Однако наиболее надежным критерием для датировки каналов и заключений по их исторической динамике остаются археологические памятники, в какой-то степени помогающие также реконструировать направление и протяженность древней ирригационной сети.

Трудоемкая работа по изучению остатков ирригации и связанных с ними археологических памятников на землях непрерывного орошения вряд ли может быть выполнена в короткий срок для всех областей Средней Азии. Постепенное накопление данных по отдельным долинам и историко-географическим областям — наиболее надежный путь для исследования Средней Азии в археолого-ирригационном отношении. Вахшская долина, каналам которой посвящена эта статья, — один из таких обособленных географически районов Южного Таджикистана, где изучать археологические остатки ирригационной сети приходилось с учетом специфики земель непрерывного орошения.

Приступая к работам в Вахшской долине, приходилось учитывать, что М. М. Дьяконов, рассматривая проблему сложения классового общества в Северной Бактрии [15; 16], относил к VII—VI вв. до н. э. «создание крупных ирригационных систем, питающихся водою больших притоков Аму-Дарьи», к которым относится и Вахш. Эта дата была выдвинута после того, как на городище Калаи-Мир был обнаружен слой VII—IV вв. до н. э. и возникло предположение (поскольку земледелие здесь невозможно без ирригации) о существовании в долине Кафирнигана, расположенной к западу от долины Вахша, уже в VII—VI вв. до н. э. ирригационных сооружений. Но проведенные М. М. Дьяконовым раскопки не позволяли судить ни о величине поселения VII—IV вв. до н. э., подстилающего городище Калаи-Мир, ни о размерах ирригационного сооружения, снабжавшего это поселение водой. Ни в долине Кафирнигана, ни в долинах других «больших притоков Аму-Дарьи» остатки древней ирригационной сети не были в то время обследованы, если не считать отмеченного М. М. Дьяконовым современного магистрального канала Нахри-Калон, проходящего восточнее городища Калаи-Мир (его головные сооружения в 18 *км* от городища) и «очень древнего», судя по названию.

* * *

Вахшская долина ограничена с запада и с севера отрогами Бабатага, а с востока — хребтом Терекли. Река Вахш берет начало в Заалайском хребте и выходит из горных ущелий в долину чуть выше г. Калининабада, течет около 15 *км* на запад, а затем, повернув на юг, вдоль хребта Арук-тау течет к месту слияния с Пянджем. Эта пятнадцатикилометровая излучина р. Вахш (от г. Калининабада до поворота реки на юг), огибающая с севера левобережную часть доли-

ны [2], очень удобна для отвода больших оросительных каналов, так как естественный тальвег долины имеет наклон к югу, а берег реки здесь сравнительно невысокий. По климатическим условиям Вахшская долина относится к зоне сухих субтропиков (высокая среднегодовая температура и небольшое количество ежегодных осадков), что делает искусственное орошение необходимым условием земледелия в долине.

Когда в 1956 г., в связи с задачей составления археологической карты Таджикистана, Вахшская группа (затем — Вахшский отряд, с 1961 г. влитый в состав Южно-Таджикистанского отряда) приступила к сплошному археологическому обследованию долины, сразу же возник вопрос, по какому принципу систематизировать памятники. Чаще всего располагают памятники по одному из трех следующих признаков: хронологический, когда памятники группируются по периодам, в зависимости от времени их существования; топографический (или географический), когда последовательность описания памятников определяется их расположением на местности; по типам памятников, когда описываются отдельно городища, затем замки, неукрепленные поселения и т. п. Достоинства и недостатки каждого из перечисленных способов систематизации очевидны. Хронологический признак удобен, когда приходится иметь дело с однослойными памятниками, но его трудно применить к памятнику многослойному или с его помощью отразить историческую топографию. Топографическая систематизация, лежит ли в ее основе маршрут исследователя или современное административное деление, неизбежно оказывается оторванной от хронологии памятников. И наконец, формальная классификация по типам памятников совершенно разобщает единые и исторически и топографически группы поселений. В целом же все перечисленные признаки очень слабо отражают внутреннюю, причинную связь между памятниками; объективные закономерности в расположении и времени жизни поселений не могут быть выявлены, теряются.

Полнее всего отвечала бы задачам, стоявшим перед Вахшской группой, систематизация памятников по условиям водоснабжения. В этом признаке органически соединены достоинства и топографического и хронологического признаков: поселения, пользовавшиеся водой какого-то канала, располагались по отношению друг к другу (и к каналу) в определенной последовательности, а время существования этих поселений твердо ограничено временем функционирования самого канала или его ответвлений. Именно этот признак и был выбран, хотя работа такого рода на землях непрерывного орошения не всегда может дать желаемые результаты.

В записках офицеров, чиновников и путешественников, посещавших Вахшскую долину в конце XIX — начале XX в., содержатся только краткие упоминания заброшенных каналов. О них писал руководитель Самарской ученой экспедиции Н. А. Маев [37]. Сообщает о старых арыках к югу от Курган-тюбе и топограф П. Е. Косяков [25, стр. 600—602]. Русский офицер Н. Февралев также отмечает русла сухих арыков в Вахшской долине [50, стр. 433]. Большой интерес представляет географический и экономический обзор Курган-тюбинского бекства, составленный П. Г. Гаевским по материалам, собранным в 1915 г. [11]. В этом обзоре большое внимание уделено действующей оросительной системе Вахшской долины (арыки Джуйбар, Джиликуль), особенно ее головной части, а также заброшенному каналу Кафыр.

[2] Название «Вахшская долина» обычно прилагается именно к левобережью среднего и нижнего течения Вахша. Правобережье — это очень узкая необжитая полоса предгорий Арук-тау.

Первая археологическая рекогносцировка всей долины была предпринята в 1947 г. Вахшским отрядом ТАЭ (начальник А. М. Беленицкий). Главное внимание обращалось на остатки поселений, но в отчете об этих работах есть данные и по истории орошения. Отметив — на основании данных Вахшской почвенно-мелиоративной станции о толщине культурно-ирригационных наносов — значительную древность искусственного орошения в долине, А. М. Беленицкий упоминает древний ирригационный канал Джуйбар, который омывает с юга Кургантюбинское городище [9, стр. 141]. Об урочище, в котором расположено городище Кафыр-тепе, говорится: «В настоящее время это пустующая и полузаболоченная низина, с многочисленными следами древних оросительных каналов, которая ожидает своего возрождения» [9, стр. 142].

Примерно в это же время были суммированы многолетние исследования Вахшской почвенно-мелиоративной станции, в том числе наблюдения по истории искусственного орошения в долине, которые принадлежат П. А. Керзуму и О. А. Грабовской и кратко сводятся к следующему [42]:

1) Значительная площадь Вахшской долины (главным образом третья и частично вторая террасы Вахша) покрыта наносами ирригационного происхождения, мощность которых колеблется от 1,0 до 4,0—5,0 *м*. Накопление такого мощного слоя, при ежегодном отложении 3,5 *мм* наносов, предполагает существование искусственного орошения, «в течение нескольких сотен лет и даже тысячелетий» [42, стр. 48].

2) Из древних оросительных каналов, продолжающих функционировать до наших дней, наиболее важный — магистральный канал Джуйбар с площадью командования около 400 *кв. км*. Часть старых ирригационных сооружений в настоящее время заброшена (каналы вдоль восточного склона Урта-Боза, в Кафырской горловине, на Кумсангыре). Площади их командования иногда лишь немного меньше, по сравнению с каналами, проведенными в наши дни.

3) Общим недостатком старых оросительных систем было примитивное устройство водозаборных сооружений, сильное развитие в плане, отсутствие дренажно-коллекторной сети, а также большая извилистость и протяженность мелкой и мельчайшей сети, высоко поднятой над полями.

4) Одним из значительных последствий многовекового искусственного орошения было образование на орошаемых полях долины сильно развитого чашечного мезорельефа (площади чаш от 2 *га* до нескольких квадратных километров; средняя глубина около 2,5—3,0 *м;* в отдельных случаях превышение водораздела над дном достигает 6—7 *м*) в результате неравномерного отложения на полях ирригационных наносов. Чашечный мезорельеф в значительной мере способствовал поднятию в понижениях соленосных грунтовых вод, а затем засолению и заболачиванию части орошаемых земель, что в конечном итоге приводило к их выпадению из культуры (например, чаша Каралангской впадины).

Таким образом, исследования гидрогеологов и почвоведов не только констатировали большую древность остатков ирригации в Вахшской долине, но и показали, что сокращение культурных земель могло зависеть от естественных процессов засоления и заболачивания, порожденных несовершенством оросительных сооружений и нерациональными способами их эксплуатации.

Все перечисленные материалы, а также разнообразные картогра-

фические данные (главным образом крупномасштабные карты долины разных лет съемки и планшеты аэрофотосъемки 30-х годов) оказались очень полезными, когда в 1956—1963 гг. по существу заново проводилось сплошное обследование археологических памятников левобережья Вахша. Уже в 1959 г. удалось наметить главные оросительные системы, снабжавшие водой долину в прошлом, а большинство зафиксированных памятников оказалось возможным распределить по зонам орошения этих каналов [22]. В 1960—1963 гг. лишь уточнялись отдельные участки трасс каналов, а на первый план выдвинулась задача определения времени их функционирования. Для этого было заложено на разных археологических памятниках более 30 стратиграфических раскопов и шурфов. В 1960—1961 гг. такого рода работы велись преимущественно в восточной части долины (зона орошения магистрального канала Кафыр) [19, 36], начиная с 1962 г. — в западной и южной части долины (зона орошения магистрального канала Джуйбар).

Остатки древних и средневековых каналов долины изучались в первую очередь ради систематизации памятников по условиям водоснабжения. В основном фиксировались направление, протяженность и размеры сохранившихся остатков, а также определялись даты связанных с каналами городищ и поселений, с тем чтобы полученные результаты позволили определить, какие части Вахшской долины в какое время орошались и могли быть обжиты. Полученные при раскопках материалы позволили составить сводную стратиграфическую колонку памятников долины, однако в этой статье даты археологических объектов будут приведены без развернутого обоснования (иногда — с кратким указанием на датирующие материалы).

* * *

В восточной части долины сохранились остатки крупного канала, называемого местным населением «Кафыр». Его трассу удалось с уверенностью проследить на протяжении более 100 *км:* от остатков головного участка до поселка Кок-тюбе в Пянджском районе [3].

Головной участок канала Кафыр был обнаружен в 2,5 *км* западнее г. Калининабада, на краю сильно подмытого берегового обрыва Вахша. Остатки валов канала (высотою до 3 *м*) и ложа нависали над рекой, уже уничтожившей головное водозаборное сооружение, видимо располагавшееся на несколько сот метров выше по течению. Валы канала состояли из галечника, вынутого при прокладке русла; в донной части была видна на обрезе прослойка наносного лёсса (до 80 *см* толщиной); ширина канала (между гребнями валов) составляла 6—7,5 *м*, высота валов от нижней точки ложа — до 3,5 *м* (см. фото на стр. 43).

Протяженность прослеженной головной части Кафыра около 3 *км:* примерно 1 *км* трасса шла параллельно реке, затем постепенно отклонялась к югу, проходя по бесплодным галечниковым почвам урочища Бат-Рабад. На этом участке вдоль трассы Кафыра нет археологических памятников, за исключением остатков небольшого поселения на самом берегу реки [4], где были проведены небольшие раскопки

[3] П. Г. Гаевский в 1915 г., видимо, мог проследить хвостовую часть канала Кафыр значительно южнее — почти до самого Пянджа [11, стр. 28].

[4] Сейчас остатки этого поселения почти полностью уничтожены, но на планшете аэрофотосъемки 30-х годов видно прямоугольное тепе.

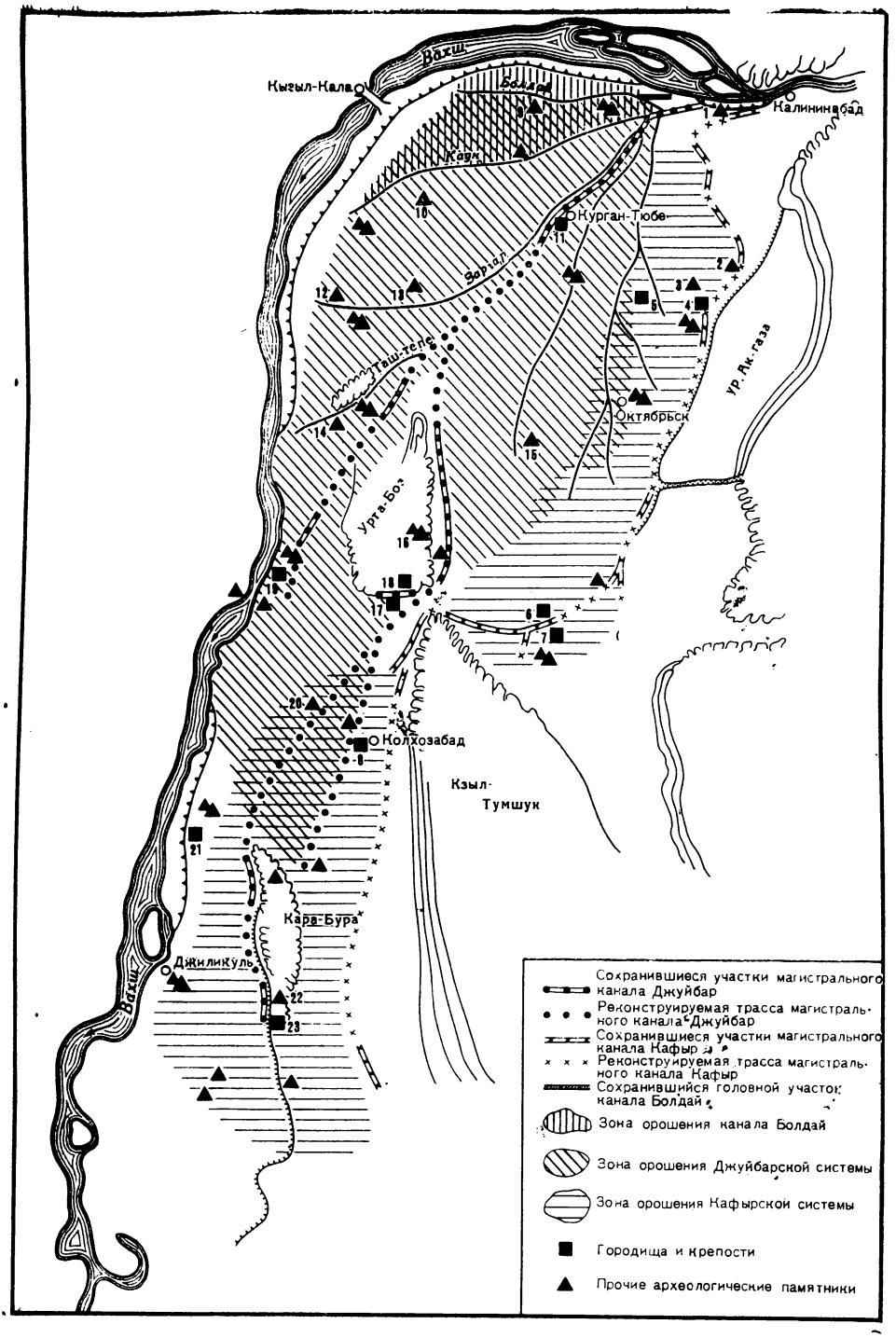
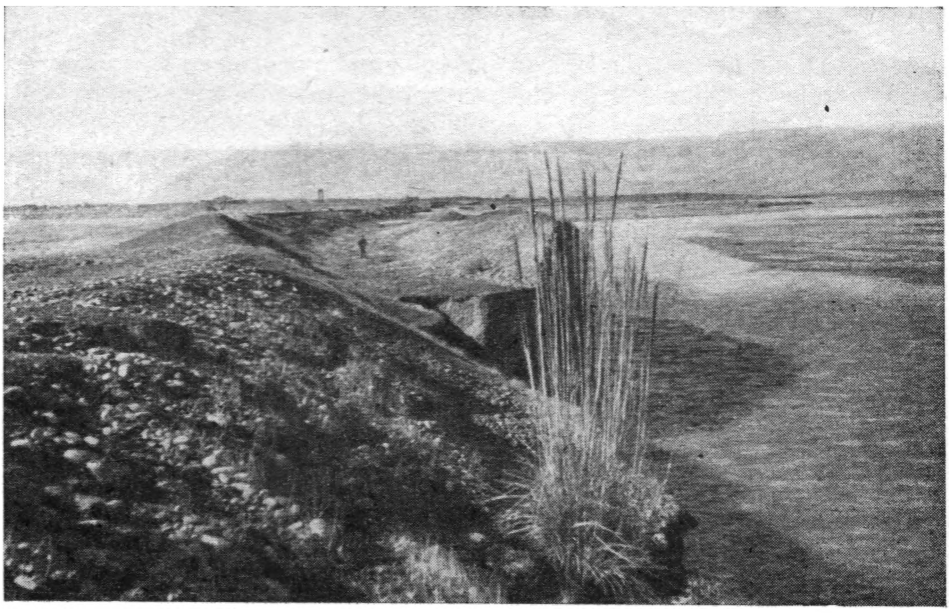


Рис. 1. Древние и средневековые каналы левобережья р. Вахш (схема)



Остатки головного участка канала Кафыр

(рис. 1, *1*). Судя по керамике (поливная; неполивная расписная), поселение существовало в XI—XII вв. и, возможно, было местом, где жили «сипайщики», охранявшие и чинившие водозаборные сооружения.

Зона холостого пробега воды Кафыра кончается близ кишлака Мардат, на южной окраине которого имеются остатки поселения XI—XII вв. (рис. 1, *2*), впервые обследованные в 1955 г. [14]. К селению Мардат канал подходит от кишлака Бат-Рабад, на территории которого валы канала сохранились хорошо (высота — 3—3,5 *м;* ширина — до 7 *м*), но частично застроены. Ниже кишлака Бат-Рабад — возделанные поля, на которых трасса канала прослеживается с трудом, но через несколько сотен метров валы Кафыра снова четко видны до кишлака Мардат, ниже которого трасса старого канала совпадает с современным.

К югу от кишлака Мардат вдоль трассы Кафыра расположена первая большая группа археологических памятников — чоргультепинская, по названию самого крупного в ней памятника — городища Чор-гуль-тепе (рис. 1, *4*). К нему тяготеют, как бы составляя округу городища, более пятнадцати памятников разного назначения, величины и степени сохранности. Само Чор-гуль-тепе, квадратное в плане (230×230 *м*^{2}), ориентировано по странам света и имеет в юго-западном углу небольшую (35×35 *м*^{2}) цитадель, отделенную от городища дополнительной стеной. Шурф (в юго-восточной части городища) был доведен до материка и вскрыл остатки построек VII—VIII вв., но, судя по подъемному материалу, городище было обжито и позже (до XI—XII вв.). Шурфы, заложенные на небольших тепе вокруг городища — неукрепленных усадьбах, дали два слоя (нижний — VII—VIII вв., верхний — XI—XII вв.).

К округе городища Чор-гуль-тепе относится и расположенный в 1,5 *км* от него еще один археологический памятник, на котором произ-

Канал Кафыр у Акгазинского плато

водились раскопки, — буддийский монастырь Аджина-тепе[5], возведенный во второй половине VII в. и прекративший свое существование как монастырь в середине VIII в. (рис. 1, *3*). Датировка этого памятника опирается не только на предметы материальной культуры и произведения искусства, обнаруженные при раскопках, но и на большое число монет (ок. 300 экз.), происходящих из Аджина-тепе.

Памятники чоргультепинской группы могли снабжаться водой только из канала Кафыр. Поэтому даты их жизни являются и датами функционирования канала: он действовал и в VII—VIII вв., и в XI—XII вв. О судьбе канала Кафыр в IX—X вв. исследованные памятники судить не позволяют.

Южнее округи Чор-гуль-тепе трасса Кафыра четко прослеживается вдоль подножия Акгазинского плато (см. фото). Здесь, на несколько километров ниже по течению, расположена другая группа памятников, получавших воду из Кафыра, — близ поселка Октябрьск. Центральным памятником этой группы является не городище, а большое тепе (по-видимому, остатки крупного замка), вокруг которого «расположены веером на разных расстояниях тепе меньших размеров» [9, стр. 145] — остатки небольших усадеб. В 1947 г. А. М. Беленицкий зафиксировал здесь не менее пятнадцати памятников, по расспросным данным их было еще больше, но сейчас почти все сохранившиеся тепе этой группы непригодны для раскопочных работ (как правило, заняты современными кладбищами). Октябрьскую группу, таким образом, можно только приблизительно датировать — по подъемному материалу — раннесредневековым временем. Необходимо отметить, что к зоне канала Кафыр можно с уверенностью отнести только памятники вдоль

[5] Большие многолетние раскопки на Аджина-тепе (с 1960 г. до настоящего времени) позволили вскрыть более $^3/_4$ площади памятника. Результаты этих работ частично отражены в печати [19; 33; 34; 36 и др.].

Акгазинского плато (в 2—2,5 *км* от его подножия); на земли к западу от этой полосы могла доходить вода левых отводов другого магистрального канала — Джуйбара.

Южнее Октябрьска канал Кафыр отклонялся от края Акгазинского плато к юго-западу и пересекал урочище Кара-Алан, направляясь к северной оконечности гор Кзыл-Тумшук. Отрезок канала от Акгазинского плато до гор Кзыл-Тумшук сохранился очень хорошо на протяжении нескольких километров, так как проходит по местности, оставшейся пустынной и безводной до самого недавнего времени.

Валы канала достигают на этом участке высоты до 8 *м*, ширина канала по внешнему основанию валов — от 35 до 50 *м*, ширина между гребнями валов — 13—15 *м*, наибольшие (по сравнению со всей остальной трассой) размеры остатков канала, зарегистрированные в урочище Кара-Алан, породили предположение, что здесь его ложе было искусственно поднято над окружающей местностью и проходило по дамбе-акведуку [6]. Однако разрез канала, который был сделан на этом участке (траншея 100×3 *м*, при глубине до 10 *м*), не подтвердил этого предположения. «Дамбу» слагают рыхлые породы наносного происхождения; иные (чем, например, в урочище Бат-Рабад) почвы требовали на Кара-Аланском участке — в результате интенсивного заиливания русла — более частых его очисток. Возможно, образование таких больших валов объясняется и значительной заглубленностью канала на этом отрезке. Судя по аэрофотосъемке 30-х годов, в урочище Кара-Алан существовало несколько отводов от магистрального канала. Нам удалось обнаружить только один отвод — в направлении современного кишлака Таш-Рабад (высота валов около 2,5 *м*, ширина по внешнему основанию валов — 16,5 *м*, ширина между гребнями валов около 6 *м*).

Наиболее крупные памятники на этом участке канала — городища Кафыр-тепе (рис. 1, *7*) и Кухна-Шахр (рис. 1, *6*). Кафыр-тепе, впервые описанное в 1947 г. [9, стр. 142, табл. 71, *7*], — квадратное, площадью в 9 *га*, с воротами в южном и северном фасах. Несколько крупных холмов, видимо соответствующих каким-то комплексам построек, составляют внутренний рельеф городища. А. М. Беленицкий не располагал никакими данными о времени жизни Кафыр-тепе. Поэтому в 1961 г. здесь, на склоне одного из холмов внутри городища, был заложен стратиграфический раскоп, пришедшийся на остатки постройки из пахсовых блоков и прямоугольного [1 : 2] сырцового кирпича; здание (как, видимо, и городище в целом) оказалось однослойным. Строительные остатки, керамика и другие находки из этого раскопа, а также бронзовая литая монета с круглым отверстием (так называемого «тохаристанского типа»), найденная на полу здания, позволяют датировать постройку (и — до новых раскопок — всё городище) VII—VIII вв.

В 500 *м* к северу от Кафыр-тепе (по другую сторону канала Кафыр) были обследованы остатки другого крупного поселения — Кухна-Шахр, не имеющего четких границ; на площади в 10 *га*, пересеченной мелкими всхолмлениями и большими буграми, на поверхности встречается много керамики, обломков жженого кирпича и другого

[6] Совершенно бездоказательно утверждение почвоведа А. Ф. Шелаева, писавшего в 1928 г. об этом участке Кафыра: «это просто дамба, служившая когда-то защитной полосой от вод рукавов реки Вахш. Доказательством этому (а на мой взгляд, против этого. — *Т. З.*) служит то обстоятельство, что как раз по южную сторону этой дамбы сохранилось много искусственных сооружений в виде развалин прежних крепостей и бугров» [52, стр. 15].

подъемного материала. Над территорией поселения господствуют два высоких округлых тепе, на одном из которых был заложен шурф, материалы которого позволяют говорить о двух периодах обживания холма. Нижний слой датируется VII—VIII вв., когда существовала жизнь на городище Кафыр-тепе, а тепе, видимо, было одной из усадеб вокруг городища. Второй слой датируется XI—XII вв., т. е. тем же временем, что и кроющий слой всего поселения Кухна-Шахр[7].

Таким образом, археологические объекты в урочище Кара-Алан позволяют датировать существование канала Кафыр тем же временем, что и памятники чоргультепинской группы, — VII—XII вв., но вопрос о его функционировании в IX—X вв. остается открытым.

Горы Кзыл-Тумшук вместе с возвышенностью Урта-боз, останцом пятой террасы Вахша, образуют узкую горловину, через которую (как сейчас, так и в древности) каналы из северной части долины могут быть проведены в южную. Здесь остатки Кафыра не сохранились, но у северо-западной оконечности гор Кзыл-Тумшук они были вновь прослежены. Трасса шла вдоль отрогов Ак-Баша, следуя их изгибам, а иногда и врезаясь в полу склона. На некоторых участках валы канала не сохранились, но видны под современными постройками или легко читаются в рельефе недавно снивелированных под хлопчатник участков. Только на окраине г. Колхозабада их уже невозможно проследить, но общее направление трассы реконструируется по небольшим отрезкам канала к югу от Колхозабада, где они прослеживаются до селения Кок-тюбе. Здесь русло канала становится более узким, валы невысокие (до 1,5 *м*). Возможно, южнее Кзыл-Тумшука канал Кафыр разделялся на несколько небольших ответвлений. Остатки одного такого отвода, обнаруженные севернее г. Колхозабада, видимо, снабжали водой один из наиболее крупных археологических памятников долины — городище Кафыр-кала (на окраине Колхозабада).

Почти квадратное в плане (со стороной 360 *м*), городище Кафыр-кала (рис. 1, *8*) имело высокие стены и было окружено рвом, в настоящее время заболоченным. Высокая цитадель (в северо-восточном углу) была отгорожена от остальной части городища. Основная магистраль города делила его на две половины, а концы этой улицы упирались в ворота (одни — в середине западной стены города, другие — в середине восточной [9, табл. 71, *2*]). Проведенные в 1956—1957 гг. раскопки на городище [31, стр. 145—152; 21; ср. 20, стр. 172—176] вскрыли, в частности, большой зал (15×7 $м^2$), один из торцов которого имел возвышение-«эстраду» и широкую нишу, фланкированную трехчетвертными глиняными колонками (конический ствол опирается на шар, лежащий на усеченной пирамиде), а вдоль стен были устроены суфы. Раскопки показали, что городище Кафыр-кала — памятник многослойный. Зал с «эстрадой», на полу которого найдена эфталитская монета (типа Napki malka) и другие материалы[8], может быть датирован VI — серединой VII в., а возведена эта постройка на остатках более раннего здания (с монетой «сотера мегаса»), предварительная дата которого — со II—III по V в. Зал VI — середины VII в. был перекрыт слоем с остатками построек и интенсивной мусорной

[7] П. Г. Гаевский [11, стр. 29] сообщает о небольшом кладе, видимо происходящем с Кухна-шахр; монеты эти, по определению В. В. Бартольда, относятся к «монгольскому периоду — XII—XIII вв. и не позже XV в.». Выяснить дальнейшую судьбу этих монет мне не удалось.

[8] Более ранняя дата этого зала — III—IV вв. — в предварительном отчете [21, стр. 91] не подтвердилась, так как была предложена по переотложенным (из подстилающего зал здания) материалам.

свалкой конца VII—VIII в. (дата кроющего слоя — по монетам так называемого «тохаристанского типа»). Большие раскопки на цитадели Кафыр-калы, проведенные в 1968 г. под руководством Б. А. Литвинского, позволяют намеченную по результатам раскопок 1956—1957 гг. стратиграфическую картину считать справедливой для всего городища.

К II—V вв. относятся и другие поселения в окрестностях Колхозабада, к западу от него — холм Иски-тепе; поселение на возвышенности Кара-бура; остатки поселения на окраине Колхозабада, давшего прекрасную коллекцию каменных баз аттического профиля [35]. О заселенности окрестностей г. Колхозабада во II—IV вв. свидетельствуют и неоднократные находки кушанских монет (в том числе золотых) в этом районе. Но городище Кафыр-кала и перечисленные памятники II—V вв. расположены так, что могли снабжаться водой как из канала Кафыр, так и из другого магистрального канала долины — Джуйбара. Поэтому ранние даты жизни городища Кафыр-кала и его округи нельзя использовать при датировке канала Кафыр. Памятники на хвостовых ответвлениях Кафыра, которые могли получать воду только из него, не содержат материалов ранее VII в. Все это позволяет говорить о существовании и функционировании магистрального канала Кафыр в VII—VIII вв. и в XI—XII вв. Особенностью канала Кафыр в верхнем и среднем его течении является сравнительно узкая зона орошения, получавшая воду по коротким и немногочисленным отводам. Создается впечатление, что канал, очень экономно расходуя воду в верхнем и среднем течении, был проведен для снабжения водой главным образом южной части долины (южнее северной оконечности гор Кзыл-Тумшук), где расположено городище Кафыр-кала. Это городище, самый крупный раннесредневековый памятник долины, в VI—VIII вв., видимо, было главным городом долины — столицей владения У-ша=Вахш, о которой Сюан Цзян пишет, что она превосходила размерами столицы владений Цзюй-хэ-янь-на (Кобадиана) и Чи-о-янь-на (Чаганиана), хотя несколько уступала главным городам владений Да-ми (Термез) и Хэ-до-ло (Хутталь) [56, стр. 38—41]. Если предлагаемое отождествление правильно, то проведение к округе городища Кафыр-кала специального канала протяженностью более 100 *км* не должно казаться удивительным.

* * *

Северная и западная часть Вахшской долины орошается сильно разветвленной Джуйбарской системой (площадь командования около 400 *км*^{2}). О большой древности этой сети свидетельствует толщина культурно-ирригационных наносов в зоне Джуйбара (до 4—5 *м*). Джуйбар, будучи сооружением искусственным, уже успел превратиться в «речку» с меандрами, а на орошаемых им землях расположено большое количество археологических памятников. Наконец, как отметил А. М. Беленицкий, это единственный из больших каналов долины, сохранивший старотаджикское название — Джуй-бор. Все эти наблюдения, свидетельствующие о значительном возрасте Джуйбарской системы, не позволяли, однако, сколько-нибудь уверенно датировать ее.

Для реконструкции трассы Старого Джуйбара оказались очень важными те участки, на которых его направление не совпадало с современным действующим каналом. Одним из таких пунктов был отрезок головной части Старого Джуйбара, который прослеживался на протяжении полутора километров (с небольшими перерывами) на са-

мом берегу Вахша (ниже по течению, чем голова Кафырского канала), а далее его трасса совпадала с современным каналом. Другое, наибольшее, несовпадение трасс современного и Старого Джуйбара было отмечено начиная от разделения Старого Джуйбара на две ветки (примерно в 5 *км* севернее возвышенности Кчик-Урта-боз). Левая — Каралангская — ветка сохранилась в виде оплывшего двойного вала, огибавшего северо-восточный фас возвышенности Урта-боз. Она была прослежена на протяжении почти 10 *км,* до узкой горловины между Урта-бозом и северной оконечностью гор Кзыл-Тумшук, за которой остатки этого канала терялись. Находки на немногочисленных памятниках вдоль Каралангской ветки (поселение Урта-боз VII, состоявшее из 28 небольших тепе, разбросанных на площади примерно 200×350 $м^2$ — рис. 1, *16;* два отдельно стоящих тепе южнее поселения Урта-боз VII) дают верхнюю дату существования этого канала — X—XII вв. Но судя по размерам (канал мог забирать, видимо, примерно половину всей воды Старого Джуйбара) и направлению к Кзыл-Тумшукской горловине — воротам в южную часть долины, Каралангская ветка была проложена главным образом для того, чтобы орошать земли за Кзыл-Тумшукской горловиной, к северу и к западу от современного г. Колхозабада.

Остатки правой ветки Старого Джуйбара сохранились в 100—400 *м* восточнее современного канала и были прослежены (в виде валов шириною до 15 *м,* высотою до 2,5 *м*) на протяжении 12 *км* (с небольшими перерывами). Южнее возвышенности Урта-боз остатки старого канала терялись. Судя по расположению археологических памятников, здесь правая ветка Старого Джуйбара разделялась на несколько рукавов, один из которых подводил воду к городищу Лягман (или Золи Зард). Севернее этого городища, на участках небольшой протяженности, в 1957 и 1961 гг. удалось зарегистрировать остатки небольших (по-видимому, водораздаточных) арыков.

Городище Лягман — самое крупное в долине (рис. 1, *19*). Его площадь (42,5 *га*) занята современным селением, за исключением полосы вдоль Вахша, интенсивно разрушающего в этом месте берег (а вместе с ним — и городище). Три стороны городища (за исключением фаса, обращенного к реке) обнесены мощной стеной из пахсовых блоков (ширина по верху — от 5 до 6 *м,* высота — до 7 *м*) с четырьмя воротами, башнями, бойницами в два ряда и ступенчатым парапетом с внутренней стороны. Описания и упоминания городища часто (начиная с 70-х годов XIX в. [37]) встречаются в литературе [25; 51; 9 и др.], но раскопок здесь не производилось до 1962 г., когда в прибрежной части был заложен стратиграфический раскоп, доведенный до материка. Все пять жилых горизонтов, прорезанных раскопом, содержали материалы X—XII вв. Это подтверждает отождествление Лягмана с упоминаемым арабскими и персидскими географами городом Хелавердом, столицей области Вахш, которое было предложено А. М. Беленицким [7, стр. 121—123; 9, стр. 140—141]. Данные раскопа не исключают, конечно, что где-то на территории городища могло существовать и более раннее поселение. В частности, одно из тепе к северу от городища оказалось двухслойным памятником: нижний слой относится примерно ко II—IV вв., а верхний — к X—XII вв.

От остатков Старого Джуйбара на головном участке до его разделения на Каралангскую и Лягманскую ветки реконструировать трассу Старого Джуйбара можно только одним способом — проведя ее по современному каналу, проложенному по водоразделу этой части долины. Это подтверждается не только гидрогеологическими дан-

ными и заключениями почвоведов, но и расположением археологических памятников в зоне орошения Джуйбара, которые группируются по его современным отводам. Поэтому для датировки магистрального канала Джуйбар оказываются важными даты всех памятников, которые располагались (или могли располагаться) на его отводах.

Хвостовые разветвления лягманской ветки снабжали водой несколько групп памятников. Южнее Лягмана=Хелаверда (примерно в 12 *км*) расположена утенкалинская группа, наиболее крупные памятники в которой — крепость Утен-кала (рис. 1, *21*), квадратный в плане холм Шор-тепе и двухчастное тепе («замок») Туп-кала. Наиболее раннюю для этой группы памятников дату дает Шор-тепе (III—IV вв.), наиболее позднюю — кроющий слой Туп-калы, относящийся к X—XII вв. Другая группа памятников, снабжавшаяся джуйбарской водой, — это уже упоминавшиеся Иски-тепе (рис. 1, *20*) и другие памятники к западу от г. Колхозабада, одновременные нижним слоям городища Кафыр-кала (т. е. II—V вв.). Сохранившееся у подножия западной оконечности возвышенности Кара-бура одно из хвостовых ответвлений Джуйбарской системы предназначалось для снабжения водой крепостей Кум-тепе (рис. 1, *22*) и Кухна-кала (рис. 1, *23*), раскапывавшихся Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским в 1953—1954 гг. [29; 32; ср. 20]. Однако по заключениям почвоведов и ирригаторов вода по этому каналу не пошла, а городище Кухна-кала (как показали раскопки, так и недостроенное) не было обжито. Вопрос о дате этого неудачного ответвления непосредственно зависит от даты Кум-тепе и Кухна-калы. Погребения с кушанскими монетами (наиболее поздняя — царя Васудевы) в недостроенных помещениях Кухна-калы, а также значительное омоложение даты городища Кей-Кобад-шах (до III—V вв.), фортификационные сооружения которого близки кухнакалинским, позволяют внести коррективы в первоначальную датировку этих памятников. И строительство крепости Кухна-кала, и проведение в ней канала, видимо, следует относить (если исходить из даты погребений, служащей в данном случае *terminus ante quem* ко II—III вв.

Из Джуйбарской системы получали воду и памятники вдоль юго-западного фаса возвышенности Урта-боз. Кратко остановимся на двух памятниках, расположенных здесь [22, стр. 147—148]. Крепость Урта-боз II расположена на склоне возвышенности (рис. 1, *18*) и (по данным шурфа 1960 г.) может быть датирована III—V вв. Крепость Урта-боз I, у подножия возвышенности, в 400 *м* от Урта-боз II (рис. 1, *17*), квадратная в плане (со стороной 120 *м*), была обнесена стеной с башнями и имела цитадель (50×50 $м^2$). В 1962 г. велись раскопки внутри крепости, в 1963 г. на цитадели, показавшие, что постройка крепости и наиболее интенсивное ее обживание приходятся на VI—VII вв., но крепость была обитаема и в VIII в. (чаши с «пачкающим» ангобом, светлоангобированный кувшин с красно-коричневым ангобным кругом и другая керамика; в завале над этим слоем — монета «тохаристанского типа»).

Таким образом, археологические объекты в южной части долины, бравшие воду из Джуйбарской системы, датируются начиная со II—III вв. н. э. Верхняя дата — это конец XII — начало XIII в.

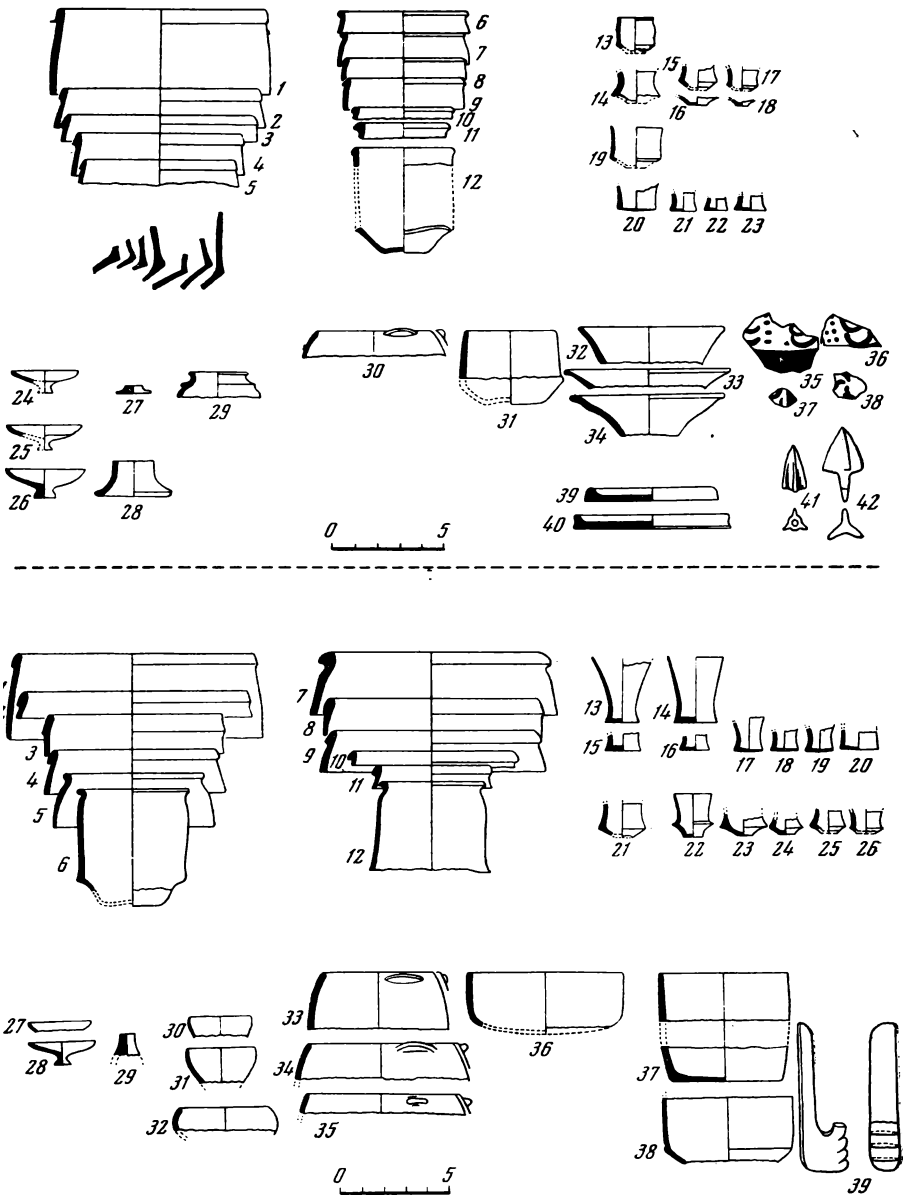
В северной половине долины археологические памятники образуют небольшие группы, соответствующие современным отводам от магистрального канала. Шурф на Таш-тепе (рис. 1, *14*) дал два слоя: VI—VIII и X—XII вв. Эти даты можно (до новых раскопок) распространить и на сам Таштепинский отвод, в зоне которого расположены еще два тепе (с кроющим слоем, судя по подъему, также X—XII вв.). Не-

большая мощность культурно-ирригационных наносов в этой части долины (1,5—2 *м* вместо обычных 4—5 *м*) — косвенное подтверждение того, что Таштепинский отвод функционировал менее продолжительное время, чем вся Джуйбарская система. В северо-западной части долины две большие группы памятников располагаются на двух других правых отводах Джуйбара — Заргарском и Каунтепинском. Заложенные здесь стратиграфические раскопы и шурфы (Заргар-тепе — рис. 1, *12;* Шор-тепе — рис. 1, *13*; Каун-тепе — рис. 1, *10*), а также подъемный материал показывают, что эта часть Джуйбарской системы функционировала начиная со II—IV вв. и вплоть до позднего средневековья (возможно, с небольшими перерывами для отдельных участков). Памятников ранее II—IV вв. в заргарской и каунтепинской группах не обнаружено.

Непосредственно на Старом Джуйбаре располагалось Кургантюбинское городище (рис. 1, *11*) — самый большой памятник в северной части долины. Как крепость он сохранял свое значение до начала XX в., но сейчас городище сильно разрушено и недоступно для изучения. По-видимому, Кургантюбинское городище — это остатки г. Левакенда, упоминаемого средневековыми географами [9]. На левых отводах Джуйбара (Гарвашар, Ильты и др.) расположены памятники, раскопки на которых (Кафыр-тепе — рис. 1, *5*) и подъемный материал дают те же даты существования системы, что и памятники на правых отводах.

Несколько подробнее необходимо остановиться на самом северном из отводов Джуйбарской системы — канале Болдай, в зоне которого зафиксировано шесть археологических памятников (в том числе Болдай-тепе — рис. 1, *9*). Уже при обследовании берега Вахша в том месте, где из него выводились каналы, наряду с головными участками Кафыра и Джуйбара были обнаружены остатки головы еще одного канала, самостоятельно бравшего воду из реки. Общая протяженность сохранившихся остатков этого канала свыше 600 *м*. Он расположен ниже по течению, чем голова Джуйбара, примерно на 800 *м,* а его водозаборное сооружение в русле реки должно было находиться еще выше по течению, что совершенно невозможно при действующей голове канала Джуйбар. Давно заброшенная и почти смытая рекой, головная часть этого канала, судя по направлению сохранившегося отрезка, выходила некогда на трассу канала Болдай, существующего сейчас только как отвод от Джуйбара. Поскольку одновременное функционирование голов Джуйбара и Болдая, расположенных очень близко, исключено, оставалось предположить, что сперва был проведен — как самостоятельный — канал Болдай, а после сооружения головы Джуйбара канал Болдай был превращен в один из отводов и его водозаборное сооружение на Вахше перестало существовать. Оставалось проверить это предположение раскопками памятников в зоне Болдая, что и было сделано в 1962 г. Стратиграфический раскоп на Болдай-тепе дал слои, оставленные двумя крупными периодами в жизни поселения на этом месте. «Нижний Болдай» (по бронзовым наконечникам стрел и керамике) можно датировать IV—III вв. до н. э. (см. рис. на стр. 51). Слой «Верхнего Болдая» оставлен поселением, которое возникло на этом месте после нескольких веков запустения, превративших «Нижний Болдай» в сглаженное и задернованное «тепе». «Верхний Болдай» (по керамике, синхронной верхнему слою Яванского городи-

[9] А. М. Беленицкий [9, стр. 141, 144] отождествил Левакенд с городищем Каунтепе, но раскопки на Каун-тепе (1962 г.) показали, что это городище было обжито до VIII в. и более поздних слоев не содержит.



Археологические материалы из «Нижнего Болдая»

2 — «Нижний Болдай — I» (ярусы X—XIV); № 1—39 — «Нижний Болдай — II» (ярусы XV—); 41, 42 — бронзовые стрелы из слоя «Нижний Болдай — I»; № 39 — костяной предмет из слоя «Нижний Болдай — II»; остальные номера — керамика

ща [28], и по кладу медных позднекушанских и кушано-сасанидских монет) уверенно датируется III—V вв. н. э. Необходимо отметить, что «Нижний Болдай» (как и «Верхний») членится на несколько жилых горизонтов, но, к сожалению, этот стратиграфический раскоп (чрезвычайно трудоемкий) не удалось довести до материка: на глубине 10 *м* выступили грунтовые воды, а культурный слой продолжался и ниже. Поэтому для Болдай-тепе не исключена и более ранняя, чем IV в. до н. э., нижняя дата. Данные о мощности культурно-ирригационных наносов в зоне орошения канала Болдай полностью согласуются с ранней археологической датой: здесь они достигают наибольшей в долине цифры — 6—8 *м*.

* * *

Исследования древних и средневековых каналов Вахшской долины и расположенных на них археологических памятников не были всесторонними. На первом этапе работ пришлось отказаться от решения таких важных вопросов, как ирригационная техника, профили каналов, перепады уровней, углы наклона ложа, пропускная способность каналов, а также от всего, что связано с проблемами водопользования. Главная задача (точнее, первоочередная) состояла в определении направления, протяженности и времени существования ирригационной сети в долине. Полученные результаты позволяют предложить следующую реконструкцию динамики ирригационной сети в долине. В IV—III вв. до н. э. (или несколько раньше) был выведен из Вахша канал, примерно соответствующий современному отводу Джуйбара — Болдаю. Орошавшаяся им площадь была не более 50 *кв. км* (протяженность канала — менее 10 *км*) — небольшая прибрежная полоса в северной части долины. По неизвестным нам причинам он, видимо, перестал функционировать и был возобновлен только в кушанскую эпоху, уже в качестве отвода от большого магистрального канала, проложенного во II—III вв., — Джуйбара. Работы по созданию Джуйбарской системы, за исключением нескольких отводов (например, Таштепинского), проложенных позднее, потребовавшие больших и, видимо, многолетних затрат труда, — первый этап ирригационного освоения долины в целом, так как только Джуйбарская система позволила снабжать водой южную часть долины (нижние слои городища Кафыр-кала близ Колхозабада и памятники в ее округе; утенкалинская группа памятников и др.). До VI в. н. э. включительно из Джуйбара получали воду все поселения, существовавшие в долине. Возможно, расширение орошаемых площадей в северной части долины (или иные причины), уменьшало количество воды, достигавшей южной половины. Судя по Кум-тепе и Кухна-кале, нехватка воды на юге ощущалась с самого начала существования Джуйбарской системы. Между тем восточная часть долины, остававшаяся неорошенной, была удобна для проведения еще одного магистрального канала. Где-то в VII в. (скорее в середине, чем в первой половине этого столетия) такой канал — Кафыр — был проложен и позволил оросить не только зону вдоль его трассы в северо-восточной части долины, но и самую южную часть долины, ранее никогда не орошавшуюся. В это время (VII—VIII вв.) ирригационная сеть в долине (и освоенные благодаря ей земли) достигает наибольшей величины. Площадь командования Джуйбарской системы (несколько расширившейся после того, как Кафыр стал доставлять воду в окрестности Кафыр-калы и южнее) составляет в это время более 450 *кв. км*. Система Кафыра, видимо, орошала примерно

300 *кв. км* (100 *кв. км* — в северной части долины, 200 *кв. км* в южной), почти полностью выпавших из культуры почти на семь столетий после того, как в конце XII — начале XIII в. Кафыр перестал функционировать. Значительное сокращение ирригационной сети (и площади орошаемых земель) происходит в конце XII — начале XIII в. также в северной и в западной части долины — в зоне Джуйбара. Начиная с XIII—XIV вв. и позднее Джуйбарская система, сильно сократившаяся, снабжает водой только северную часть долины, где и сосредоточены немногочисленные позднесредневековые памятники. Позднесредневековый упадок ирригационной сети происходил и под влиянием естественных факторов (засоление почв, заиливание каналов, усиление чашечного мезорельефа), вызванных примитивностью ирригационных сооружений и нерациональными способами их эксплуатации [10]. Но одновременный упадок Кафырской и Джуйбарской систем в конце XII — начале XIII в. можно объяснить только причинами военно-политического характера, хотя богатая большими и мелкими столкновениями история второй половины XII — первой четверти XIII в. предоставляет нам (при имеющихся возможностях археологических датировок) слишком большой выбор. Только большие раскопки на городище Лягман позволят, мне кажется, уточнить дату ирригационного запустения большей части долины и решить, связано ли оно с монгольскими завоеваниями (Термез был завоеван Чингиз-ханом к осени 1220 г.), со столкновениями Гуридов с огузами (последняя треть XII в.) или с какими-то другими событиями, не нашедшими отражения в источниках, но оказавшимися гибельными для оседлого населения Вахшской долины.

Итоги работ в Вахшской долине позволяют возвратиться к социально-экономическому аспекту изучения древней ирригации. Но выводы, которые при этом можно сделать, намного скромнее, чем существующие гипотетические концепции, и не всегда с последними согласуются. Создание небольшого по протяженности канала Болдай IV—III вв. до н. э. вряд ли потребовало усилий, намного превышающих возможности того сообщества людей, которое пользовалось его водой [11]. Нет оснований утверждать, что для проведения этого канала была необходима классовая организация общества и его — в той или иной форме — государственное устройство («централизующая власть правительства» с характерной для него функцией «организации общественных работ» [40, стр. 132]). Иначе говоря, в данном случае археологические материалы недостаточны для суждения об общественно-экономической формации, хотя сами по себе не исключают существования ни рабовладения (кстати, института рабства или рабовладельческого строя?), ни государства, если бы их наличие было доказано, а не только умозрительно постулировано. Ф. Энгельс считал, что орошение на Востоке является «делом общины, либо провинции, либо центральной власти» [53, стр. 221]. Канал Болдай явно не превышает пределов компетенции общины.

Совершенно по-другому выглядит — в плане социально-экономическом — факт проведения магистральных каналов долины Джуйбара

---

[10] В частности, сохранились сведения о больших ремонтных работах, проведения которых требовала Джуйбарская сеть в XVI в. — 987—993 гг. хиджры [6, стр. 304а—305а].

[11] Подсчеты вряд ли будут доказательны, так как известны только протяженность канала (10 *км*) и примерная площадь командования (50 *кв. км*), но мы не знаем ни числа поселений в зоне канала, ни сколько лет его прокладывали, ни орудий труда, которыми эти работы велись.

и Кафыра. Здесь уже требовалось участие администрации «области» (не ниже), хотя и неясно, играла ли она при этом руководящую роль (включая поставку рабочей силы) или только обеспечивала, например, для жителей южной части долины их беспрепятственный доступ для работ в северной части долины [12]. Исходя из общеисторической ситуации, проведение канала Джуйбар можно связать с распространением на правобережье Амударьи влияния кушанской центральной администрации, руководившей (если судить по Большой Сурхкотальской надписи и другим эпиграфическим памятникам кушанской эпохи) через своих чиновников разного рода работами по проведению воды. Если же следовать существующей схеме социально-экономического развития Средней Азии, то II—IV вв. — сооружение Джуйбара — приходятся на предполагаемый кризис предполагаемой рабовладельческой формации, который обычно связывают с представлением о всеобщем упадке и разрушении ирригационной системы. И в этом существующая концепция не подтверждается материалами из Вахшской долины (и даже противоречит им).

Одно из двух: или история Вахшской долины — частный случай, исключение из общих закономерностей развития древней Средней Азии, или же существующие гипотезы не отражают всех реально происходивших процессов. Хотя полевое изучение ирригационных остатков намного отстало (за исключением, видимо, Хорезма) от «теоретической» разработки этой проблемы, даже беглый обзор основных результатов показывает, что «частных случаев» накопилось довольно много.

Не затрагивая вопросов «лиманного» орошения [12; 26; 27; 49], обратимся к этапу создания больших ирригационных систем. Здесь схема и факты лучше всего согласуются для Хорезма [4; 12; 46; 47]. В Фергане же этот процесс, по Б. А. Латынину, начинается «с III в. до н. э., но длится также по IV в. н. э.» [26, стр. 28]; более узкая датировка невозможна, пока не решена проблема дат по «красноангобированной керамике». Магистральные каналы Даргом в долине Зеравшана и Салар (Боз-су) в Чаче, судя по предварительным сообщениям [13, стр. 11], построены в кушанскую эпоху; более древних магистральных каналов в этих районах не зафиксировано. В Южном Узбекистане (исследование древних каналов велось в основном археологами-любителями и инженерами-ирригаторами в дореволюционное время [2; 3; 24 и др.]) известны остатки большого магистрального канала Занг в долине Сурхандарьи [1], следы древней ирригации в окрестностях Термеза [10; 41] и другие остатки каналов, но работ по их датировке, как показывают публикации, не проводилось. В самых общих словах зафиксировано наличие старых каналов в Северном Афганистане, в районе Кундуза [57, стр. 16] и Балха, хотя уже четверть века назад отмечалось, что «детальное их изучение — необходимое дополнение к любой программе систематических раскопок в Бактрии» [55, стр. 54—55; ср. 54].

Выше уже была отмечена ненадежность заключений М. М. Дьяконова об ирригации в долине Кафирнигана [15; 16]. Кушанским временем датируются каналы и недостроенная система кяризов в Биш-

[12] Естественногеографические условия долины и археологические данные позволяют предполагать, что (во всяком случае, для отдельных периодов) какой-то антагонизм между «южанами» и «северянами» существовал. В частности, показательно расположение мощной крепости Урта-боз I VI—VII вв. (рис. 1, *17*) у Кзыл-Тумшукской горловины — единственного места, где «северяне» могли без вреда для себя лишить «южан» воды.

кентской долине, но полной публикации этих памятников, к сожалению, пока не появилось [38, стр. 88—89; 39, стр. 24—26]. Не было крупных магистральных каналов в Гиссарской долине, археологическое обследование которой в основном выполнено; ее орошение строилось на сети сравнительно коротких каналов, выведенных из Ширкентдарьи, Каратагдарьи, Ханакадарьи, Варзобдарьи, р. Иляк и верхнего течения р. Кафирниган, — каналов, как правило, давно превратившихся в «речки», но прослеживаемых по расположению археологических памятников [ср. 43; 17]. В долинах р. Кзыл-су и Сарай-комарской (Пянджской), где остатки ирригационных сооружений были обследованы автором в 1961—1963 гг., намечается, по предварительным данным, довольно четкая картина водоснабжения древних и средневековых поселений. Левобережье р. Кзыл-су, насыщенное археологическими объектами разных типов и снабжавшееся водой магистрального канала Зульм (частично совпадающего с современным каналом), в основном повторяет схему водоснабжения Вахшской долины, но Сарай-комарская излучина долины Пянджа орошалась по несколько иной схеме. В 20 *км* выше сел. Пяндж (бывш. Кировабад) из р. Пяндж был выведен магистральный канал (протяженность около 50 *км*), шедший параллельно берегу на запад, за городище Файзабад-кала. Возможно, этот канал старше Джуйбара, но наибольшего расцвета оазис достигает (как и Вахшская долина) в раннесредневековый период. Можно было бы продолжить этот краткий перечень древних ирригационных систем, далеко не всегда подходящих под рамки социально-экономических реконструкций (и даже под рамки, намеченные проспектом историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана [5]).

Несомненно, что схема социально-экономической жизни древней Средней Азии, разработанная С. П. Толстовым и другими исследователями, останется в истории науки как одно из наиболее ярких достижений среднеазиатской археологии 30—40-х годов. Но четко наметившийся сейчас разрыв между этой гипотезой и новыми накопленными фактами по древней ирригации (разрыв, вполне естественный для развития науки) ясно обнаруживает прежде всего неуниверсальный характер существующей схемы. В какой степени должны измениться наши представления о социальной структуре древней Средней Азии,— решение этого вопроса может зависеть от того, насколько интенсивно будут изучаться в ближайшие годы остатки древних каналов, ежегодно уничтожаемые ножом бульдозера или ковшом экскаватора при современном размахе строительно-ирригационных работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбаум Л. И., Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана, Ташкент, 1960.
2. Ананьев А. Г., Орошение «Ширабадской долины» водами реки Сурхана, Ташкент, 1911.
3. Ананьев А. Г., Ширабадская долина, СПб., 1914.
4. Андрианов Б. В., Археолого-топографические исследования древней ирригационной сети канала Чермен-яб, — ТХЭ, 1958, т. II, стр. 311—328.
5. Андрианов Б. В., Раздел «Земледелие и ирригация» в историко-этнографическом атласе Средней Азии и Казахстана [проспект],— «Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана», М.—Л., 1961, стр. 137—146 (ТИЭ, нов. серия, т. XLVIII).
6. Бадр ад-дин ал-Кашмири ибн Абу ас-Салам ал-Хусейни ибн Сейид Ибрахим, *Равзат ар-ризван ва хадикат ал-гилман* (РФ ИВАН УзССР, рук. № 2094).

7. Беленицкий А. М., Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э., — «Труды согдийско-таджикской археологической экспедиции», М.—Л., 1950, т. I, стр. 109—127 (МИА, № 15).
8. Беленицкий А. М., О рабовладельческой формации в истории Средней Азии, — «Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии (1—7 апреля 1968 г.)», Л., 1968, стр. 37—39.
9. **Беленицкий А. М.,** Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г., — «Труды согдийско-таджикской археологической экспедиции», М.—Л., 1950, т. I, стр. 140—146 (МИА, № 15).
10. Букинич Д. Д., Каналы древнего Термеза, — «Термезская археологическая экспедиция», Ташкент, 1945, т. II, стр. 191—195 (ТАН УзССР, серия I. История, археология).
11. Гаевский П. Г., Курган-тюбинское бекство, — ИРГО, Пг., 1923, т. IV, стр. 14—67.
12. **Гулямов Я. Г.,** История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.
13. Гулямов Я. Г., Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии, — «Общественные науки в Узбекистане», 1968, № 8, стр. 5—13.
14. **Гулямова Э., Займаль Т. И.,** Находки в районе Перепадной ГЭС, — «Археологические работы в Таджикистане в 1955 году», Сталинабад, 1956, стр. 98—100 (ТАН ТаджССР, т. LXIII).
15. Дьяконов М. М., Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951 гг.), — «Труды Таджикской археологической экспедиции», М.—Л., 1953, т. II, стр. 253—293 (МИА СССР, № 37).
16. Дьяконов М. М., Сложение классового общества в Северной Бактрии, — СА, 1954, т. XIX, стр. 121—140.
17. Займаль Е. В., Археологические разведки в Гиссарской долине, — «Археологические работы в Таджикистане», вып. VI (1958 г.), Сталинабад, 1961, стр. 121—136 (ТАН ТаджССР, т. XXVII).
18. Займаль Т. И., Античное поселение в урочище Халкаджар, — «Археологические работы в Таджикистане», вып. VI (1958 г.), Сталинабад, 1961, стр. 159—166 (ТАН ТаджССР, т. XXVII).
19. Займаль Т. И., Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г., — «Археологические работы в Таджикистане», вып. VIII (1960 г.), Душанбе, 1962 (ТАН ТаджССР, т. XXXIV).
20. Займаль Т. И., Из прошлого Вахшской долины, — сб. «Археологи рассказывают», Сталинабад, 1959, стр. 166—179.
21. Займаль Т. И., Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г., — «Археологические работы в Таджикистане в 1957 году» (вып. V), Сталинабад, 1959, стр. 83—93 (ТАН ТаджССР, т. CIII).
22. Займаль Т. И., Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г., — «Археологические работы в Таджикистане», вып. VII (1959 г.), Сталинабад, 1961, стр. 143—152 (ТАН ТаджССР, т. XXXI).
23. Займаль Т. И., Средневековая гончарная печь в Октябрьском районе, — «Археологические работы в Таджикистане в 1955 году», Сталинабад, 1956, стр. 95—98 (ТАН ТаджССР, т. LXIII).
24. Кастальский Б. Н., Историко-географический обзор Сурханской и Ширабадской долин, — «Вестник ирригации», Ташкент, 1930, № 2, стр. 64—88, № 3, стр. 1—17; № 4, стр. 1—19.
25. Косяков П. Е., Путевые заметки по Каратегину и Дарвазу в 1882 г., — ИРГО, 1884, т. XX, стр. 589—613.
26. Латынин Б. А., Вопросы историй ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы, Л., 1962.
27. Латынин Б. А., Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии, — СА, 1959, № 3, стр. 19—27.
28. Литвинский Б. А., Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии, — ВДИ, 1967, № 4, стр. 118—137.
29. Литвинский Б. А., Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе), — КСИИМК, 1956, вып. 64, стр. 68—76.
30. Литвинский Б. А., Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г., — «Археологические работы в Таджикистане в 1954 году», Сталинабад, 1956, стр. 77—88 (ТАН ТаджССР, т. XXXVII).
31. Литвинский Б. А., Гулямова Э., Займаль Т. И., Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956 г.), — «Археологические работы в Таджикистане в 1956 году», вып. IV, Сталинабад, 1959, стр. 129—152 (ТАН ТаджССР, т. XCI).
32. Литвинский Б. А., Давидович Е. А., Предварительный отчет о работе Хут-

тальского отряда в Вахшской долине в 1953 г., — ДАН ТаджССР, Сталинабад, 1954, № 11.
33. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Аджина-тепе. Архитектура — скульптура — живопись, М., 1970 [в печати].
34. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Буддийский сюжет в живописи Средней Азии (к интерпретации сцены дароносцев из Аджина-тепе), — СЭ, 1968, № 3, стр. 106—112.
35. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Каменные базы колонн из Вахшской долины, — «Известия отд. общ. наук АН ТаджССР», Сталинабад, 1960, вып. 1 (22), стр. 73—79.
36. Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г., — «Археологические работы в Таджикистане», Душанбе, 1964, вып. IX (1961 г.), стр. 76—92 (ТАН ТаджССР, т. XLII).
37. [Маев Н. А. под псевдонимом] Ф. Жуков, Верхнее течение Аму-Дарьи, — «Туркестанские ведомости», 1880, № 12, 17, 21.
38. Мандельштам А. М., Послекушанские погребения в Северной Бактрии, — КСИИМК, 1963, вып. 94, стр. 88—93.
39. Мандельштам А. М., К истории Бактрии — Тохаристана (некоторые археологические наблюдения), — КСИА, 1964, вып. 98, стр. 23—28.
40. Маркс К., Британское владычество в Индии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 9, изд. 2, М., 1957, стр. 130—136.
41. Массон М. Е., Городища Старого Термеза и их изучение, — «Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г.», [т. I], Ташкент, 1941, стр. 5—122 («Труды Узб. фил. АН СССР, серия I. История, археология», вып. 2).
42. «Почвы Вахшской долины и их мелиорация», под ред. Н. И. Антипова-Каратаева и А. В. Жигачева, Сталинабад, 1947.
43. Стеткевич [П.], Бассейн Каратаг-Дарьи. Военно-статистический очерк. 1889 г., — «Сборник материалов по Азии», вып. LVII, СПб., 1894, стр. 234—284.
44. Толстов С. П., Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948.
45. Толстов С. П., Основные вопросы древней истории Средней Азии, — ВДИ, 1938, № 1, стр. 72—81.
46. Толстов С. П., По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962.
47. Толстов С. П., Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., — ТХЭ, М., 1958, т. II, стр. 7—258.
48. Толстов С. П., Тирания Абруя, — ИЗ, 1938, № 3, стр. 3—53.
49. Толстов С. П., Андрианов Б. В., Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме, — КСИЭ, 1957, вып. XXVI, стр. 5—11.
50. Февралёв Н., Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи. От Калы-Ванч до Керки, — «Военный сборник», 1895, № 9, 10.
51. Чейлытко В., Древний город Лягман (к археологическому обследованию долины Вахша), — газета «Коммунист Таджикистана», 1936, 23 мая, № 117 (1907).
52. Шелаев А. Ф., Почвенный очерк Курган-тюбинской долины и острова Арал-Тугай Курган-тюбинского вилайета Таджикской автономной ССР, 1928 (Архив Института Гипроводхоза Таджикской ССР, № 03—21).
53. Энгельс Ф., Письмо к К. Марксу от 6 июня 1853 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 28, изд. 2, М., 1962, стр. 216—223.
54. Allchin F. R., The cultural sequence of Bactria, — «Antiquity», 1957, № 123, стр. 131—141 (=«Afghanistan», 1960, № 1, стр. 1—20).
55. Bardger E. and Wright Ph., Excavations in Swat and explorations in the Oxus territories of Afghanistan, Dehli, 1941 («Memoirs of the archaeological Survey of India», № 64).
56. [Beal S.,] Si-Yu-Ki, Buddhist records of the Western World. Translated from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629), vol. I, London, 1906 (Trubner's Oriental series).
57. Fischer K., Preliminary notes on some ancient remains at Qunduz, — «Afghanistan», 1961, vol. XVI, № 1, стр. 12—26.

Б. И. Маршак

К ВОПРОСУ О ВОСТОЧНЫХ ПРОТИВНИКАХ ИРАНА В V в.

В последние годы проблемы, связанные с восточной политикой Сасанидов, оживленно обсуждаются в научной литературе, посвященной истории Средней Азии и Афганистана. Об этих проблемах речь идет и в специальных главах обобщающих трудов [10; 11; 12; 5], и в статьях [3; 8; 9; 18; 25], и в многотомных исследованиях [20; 27], и, наконец, в рецензиях на исследования [33].

Все эти труды, появившиеся за последние полтора десятилетия после обобщающей книги Р. Гиршмана [26], можно разделить на две группы: работы, связанные с европейской научной традицией изучения арабо-персидских, армянских и византийских авторов, и работы, опирающиеся почти исключительно на независимые от этой традиции материалы — монеты и китайские источники. Вторая группа работ [7; 25; 27] находится в противоречии с первой. Согласно работам второй группы враги на восточной границе сасанидского государства до конца V в. находились не западнее и не севернее территории современного Афганистана, тогда как по работам первой группы получается, что противники Сасанидов (кидариты, хиониты или эфталиты) находились также и в Мавераннахре, и в юго-восточном Прикаспии.

Как показал В. Г. Луконин [7] на основании анализа кушано-сасанидских монет, захват Сасанидами кушанских владений в Афганистане относится к 370—380 гг., а полностью они оставили эти владения не ранее 460-х годов. Монеты кидаритов и других предшественников эфталитских монархов VI в. появляются не ранее конца IV в. Эти монеты подражательны по отношению к сасанидским, они связаны с территориями южнее Амударьи. Одновременно со статьей В. Г. Лукониной появилось многотомное исследование Р. Гебля, который относит к 371—385 гг. всех сасанидских правителей кушанских земель, а к 385—440 гг. всех кидаритов [27, I, стр. 24]. Проблемы, затронутые в книге Р. Гебля, настолько велики и многообразны, что нуждаются в специальном рассмотрении. Отметим только, что материалы Р. Гебля не дают оснований для отказа от предложенной В. Г. Лукониным датировки кушано-сасанидских правителей.

К. Эноки показал, что по китайским источникам к 479—510 гг., а не ранее относится экспансия эфталитов на север и на восток от Тохаристана.

В 435—450 гг. китайские авторы не отмечают присутствия эфталитов на территории Мавераннахра [9].

Однако в других источниках есть сведения, которые обычно понимаются как нашествие на Иран хионитов (или эфталитов) из Мавераннахра при Варахране V (426 г.), а также сведения о войнах Йез-

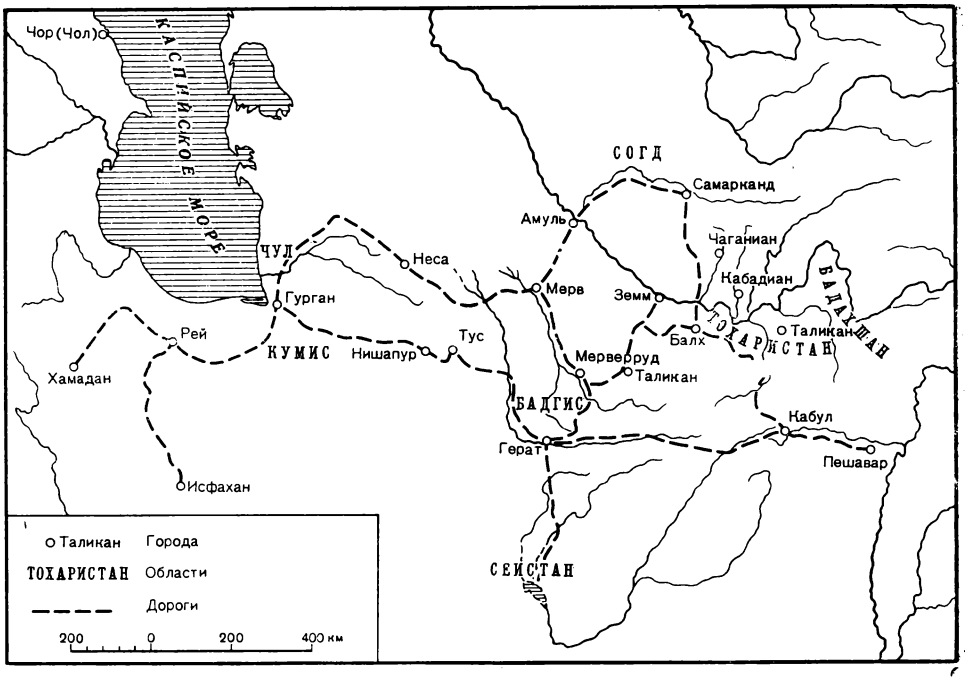
дигерда II и Пероза с кидаритами, кушанами, гуннами, хионитами и эфталитами, которые относят к территории юго-восточного Прикаспия. Такие сведения, казалось бы, говорят о том, что в V в. вся хорасанская граница была зоной столкновений Ирана с могущественной враждебной державой или с коалицией враждебного государства и союзных ему кочевников [8]. Создается впечатление, что две группы источников противоречат друг другу. Однако у византийских, сирийских, арабских, персидских, армянских авторов есть сообщения, которые не укладываются в концепцию о едином государстве или о коалиции от Каспия до Памира.

Прежде всего, надо отметить, что ни один из древних авторов не говорит о двух фронтах: в Прикаспии и в Тохаристане, но, говоря об одной и той же войне, разные авторы позволяют связывать ее с разными территориями. Егише Вардапет, участник войн Йездигерда II против «хонов, которых называют также кушанами», пишет о военных действиях с 442 по 449 г., о походе 450 г. и о походе 454 г.; он приводит указ царя, назначившего сбор войск для первого похода в Апаре (округа Нишапура), что само по себе свидетельствует о восточном, а не северном направлении похода. Сведения о более поздних кампаниях не оставляют сомнения в том, что речь идет о походах в Тохаристан [4, стр. 13—19, 30—31].

Сирийская хроника г. Карка де бет Селох сообщает, что после 446/7 г. Йездигерд II отправился в провинцию Чол (Чор), разбил местных царьков и построил там город Шахристан — Йездигерд. Считают, что речь идет о войне на восточном берегу Каспия, где позднее жили тюрки, предводителя которых называют дехканом Сулом (Чулом) [28, стр. 277—281]. В VII — начале VIII в. Сул был главным врагом арабов в этом районе. Однако известны два Чола (Чора, Чула, Сула) — в районе Гургана и в районе Дербента, которые постоянно путаются в источниках, начиная с позднесасанидского времени. У Табари говорится о постройке Перозом в стране Сул укреплений для защиты от нападений абхазов, банджаров, баланджаров и аланов, т. е. о постройке крепости в Дербенте, но через несколько строк говорится о строительстве Хосрова I в той же местности, причем указывается, что строительство велось из камня, добытого в Гургане. На следующей странице упоминается столкновение Хосрова с тюркским каганом, причем снова, хотя излагается один эпизод, в одной строке появляется граница Армении, а в другой — граница Гургана [19, стр. 453—454; 21, стр. 895—896]. После того как во второй половине VI в. тюрки появились у стен Дербента и в Чуле на востоке от Каспия, хронисты часто оказывались не в состоянии разобраться, о какой из этих местностей говорилось в сочинениях, более близких по времени к событиям V в. Сообщение «Списка столиц» [30] восходит к позднесасанидским источникам, в которых, как показывает анализ опирающегося на них Табари, спутаны оба Чола.

Егише отмечает успехи Йездигерда к 11-му году его правления (449 г.) и в борьбе с кушанами, царь которых «был обессилен», и в борьбе с гуннами, которые нападали на Иран через ущелье Чора [4, стр. 19]. Приск Панийский сообщает о набеге гуннов на Иран около 448 г. [17, стр. 62]. Егише пишет о строительстве персами крепости в Чора на Кавказе при Йездигерде [4, стр. 28], и о расположенном неподалеку от Чора г. Шахристане [4, стр. 127], и о войнах, шедших в середине V в. в восточном Закавказье.

Что же заставило почти всех специалистов [14, стр. 44; 28, стр. 277—281; 30, стр. 38, 43 и др.] считать, что в рассказе сирийской



Иран и его восточные соседи в V в.

хроники сообщается о событиях в восточном, а не в западном Прикаспии? Видимо, здесь сказалось то, что по Приску войны Переза с кидаритами, а по Прокопию Кесарийскому и роковой для Переза бой с эфталитами происходили близ Гургана (Горго) [17, стр. 90—91; 15, стр. 21—38]. О войне с кидаритами сведения сохранились только у Приска, и это затрудняет анализ. Что же касается последнего похода Переза, то о нем писали многие. Авторы, чьи сведения восходят к сасанидской исторической традиции, дают несколько версий. Но все они относят столкновение к Тохаристану. Римские и византийские историки имели весьма смутное представление о землях, лежавших к востоку от Гургана (Гиркании). Даже Аммиан Марцеллин, который лучше других знал географию Ирана, считал, что Амударья течет через Гирканию, что Маргиана окружена горами и граничит с Гирканией, что Теджен относится к Бактрии и впадает в Амударью [6, стр. 11, 186—188]. Прокопий Кесарийский описывает местность, в которой был окружен Пероз, как горную долину, очень длинную, окруженную «крутыми горами, покрытыми чащей густых деревьев», и помещает ее около Гургана [15, стр. 21—38]. Восточные авторы, говоря о походах Сасанидов, также упоминают Гурган, но не как конечный пункт иранских земель, а как важный район, который не могла миновать царская армия, шедшая из западного Ирана в Хорасан. Так, Егише пишет о походе Йездигерда в 454 г.: «Он перешел землю Вркан и, когда достиг страны Апар, то приказал в крепости г. Нишапур задержать пленными князей и священников, которых вел с собой» [4, стр. 235—236]. Соприкосновение с противником произошло позже.

В легенде о войне Варахрана V с тюрками, в версии, приведенной у Динавери, маршрут похода описывается так: Гурган — Неса — Мерв [19, стр. 475]. В начале VII в. наместником Гургана был армян-

ский нахарар Смбат Багратуни. В 608 г. (18-й год Хосрова II) Смбат с войском через Кумис и Гурган, где он пополнил свои отряды, пошел на Хорасан, разбил «кушан» и, «вернувшись оттуда, расположил войско в Апар-шахре, в области Тос (Тус)» [18, стр. 142; 16, стр. 70—73]. Это сообщает Себеос — младший современник и родич Смбата. Таким образом, Гурган в подробных рассказах восточных авторов оказывается не ближним тылом сасанидской армии, а ее глубинной базой, связанной как с Хорасаном, так и с центральными районами Ирана.

То, что византийские послы застали Пероза, шедшего на кидаритов, в Гургане, как и то, что, находясь в Гургане, Пероз объявил войну эфталитам [13, стр. 42], свидетельствует о важной роли Гургана как исходного пункта больших походов на восток, той роли, которую этот район продолжал играть еще в начале VII в., но это не доказательство того, что целью походов были окрестности Гургана. Опасные для Ирана столкновения в восточном Прикаспии начались после смерти Смбата (в 618 г.), когда армянские войска, составлявшие при Смбате основную часть гурганской армии, восстали и перешли на сторону тюрок. С тюрками они обошли Каспийское море и вернулись на родину в 628 г. во время тюркского похода через Чор (Дербент) [16, стр. 76]. Видимо, тюрки Сула захватили Гурган только после 618 г.

В 620-х годах, когда западнотюркский каган Тун шеху вел победоносную войну с Ираном на трех фронтах: в районе Гиндукуша [22, стр. 24], в Гургане и в Восточном Закавказье, у иранцев стали складываться легенды о победителе тюрок Бахраме Чубине, которые должны были получить особую популярность в страдавшем от тюркских набегов Хорасане. К последним десятилетиям существования сасанидского государства относятся, видимо, и другие легенды о победителях тюрок, причем победы над хаканом стали приписывать нескольким сасанидским царям, которые жили задолго до появления тюрок на исторической арене. Прославленный победитель — Бахрам Чубин был узурпатором. Легитимистское сознание сасанидского общества требовало другого героя, законного обладателя фарра. И вот наряду с романом о Бахраме Чубине появляется роман о Бахрам Гуре, законном царе и победителе тюрок. До нас дошли версии этого романа, включенные в сочинения Табари, Бал'ами, Динавери и других историков, а также его поэтический пересказ у Фирдоуси. Абсолютная недостоверность и беллетристический характер большинства эпизодов романа очевидны. Тюркский эпизод тоже изобилует анахронизмами и легендарными подробностями.

Прежде всего, враги Бахрама Гура названы тюрками, которых возглавляет хакан, упоминается и жена хакана — хатун. Все это перенос в первую треть V в. реальной обстановки конца VI — начала VII в., отразившейся и в романе о Бахраме Чубине. Огромное войско тюрок в 250 тыс. человек, угрожавшее самому существованию Ирана, гигантская добыча, взятая у тюрок, и многие другие детали в совокупности могут быть поняты не только как обычное преувеличение, но и как анахронизмы. Интересно, что, повествуя о событиях более позднего времени, хроники называют современников Пероза и Кавада эфталитами, а не тюрками, причем их предводителя почти всегда называют не хаканом, а просто царем эфталитов.

Это показывает вставной характер всего эпизода.

Сама фабула явно авантюрна. Полчища хакана появляются на границах Ирана. Шах Бахрам Гур, оставив наместником своего брата Нарсе, уезжает в Азербайджан охотиться. Подданные решают, что

царь «бежит от врага и предает свое царство» [21, стр. 863, 864; 19, стр. 445]. Они готовы подчиниться хакану и платить ему налоги. Бахрам скрытно подходит к лагерю хакана и хитростью наводит ужас на войско врага. По Табари, с Бахрамом было только 300 воинов и 7 вельмож [32, стр. 105]. Динавери рассказывает, как персы привязали к шеям 7 тыс. жеребят надутые воловьи шкуры, в которые перед этим набросали камней, а затем погнали этих жеребят в сторону противника, чтобы напугать его шумом [19, стр. 475]. Бахрам Гур своими руками убивает хакана, захватывает в плен хатун, берет венец хакана и неисчислимую добычу. Затем персы переправляются через Амударью и ставят башню, как пограничный знак, на новой границе в глубине страны тюрок [1]. Наместником на востоке Бахрам оставляет Нарсе, а сам возвращается в Иран и освобождает народ от налогов за три года «в благодарность за дарованную ему победу».

Этот Нарсе снова появляется как наместник всего государства в рассказе Бал'ами о полностью вымышленных приключениях Бахрама в Индии [36, стр. 125]. Судя по тому, что в дальнейшем изложении у Бал'ами к Нарсе отнесены сведения, которые у Табари сообщаются о министре Михр-Нарсе (ср. [36, стр. 125—126] с [32, стр. 138—112]), можно предположить, что брат Бахрама вообще вымышленная фигура. Рассказы о Бахраме Гуре и Нарсе были известны не только как часть хроники, но и как отдельная книга. В Фихристе упоминается среди других сасанидских романов сочинение под названием «Бахрам Гур и его брат Нарсе» [23, стр. 58].

Все, о чем шла речь, как будто позволяет отнести тюркский эпизод к таким же вымышленным, как и индийский. Этому, казалось бы, противоречит топографическая достоверность некоторых версий (Динавери, Фирдоуси). Нападение тюрок из Мавераннахра на окраины Мервского оазиса, подход подкреплений к персам со стороны Гургана через Нису, преследование тюрок через пустыню до Амуля — все это, видимо, отражает какие-то реальные столкновения, но скорее столкновения не V, а VII в. Авторы средневековых романов, когда они писали о знакомых местах, вообще дают достоверную топографию при полной недостоверности сообщаемых «исторических» сведений. Таким был, например, как показал В. В. Бартольд, известный роман об Абу Муслиме [1, стр. 189—194].

Таким образом, у нас нет достоверных данных о каких-либо войнах на северной границе Хорасана до прихода тюрок во второй половине VI в.

Более достоверные сведения имеются о событиях на восточной границе. Борьба Йездигерда II с хонами — кушанами в 50-х годах V в. и борьба Пероза в 60-х годах того же века с кидаритскими гуннами — это, вероятно, войны с одним и тем же противником [8, стр. 66—67, 70—72]. Поскольку инициатива первых кампаний Йездигерда II исходила от него, можно считать, что война шла на кушанской территории. Одна из битв произошла у Мерверруда [18, стр. 141—142; 29, стр. 302], следовательно, к началу походов 442 г. вся Бактрия была оставлена Сасанидами. Варахран, «великий шах кушан», начавший править в 389 г. в качестве сасанидского наместника [7, стр. 30—32], видимо, лишился своих земель задолго до 440-х годов, поскольку Егише, говоря об аргументах, которые приводились совет-

[1] Здесь, возможно, параллелизм с романом о Бахраме Чубине. Себеос пишет, передавая одну из сасанидских версий этого романа, что, наступая за Амударьей, Бахрам Чубин «прошел дальше копья храброго Спандиата (Исфандиара), о котором говорят варвары, что он достиг войной этого места и воткнул в землю копье свое» [16, стр. 31].

никами Йездигерда в пользу объявления войны кушанам, даже не упоминает о том, что кушанские земли недавно принадлежали Ирану [4, стр. 13—14]. Горный проход в страну кушанов, о котором пишет Егише, — это скорее всего теснины верхнего Мургаба, так как дальше дорога на Балх идет по доступной местности.

В ходе войн Йездигерд II не только опустошал территорию противника, но и брал крепости. К 449 г., как отмечает Егише, он держал верх над кушанами. Поход 450 г. скорее всего был направлен в более отдаленный район. Егише называет этот район Итагакан (Италакан) [4, стр. 33]. Персы взяли много городов и крепостей. Италакан издавна сопоставляют с названием эфталитов [35, стр. 15], но тогда странно, что Егише не упомянул этих новых врагов и продолжал писать только о войне с кушанами. И. Маркварт справедливо увидел здесь название города или округа Таликана (Тагакан — Талакан у Себеоса) [31, стр. 56]. «И» в начале слова могло появиться у позднего переписчика под влиянием сходного написания названия Италия [29, стр. 188]. Занятие Таликана было наибольшим успехом Йездигерда. В 454 г. кушаны разбили его арьегард и произвели успешные набеги на сасанидские владения, но Егише не говорит ничего об отвоевании ими каких-либо земель. В 456 г., судя по сообщению Приска [17, стр. 84], Йездигерд снова воевал с кидаритами, которые отказались платить ему дань.

Если в первой части этой статьи главными были вопросы о двух Чолах и роли Гургана в войнах V в., то сейчас главным становится вопрос о двух Таликанах: хорасанском и тохаристанском. Хорасанский Таликан расположен неподалеку от Мерверруда, а тохаристанский — между Балхом и Бадахшаном. Если Йездигерд II дошел только до хорасанского Таликана, то его огромная армия, от генерального сражения с которой уклонялся противник, за 8 лет, взяв много крепостей, прошла два дневных перехода от Мерверруда до Таликана [2, стр. 255]. Едва ли успех мог быть таким незначительным.

С другой стороны, если он дошел до тохаристанского Таликана, то в его руках оказалась почти вся Южная Бактрия. Йездигерд II возобновил традицию назначения кушаншахами сасанидских принцев. Он назначил своего сына Хормизда, а затем другого своего сына Пероза правителями в кушанских землях [7, стр. 22—32]. Хормизд остался правителем Сеистана [32, стр. 115][2]. С восточной политикой Йездигерда как-то связано серебряное блюдо, на котором этот царь изображен с женой. На голове царицы надета корона — вариант короны последнего до Йездигерда II сасанидского кушаншаха Варахрана. Блюдо представляет собой, по-видимому, более позднюю копию с оригинала V в. [34, стр. 101]. В связи со всем этим представляется более вероятным, что поход 450 г. был направлен на Таликан в Тохаристане.

Пероз, правивший в кушанских владениях во время царствования его брата Хормизда (457—459), бежал к эфталитам и с их помощью захватил престол. За это он, как сообщает Табари, передал эфталитам Таликан. По Бал'ами, он отдал Таликан эфталитам и сам оставался в Таликане, куда к нему прибывали эмигранты из Ирана [36, стр. 127—128]. Война между братьями длилась два года [4, стр. 332]. Когда Пероз победил, он снова начал борьбу на востоке, причем ему в 60-х годах пришлось бороться с кидаритами и только в 70-х годах с эфталитами. Таликан, который он сдал эфталитам, был, по предпо-

[2] По Бал'ами, в Сеистане правил Пероз [36, стр. 127].

ложению Нельдеке, хорасанским Таликаном [32, стр. 116]. Но это могло иметь место только в том случае, если название «эфталиты» означает в этом контексте то же, что кидаритские гунны у Приска, поскольку иначе нельзя понять, почему соседями Пероза оказались кидариты, а не дошедшие до границы Хорасана эфталиты. Однако и смешение названий здесь маловероятно, поскольку различны сами ситуации: эфталиты в начале правления Пероза — его союзники, а вражду к кидаритам он унаследовал от Йездигерда II.

Но не приведет ли к еще большим противоречиям вывод о том, что отданный Таликан находился в Тохаристане? Если принять это предположение, которое нам кажется более вероятным, то последовательность событий восстанавливается так: в 457—459 гг. во время гражданской войны в Иране Таликан и его округ переходит в руки эфталитов, которые, согласно Эноки, в то время жили главным образом в районе Бадахшана, а Балх возвращают себе кидариты. Боло, или Балаам (т. е. Бахл-Бами?), по китайским и византийским источникам — город в стране кидаритов, который часто (например, 32, стр. 119) отождествляют с Балхом. К концу 60-х годов V в. Пероз побеждает кидаритов и оказывается лицом к лицу с эфталитами. Он ведет несколько войн против эфталитов, каждый раз неудачных, и погибает в борьбе с ними в 484 г. По версии Бал'ами, последнее вторжение Пероза в страну эфталитов началось на восточной границе Хорасана, но решающее сражение произошло на границе Балха и Тохаристана [36, стр. 139]. Тохаристан, когда он противопоставляется Балху, понимается в узком смысле слова как область к востоку от последнего, т. е. близ западной границы эфталитов в 459 г.

После поражения Пероза, сообщения о котором даже у современников расцвечены легендарными деталями (см. рассказ Лазаря Парбеци [13, стр. 42—44]), Иран какое-то время платил дань эфталитам. Но даже эта победа не отдала в руки эфталитов всю Бактрию. Чаганиан и вместе с ним дорогу на Согд они получили только от Кобада за помощь против Джамаспа в 498 г. [19, стр. 476]. То, что Кобаду принадлежали некоторые земли по Амударье, подтверждается сведениями Бал'ами об основании им (или о превращении в царские города) Земма, Термеза, Кобадиана (Кобадабада) [36, стр. 147]. Е. Е. Неразик считает, что эфталиты уже в 457 г. владели Балхом, Тохаристаном, Бадахшаном, Гарчистаном, основываясь на справке, которую дает Бал'ами к имени впервые упоминаемого им царя эфталитов [36, стр. 127], однако такая справка повторена Бал'ами и в связи с последним походом Пероза [36, стр. 131], т. е. она лишена хронологической конкретности. Табари в обоих случаях называет только Тохаристан [19, стр. 448; 21, стр. 872—873].

События VII в., описанные Себеосом, выходят за хронологические рамки этой статьи, но на них надо остановиться в связи с вопросами исторической географии, поскольку сведения Себеоса о походе Смбата относятся к самым достоверным. Войска Смбата шли по владениям эфталитов, которых, как показал Цегледи, Себеос называет «кушанами» [24, стр. 23], поскольку у него «кушаны» разбивают Пероза, тогда как тетальцами, т. е. эфталитами, он называет тюрок, поскольку у него и хазары — тетальцы, и сын тюрчанки Хормизд II тетальского происхождения по матери. Эта ученая архаизация этнических названий (тюрки называются даже маскутами, т. е. массагетами), однако, не затрагивает топонимики. Смбат в 608 г. прошел Герат, Бадгис, Балх, весь Тохаристан и Таликан [16, стр. 75]. Здесь уже не может быть сомнений, что имеется в виду восточный Таликан, а запад-

ный даже не упоминается. Этот рассказ, показывая реальную глубину наступления сасанидской армии на восточном театре военных действий в ходе одной кампании, заставляет с большим доверием относиться к сообщениям об успехах Йездигерда II, который с несравненно более сильной армией, видимо, тоже доходил до восточного Таликана.

Теперь попытаемся представить себе историю борьбы Сасанидов с восточными соседями не как собрание разрозненных и противоречивых сведений, а как единую последовательность. Такие попытки остаются сугубо гипотетическими, когда у нас мало фактов, но без них история распадается на отдельные эпизоды.

К 358 г. Шапур II заключает союз с кочевниками — хионитами, жившими близ восточной границы его владений. Вопреки обычному мнению, Аммиан Марцеллин ничего не сообщает о том, что этому союзу предшествовала борьба. Он лишь говорит, что, находясь в области хионитов и «евсенов», Шапур вел с кем-то (кушанами?) жестокую войну [6, стр. 129]. В 371—383 гг. Сасаниды окончательно завоевывают кушанские владения в Афганистане [7]. В этой борьбе хиониты принимали участие на стороне Сасанидов. В конце IV — начале V в. Кидара, опираясь на силы переселившихся в кушанские земли каких-то групп хионитов, вновь создал кушанское царство, которое в первой трети V в. вытеснило из Бактрии Сасанидов. В это время возникли и другие княжества на территории современного Афганистана. Они возглавлялись группами кочевников, известными позже под названием эфталитов. Одно из таких княжеств появилось в восточном Тохаристане и Бадахшане.

Йездигерд II отвоевал у кидаритов бактрийские владения. Перозво время междоусобной войны 457—459 гг. отдал восток Тохаристана эфталитам, а остальные территориальные приобретения отца — кидаритам. В 460—470-е годы какие-то группы эфталитов развили экспансию против южных владений кидаритов вплоть до Гандхары.

В 470-е годы и до своей смерти в 484 г. Перозупорно пытался завоевать эфталитов. Поражение Ирана в этой борьбе сопоставимо не с поражениями одной великой державы в борьбе с другой, а с разгромами армий восточных деспотий ополчениями горных и кочевых племен. Так были разбиты Газневиды сельджуками, а затем гурцами, так был разбит Синджар племенем балхских гузов.

Победители-эфталиты распространили свою экспансию на все соседние страны, но не создали единого государства. В Средней Азии они в конце V в. заняли всю северную Бактрию, а к 509 г. дошли до Самарканда и захватили его. Мнение К. Эноки, что смена посольств в Китай из Судэ посольствами из Самарканда свидетельствует о захвате Судэ (Согда) эфталитами [25], представляется мало обоснованным. Это может свидетельствовать и о внутренних событиях в Согде. Гораздо показательнее полное прекращение посольств из Самарканда после 509 г. и частые посольства от эфталитов начиная с этого года, о чем также пишет К. Эноки.

Могущество эфталитов продолжалось около полувека, и эта кратковременность их успехов также характерна для государственных объединений, не имевших широкой этнической базы.

История сложения государств кидаритов и эфталитов, как нам она представляется, показывает, что эти политические образования сопоставимы не с центральноазиатскими степными империями, а с государствами, основанными сравнительно небольшими горными народами, которые с переменным успехом вели жестокую борьбу против соседних монархий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В., К истории Мерва, — Сочинения, т. IV, М., 1966.
2. Бартольд В. В., Мерверруд, — Сочинения, т. III, М., 1965.
3. Гумилев Л. Н., Эфталиты и их соседи в IV в.,— ВДИ, 1959, № 1.
4. Егише Вардапет, История. Перевод П. Шаншиева, Тифлис, 1853.
5. Зеймаль Е. В., Кушанская хронология, М., 1968.
6. Кулаковский Ю. и Сонни А., Аммиан Марцеллин, История. Перевод с латинского, т. I, II, Киев, 1906, 1907.
7. Луконин В. Г., Кушано-сасанидские монеты, — ЭВ, Л., 1967, XVIII.
8. Мандельштам А. М., К вопросу о кидаритах, — КСИЭ, 1958, XXX.
9. Мандельштам А. М., О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском Междуречье, — СА, 1954, т. XX.
10. Мандельштам А. М., Средняя Азия в VI—VII вв., — в кн. «История таджикского народа», т. II, ч. 1, М., 1964.
11. Массон В. М., Ромодин В. А., История Афганистана, т. 1, М., 1964.
12. Неразик Е. Е., Предки таджикского народа в IV—V вв. н. э., — в кн. «История таджикского народа», т. I, М., 1963.
13. Патканьян К., Опыт истории династии сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями, СПб., 1863.
14. Пигулевская Н. В., Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941.
15. Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами, книга 1, перевод С. Дестуниса, СПб., 1876.
16. [Себеос,] История императора Ираклa. Сочинения епископа Себеоса, писателя VII века. Перевод с армянского [К. Патканьяна], СПб., 1862.
17. Сказания Приска Панийского, пер. Г. С. Дестуниса, — «Ученые записки 2-го отделения императорской Академии наук», 1861, кн. VII, вып. 1.
18. Тревер К. В., Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв., — СА, 1954, т. XXI.
19. Шмидт А. Э., Материалы по истории Средней Азии и Ирана, — УЗИВАН, М.—Л., 1958, т. XVI.
20. Altheim F., Geschichte der Hunnen, Bd I—V, Berlin, 1959—1963.
21. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, cum aliis, ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, series I, t. I—VI, 1879—1890.
22. Chavannes Ed., Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, St.-Pbg., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI).
23. Christensen A., Les gestes des rois dans les traditions de l'Iran antique, Paris, 1936.
24. Czeglédy K., Bahram Cobin and the Persian Apocalyptic Literature,— «Acta orientalia hungarica», Budapect, 1958, t. VIII.
25. Enoki K., On the Nationality of the Ephthalites, — «Memoires of the Research Department of the Tôyô Bunko (Oriental Library)», Tokyo, 1959, № 18.
26. Chirshman R., Les Chionites-Hephtalites, Le Caire, 1948.
27. Göbl R., Documente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Bactrien und Indien, Bd I—IV, Wiesbaden, 1967.
28. Hoffman G., Auszüge aus syrischen Akten, — «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», Bd VII, Leipzig, 1880.
29. Langlois V., Collection des historiens anciens et modernes de l'Arménie, vol. II, Paris, 1869.
30. Markwart J., A Catalogue of the Provincial Capitals of Eranshahr, — «Analecta Orientalia», Roma, 1931, № 3.
31. Marquart J., Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, Berlin, 1901.
32. Nöldeke Th., Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari, übersetzt... von Th. Nöldeke, Leiden, 1879.
33. Pulleyblank E., [рец. на:] F. Altheim, Geschichte der Hunnen. I—III [Berlin, 1959—1961], — «Orientalistische Literaturzeitung», März — Apr. 1964.
34. «Sasanian Silver. Late Antique and Early Mediaeval Arts of Luxury from Iran», Ann Arbor, 1967.
35. Vivien de St.-Martin, Les Huns blancs ou Ephtalites des historiens byzantines, Paris, 1849.
36. [Zotenberg H.], Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-ben-Djarir-ben-Jezid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami, Raris, 1869.

В. И. Распопова

ОДИН ИЗ БАЗАРОВ ПЕНДЖИКЕНТА VII—VIII вв.

Изучение средневекового города — одна из основных тем, разрабатываемых археологами Средней Азии. В Согде и Усрушане, Хорезме и Чаче, Тохаристане и Семиречье раскопаны жилые дома и дворцовые постройки, культовые здания. Наиболее полно все это исследовано на городище древнего Пенджикента, где, кроме того, открыты торгово-ремесленные постройки, относящиеся к VII—VIII вв.

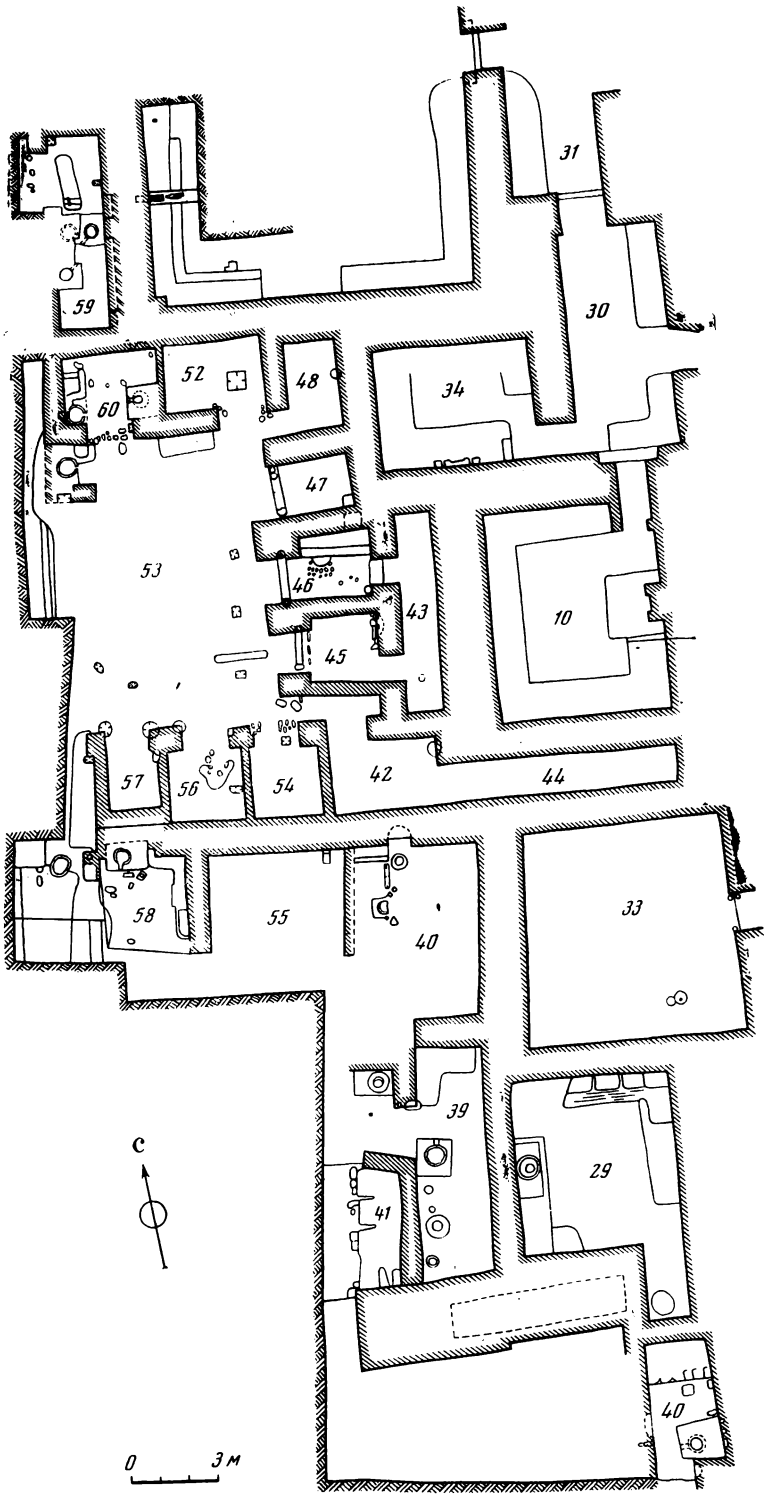
В восточной части городища древнего Пенджикента исследуется торгово-ремесленный район, расположенный западнее квартала богатых жилищ (объекта XVI) [1]. Большой интерес представляет почти полностью раскопанный здесь базар. Это второй базарный комплекс, исследованный на городище. Первый расположен на углу улиц 1 и 2 [3, стр. 183—184].

Описываемый комплекс помещений выходит на улицу, которая тянется с севера на юг, видимо к южным воротам города. Его северная и южная стены являются продолжением стен жилого дома, к которому с запада пристроен комплекс торгово-ремесленного характера, состоящий из открытой на запад в сторону улицы площадки и 11 небольших, выходящих на нее, лавочек и мастерских. На площадку с севера выходят два помещения (*№ 60, 52*) с востока — пять помещений (*№ 48, 47, 46, 45, 42/44*; из помещения *№ 43* на открытую площадку попадали или через помещение *№ 45*, или через помещение *№ 46*), с юга — три помещения (*№ 54, 56, 57*).

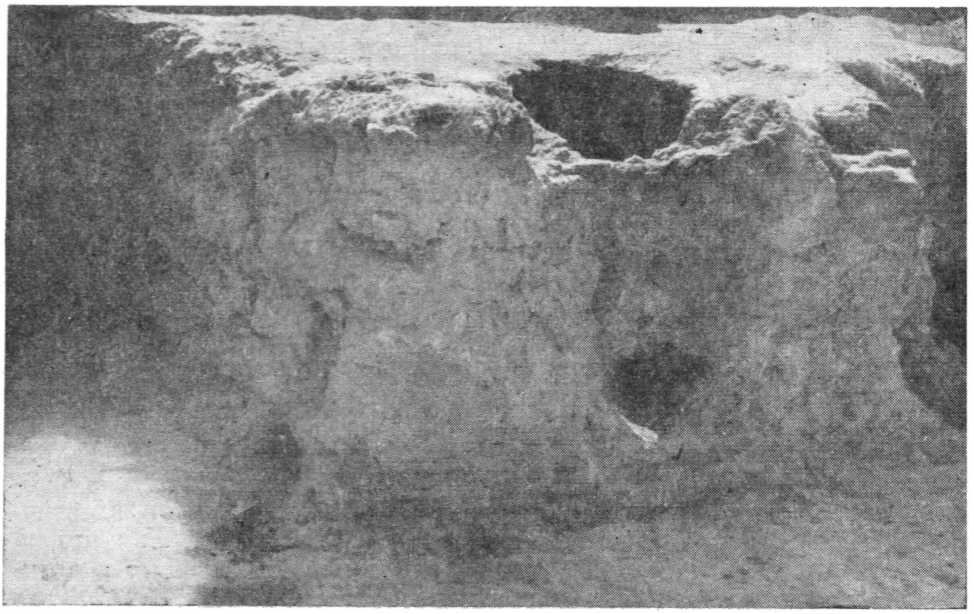
Весь комплекс представляется в виде небольшого базара, примыкавшего к улице. Вдоль базарных построек с трех сторон шел навес, опиравшийся на столбы и стены помещений. Вдоль северной стороны площадки ширина навеса была не менее 2 *м*, вдоль восточной — 1,25 *м*, а вдоль южной — 2,25 *м*. Столбы навесов были поставлены непосредственно на пол. Гнезда от столбов сохранились благодаря тому, что к моменту гибели базара на полу нарос культурный слой, в котором сохранились пустоты от сгоревших и сгнивших деревянных столбов. Почти все столбы опирались на деревянные прямоугольные прокладки. В завале найдены остатки обгорелых деревянных балок и прогонов.

Пол площадки довольно ровный. Он был обмазан, как и полы всех помещений базара, тонким слоем белого алебастра, который кое-где сохранился.

[1] Раскопки этого района городища были начаты в 1962—1963 гг. под наблюдением И. М. Рахимовой и продолжены в 1967—1968 гг. автором данной статьи. Общий план улиц и застройки юго-восточной части шахристана см. [3, стр. 180, рис. 1].



План базара и примыкающих к нему построек



Кузнечная печь в юго-восточном углу помещения 60

На полу этой площадки были найдены маслобойка, лепной котел и бронзовое колечко.

В сторону улицы с базара вел пологий спуск. Уровень базара выше уровня улицы на 85 *см*. Улица раскопана на ширину 2,70 *м* на участке длиной около 4 *м*.

Северо-западный угол базарчика занят кузнечной мастерской (помещение *60*). Это небольшое помещение, юго-восточный и юго-западный углы которого заняты горнами. В южной стене находится проход, ведущий на открытую площадку. Печь, расположенная в юго-восточном углу, сохранилась почти целиком, что позволяет восстановить ее устройство.

Печь состоит из футляра, сложенного из сырцового кирпича (размеры футляра — 1,25 *м* с севера на юг и 1,15 *м* с востока на запад, высота от пола — 0,75 *м*), который охватывает хум, поставленный венчиком вниз (диаметр хума по дну пода печи — 0,60 *м*; под печи несколько выше венчики хума; верх неровный, немного разрушен, его диаметр — 0,35—0,45 *м*, высота хума от пода печи до верха — 0,60 *м*). Хум сильно деформирован.

Почти на уровне пода в стенке хума и футляре печи имеется поддувало (диаметром 13 *см*), в которое вставлялось сопло кузнечного меха[2]. Это отверстие находится в западной стенке печи на высоте 0,10 *м* от пола помещения. Под печи глиняный, ровный, сильно прогоревший. Поддувало подходит к поду слегка повышаясь, оно сильно прогорело.

По-видимому, еще в древности стенки хума потрескались и их изнутри обмазали слоем глины толщиной 1 *см*. Одновременно произве-

[2] В мастерской, примыкающей к южной стене базара, расположенной не на территории базара, у поддувала печи точно такого же устройства найдено керамическое сопло V-образной формы.

ли обмазку поддувала. Стенки хума у устья печи были покрыты глиной заподлицо с верхом футляра. Верх печи ровный, из глины с примесью белого алебастра.

Напротив этой печи в юго-западном углу помещения сохранились остатки другой печи подобной же конструкции. К ее северной стенке пристроен «ларь» из сырцового кирпича.

Около северо-западного угла печи, пристроенной к восточной стенке, в полу имеется небольшое углубление с несколько ошлакованными краями, к которым кое-где припеклось железо.

На полу помещения найден железный четырехугольный в сечении прут длиной 22,5 *см*, в поперечнике — 1,5 *см*. Здесь в отличие от других мастерских не найдено никаких криц и железных шлаков. Очевидно, в этой мастерской изготавливались какие-то изделия из заготовок, вроде железных прутьев, обработка которых не давала шлаков.

В упоминавшейся уже кузнице, расположенной вне базара за его южной стеной, было найдено не только керамическое сопло, но и много криц и шлаков, а также заготовка в виде железного прута, идентичная найденной на полу помещения *60*. Можно предположить, что в этой кузнице вырабатывались заготовки для других мастерских, которые делали из них различные предметы небольших размеров. Узкая специализация в кузнечном деле характерна для организации средневекового ремесла вплоть до самого позднего времени. В эмирской Бухаре засвидетельствована чрезвычайно узкая специализация кузнецов, вплоть до того, что были мастера, специализировавшиеся на выработке цепочек и колец для дверей [11, стр. 31—33].

У южной стены помещения *60* с наружной стороны сохранились остатки еще одного горна. Рядом с горном стоял хум для воды, отгороженный от базарной площади тонкой перегородкой.

Вдоль южных стен кузнечной мастерской и помещения *52* тянется суфа (длиной 2 *м*, шириной 0,70 *м*, высотой 0,20 *м*), сложенная из сырцового кирпича.

Около порога кузнечной мастерской снаружи лежит серый камень со слегка вогнутой гладкой поверхностью. Неподалеку от этого камня в полу базарной площади имеется ямка (диаметром 10 *см*, глубиной 5,5 *см*) со стенками, ошлакованными до стекловидного состояния, на которых обнаружены окислы бронзы. Такая же ямка при очагах зафиксирована в мастерской, в которой изготовлялись металлические изделия, в помещении 13 объекта XVII Пенджикента [3, стр. 184].

Вероятно, здесь под навесом работал ювелир, изготовлявший мелкие вещи способом ковки. В горне постоянно поддерживался жар. В ямке путем раздувания углей, взятых из горна, получали температуру, достаточную для размягчения металла.

В 1958 г. мне довелось наблюдать изготовление медных украшений мастером из среднеазиатских цыган, осевших в Пенджикенте. Единственное отличие в оборудовании состояло в том, что угли брались из обычного очага.

Следы производства, также связанного с обработкой металла, зафиксированы в помещении *46*. Это помещение имеет выход на базарную площадку, а также через него можно пройти в помещение *43*. Вдоль северной стены помещения *46* был устроен «ларь», отделенный от помещения тонкой стенкой. В северной стене этого «ларя» имеется нишка, низ которой расположен несколько ниже уровня пола «ларя».

Северная стенка «ларя» перекрывает очаг, от которого сохранилось полукруглой формы пятно прогоревшей земли и вокруг него слой черной земли с углями. В центре очага обнаружен сильно ошлакованный камень. По краям очаг был обложен камнями. Параллельно камням, на расстоянии 10 *см* от края очага, в полу зачищен ряд углублений диаметром по 5 *см*. Вероятно, перед нами горн с футляром каркасной конструкции.

Неподалеку от северной стены «ларя» в полу помещения обнаружены остатки двух железных наковален (диаметром 12 *см*), находившихся на расстоянии 0,70 *м* друг от друга.

В юго-восточном углу помещения в пол был вкопан низ глиняного кувшина, в котором найдены гвоздь и кольчужные кольца, полоски железа. На полу этого помещения обнаружены железный стержень, бронзовая бляшка, фрагмент узкого железного изделия с закругленным краем, обломок железного долота.

Видимо, первоначально это помещение использовалось в качестве мастерской по обработке железа, а затем, после сооружения «ларя», было превращено в лавку.

Лавочкой служило также помещение *45,* связанное проходом с помещением *43.* На полах этих помещений найдены каменный терочник, кусок кожи и бронзовый язычок пряжки. Помещение *43* могло служить складом. Складом, видимо, являлось и узкое длинное помещение *42/44.*

В полу помещения *56* зачищена неглубокая ямка и рядом с ней вкопанный в землю низ сосуда. Ямка и сосуд были заполнены землей с угольками. Под полом помещения шел темный слой, характерный для выброса из кузнечных мастерских. В центре помещения была яма с краями неровных очертаний, которая затем была заполнена галькой. Поверх ямы шел пол с белой алебастровой обмазкой, который немного просел над ямой. В яме под полом была найдена железная скоба, а на полу — железный гвоздь. В помещении *56*, очевидно, первоначально также была мастерская.

Какая-то мастерская размещалась в помещении *57.* В южной стене этого помещения была ниша на высоте 0,53 *м* от пола, шириной 0,70 *м*, на всю длину стены. Найденные на полу этого помещения три фрагментированных ножа, железное шильце, точильный камень и точильный брусок скорее всего можно отнести к ремеслу сапожника или шорника. На полу этого помещения были обнаружены глиняная тарелка и глиняный кувшин, а также остатки от дверной железной цепочки.

При выходе из помещения *57* на полу базарной площадки найден лепной котел с двумя полукруглыми ручками и отверстием, пробитым под ручкой на половине высоты тулова, небольшое бронзовое колечко, два фрагмента ножа, фрагмент скобы.

С каким-то производством, может быть, было связано и помещение *52,* в полу которого имеется яма прямоугольной формы (0,75×0,90 *м*, глубиной 0,25 *м*). Дно и стенки ямы, так же как и пол помещения, обмазаны слоем белого алебастра.

В помещениях *48, 47, 54* никаких следов производства не обнаружено. Эти помещения могли быть как лавками, так и мастерскими, относившимися к ремеслам, не требовавшим стационарного оборудования. На полу помещения *48* найдены половина бронзового бубенчика и щиток бронзовой пряжки, а на полу помещения *47* — глиняная подвеска, бронзовый перстень с изображением верблюда на щитке и черепок с согдийской надписью тушью.

Базар занимал площадь около 260 *кв. м,* из них около 85 *кв. м* было занято открытой площадкой [3]. Помещения были небольших размеров — от 5 до 9 *кв. м.* Это свидетельствует о том, что работать в них могли один-три человека.

Все помещения базара отделены друг от друга тонкими стенками (шириной 25—30 *см).* Стена, выходившая на площадку, толще, так как на нее опирались концы балок деревянного навеса. Крыши были плоскими.

Во всех помещениях зафиксированы остатки деревянных порогов, под которые обычно были подложены камни. Концы деревянных порогов заходили под стены. Почти для всех помещений характерны широкие дверные проемы от 1,50 *м* до 1,85 *м.* Это не случайно, так как, по-видимому, все мастерские одновременно являлись и лавками. Торговля шла под навесами при открытых дверях.

Характерно для этого комплекса обилие монетных находок. Здесь найдено 66 монет, из них на полах — 51 монета [4].

Все помещения имеют общую поверхность пола. Полы в них одинакового качества. Стены поставлены непосредственно на пол. Все помещения были построены одновременно. Вначале были возведены основные стены базара и подготовлена ровная площадка, на которую затем поставили стены помещений. После этого полы помещений и открытой площадки были обмазаны тонким слоем белого алебастрового раствора.

Основные стены базара являются продолжением стен дома, к которому примыкает базар. Это свидетельствует о том, что базар и дом выстроены по общему плану, на земле, принадлежавшей одному и тому же владельцу.

Дом, к которому примыкал базар, был одним из наиболее богатых домов Пенджикента. Хозяева этого дома, по-видимому, имели какое-то отношение к торговой деятельности. Это как будто подтверждается раскрытием сюжета росписи стен помещения *10,* которое являлось домашним святилищем. У его восточной стены был алтарь. На сохранившемся в юго-восточном углу помещения участке росписи изображена пиршественная сцена. Сохранились изображения семи мужских фигур — участников пиршества, одетых в богатые одежды, подпоясанных наборными поясами, к которым горизонтально подвешены кинжалы в ножнах. У каждого персонажа к поясу подвешено по футляру и кошельку. А. М. Беленицкий предполагает, что здесь «художник изобразил сцену пиршества богатых купцов» [2, стр. 75]. Кошельки у пояса и отсутствие мечей отличают этих пирующих от множества других изображений знатных согдийцев.

Помещения мастерских и лавок, расположенных на базаре, видимо, сдавались в аренду ремесленникам и торговцам.

Исследуемый базар Пенджикента является наглядным примером «мустагалла». О. Г. Большаков и А. М. Беленицкий показали, что в «Истории Бухары» Наршахи «этим термином обозначается все то, что приносит доход, в том числе и земельные участки, которые сдаются в аренду под постройку, самые постройки, сдаваемые в аренду под жилье, мастерские или торговые помещения» [3, стр. 190].

---

[3] При подсчетах учитывалась и площадь, занятая стенами.

[4] В жилищах монет обычно намного меньше. Например, в синхронных слоях жилых комплексов I и II объекта III, которые занимают бо́льшую площадь, чем базар, найдено всего семь монет [4, рис. 18]. См. также распределение монет в жилищах VI объекта [8, стр. 176].

Распределение монет по помещениям базара

Время находки / Место находки	VII в.	Вторая половина VII в.	Рубеж VII—VIII вв.	Первая четверть VIII в.	Середина VIII в.	Третья четверть VIII в.	Монеты, не имеющие твердой даты
Пом. 48 пол			Тархун	царица 5			
Пом. 47 завал	ихшид tnwkk (типа № 298)*						
Пом. 46 пол				Гурек II			
Пом. 45 пол				Гурек II			
Пом. 42 пол в проходе восточной стены						фельс, Самарканд 143 г. х.	
Пом. 53 завал			Бидйан 2	царица Гурек II 2			
Пом. 53 пол		Вархуман Вархуман?	Тархун 2	Гурек II 10 Гурек II(?) царица 2			анэпиграфная типа № 741
Пом. 60 завал				Гурек II 2			
Пом. 60 пол				Гурек II 3			монета типа № 734
Пом. 52 пол			Бидйан	Гурек II 5 царица			
Пом. 54 завал				Гурек II			монета типа № 784
Пом. 54 пол				Гурек II 3			
Пом. 56 завал			Тархун				
Пом. 56 пол				царица Гурек II 2			
Пом. 57 завал		Укар					
Пом. 57 в кирпиче западной стены				царица			
Пом. 57 пол				Гурек II 3			
Всего с полов:		Вархуман Вархуман?	Бидйан Тархун 3	царица 8 Гурек II 28 Гурек II?		фельс, Самарканд 143 г. х.	
Всего из завалов:	ихшид tnwkk (типа № 298)	Укар	Бидйан 2 Тархун	царица 2 Гурек II 5			

* Здесь и далее номера приводятся по [9].

Видимо, владелец этого базара получал от сдачи его в аренду немалые доходы, как и бухарские городские землевладельцы, о которых писал Наршахи.

Богатый нумизматический материал позволяет предложить довольно точную дату базара. На табл. 1 представлено распределение монет по помещениям [5]. Из таблицы видно, что основная масса монет приходится на первую четверть VIII в. [6].

Когда был основан базар, точно сказать трудно, но, вероятно, не раньше рубежа VII—VIII вв., так как монет VII в. на полах найдено всего одна или две. Подстилающие базар слои пока не исследовались. Гибель базара датируется 20—30-ми годами VIII в.

Базар погиб от пожара. Стены сильно обгорели. Почти во всех помещениях сохранились обуглившиеся деревянные пороги. На полах лежит прослойка земли с угольками. В завале часто встречались угли, обуглившиеся остатки деревянных балок и прогонов, куски обгоревшей земли — остатки обмазки крыши. Поверх прослойки с обгоревшей землей шел слой рыхлого лёссового завала, который перекрыт четко выделяющимся слоем сероватой гуммированной земли. Выше шел слой плотного лёссового завала.

Гибель базара связывается с первым разгромом Пенджикента, который зафиксирован в разных частях городища [4, стр. 114—119; 8, стр. 172—174; 5, стр. 258; 7]. После этого базар не восстанавливался. Никаких следов построек более позднего времени не зафиксировано. Враг захватил город, покинутый жителями, которые унесли с собой все ценное. Об этом свидетельствует бедность находок. Так, в мастерских почти полностью отсутствуют орудия труда и детали оборудования. Видимо, покидая город, кузнецы взяли с собой меха и сопла, орудия труда, ювелир унес все инструменты. Этнографические материалы показывают, что орудия труда кузнеца и инструменты ювелира нетрудно было унести [11, рис. 2, 3, 9, 10; 10, рис. 21].

После взятия города неприятелем до возвращения жителей, как показывают наблюдения О. Г. Большакова, прошло какое-то время [4, стр. 115, 118]. Мастера, работавшие на базаре, не вернулись на старое место.

В начале 40-х годов VIII в. начинается восстановление города. К этому времени относится кузнечная мастерская, оборудованная в жилом помещении, сохранившемся от предыдущего периода [4, стр. 93—95, 115, 119].

Исследованные в Пенджикенте базары — первые памятники такого рода, раскопанные на территории Средней Азии. До этих раскопок было общепринято мнение, что в раннесредневековом городе Средней Азии торговля носила характер периодических ярмарок, и базары собирались на свободной территории вне стен, у городских ворот. Теперь ясно, что базары тянулись вдоль магистральных улиц города и их было несколько. Базар, о котором шла речь, находился на оживленной торговой улице, ведущей от городских ворот к площади перед храмами.

Раскопки в Пенджикенте показывают, что базар в раннесредневе-

---

[5] Монеты из раскопок 1962—1963 гг. определены О. И. Смирновой.

[6] Следует оговорить находку фельса на полу в помещении *42* в проходе восточной стены. В дневнике И. М. Рахимовой, раскапывавшей это помещение, находка фельса не отмечена. Помещение докопано до пола не на всей площади. Находка фельса на полу помещения этого комплекса противоречила бы остальному нумизматическому материалу. Видимо, отнесение этого фельса к полу помещения *42* следует объяснить неточной фиксацией.

ковом городе Средней Азии являлся не только местом торговли, но и одновременно местом производственной деятельности.

Ремесленники и торговцы жили главным образом в самом городе, а не в пригороде, как это считалось раньше. В пригороде Пенджикента жило никак не более двадцати семей. На территории города раскопаны кварталы рядовых жилищ горожан. Эти жилища, видимо, принадлежали ремесленникам и торговцам. Так, вероятно, II комплекс верхнего здания XII объекта был жилищем кузнеца. Здесь на полу помещения *2* найден значительный запас железных прутьев-заготовок, однако мастерской в этом доме не было [7]. Мастерские и лавки в аристократических кварталах города обычно не связаны с жилыми комплексами.

На исследованном нами базаре расположена лишь незначительная часть лавок и мастерских Пенджикента. Во время раскопок улиц выяснилось, что на каждую из них выходило множество лавок и мастерских.

Лавки и целые базары вдоль улиц — характерная черта восточного города, засвидетельствованная средневековыми письменными источниками и данными этнографии [6, стр. 372—373; 1, стр. 181—183, 192—193; 11; 10], однако археологические раскопки впервые подтвердили это для доисламского времени пока только в Пенджикенте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленицкий А. М., Историческая топография Герата XV в., — сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946.
2. Беленицкий А. М., Работы Пенджикентского отряда в 1961 г., — «Труды Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР», Душанбе, 1964, т. XLII.
3. Беленицкий А. М., Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента, — СА, 1965, № 3.
4. Большаков О. Г., Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III, — МИА, 1964, № 124.
5. Земаль Е. В., Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.), — МИА, 1964, № 124.
6. Мец А., Мусульманский ренессанс, М., 1966.
7. Распопова В. И., Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв., — СА, 1969, № 1.
8. Ставиский Б. Я., Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг., — МИА, 1964, № 124.
9. Смирнова О. И., Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963.
10. Сухарева О. А., К истории городов Бухарского ханства, Ташкент, 1958.
11. Сухарева О. А., Позднефеодальный город Бухара, Ташкент, 1962.

А. Исаков

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

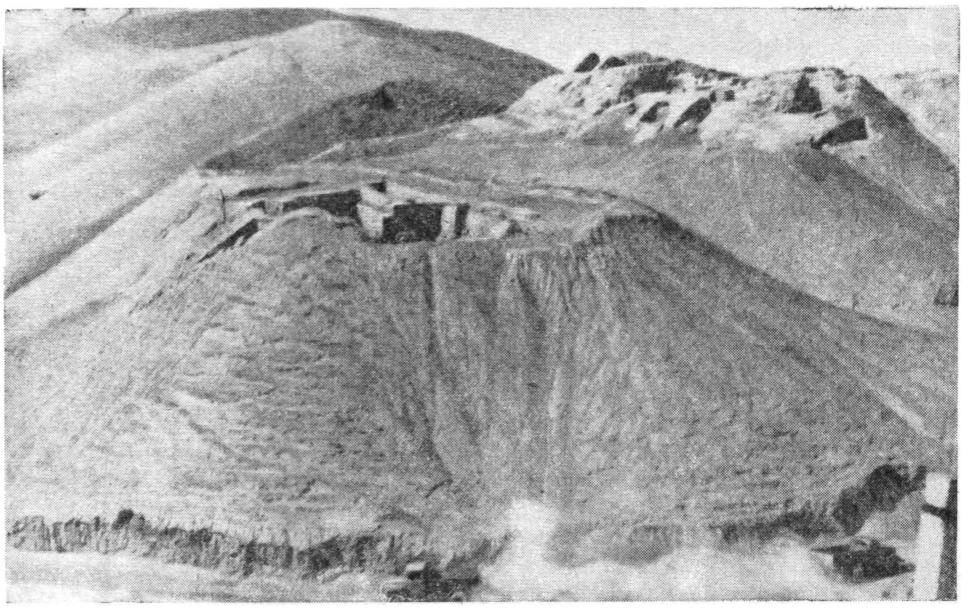
До недавнего времени раннесредневековая история Средней Азии была крайне слабо изучена. По письменным источникам было известно, что в IV—VI вв. районы Междуречья (Мавераннахра) входили в состав недолговечных кочевых государственных объединений, известных под названием «белых гуннов», кидаритов, хионитов или эфталитов. Во второй половине VI — начале VII в. ряд районов Средней Азии входил в состав Тюркского каганата. В недрах этих государств постепенно складывались отдельные, фактически независимые владения — княжества со своими столицами и провинциями, восстанавливались ирригационные сооружения, заново обживались и возникали новые поселения, замки, города.

С особой наглядностью процесс этот протекал в Согде (долина Зеравшана), который в VI — начале VII в. номинально входил в состав Тюркского каганата. По данным письменных источников, на территории Согда были полунезависимые владения с центрами в таких городах, как Самарканд, Маймург, Кеш, Нехшеб, Бухара, Пайкенд, Вардана, Кушания, Иштихан, Кабуджикат. Главным центром долины Согда был Самарканд [6, стр. 22].

Среди этих княжеств Пенджикент не упоминается. По всей видимости, вначале Пенджикент входил в состав княжества Маймург [8, стр. 86]. Однако уже в первой половине VII в. Пенджикент превратился в независимое княжество с центром на месте руин ныне широко известного городища Древний Пенджикент.

Письменные источники оставили лишь разрозненные и немногочисленные сведения о внутренней жизни и быте в этих княжествах. Хорошо известно короткое сообщение Нершахи о Варахше: «Был в ней (Варахше) дворец благоустроенный, который возвел бухар-худат. Больше тысячи лет, как он разрушился и пришел в запустение. Другой бухар-худат уже много времени тому назад восстановил его, но дворец снова разрушился. Буниат, сын Тогшады, внук бухар-худата [?], во времена ислама вновь отстроил здание, сделал его местом своего обитания [и жил в нем], до того как был в нем убит» [4, стр. 21].

Это первое в исторических источниках сообщение о дворце правителей раннесредневекового города блестяще подвердилось раскопками В. А. Шишкина на городище Варахша. Здесь впервые был открыт крупный дворцовый комплекс с уникальными по своему значению росписями и фрагментами алебастрового декора [10, стр. 153 сл.]. Варахшский дворец имел сложную планировку. Три периода строительства, многочисленные ремонты и перестройки в значительной степени осложнили выявление первоначального плана дворца. Попытка



Цитадель Пенджикента. Вид с северо-востока (фото А. М. Беленицкого)

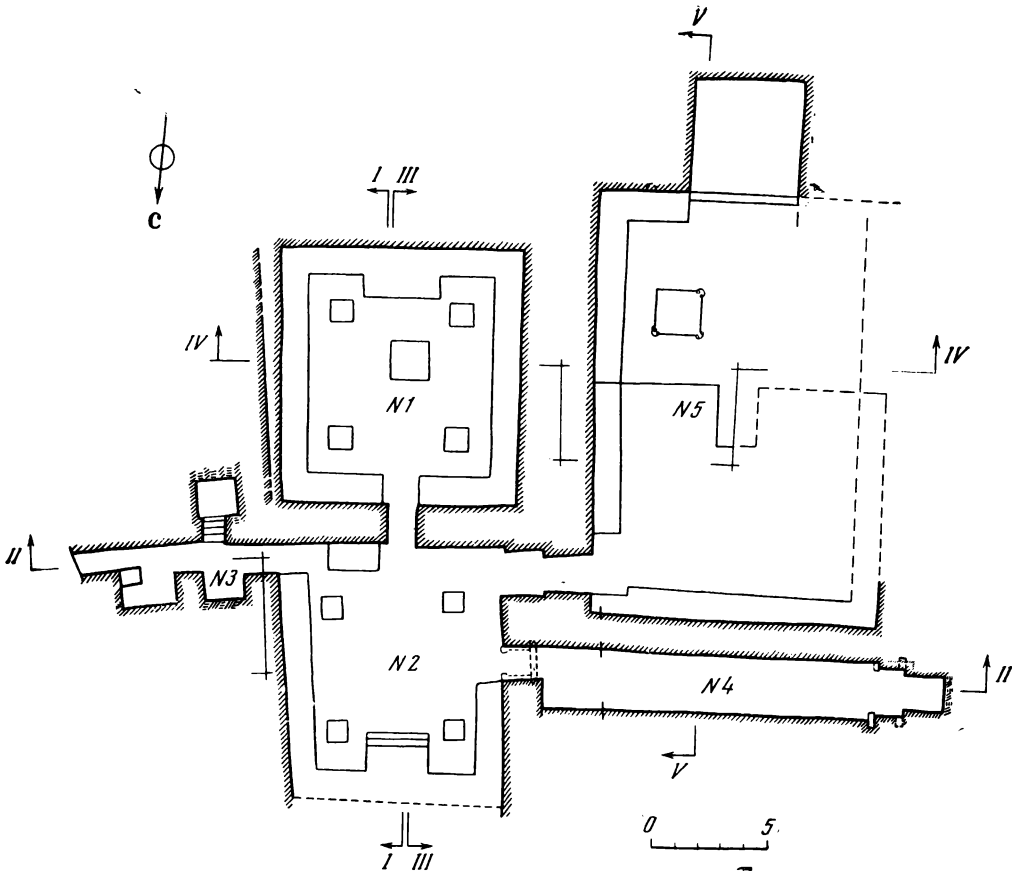
В. А. Нильсена реконструировать первоначальный план лишь приближает к пониманию состава дворцовой застройки в различные периоды строительства [5, стр. 45 сл.]. Варахшский дворец долгое время был единственным сооружением такого рода предарабской эпохи.

Как известно, Пенджикент по сравнению с Варахшой дал гораздо больше для характеристики раннесредневекового города Средней Азии. Многолетние работы в Пенджикенте дали впервые представление о столичном городе согдийского княжества [1].

С самого начала изучения древнего Пенджикента стал вопрос о местонахождении дворца «правителя Панча», «государя великого оплота, Согдийского царя, Самаркандского господина Девештича».

Первые попытки установить местоположение дворца на территории цитадели не дали ожидаемого результата. В цитадели было найдено лишь сооружение типа жилой башни — донжона, а во дворе — остатки небольших помещений жилого и хозяйственного назначения [9].

Поиски дворца велись и на территории шахристана, где первый же открытый крупный зал № 7 на объекте III получил название «парадного зала Девештича», а весь комплекс помещений с залом — «дворца Девештича» [11, стр. 258]. Однако дальнейшие работы в Пенджикенте привели к открытию десятков больших и богато оформленных жилых зданий в шахристане, и вопрос о местоположении дворца правителя вновь стал предметом дискуссии. А. М. Беленицкий хотел видеть дворцовое здание на шахристане в объекте XXI, где в 1965 г. были раскопаны богато оформленные залы с коридором и прилегающими жилыми помещениями [2]. Теперь уже ясно, что поиски дворца на шахристане также не были оправданы, ибо сплошной характер застройки в городе не оставлял места для отдельно стоящего со своей системой укреплений здания, каким должно было быть дворцовое сооружение правителя города.



План дворца (составлен архитектором Н. П. Егоровой)

В 1964 г. были возобновлены работы на кухендизе, где первые три года продолжалось изучение внутреннего двора цитадели. В 1966 г. был заложен стратиграфический шурф в северо-восточной части так называемого «внешнего двора», над которым с запада на 7 *м* возвышается донжон.

Следует отметить, что топография «внешнего двора» была крайне невыразительной. Как теперь выяснилось, позднее использование его территории сгладило поверхность в отличие от шахристана, где холмы и бугры различных очертаний указывают на древние постройки. Тем более неожиданным явилось обнаружение в стратиграфическом шурфе остатков крупной постройки, которые и дали основание для более широких раскопок. За два последних года здесь обнаружено здание и по положению и по своей структуре несомненно дворцового характера. Оно находится и под защитой укрепленной цитадели и явно господствует над самим городом, топографически не сливаясь с ним.

«Внешний двор» приподнят приблизительно на 20 *м* над уровнем современной дороги, проходящей у основания холма цитадели. В плане он вытянут с севера на юг на 60 *м*, с запада на восток — более чем на 40 *м*. Въезд находился в юго-западном углу «двора».

В течение последних двух полевых сезонов 1967—1968 гг. здесь раскопано три крупных зала, связанных между собой широкими проходами, и длинный парадный коридор. Эти помещения составляют

лишь часть дворцового комплекса, но уже дают достаточно наглядное представление о его характере. Описание раскопанной группы помещений мы начнем с коридора.

Сводчатый коридор длиной 14 *м*, при ширине 2,35 *м*, расположен в северо-западной части комплекса. Он, служа вестибюлем к парадным залам, связывал их между собой и вел наружу. Массивные стены (более 1,5 *м* ширины) сложены из сырцовых кирпичей стандартного пенджикентского размера 48—50×24—25×10—12 *см* и сохранились на высоту более трех метров.

Поверхность стен коридора была покрыта двойной штукатуркой. На первом слое имеются полукруглые желобки, нанесенные пальцами. Аналогичный прием применялся при штукатурке залов пенджикентского шахристана. Этот прием предназначался для лучшего сцепления со следующим, более ответственным слоем штукатурки, по которому наносились росписи [1].

Стены коридора, включая своды, были некогда покрыты росписями. Небольшой фрагмент орнаментальной росписи сохранился на пяте свода южной стены. Расписные своды были обнаружены неоднократно и в шахристане Пенджикента.

В восточном конце коридора обнаружены остатки дверной коробки, от которой сохранилось несколько обуглившихся деревянных частей. Проход шириной 1,10 *м* ведет в один из парадных залов (№ 2). В плане это близкий к квадрату зал 11×10 *м*. Вдоль стен зала расположены суфы (шириной 1,20 *м*, высотой 0,50 *м*). Особенно интересна северная суфа, которая в серединной части значительно расширяется (она выступает на 2,53 *см* от стены внутрь зала), образуя почетное место. Здесь на суфу ведут три ступеньки высотой 0,15—0,20 *м*, шириной 0,20—0,25 *м* каждая. Отметим, что такой трехступенчатый подъем у суфы впервые обнаружен в этом зале.

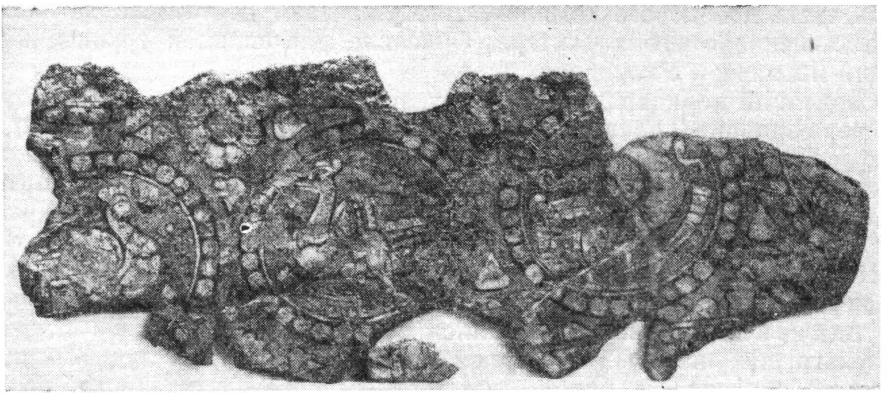
Довольно хорошо сохранились восточная, южная и частично западная стены, северная же стена разрушена до основания. Перекрытия зала поддерживались четырьмя деревянными колоннами, от которых сохранились в полу квадратные гнезда от баз. Некогда весь зал был покрыт росписями, а деревянные конструкции потолка колонн украшены резными фигурами и орнаментом. Реставраторам удалось расчистить некоторые фрагменты, в том числе обуглившуюся женскую фигурку. По отпечаткам дерева в завале прослеживается резьба с растительными мотивами в виде розеток и листьев. Устанавливается, что резное дерево было окрашенным.

Фрески на стенах зала сохранились очень плохо. На одном сохранившемся фрагменте росписи, обнаруженном у прохода в западной стене, прослеживается неясная по содержанию многофигурная сцена. Лучше сохранился фрагмент живописи с рядом красочных изображений птиц в обрамлении круга из перлов, так называемого сасанидского облика.

Проход шириной 1 *м* в центре южной стены зала № 2 ведет нас в зал № 1 размером 11,25×10 *м*. Стены его сохранились на высоту до 3,75 *м*. Штукатурка с остатками росписи прослеживается только над суфой на высоте 0,40—0,60 *м*. Остальная поверхность стен уничтожена сильным пожаром. Видимо, интерьер зала был оформлен только росписями, так как на большом количестве обуглившихся балок, панелей и досок перекрытий не встречено резьбы.

---

[1] Аналогичный прием применяется до сих пор и называется «ганда андова» (грубая штукатурка).



Фрагмент росписи из зала № 2 (обнаружен автором. Хранится в Гос. Эрмитаже)

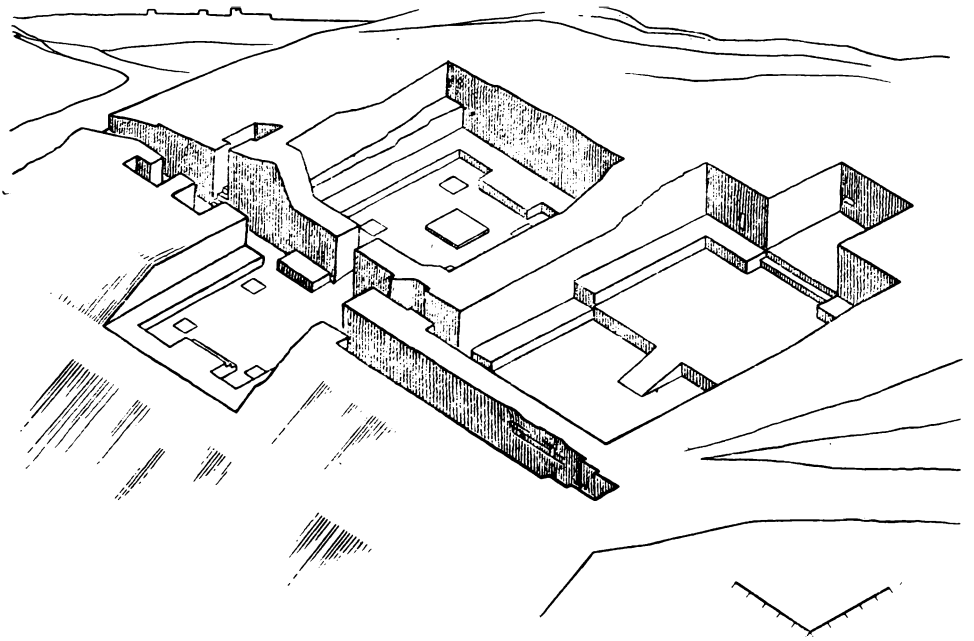
Вдоль всех стен зала № 1, как и в зале 2, шла суфа с хорошо оштукатуренной поверхностью (ширина — 1,20, высота — 0,45—0,50 *м*). Здесь также обнаружено «почетное место», но без ступенек.

Близко к центру зала находится приподнятая над полом квадратная площадка (1,60 *кв. м*) с ровной сильно обгоревшей поверхностью. Очевидно, некогда здесь было место жертвенника или курильницы. Аналогичная площадка имеется в одном из залов дворца Варахши. В полу по углам суфы сохранились также гнезда от баз четырех колонн.

Центральное место в дворцовом комплексе занимает парадный зал № 5. Это наиболее крупный зал. Его размеры 18,5×12,5 *м*. Кроме того, с южной стороны зала в глубине расположена лоджия. Раскопана приблизительно половина зала. Однако план его восстанавливается полностью.

Очень своеобразна его планировка. Выделяются три части с разными уровнями полов. Наиболее низкая часть зала находится у входа в северо-восточном .углу. В плане это прямоугольник 10×12,5 *м*. Вдоль стен хорошо оштукатуренная суфа шириной 1,25 *м* и высотой 0,45 *м*. Пологий бесступенчатый подъем (ширина — 1,50 *м*) ведет в следующую часть зала, представляющую собой как бы эстраду (8,5× ×12,5 *м*), пол которой приподнят на 0,60 *м*. Вдоль стен этой эстрады также шли суфы. Чрезвычайно интересной деталью устройства эстрады, выявившейся в ходе раскопок, являются остатки деревянной вымостки, на которой, как можно полагать, находилось тронное сооружение. Эта вымостка находится не в центре, а ближе к восточной стене. Есть полное основание считать, что аналогичная вторая вымостка находится в нераскопанной части эстрады. Таким образом, имелись два тронных сооружения — для правителя и его супруги, что подтверждается сообщением китайской хроники, отмечающей, что «когда он (правитель) слушает представление о делах, то супруга сидит напротив него» [3, стр. 282]. В середине южной стороны эстрады расположена глубокая лоджия (4,70×4,50 *м*), в которую ведут две ступеньки.

Интерьер этого зала, к сожалению, пострадал наиболее сильно в результате пожара. В слое завала над полом было обнаружено большое количество балок, досок различных размеров. Остатки росписи на стенах прослеживаются только у поверхности суфы. В завале пе-



Аксонометрия залов дворца (выполнено архитектором Г. И. Миленко)

ред суфой и на полу лежали груды мелких кусков штукатурки с росписями, в которых преобладает синий фон. Местами удается проследить изображение групп конных всадников, фигуры дароносцев и некоторые другие сцены. Как показали раскопки, дворец Пенджикента особенно сильно пострадал. Ненависть завоевателей-арабов к «согдийскому царю, самаркандскому государю» проявилась здесь, видимо, с наибольшей силой. Еще до того как помещения дворца были сожжены, росписи были преднамеренно сбиты со стен и растоптаны.

Сейчас у нас имеется достаточно данных для точной датировки гибели дворца, так же как и значительной части самого города Пенджикента. События эти несомненно находятся в связи с трагической эпохой, главным героем которой был Деваштич, бывший царь Пенджикента. Трагическую его судьбу раскрыло изучение документов знаменитого архива из замка на горе Муг [7], который был вывезен, как это представляется несомненным, из исследуемого нами дворца на пенджикентской цитадели. 721—722 годы, когда арабы вели ожесточенную борьбу с Девашти чем, являются и временем гибели дворца.

Раскопки дворца правителей Пенджикента еще далеко не завершены.

Однако само открытие его представляет значительный интерес, так же как и его местоположение. Находясь непосредственно под двойной защитой цитадели и всей крепостной системы города, дворец в то же время занимал по отношению к шахристану господствующее положение. Это помогает нам понять и социальную структуру общества, и место, которое занимали правители отдельных княжеств, и их непосредственное окружение в период, предшествующий арабскому завоеванию. Разумеется, очень большой интерес дворец представляет как архитектурный памятник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленицкий А. М., Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии [Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук], Л., 1967.
2. Беленицкий А. М., Результаты раскопок древнего Пенджикента, — сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968.
3. Бичурин И. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.
4. Наршахи, История Бухары, Каган, 1906.
5. Нильсен В. А., Архитектура Средней Азии V—VIII вв., Ташкент, 1966.
6. Смирнова О. И., Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963.
7. Согдийские документы с горы Муг, вып. I—II, М., 1962; вып. III, М., 1963.
8. Ставиский Б. Я., Исторические сведения о верхней части Зарафшанской долины, — ИМКУ, вып. 1, Ташкент, 1959.
9. Ставиский Б. Я., Раскопки жилой башни в кухендизе Пенджикентского владетеля, — МИА, № 15, 1950; Тереножкин А. И., Раскопки в кухендизе Пенджикента, — МИА, № 15, 1950.
10. Шишкин В. А., Варахша, М., 1963.
11. Якубовский А. Ю., Древний Пенджикент, — «По следам древних культур», М.—Л., 1951.

Л. И. Альбаум

НОВЫЕ РОСПИСИ АФРАСИАБА

Осенью 1968 г. на городище Афрасиаб продолжалось вскрытие зала с росписями, раскапывавшегося еще в 1965 г., во время работ, проводившихся под руководством ныне покойного В. А. Шишкина (в настоящее время проведение раскопочных работ на Афрасиабе возглавляет Я. Т. Гулямов).

Напомним кратко о содержании росписей, открытых в 1965 г. Основной раскоп расположен в центральной части городища Афрасиаб, за пределами второй городской стены, с южной ее стороны. Здесь расположено большое количество помещений, сложенных из пахсовых блоков, чередующихся с одним-двумя рядами кирпича. В некоторых случаях, когда ширина помещения не превышала трех метров, верхние части стен и своды выложены сырцовым кирпичом. В северной части раскопа было открыто несколько помещений, на стенах которых сохранились фрагменты росписей. В одном из залов были обнаружены обгоревшие балки со следами резных украшений и фигуры кариатид, к сожалению плохой сохранности.

Наибольший интерес представляют два зала. В первом живописью была покрыта только северная стена, здесь изображена арка с сидящими в ней фигурами мужчины и женщины. Остальные стены были покрыты белой краской (гипс), лишь по верхнему контуру всех стен проходит орнаментальная кайма, изображающая двух павлинов, обращенных головами к чаше с фруктами.

Второй зал расположен севернее и является, по-видимому, одним из центральных помещений. Размеры его 11 × 11 *м*, вход в зал с восточной стороны. Сразу за входом с левой стороны восточная стена сохранилась на высоту до 1 *м*. На ней изображена сцена, связанная с водной стихией, — фигуры плавающих людей, животные, птицы, рыбы и т. д. Сохранность росписей на этой стене плохая, вскрытие еще не закончено, так что интерпретация всей композиции остается задачей будущего.

Полностью вскрыта южная стена. Несмотря на то что и в ней много выбоин и других утрат, она представляет огромный интерес, поскольку все основное в ее росписях сохранилось, и сюжет их достаточно ясен.

На этой стене изображена процессия, движущаяся влево (от зрителя), в направлении замка, помещенного в восточной части стены. Очертания замка переданы очень условно, в виде усеченной пирамиды. На верхней его площадке стоят четверо мужчин в богато украшенных кафтанах. Их фигуры сохранились не полностью: верхняя часть рисунка, несколько ниже талии фигур, разрушена.

Торсы двух мужчин, едущих на верблюдах (фрагмент росписи южной стены)

Возглавляет процессию медленно идущий белый слон. Его хобот закручен, бивни выступают вперед. Мерно покачиваются подвешенный на шее колокол и тяжелые синие кисти, прикрепленные к сбруе. На слоне круглая попона, украшенная большими кругами из перлов, в середине кругов — крылатый лев. Попона обрамлена орнаментальной каймой и бахромой.

Судя по сохранившимся фрагментам, на слоне был водружен балдахин, под которым сидела знатная женщина. За балдахином, на крупе слона, сидит прислужница. За слоном, на лошадях, темно-серой, желтой и красной масти, следуют три дамы.

Лучше всего сохранилось изображение первой дамы. Она сидит на темно-серой лошади в седле, свесив ноги на одну сторону. Левая ее нога в черном мягком сапожке вставлена в стремя, а правая, согнутая в колене, находится над левой. Черные волосы выложены на лбу колечками, в волосах — украшения. Одета она в длинное легкое шелковое платье, верхняя часть которого (до колен) красного цвета, а нижняя, ниспадающая многочисленными складками к мягким черным сапожкам, — желтого. Через правое плечо и грудь перекинута перевязь в виде широкой ленты, сходящаяся на талии под левой рукой.

На тыльной стороне руки, в которой она держит поводья, четко начертана согдийская надпись — n'ztpwnh, букв. «близкая [к] госпоже» [1].

Художник очень искусно расположил фигуры трех дам одну за другой так, что они почти не загораживают друг друга. Фигура первой женщины закрывает лишь попону второй лошади, а вся фигура

[1] Согдийские надписи, сопровождающие росписи Афрасиаба, прочитаны В. А. Лившицем.

сидящей на этой лошади женщины хорошо видна; то же можно сказать и об изображении третьей всадницы. Таким композиционным приемом художник достиг определенной объемности и глубины росписи и полностью заполнил всю площадь стены, от суфы до потолка (в нижней части стены проходит орнаментальная полоса шириной около 0,5 *м*).

За женщинами на верблюдах едут двое мужчин. Первый — пожилой, очень смуглый, с четко прорисованными седеющими бородой и усами; волосы на голове перетянуты белой лентой, нависшие густые брови сильно тронуты сединой. На темном лице ярко вырисовываются глубоко посаженные голубые глаза с контрастно сверкающими белками; в левом ухе у него серьга. Двумя пальцами правой руки он указывает на замок. В левой руке у него палица, увенчанная головой животного. Одет он в красный кафтан; за спиной развевается по ветру легкая желтая накидка, изображенная очень реалистично и объемно.

Второй мужчина более молодой. У него белое лицо, черная борода, тонкие усы и черные волосы на голове, перетянутые красной лентой. Как и у первого мужчины, тип лица — европеоидный. Нос крупный, с горбинкой, небольшой рот. В правой руке желтая (золотая) палица.

Оба мужчины вооружены длинными мечами, висящими на ремне с левой стороны. К поясу прикреплены также короткие кинжалы, ручки которых украшают головы хищных птиц.

Для следующей группы также характерна попытка передачи глубины изображаемого. В первом ряду мы видим серую лошадь, покрытую попоной, на ногах у нее развеваются разноцветные ленты. Ведет ее под уздцы мужчина с густой черной бородой. На лице у него повязка, прикрывающая рот и нос.

На втором плане изображены четыре белые птицы. На их туловищах и носах имеются согдийские надписи (некоторые из них весьма плохой сохранности). За птицами следует безбородый юноша. Волосы его заплетены в косичку, он подгоняет птиц. У него на лице такая же повязка, как и у мужчины, ведущего под уздцы лошадь[2]. Над всеми этими фигурами в верхней части стены (второй ярус росписей) была изображена кавалькада — продолжение процессии, но здесь сохранились только ноги лошадей. За описанной выше группой в первом ярусе следует изображение всадника, сохранившееся очень плохо и только до пояса. Всадник был одет в красный кафтан, на ткани его — фигуры белых птиц, по-видимому гусей. К поясу подвешен меч в ножнах, а также футляр для лука, обтянутый шкурой леопарда. Всадник сидит на желтой лошади, черный хвост ее в середине перетянут лентой, на ногах также ленты. На левой задней ноге видны слабые следы согдийской надписи; на крупе процарапано кем-то из посетителей зала несколько строчек другим письмом[3]. Этот всадник — центральная фигура всей композиции, и по-видимому — глава посольства. Он в два раза крупнее остальных персонажей, что, вероятно,

---

[2] Подобные изображения с повязками на лицах мы видим на некоторых серебряных блюдах. Жрецы не смели дышать на священные предметы, в частности на огонь, а слуги не должны были осквернять своим дыханием высокопоставленных особ.

[3] Эта надпись была замечена впервые Б. И. Маршаком, высказавшим предположение, что надпись — эфталитская. В. А. Лившиц, обследовавший эту надпись в октябре 1968 г., подтвердил, что она выполнена курсивным бактрийским письмом, известным по легендам эфталитских монет.

Персонаж росписи западной стены

должно подчеркивать его особое положение в процессии. Подобный прием выделения главного персонажа характерен для искусства Востока.

За этим всадником на конях следуют его приближенные. Что за процессия здесь изображена, откуда и куда она следует? На эти вопросы трудно было бы ответить, но на западной стене (о ней будет сказано ниже) сохранилось 16 строк согдийской надписи, которая помогает понять содержание росписи. В надписи говорится о прибытии к самаркандскому царю Вархуману посольств из Чаганиана (владение в бассейне р. Сурхандарьи) и Чача (Ташкент) и приведена речь чаганианского посла.

Судя по тексту надписи и характеру изображений на южной стене, можно заключить, что в росписях на этой стене представлено посольство из Чаганиана. Процессия следует издалека. Мужчины и женщины сидят в седлах, свесив ноги на одну сторону. Такая посадка характерна для людей, привыкших к многодневным конным переходам. Они подъезжают к Самарканду. У стен города их встречают приближенные самаркандского царя. Посольство везет самаркандскому царю принцессу, а также дорогие подарки. В числе этих подарков — лошадь (Северный Тохаристан был богат лошадьми) [1, стр. 321], а также диковинные птицы (не исключено, что это страусы, хотя в таком случае странно, что они изображены белыми). Из китайских хроник известно, что правитель Тохаристана (Тухоло) послал в 650 г. к императорскому двору «посольство с дарами», и среди них «большую птицу, вышиною семи футов, цвета черного; ноги у нее как у верблюда; имеет крылья, и в день пробегает около 300 ли; может глотать железо. Обыкновенно называется верблюд-птица» [1, стр. 267, 321].

Среди даров, отправленных из Самарканда в 713 г., упоминаются «яйца верблюда-птицы» [1, стр. 311]. (Судя по этим сообщениям китайских хроник, в согдийском языке страус назывался сходно с персидским, в котором suturmurγ = «страус» — буквально значит «верблюд-птица».) В сообщениях хроник мы находим некоторые явно фантастические детали, связанные с этими птицами (например, что страус «может глотать железо»).

В произведениях среднеазиатских художников доисламского времени мы нередко можем отметить случаи явно искаженных изображений животных. Так, например, слон на росписях Варахши разукрашен кругами «в яблоко», подобно арабскому скакуну, а бивни его находятся в нижней челюсти, там где у хищников клыки [4, табл. IV и др.]. По-

этому нет ничего удивительного, что изображения страусов на росписях Афрасиаба довольно далеки от реального облика этих птиц.

Один из группы дароносцев (центральная часть росписей западной стены)

Несколько слов о росписях на западной стене. В 1965 г. была вскрыта ее южная часть, а осенью 1968 г. — центральная. Можно было предполагать, что в центральной ее части будут обнаружены изображения самаркандского царя или алтаря. К сожалению, верхняя часть росписей не сохранилась, но вряд ли можно сомневаться в том, что здесь был изображен именно самаркандский царь, — это центр композиции, к которому обращены фигуры всех персонажей.

С левой стороны идут трое мужчин, одетых в богато украшенные кафтаны. У них ниспадающие к плечам волосы, перетянутые лентой, впалые глаза, прямые носы и густые бороды (ср. [I, стр. 288]). В руках они держат дары — гривны, ожерелья, рулон ткани, орнаментированный кругами с перлами (в кругах — крылатые львы). По своему облику они, как и персонажи южной стены, — люди европеоидного типа. Можно полагать, что на западной стене зала, в южной ее части, представлено чаганианское посольство в момент вручения даров самаркандскому царю.

Перед чаганианцами идут двое мужчин. Их кафтаны не имеют сплошного орнаментирования, покрой их иной, чем у чаганианцев, — двусторонние отвороты, слегка расширяющиеся обшлага. В руках у них нет даров. Их позы говорят о том, что они, видимо, сопровождают послов к царю. Отличительной их чертой являются длинные черные косы, спускающиеся за спину, и тонкие черные усики. Таких персонажей мы находим и в других частях западной стены, всего их пока открыто одиннадцать. Все они изображены в свободных позах, некоторые из них сидят на ковриках и ведут беседу. У одного под рукой зажата книга, двое стоят. Один в красном кафтане, другой — в белом, на поле его кафтана — согдийская надпись из 16 строк, о которой упоминалось выше.

Следует, видимо, обратить особое внимание на то, что все эти персонажи имеют косы. А именно косы считались характерным признаком тюркских воинов. Так, китайский паломник Сюан Цзань, наблюдавший Тундангнабгу-хана и его воинов, отметил, что голова хана была перехвачена лентой, удерживавшей спускающиеся на плечи волосы, а воины, окружавшие хана, одеты в парчовые халаты, их волосы заплетены в косы, спускавшиеся за спину [5, стр. 194].

В. Л. Вяткин, изучая терракотовые статуэтки Афрасиаба, обратил

внимание на то, что «безбородые мужские лица, обрамленные длинными волосами, бывает трудно отличить от женских» [2, стр. 21]. Можно предположить, что фигуры с косами — это приближенные самаркандского царя, тюрки и согдийцы, принявшие тюркские обычаи. О роли тюрок в городской жизни Согда в конце VII — начале VIII в. (в частности, об их участии в аппарате управления пенджикентского владения и о согдийско-тюркских браках) мы можем теперь судить на основе изученных документов с горы Муг.

В центральной части западной стены открыта еще одна группа дароносцев. Ее глава изображен стоящим спиной к зрителям, в руках его три рулона ткани. Трое других дароносцев подходят с правой стороны, один из них несет шелковую пряжу, второй — гроздья плодов (бананов?), третий держит свиток.

По своему этническому облику они резко отличаются от двух предыдущих групп. У них явно монголоидный тип. Волосы коротко острижены или подняты кверху и собраны в пучок на макушке, как это делали китайцы, а поверх надета шапочка, перетянутая лентой, концы ее спускаются к шее. Одеты они в шелковые халаты с широкими рукавами, иногда закрывающими кисти рук, — костюм, также характерный для китайской одежды VII в. С первого взгляда можно определить, что это изображение китайцев.

До сих пор не решен вопрос о том, кому принадлежит раскапываемый дворец. Построен он за пределами второй городской стены, датируемой VI — началом VII в. Ясно, что дворец не мог быть построен раньше этого времени: иначе он находился бы за городской стеной. Монетные находки дают одну из возможных дат последнего периода существования дворца. При раскопках его обнаружена монета Тархуна (700—710) [4] и монета неизвестного царя, правившего в первой четверти VIII в. [3, стр. 87, № 301]. К середине VIII в. здание уже погибло: в верхней части основного завала (1,5 *м* от пола) найдена монета Ал-Аш'ас ал-Йахйи, битая в Самарканде в 144 (761/62) г. [3, стр. 141, № 815]. Следовательно, последний период существования дворца приходится на первую половину VIII в. Вернемся к вопросу о расположении дворца. Экономический подъем, наступивший после кризиса IV в., не обошел и Самарканд. Развитие феодальных отношений, центральное положение Самарканда среди согдийских владений, значение города для международных торговых путей — все это способствовало быстрому росту города. В конце VI или в начале VII в. прежние границы Самарканда не позволяли городу расширяться. За пределами города быстро развивался торгово-ремесленный пригород, вне городских стен находились и замки крупных дехкан. В Самарканде такой округой были районы, находящиеся южнее второй городской стены.

Правитель Самарканда VII в. мог строить только за пределами городских стен [5]. Из текста надписи мы знаем, что послы прибыли к самаркандскому царю Вархуману. Не исключено, что и дворец был построен этим правителем, царствовавшим в Самарканде в середине VII в.

Можно предполагать, что в росписях дворца запечатлено провозглашение Вархумана правителем (ихшидом) Согда. Первыми к нему

---

[4] Определение монет, найденных при раскопках дворца, принадлежит Т. Ерназаровой.

[5] Заслуживает внимания, что дворец Девештича, правившего в Пенджикенте в 708—722 гг., располагался между цитаделью и городом. См. статью А. Исакова в настоящем сборнике, стр. 76—82.

подходят китайцы, преподносящие свои дары и вручающие свиток с грамотой от императорского двора. На это торжество прибыли также послы из Чаганиана и Чача с дарами (возможно, что на невскрытой еще северной части западной стены зала мы найдем изображения дароносцев из Чача). Раскопки дворца, которые привели к открытию монументальной согдийской живописи, и согдийские надписи (первые согдийские памятники, найденные на территории столицы (Согда), обещают новые находки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.
2. Вяткин В. Л., Городище Афрасиаб, Ташкент, 1927.
3. Смирнова О. И., Каталог монет с городища Пенджикент, М., 1963.
4. Шишкин В. А., Варахша, М., 1963.
5. Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, St.-Pbg., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI).

О. И. Смирнова

МЕСТА ДОМУСУЛЬМАНСКИХ КУЛЬТОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (по материалам топонимики)

Согдийский βγn-'храм' и βγ-'бог' в среднеазиатской топонимике [1]

Вопросы идеологии и культов Средней Азии интересовали исследователей давно.

Как известно, в Средней Азии встречались, сменялись и уживались такие мировые религии, как маздеизм, зороастризм, буддизм, христианство и манихейство, а также так называемый культ идолов, отождествляемый некоторыми с культом светил [1, стр. 62]. И все же до настоящего времени, несмотря на немалое количество исследований, мы не имеем реального представления ни об одной из этих религий в Средней Азии, кроме христианства.

Круг привлекавшихся источников широк и многообразен, но не охватывает всего материала. К числу почти не использованных источников относится топонимика. Исследователи, занимавшиеся после И. Маркварта, А. Христенсена, К. И. Иностранцева, В. В. Бартольда среднеазиатскими культами или их современными пережитками, как правило, ограничивались привлечением уже известных данных. Между тем именно топонимика является одним из важнейших источников для суждения о сменах в этническом составе населения, материальной и духовной культуре этого населения. Топонимика Средней Азии отнюдь не составляет в этом отношении исключения [2].

В ходе своих занятий среднеазиатской топонимикой автор обратил внимание на то, что ряд ее топонимов восходит к названиям древних святилищ. Это наблюдение подсказало мысль поставить тему «Культы Средней Азии по материалам топонимики». Начало разработки этой темы кладет настоящая статья.

Известия письменных источников о среднеазиатских религиях разнообразны. Наряду с преданиями и анекдотами они содержат кон-

[1] Доложено 17 июня 1969 г. в отделе Средней Азии Института этнографии АН СССР.

кретные сведения, правда достаточно ограниченные, о местных храмах и богах, обычно называемых исследователями идолами (араб. *çанам,* перс.-тадж. *бут*), а равно некоторые рассказы об обрядовой стороне культов.

Однако все эти сведения обычно относятся к таким крупным центрам, как, скажем, Самарканд, Иштихан, Бухара, Пайканд, и главным их святилищам.

Что же дает в этом отношении топонимика?

В многослойной среднеазиатской топонимике достаточно отчетливо выделяется согдийский пласт, общая характеристика которого выходит за пределы настоящей статьи. В ней мы ограничимся рассмотрением топонимов двух типов, наиболее, как представляется, показательных для основного нашего тезиса. Это композиты с согдийскими βγn- 'храм', дословно 'божница' (этимология В. Б. Хеннинга) и βγ- 'бог', 'божество'.

Составленный список топонимов согдийского пласта с компонентами βγn- 'храм' и βγ- 'бог' сравнительно невелик, но все же содержит около тридцати названий. Эти названия извлечены нами из разноязычных раннемусульманских сочинений (арабских, персидских, тюркских). Часть — из разновременных среднеазиатских вакуфных и других документов. Единичные сохранились в современной среднеазиатской топонимике.

Ареол распространения названий с компонентами βγn- и βγ-, как показало предварительное исследование, широк и выходит далеко за пределы средневекового Согда, охватывая на юге районы бассейна Кашкадарьи — древние владения Нахшаба (совр. Карши) и Кеша (совр. Шахрисябз), Усрушану и районы за Сырдарьей на севере, т. е. всю территорию Согдианы — «Земли согдийцев» античных авторов, а равно отдаленные ее колонии на востоке. Аналогичные топонимы встречаются на западе в топонимике Хорезма и Мерва и Ферганы на востоке, никогда, как известно, не входившей в состав Земли согдийцев.

Часть топонимов, вошедших в предлагаемый читателю список, легко этимологизируется на согдийской почве; другую предстоит исследовать.

В топонимах, зафиксированных арабской графикой, зачастую трудно узнать согдийскую форму, поэтому для наглядности рядом с ними в статье дается восстанавливаемое нами их написание в общепринятой согдийской международной транскрипции. Этот простой прием значительно облегчает исследование. Одновременно выяснились некоторые закономерности в передаче арабским алфавитом согдийских слов и названий, закрепившейся за ними впоследствии в силу литературной традиции.

В разновременных мусульманских источниках согдийские βγn- 'храм' и βγ- 'бог' исследуемых топонимов передаются арабской графикой по-разному:

1. Чаще всего с начальным глухим зубным: فغن *фағн* и فغ *фағ* вместо ожидаемых ڤغن *в̣ағн* и ڤغ *в̣аг* с начальным ڤ, что, надо думать, объясняется отсутствием этой производной буквы не только в арабском, но и в известном нам персидском алфавите.

2. Редко وغن *в̣ағн* и وغ *в̣аг* с начальным و, которым писцы пытались, видимо, передать согд. звонкое β.

3. Чаще بغن *бағн* и بغ *баг*, отражавшими, надо думать, местное произношение с начальным глухим: پغن *пағн* и پغ *паг*, возможно под влиянием тюркского языка (ср. также согд. рωɣ'г *Пухāр*, местное *Пухоро* «Бухара»).

Отмеченные особенности арабской передачи топонимов, за исключением первой, нами во всех случаях сохранены (транслитерированы), кроме одного: при транслитерации названий с начальным араб. (*ф-*) восстанавливается его производная ڤ, которая передается нами русским «*в*» с точкой под ним (*в̣*).

В статье сначала дается транслитерация названия топонима в источнике; затем в скобках это название воспроизводится в арабской графике источника; вслед за этим дается восстанавливаемая нами согдийская его форма в принятой для согдийских текстов транслитерации с пометой *, указывающей, что данное слово в согдийских текстах не зафиксировано.

1. Первым, кто узнал в компоненте в̣аγн (-ڤغن) мусульманских источников согд. βγп-'храм', 'божница', оказался В. Б. Хеннинг, объяснивший название самаркандского селения Хушув̣аγн (خشوڤغن) из согдийского γωšω+βγп, дословно 'Шестихрамовый', 'Обладающий шестью храмами'.

Из содержания названия «Шестихрамовое» совершенно очевидно, что в селении, его носившем, стояло одновременно шесть храмов или капищ. В этом нет ничего удивительного, если мы вспомним, что в древнем Пенджикенте на Зеравшане в 60 *км* от Самарканда археологами открыты два рядом, стена к стене стоящих храма. Сведения источников о селении Хушуваγн собрал в свое время еще В. В. Бартольд [3, I, стр. 186]. Согласно словарям Самани и Йакута, оно находилось в самой населенной и цветущей части Согда, между Иштаханом и Кушанией, в местности, считавшейся лучшей в крае по климату (أطيب موضع), и не удивительно, что она была облюбована в далеком прошлом жрецами. Место для храмов было выбрано чрезвычайно выгодное — на одной из главных дорог Согда, связывающей важнейшие культурные его центры. В XII в. селение Хушуваγн было уже известно под другим названием, арабским (описательным) — Ра'с ал-Қанṭарак, дословно 'Голова моста', 'Предмостье'. Из этого видно, что селение находилось у моста, вероятнее всего принадлежащего некогда ему и его храмам, и к XII в. уже утеряло свое значение культового центра. В XIII в. то же селение упоминается под названием таджикским — *Сарипуль* 'Предмостье', калька с арабского (или наоборот). Селение Сарипуль существовало, во всяком случае, еще в

XVI в. На том месте, где оно находилось, сохранились остатки крепости (километрах в 4 от Катакургана). Последняя была осмотрена в конце прошлого столетия Веселовским [5, стр. 255]. Нет сомнения, что следы шести согдийских храмов, стоявших некогда в селении, известном у согдийцев под названием «Шестихрамовое», археологам надо искать где-то вблизи этих остатков.

Селение с таким же названием, судя по известиям Ибн Хордадбеха и Кудамы, стояло в восьми фарсахах (ок. 60 *км*) от Самарканда по дороге на усрушанский город Замин. В. В. Бартольд предполагал, что речь у них идет о другом, втором, одноименном с первым селении [3, I, стр. 186]. Вопрос требует дополнительного исследования.

2. Самаркандское селение Рустваγн (*Растīваγн*) (رستيغن رستغن), согд. *rst(y)βγn, во второй части названия которого легко узнать тот же согдийский компонент -βγn 'храм', упомянуто в тех же словарях Самани и Йакута [3, I, стр. 181]. По мнению В. А. Лившица, его следует идентифицировать с названием владений Рӯст (согд. rwst-), от имени дихкана которого (rwstyk γωβ-) написано письмо В. 9 из мугского собрания [10, стр. 157]. Однако эту идентификацию не приходится считать доказанной, тем более что этимологии названия в целом исследователем не дается.

Источники подсказывают иное объяснение.

Как известно, восемнадцатый день согдийского календаря был посвящен древнеиранскому божеству Справедливости Rašnaoš [11, стр. 147]. В мугских документах название восемнадцатого дня не встречается. Согласно Бируни (точнее, переписчикам его труда), восемнадцатый день назывался у согдийцев и хорезмийцев *рашн* (رشن) или *расн* (رسن). В этой связи крайне соблазнительно видеть в первой части интересующего нас названия селения Растиваγн имя божества Справедливости, которому был посвящен в таком случае носивший его имя храм *Рашн[и]ваγн, согд. *ršn[y]βγn (изršn + βγn). Название впоследствии было переосмыслено населением и селение стало называться Раст(и)ваγн. Селение Растиваγн под тем же названием (رستغن) существовало в XVI в. и упоминается в вакуфных документах ханаки селения Бейли-ата бывшего Анхорского тюменя, согласно которым оно находилось на левом берегу Даргама. Судя по названию одноименного с ним канала, выведенного из Даргама, храму в древности принадлежал как этот канал, так и земли, им орошаемые. В. Л. Вяткин отождествляет средневековый Растиваγн с современным селением Байлиата, в вакуфных документах ханаки которого оно упоминается [7, стр. 49]. Стоящий в селении мазар Абульхасана Растиваγни свидетельствует о том же. Случаи, когда старое место почитания адаптировалось и заселялось новой религией, хорошо известны. Независимо от этимологии названия в целом, в том, что селение Растиваγн в свое время было селением храмовым, сомнений быть не может. Об этом свидетельствует с достаточной очевидностью его компонент -βγn 'храм'.

В раннем средневековье через селение Растиваг̑н пролегала хорошо известная тогда кратчайшая дорога из Самарканда в Бухару, и причина возведения храма именно здесь понятна. Стоявший некогда на этой старой дороге храм в свою очередь свидетельствует об ее оживленности и значимости в древности.

3. Другое доисламское храмовое селение находилось на канале Большой Сиаб (стяженная форма от тадж. Сиёхаб 'родниковая вода'), поблизости от слияния рукавов Зеравшана Қарадарьи и Акдарьи. Его название Қрāсв̣аг̑н (قراسڤغن), согд. *γr'sβγn, упоминается в вакуфных документах XVI в. [7, стр. 49]. В раннемусульманской литературе это название не встречается. Этимология его пока неясна. Первая его часть равно может оказаться согдийской (заимствованной) и тюркской (ср. قراس из греческого κέρασος 'вишня' и тюркское قراسو 'черная вода', калька с тадж. сиёхоб). Одно несомненно, что во второй части его названия удержалось согдийское -βγn 'храм' и, следовательно, в селении, известном в XVI в. под этим названием, у согдийцев некогда стоял храм. Но какому божеству он был посвящен, пока неизвестно, как и точное местонахождение самого селения.

4. К числу интереснейших по своей истории самаркандских селений принадлежит селение Санджарв̣аг̑н (سنجرڤغن), находившееся, по словам географов, между Маймаргом и Даргамом. Первая часть названия, как известно [3, I, стр. 144], восходит к санскритскому названию, общему для буддийских монастырей, — сангарма (скр. samgharāma — 'место общины', 'монастырь'), согдийская передача которого snkr'm зафиксирована в текстах буддийского содержания, тогда как вторая его часть, как и в рассмотренных выше названиях, представлена согд. -βγn 'храм'. В целом название Санджарв̣аг̑н (سنجرڤغن) встречающееся у мусульманских авторов, представляет, видимо, арабизированный вариант местного Сангарв̣аг̑н (سنگرڤغن), стянутой формы первоначального Санкарāмв̣аг̑н (*سنكرامڤغن), согд. * snkr'mβγn, дословно 'Капище буддийского монастыря', 'Капище сангармы' или 'храм, который Сангарма'. Второе из этих двух объяснений ставит в данном случае знак равенства между скр. сангарма 'место общины', 'монастырь' и согд. βγn 'храм'.

Место, где находился буддийский монастырь (сангарма), по которому получило свое название селение Санджарваг̑н, определено с достаточной точностью. Его название, как известно, сохранило за собой кладбище при селении Занджирбог на правом берегу канала Янгиарык [7, стр. 38; 3, I, стр. 144], а в вакуфных документах прямо сказано, что موضع سنجرڤغنى مشهورست بزنجيرباغ «Местность Санджарв̣аг̑ни (т. е. относящаяся к Санджарв̣аг̑ну) известна под (названием) Занджирбог» [22, л. 38а]. Надо думать, что своим новым названием селение Занджирбог обязано скорее всего народной этимологии, переосмыслившей старое.

Как бы то ни было, очевидно одно: здесь, на месте современного селения Занджирбог или его кладбища, стоял некогда буддийский

монастырь. Сочетание в его названии двух компонентов snkr'm (из скр. sanghārama) и -βγn определяет одно из значений последнего как капище, «вместилище идолов», в данном случае буддийских.

Если мы вспомним, что, по словам буддийского монаха Сюань-Цзяня, в Самарканде было два буддийских монастыря и оба находились в упадке [15, стр. 45], и сообщение другого монаха, Хао-Чао, сто лет спустя (его записи от 721 г.), о том, что в его время в Самарканде был только один буддийский монастырь с одним монахом [20, стр. 451], свидетельство топонима приобретает особое значение. Раскопки, проведенные в Занджирбоге, без сомнения, откроют остатки буддийского монастыря, по которым можно будет составить реальное представление о такого рода буддийских памятниках в Средней Азии.

Не меньший интерес представляют топонимы Самаркандского района с компонентом βγ- 'божество', 'бог'.

5. Один из них Багдīза (بغديزه), согд. *βγδyz' (из βγ + δyz'), второй компонент которого дīза (согд. δyz') достаточно широко засвидетельствован в топонимике Средней Азии, главным образом Зеравшана, в значении 'цитадель', 'кремль', определенного типа укрепленное поселение, убедительным доказательством чему является упоминание в согдийских текстах 'крепких (т. е. сильных) дīза' (γnsδyz)' [21, § 1233 в]. Мнения о терминологическом значении слова после открытия бактрийской надписи расходятся. В настоящей статье оно оставляется без перевода. Напомним лишь в значении древнеиранского daēza 'груда, нагромождение (камня, земли)' [14, стр. 674], возможно и в смысле искусственного возвышения.

Согласно вакуфным документам, селение, известное под названием Багдīза (بغديزه), существовало в XV в. к востоку от современного кишлака Ходжи Ахрар, поблизости от селения Фарундиза [7, стр. 48]. При Саманидах и позже это название (у Йакута: فغنديزه , у Самани: فغديزه) носил один из самаркандских пригородов (махаля) [3, I, стр. 141]. Оба селения — Багдиза и Фарундиза располагались внутри стены Дивари Киамат, известной также под названием Кундалянг, окружавшей самаркандские пригороды (махаля). Второе из них, Фарундиза, находилось у ворот Фарӯн (فرون), название которых, собственно, 'Дīза (ворот) Фарӯн', оно носило. Судя по своему названию, первое из них, Багдиза, лежавшее к востоку от сел. Фарундиза у той же стены, вероятнее всего находилось у следующих ворот Дивари Киямат, названия которых мы не знаем. Но из этого названия совершенно очевидно, что в одноименном с селением Багдиза пригородном квартале высилось изображение почитаемого в Самарканде божества, покровителя города. В этом быть сомнений не может, поскольку здесь стояла дīза (δyz') этого божества (βγ-а), которым был, очевидно, Ормузд.

6. Аналогичное название носило в XVI и позже, в XVII в., другое селение Самаркандской области — Аспандīза (اسفـنـديزه ' اسپنـديزه), согд. *' sp(')nδyz', вторая часть которого *дīза* (согд. δyz') такая же,

как в выше рассмотренном топониме Багдиза, тогда как первый его компонент (согд. 'sp'n-), как сейчас представляется, содержит первую часть имени женского божества, божества земли, авест. Spəntayå rmAataiš 'Святое Смирение', согд. 'sp'ntrmt, которому был посвящен пятый день согдийского календаря 'sp'ntrmtrwč, *спандармад* (سپندارمذ) у Бируни. А если так, название селения Аспандиза дословно означает 'диза (богини) Аспан [дармат]'. Название того же селения упоминается еще дважды в вакуфных документах, опубликованных О. Д. Чехович [12, стр. 133 и 145], в которых оно пишется через удвоенное g (اسبندديزه), второе из которых может быть конечным согласным первой части имени богини Аспант [армат] (согд. 'sp'nt + 'rmt). Это обстоятельство, во-первых, будет подтверждением предложенной выше этимологии названия Аспандиза (аспан + дйза) из согдийского 'sp'nt- 'Святое (Смирение)' + согд. δyz', во-вторых, позволяет думать, что первоначально это селение носило название *Аспантарматдйзы* (согд. *'sp'ntrmtδyz'), превратившееся постепенно в устах населения сперва в Аспанддйза, затем в Аспандйза и, наконец, в Аспанды, сохранившееся за селением до наших дней.

Имя богини Аспантармат, богини Земли, святилище которой находилось под современным Ургутом, в селении, носившем ее имя, восстанавливает, таким образом, свое место в согдийском пантеоне (не считая согдийского календаря, в название одного из дней которого оно входит). Судя по местонахождению ее святилища, богиня Аспантармат особо почиталась в Ургуте, покровительницей которого она, вероятно, была. И надо думать, что археологические поиски в районе современного селения Аспанды дадут блестящие результаты: там предстоит найти святилище согдийской богини Аспантармат.

7. Не менее интересным представляется название самаркандского селения, место которого, к сожалению, пока установить не удалось. Известно только, что оно называлось *Рӯдфағкад*, собственно *Рӯд вағкад*, и находилось в окрестностях (фӣ навāхӣ) Самарканда [3, I, стр. 181]. Название *Рудвағкад* (رودثغكد, согд. *rωδβγkδ-) хорошо этимологизируется и состоит, как это легко заметить, из трех компонентов rωδ+βγ+kδ, последний из которых согд. -kδ или kt 'дом', 'обитель' — один из распространеннейших компонентов топонимов согдийского пласта; второй — согд. βγ- 'бог', 'божество'. Параллель, которая приходит в голову в связи с первым компонентом rωδ-, это таджикское *руд* 'река', 'протока'. Но поскольку два других компонента согдийские, то и третий, вероятнее всего, того же происхождения, т. е. согдийский, а согдийское rωδ-, как известно значит 'медь', а равно, судя по согдийским монетам, и 'бронза'. В таком случае, название Рудвагкад значит дословно 'Обитель (или дом) Бронзового бога'. Из этого названия очевидно, что в существовавшем еще при Самани и Йакуте селении Рудвагкат стояла бронзовая статуя бога и его *кад* 'дом', в отличие от которого святилища богини Аспантармат и безымянного бога, чьи храмы стояли в селении Аспанда в Ургуте и в Самар-

кандском пригороде, именовались диза. К компоненту дйза мы вернемся ниже. Все семь рассмотренных нами названий принадлежат селениям Согда.

8. В шести фарсахах (около 42 *км*), по одним сведениям, в трех, по другим, к востоку от Ургута (согд. *'rγωδ), более известного в раннем средневековье под своим арабским названием Тававис (установлено автором), находилось селение Кӯк (کوک) или Кӯкшӣбағн (کوکشیبغن), согд. *kωkšyβγn, или kwkšyβγn, где некогда собирались тюрки при своих набегах на Бухарскую область [3, 1, стр. 150]. В этом селении, как и в предыдущих, судя по второму компоненту его названия, стояло святилище (βγn). Содержание названия в целом пока раскрыть не удалось. Очевидно, первоначально так назывался храм (βγn), по которому стало именоваться селение при нем. Не лишено возможности, что в первой части названия Кукшибагн или Кукбагн представлено тюрк. *көк* 'небо'. Поскольку в этом селении перед своими набегами на Бухару собирались тюрки, такое предположение до известной степени оправдано, но и только. И все же, если это так, то здесь, в *Кӧкбағне, тюрки, готовясь к набегам на оазис, совершали свои моления.

Топонимы рассматриваемой группы оказались особенно распространенными в топонимике Бухарской области, для которой удалось их отметить около двух десятков. К сожалению, далеко не всегда удается восстановить первоначальные названия и дать адекватный их перевод.

9. Одно из бухарских селений, местонахождение которого сравнительно точно устанавливается по архивным документам джуйбарских шейхов [8, стр. 152], именовалось *Вағдӣза* (وغديزه), согд. *βγδyz', дословно 'диза бога', и, следовательно, носило одно название с самаркандским пригородом (махаля); во всяком случае, у Йакута его название пишется одинаково с названием самаркандского пригорода в вакуфных документах فغديزه [25, III, стр. 904], и этимология их одна и та же. Очевидно, оба святилища были посвящены одному и тому же божеству, чьи изображения стояли одно в самаркандском пригороде, другое в бухарском.

10. Одно из названий, сохраненных Йакутом [25, III. стр. 904], заслуживает особого внимания. По его словам, одно из бухарских селений называлось Бағандӣза (بغانديزه), согд. *βγ'nδyz', с долгим гласным во втором слоге первого компонента βγ'n-, что не позволяет его смешивать с рассматриваемым нами компонентом согдийских топонимов -баγn (согд. -βγn). Эта его первая часть, согд. βγ'n-, очевидно, представлена формой древнего генетива на -ān, сохранившегося в согдийском в определительных словосочетаниях. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно напомнить о таких из них, как δyn'n'sp'δ 'войско дивов' и δyn'nxšyδ 'царь религий' [21, § 1230]. А если это так, в чем сомнений нет, то название бухарского селения Баγандӣза (согд. *βγ'nδyz') дословно означает 'Диза богов', и очевидно, что под Бухарой находилось святилище, в котором стояли изображения несколь-

ких богов, служение которым совершалось одновременно. Пока это все, что мы можем сказать о святилище в сел. Багандиза.

11. Другое бухарское селение в XI в. именовалось Астāвагна (استاڤغنه), согд.*'st'βγn'. В этом названии соблазнительно видеть композит с начальным протетическим гласным, состоящий из согд. числительного st'- 'сто' и -βγn 'храм' (в форме облатива) с общим значением 'Стохрамовый' 'Стохрамовое (селение)'. В таком случае название селения говорило бы о многочисленности стоявших в нем некогда храмов. Однако, вероятнее всего, это не так. Другая этимология, на наш взгляд, лучше укладывается в рамки уже установленных. В данном случае, как и в предшествующих, помогло обращение к согдийскому календарю. Если в арабском написании استاڤغنه восстановить после долгого гласного одну букву и поставить три точки над сйном, то вместо названия, зафиксированного в документах архива, получим новое — *اشتادڤغنه Аштāдвагна, в первой части которого легко узнать согдийскую форму, засвидетельствованную у Бируни и в новоперсидском языке имени богини Прямоты, Праведности — Arštātō, которой был посвящен двадцать шестой день согдийского календаря [11, стр. 148]. В таком случае это название должно было принадлежать храму, посвященному богине Праведности — Аштад (из Arštāt), и дословно означало 'храм богини Аштад' или 'храм (богини) Праведности', персонифицированному божеству авестийского пантеона. Празднование в честь этого божества, как то подсказывает нам согдийский календарь, имело место в день 'št'δrwc 'день Аштад', т. е. 26-го числа согдийского календарного месяца, — какого, к сожалению, пока неизвестно. Итак, храм богине А(р)штад стоял в бухарском предместье Гиждуване и носил название *Аштāдвагн* (согд. *'št'δβγn, اشتادڤغن), по которому получило название прихрамовое селение Аштадвагна, дословно 'Относящееся к храму Аштад'. О том значении, которое имел храм богини А(р)штад, и о немалых земельных угодьях, принадлежавших некогда ему, можно судить уже по тому, что, согласно архивным документам джуйбарских шейхов, то же название носил канал (нахр), выведенный из Харканруда, и вся местность (мавзи) по этому каналу [8, № 286 и 300].

12. Другая местность в том же Гиждуване, согласно тем же документам [8, стр. 260], название которой, возможно, сохранилось за ней по сей день, именовалась Хӯрбагна (خوربغنه), согд. *γwrβγn', дословно 'Относящаяся к храму солнца' (из согд. γwr- 'солнце' и -βγn 'храм' в форме отложительного падежа). Название этой местности — своеобразный свидетель тому, что здесь, под Бухарой в том же Гиждуване стоял некогда храм солнцу, память о котором утратили люди, но сохранила топонимика.

13. Такое же название Хурбагн (согд.*γwrβγn) носило, во всяком случае, еще в XIII в., одно из крупных селений Насафа (арабизированное Нахшаб), этимология которого (согд. γwr 'солнце' и βγn 'храм') была предложена в свое время Р. Н. Фраем [19]. И следова-

тельно, в районе Насафа стоял в домусульманское время, а возможно и позже, храм, посвященный тому же божеству, что и храм, стоявший в Гиждуване под Бухарой,— божеству Солнца.

Два других селения с одинаковым по содержанию названием Х̯ӯрмӣс̱ан (خورميثن, согд. *γwrmyδn) 'Обитель (бога) солнца' (топоним, принадлежащий парфянскому пласту среднеазиатской топонимики) сохраняли свое название в XVI в.; одно из этих селений находилось в окрестностях той же Бухары, другое — под Самаркандом, что свидетельствует о распространенности культа божества Солнца как в древней Согдиане, так и в средневековом Согде. Солнцу, или, точнее, «Солнце-царю», авест. Hvarə-xšaēta- (согд. γwr, н.-перс. خور), был посвящен одиннадцатый день согдийского и хорезмийского календарей, название которого γwr rwč засвидетельствовано в мугских документах [11, стр. 146]. О храме другому светилу — луне (согд. m'γ, арабской графикой ماخ) в Бухаре сохранилось предание, приведенное в сочинении IX в., дошедшем до нас только в переводе XII в. Храмовый праздник луны праздновался два раза в год и оба раза, как позволяют установить это источники, в 12-й день месяца, который и был посвящен этому божеству (др.-иран. Māyhā-). На торжище, собиравшемся по случаю храмового праздника, продавались раскрашенные деревянные вотивные (?) фигурки (*бут*), специально изготовлявшиеся особыми ремесленниками по приказу царя к этому дню. На торжище присутствовал сам царь. Люди, поощряемые им, охотно раскупали изготовленные ремесленниками фигурки взамен своих утерянных или поломавшихся за истекший после прошлогоднего празднества год [18, стр. 18—19]. Изображения бутов, каждый своего, население Бухары рисовало или вырезало на входных дверях своих домов. Надо думать, что храмовый праздник в рассмотренном нами выше бухарском селении Хурбагна должен был соответственно праздноваться в день, посвященный его покровителю, т. е. в одиннадцатый день согдийского календаря, которым был день *хурроч* (согд. γwrrwc) 'день Солнца'. Обстоятельства, сопровождавшие это празднество, в свою очередь должны были быть такими же.

Все это говорит в пользу предложенной Р. Н. Фраем этимологии названия селения Х̯ӯрбагн, а следовательно, и предлагаемой нами этимологии названия *Хурмӣс̱ан* двух одноименных селений. Исследованию топонимики в данном аспекте только кладется начало, и нельзя не учесть возможности другого объяснения сложных названий с компонентами γwr и βγn (вар. myδn) из имени божества γwr [mzt] + -βγn (или myδn) с общим значением 'храм Ормузда', имя которого (γwrmzt) стерлось до первого своего слога х̯ӯр-(согд. γwr). Ормузду, верховному божеству авестийского пантеона Ахурамазде, был посвящен γwrmztrwč 'день Ормузда' — первый день согдийского месяца и ему же, как творцу, восьмой, пятнадцатый и двадцать третий дни того же календаря — δtsrwč 'день Датас'.

14. Загадочной остается в какой-то мере для автора этимология

названия бухарского селения, приведенного у Самани и Йакута в двух вариантах и с разными огласовками. Так, Самани под нисбой ал-Вағӣтӯсӣнӣ (الغيطوسيني) сообщает, что «Вағӣтӯсӣн — одно из селений Бухары, его также называют Вағӣтӣсӣн (غيطيسين)». В словаре Йакута то же название приводится с огласовкой Вағийтавсӣн (غسيطوسين). Первый компонент этого названия может передавать, надо думать, согд. βγy 'бог', 'божество'. Со вторым дело обстоит сложнее. Предложенные выше этимологии названий согдийских селений подсказали возможность видеть в нем имя божества — точнее вторую часть имени авестийского божества Gəuš Tašnō 'Творец Быка', которому был посвящен четырнадцатый день согдийского календаря. Как известно, согдийское название четырнадцатого дня в мугских документах гушрōч (γwšrwč) отражает лишь первую половину имени этого божества, без второй, и дословно значит 'день Быка'. Здесь нам на помощь приходит Бируни, согласно которому название четырнадцатого дня согдийского календаря было ғуш с краткой гласной (غش), тогда как хорезмийского — ғӯшт с долгой и конечным глухим (غوشت); этот последний, как показал А. А. Фрейман [11, 146], передает начальное *т* второй части имени авестийского божества Tašnō 'Творец'. И очевидно, что, во-первых, название четырнадцатого дня в мугских документах и у Бируни является его неполной (стершейся) формой от *γwš-twšnrwč 'день Творца Быка' (из авестийского Gəuš Tašnō), ғӯшт[ӯшн](?) (غوشت) у Бируни; и, во-вторых, что топоним Вағӣтӯшан (بغيطوشن), согд. *βγytwšn, в свою очередь представляет сокращенный (стершийся вариант первоначального *Баға[гӯш]тӯшн* (بغى غوشطوشن), согд. *βγγwštwšn, дословно 'бог Творец Быка'. Очевидно так же, что вторая часть этого топонима — *-тӯшн* — представляет вторую часть имени согдийского божества Gəuš Tašnō. Огласовка у Бируни (с сукуном над «йаем» в слове بغى), подсказывает еще одну возможную конъектуру, уточняющую название храма, посвященного этому божеству: *Баған Гӯштӯшн* (بغن غوشطوشن), согд. *βγn γwštwšn 'Храм Гуштушн'. Однако при такой конъектуре в названии селения следовало бы ждать обратного порядка слов. Как бы то ни было, но если предлагаемое тождество компонента *-туси/тавсн* в названии согдийского селения и авестийского Tašnō в имени божества подтвердится, придется признать, что в селе с этим названием некогда стояло святилище, посвященное Творцу Быка, изображение которого в нем находилось, а наш топоним будет лишним свидетельством тому, что в Согде существовал культ этого божества.

15—17. В Вобкене стояло по меньшей мере три храма. Название одного из них сохранилось за местностью *Мийӣнбағна* (ميانبغنه), дословно 'Средний храм' (согд. *myδnβγn'?), и за арыком, ее орошавшим [3, № 270]; два других — в названиях селений Дӣдбағна (دادبغنه) и Инджӣрбағна (انجيربغنه), этимология названий которых только наметилась [8, № 273 и 277].

Иранист не может пройти в бухарской топонимике мимо такого

примечательного названия местности, как Зандавйста (زندويسته) в том же Вобкане, хотя оно и не относится к рассматриваемой группе топонимов [8, № 338].

Значительно скуднее пока наши сведения по другим районам. Выше мы упоминали о селении Хурваґн в Нахшабе (Карши), в названии которого сохранилось имя божества Солнца, храм (βγn) которому здесь стоял.

18. В Кешской волости Хузар, где находился город Субах, раннемусульманские авторы упоминают городок *Искӣзаґн*(اسكيڤغن), согд. *'skyβγn, название которого можно истолковать двояко. Если в первом его компоненте *Искӣ-* представлено согдийское слово, название в целом может быть истолковано как 'храм Высочайшего' или 'Высочайший храм' (согд. 'sky- 'высокий' + -βγn 'храм'). Согдийское 'sky- 'высокий' сохранилось также в названии современного селения Искодар в верховьях р. Зеравшан (в Паргаре), и в согдийском 'sk'tr в мугских документах, дословный перевод которого 'Выше (лежащее)', в случае если оно содержит указание на расположение селения относительно других, и 'Высочайшее', если это название в своей основе отражает имя почитавшегося здесь в древности божества. Но возможно и то, что первый компонент топонима Искибаґн передает тюркское *иски* 'старый'. В таком случае название в целом будет значить 'Старый храм', в смысле «храм недействующий» (ср. Иски Панджикент 'Старый Пенджикент' и Иски Ташкент 'Старый Ташкент' в современной топонимике). Второе из этих объяснений представляется менее вероятным.

Субах находился, по Истахри, на главной дороге из Насафа (Нахшаба) в Балх, на расстоянии одного перехода от первого, по Ибн Хаукалю — на расстоянии 2 фарсахов от Кеша. Искиваґн находился на расстоянии фарсаха от Субаха, т. е. дальше от Насафа. По мнению В. В. Бартольда, его название могло сохраниться в созвучном ему названии селения Эскибог [3, 1, стр. 190], собственно 'Старый сад', которым в таком случае это последнее обязано народной этимологии, переосмыслившей непонятное ей старое название города.

Какому божеству был посвящен стоявший в Хузаре в древности храм, мы не знаем. Возможно, то был Ормузд — высшее божество авестийского пантеона Ахура Мазда, о котором шла речь выше.

Название хузарского Искибаґн сохранили нам также китайские источники, именующие его Sse-ki po-lan. Из этого можно заключить, что в раннем средневековье оно произносилось *Искипаґн* (*'skypγn), возможно, под влиянием тюркского языка (ср. тюркскую передачу согд. βγ-, с начальным глухим губным pγ- в Карабалгасунской надписи).

Название средневековой волости Хузаґр (خزار), надо думать, сохранилось в названии современного г. Гузаґр на левом берегу одноименного притока р. Кашкадарьи, отождествленного В. В. Бартольдом с древним Субахом. Ниже Гузара, примерно на расстоянии 1 *км*, между

ним и Карши (древним Нахшабом) археологи открыли остатки крупного городища. Не лишено вероятности, что именно здесь найдутся следы согдийского храма Искибагн. Одно несомненно, остатки одноименного города, в котором стоял этот храм, надо искать на берегах речки Гузар.

19. Селение с таким же названием существовало также в Фергане, где, очевидно, в древности стоял храм, посвященный тому же божеству, которому был посвящен храм, стоявший в Хузаре (Гузаре).

20. Среди городов Усрушаны, мало отличавшихся по величине, географы называют Вагкат (وغكت), лежавший в трех фарсахах от главного усрушанского города Бунджиката, на дороге в Ходженд. У Истахри встречается вариант его названия Вагкат (وغكت), в котором начальному в в первом варианте соответствует начальное و. На месте этого селения, по мнению В. В. Бартольда, должно было находиться современное селение Вагат, по местным преданиям, одно из древнейших в Усрушане [3, 1, стр. 224]. Название *Вагкад* (وغكد) или *Вагкат* (وغكت), согд. *βγkt дословно значит 'Кат бога', и очевидно, что в г. Вагкат находилось одно из крупнейших святилищ Усрушаны. Рассмотрение терминологического значения компонента *-кат* выходит за пределы настоящей статьи; ему посвящается специальное исследование.

21. Аналогичные храмовые города и селения, судя по их названиям, имелись равно в засырдарьинских районах, в частности в древнем Чаче (т. е. в Ташкентской области). Одним из них был г. *Дīнвагнкат* (دينغنكت), согд. *δynβγnkt 'Кат храма веры' (из δyn- 'вера' + -βγn 'храм' + kt) 'дом', 'обитель'.

Как следует понимать в этом названии согдийское многозначимое δyn 'вера', 'религия', подсказывает тот же согдийский календарь, двадцать четвертый день которого был посвящен, как известно, 'Религии', авест. Dāēnayā. В мугских документах названия двадцать четвертого дня не встречается. Оно зафиксировано у Бируни, согласно списку которого двадцать четвертый день согдийского календаря именовался *дīн* (دين). Из этого очевидно, что первая часть названия чачского г. *Дīнвагн-*, согд. *δynβγn- судя по аналогии, является названием храма, посвященного древнеиранскому божеству Религии Даēпауā (согд. δyn).

Город Динвагнкат арабские географы помещают на дороге между Шутуркатом и Бинкатом, столицей Чача (Шаша), в двух фарсахах (14—16 *км*) от первого и в трех от второго [3, 1, стр. 228]. Название города, как и его расположение на главном тракте, позволяет судить о значимости стоявшего здесь некогда храма, посвященного божеству Религии. Быть может, археологам удастся когда-нибудь обнаружить на месте этого города остатки храма и изображение божества Религии, стоявшего в этом храме.

Этими названиями мы пока ограничимся. Их вполне достаточно, чтобы судить о том значении, которое имеет историческая топонимика

для восстановления топографии среднеазиатских домусульманских храмов и святилищ.

Приведенные примеры указывают на существование среди топонимов согдийского происхождения двух типов названий с компонентами 'храм' и 'бог', 'божество'. Этот факт в свою очередь предполагает существование двух типов обозначаемых ими местных святилищ. В чем же разница этих двух типов? Попробуем ответить на этот вопрос.

Среди согдийских текстов манихейского содержания сохранился отрывок, изданный В. Б. Хеннингом [22, XI, стр. 474], в котором описывается сказочная обитель богов (βγyšt'n) на священной горе. Боги (βγyšt) в этой обители были трех категорий. «У подножия горы» стоял храм (βγn-), в котором находились боги, обладающие даром речи. Выше стояли два других храма, один из которых был золотым (zyrny), другой серебряным (n'k'tyny). Все стоявшие в них боги были изукрашены всевозможными драгоценностями (wysprtnynyt), «но даром речи не обладали». Наконец, были боги бронзовые (rwdnyt βγyšt, удовлетворить ('xšwndy) которых, видимо, было легче.

Интересные параллели для этого текста дают нарративные источники.

Как известно, арабы и китайцы сталкивались в Средней Азии с культом огня и с культом богов, которых первые называли *санам* (араб.) и *бут* (перс.-тадж.), вторые — *шэнь* (кит.).

Китайские источники, как известно, рассказывают только о крупнейших местных святынях. В г. Ривдаде (кит. Алуди?), резиденции самаркандских царей в VIII в., при эфталитах стоял храм предкам, куда для жертвоприношений съезжались все зависимые от Кана (Самарканда) владетели. Другой храм стоял в самом Самарканде. В самаркандском храме хранилось тюркское судебное уложение [4, II, стр. 271—272, 281]. История Тан ограничивается сообщением, что в Кане (Самарканде) следуют буддийскому закону и приносят жертвы божеству Неба, т. е. верховному божеству маздеистского пантеона Ахура Мазде (Ормузду) [4, стр. 3; 20, стр. 135]. По рассказам Сюань Цзяня, там совершают жертвоприношения огню, а буддийских паломников изгоняют, преследуя их огнем [15, стр. 45]. Жреческая традиция помещает в Самарканде храм священного огня авестийского божества победы Варафрагны (огонь Варахрана), храм которому и золотые хранящиеся в его сокровищницах скрижали Авесты были уничтожены, согласно той же традиции, Александром [16, 8, стк. 2—3]. В Кеше (Шахрисябзе) стоял храм, возможно тому же Варафрагне, в котором происходили моления перед походами; при молениях совершали жертвоприношения, во время которых закалывали до тысячи баранов [11, стр. 316]. Был храм предкам в Чаче. Посредине здания стоял престол с урной, в которой находился пепел сожженных костей покойных родителей владетеля. Как и в Кеше, в чачском храме в определенные дни совершались жертвоприношения [11, стр. 282].

Храм стоял в Кушании. На его стенах были написаны красками

древние цари Китая (на северной), цари тюрков (на восточной) и брахманы (на западной). Местный владетель ежедневно по утрам удалялся в этот храм совершать поклонение [17, стр. 145] — намаз (согд. nm'ɣ'ć 'поклон').

На юге, на среднем течении Амударьи, стоял один из крупнейших среднеазиатских зороастрийских храмов — храм священного огня Ормузда. Храм был возведен на песчаной отмели или острове (?) посреди реки и был обращен айваном на запад. Это было здание с двумя (большим и малым) криптами для священного огня. В здании не было никаких изображений. Напротив храма стояло изваяние божества древнего Оксуса в виде бронзового вздыбленного коня. Этот храм существовал в VIII в. По местному преданию, пытавшиеся уничтожить его арабы были опалены и уничтожены вспыхнувшим в нем жарким огнем [17, стр. 201]. На каком из островов р. Амударьи искать остатки этого храма — неизвестно. Возможно, близ Питняка (выше Хазарспа), где на небольшом островке до последнего времени стоял, как известно, весьма почитавшийся мазар местного святого Арамджа-бобо [9, стр. 246].

В китайских текстах упоминаются не только храмы, но и свободно стоявшие, видимо, под открытым небом, божества (*шэнь*), известные у китайцев под общим именем *дэси* (древнекитайское * tək-siĕt). Изваяния богов *дэси* стояли во владениях западного Цао на северо-востоке от Иштихана, «минуя город Юяюйди», местонахождение которого не установлено. Среди этих богов был «золотой человек», стоявший на специальном двух-трехэтажном здании площадью около пяти квадратных метров и соответствующей высоты (др.-кит. * puâlâ, вероятно, передача согд. 'pw'δ'k в текстах буддийского содержания и 'pwδ' в текстах христианского, то же, что буддийская хармика). Этому золотому богу ежедневно жертвовали пять верблюдов, десять коней и сто баранов. Число жертвовавших доходило до нескольких тысяч (по Суйшу — до тысячи). В местном храме хранилась золотая утварь с надписью, что она дар Сына Неба из династии Хань, что говорит о древности самого храма.

Этим богам поклонялись во всех владениях с иранским населением (владения ху) от Западного моря (Каспийского) на восток [14, II, стр. 275, 287, 313; 17, стр. 139].

Кого имеют в виду китайцы под богами *(шэнь) дэси* — неизвестно. Возможно, как то предполагал еще Хирт, речь идет об идолах, известных позднее у тюрок под названием tös, дословно 'фигура', 'образ' [17, стр. 139 п.].

Вот, собственно, и все основное, что дают нам изданные китайские сочинения.

Значительно больше мы узнаем из мусульманских трудов.

Из арабских договоров с местными владениями (начало VIII в.) мы узнаем о храмах огня и капищах, имевшихся в Самарканде. В капищах стояли идолы (*ṣанам/бут*), большая часть которых была из

дерева. Но были и серебряные и золотые. Деревянные идолы (буты) были изукрашены драгоценными камнями, покрыты листовым золотом и серебром, золотыми гвоздями. Когда Кутайба, после взятия Самарканда, приказал принести и сжечь перед собой идолов из главного самаркандского капища (*бутхāна*), то среди углей потухшего кострища собрали 50 тыс. мискалей золотых гвоздей [26, II, 1246; 24, л. 152в—динаров]. Капище стояло на месте самаркандской соборной мечети, в которую оно было обращено в 712 г. по приказу Кутайбы [3, 1, стр. 142].

Когда все капища были преданы Кутайбой огню, он роздал все их драгоценности и золото войску. Одного из идолов отдали рабу Мухаммада, сына Васи. Раб разбил идола и помимо драгоценностей получил из него 24 тыс. золотников серебра [6, стр. 249]. Согласно рассказу «Анонимной истории халифов», когда Кутайба собирался собственноручно поджечь сложенных в костер идолов, самаркандский царь предостерег его, что такой поступок принесет ему гибель. Но Кутайба поджег костер, а за ним стали поджигать его и другие [24, л. 152 в]. В Ургуде (согд. 'rγwδ), названном арабами Тавависом, стояли храмы огня и капища [3, 1, стр. 149—150]. Особенно много капищ было в Усрушане, Бутамане и Хуттале. В Усрушане капища стояли и в них совершали моления еще в XII в. В главном из них жертвоприношения совершались владетелями, собственноручно рассекавшими жертвенных баранов. Собственноручно совершал жертвоприношения в этом капище и последний владетель Усрушаны афшин Хайдар, казненный арабами за величайшую с точки зрения мусульман ересь — обожествление личности царя [26, III, л. 1309]. Капища были так богаты, что, по словам историков, первое время арабы их охраняли, так как они давали большой государственный доход с жемчужных, золотых и других украшений своих идолов [18, стр. 249—250]. Табари и другие авторы рассказывают о серебряной и золотой их утвари (чашах и других сосудах). Из одного только пайкандского храма арабы взяли столько серебряных чаш, что они вместе с идолом, стоявшим там, весили 150 тыс. мискалей. В том же храме арабы взяли две жемчужины, каждая с голубиное яйцо. Стоявший в капище серебряный идол весил, по одним сведениям, 4 тыс. драхм (Наршахи) [18, стр. 43], по другим — он был золотым и весил 50 тыс. мискалей (Балами). Выше мы упоминали о серебряной утвари, подаренной китайским императором храму в Иштихане.

Те же источники сообщают об отдельно стоящих в городах больших идолах. В первую очередь вспомним о золотом человеке, стоявшем к востоку от Иштихана, о котором рассказывают китайцы. В Самарканде, как и в Иштихане, возвышался идол (*бут*): в него вложен был талисман (*тилисм*). Идол был установлен на башне (*бурдж*, ср. выше, *дīза*) так высоко, что каждый, кто приближался к городу, мог видеть его издалека. Этот идол был столь всеми почитаем, что поклоняться ему приходили из дальних мест. А когда паломники покидали город, они шли пятясь, пока не теряли идола из виду [9, стр. 250]. На

площадях того же Самарканда стояли удивительные деревянные изображения вздыбленных коней, быков и верблюдов, а также архаров, вырезанные из синавбара (сосны): «Они, — пишет Ибн Хордадбех, — стоят один против другого, будто состязаясь друг с другом, и хотят вступить в бой» [3, I, стр. 142].

Из Буттама (области в верховьях Зеравшана) в числе арабской добычи были вывезены золотые идолы, «и их было много» [23, стр. 425]. Владетель Хутталя, бежав от арабов из Хутталя в Фергану, вывез с собой талисманы (тилисмы), под которыми в данном случае следует понимать идолов (бутов), хранивших в себе талисманы. Изгнанный арабами из Ферганы в 121 г. х. (738—739 гг.), он бежал в Усрушану и установил этих идолов там (наṣабахā) [24, II, л. 1694]. Из того же Хутталя был вывезен идол, в изваянии которого был вложен талисман (тилисм). Талисман (тилисм) хранил в себе идол, возвышавшийся в Самарканде (см. выше). Кого мусульманские источники имели в виду под арабским *ṣанам* 'идол' и местным равнозначным в их глазах словом *бут*, мы пока не знаем. Словом *бутхāна* 'дом идолов' они обозначали равно местные капища и буддийские храмы. Во всяком случае, именно так Наршахи называет буддийскую пагоду, привезенную китайской царевной с собой в Бухару [6, стр. 58]. Но, как известно, уже в начале VII в. в Самарканде ни владетель, ни население «не исповедовали буддизм», буддийских же паломников изгоняли из Самарканда огнем [15, 45—46]. А согласно записке Хао Чао, во владениях по Зеравшану в начале VIII в. буддизм был неизвестен. Равно неизвестен он был в Фергане и Шугнане; там не было ни монастырей, ни монахов [20, стр. 453]. Буддийских монастырей и монахов было много в Хуттале и Вахане.

Существует мнение, что среднеперсидское but (из авест. buiti) означает девов, почитаемых в Индии, тогда как согд. pwty — буддийских божеств [13, стр. 279 сл.]. Жреческая традиция утверждает, что культ девов (dēvān) сменил собой культ богов (baγān), будучи принесенным восточными иранцами (турами) [16, 79]. Рассмотрение этого вопроса выходит за пределы настоящей статьи, посвященной вопросам топонимики.

Несмотря на незаконченность настоящего исследования, все же, как мы могли убедиться, даже на этом скудном материале двух групп топонимов складывается достаточно ясная картина согдийских предисламских святилищ (культовых центров), среди которых отчетливо выделяются два типа последних: 1) многочисленные храмы типа *баѓн* (согд. βγn), в которых стояли изображения божеств, которым были посвящены эти храмы, и 2) большие изваяния местных божеств (согд. βγ), отдельно стоящие под открытым небом на возвышениях, именуемых мусульманскими авторами *бурдж* 'башня' и, возможно, *дūза*, а китайскими — puâlâ (согд. 'rωδ'?); стояли они на особых площадках или в рощах. К первым из них принадлежали храмы в селениях Хушубагн в Согде и Хурбагн в Бухаре и Нахшабе (в параллель двум по-

следним можно привести, как об этом уже упоминалось, храм Луне, стоявший в той же Бухаре) и селение Динбагнкат в Чаче. Здесь будет также уместно вспомнить о храме богине Нана (Анахите) в одной из согдийских колоний, глава которого *багнпат* (согд. βγnpt) упоминается в старых письмах, изданных Райхельтом. Ко вторым — святилища в селении Рудбагкад Самаркандского района, в самаркандском пригородном квартале Вагдизе и в одноименном с ним селении Бухары, т. е. в тех селениях, одним из компонентов названий которых является согд. βγ-'бог, божество'. К последним относится и усрушанское селение Багат, именовавшееся в раннем средневековье Вагкат.

Во всех этих селениях археологам следует искать остатки храмов и возвышавшихся под открытым небом местных божеств, описание которых сохранили нам пораженные их видом арабы и даже китайцы. Статуи богов были (в зависимости от значимости последних) золотыми, серебряными, бронзовыми и деревянными и были украшены драгоценными камнями. Боги, чьи статуи изготовлялись из дерева, были наименее «требовательными» и их легче всего было «удовлетворить», иными словами, то были наиболее доступные простому народу божества.

В парфянском пласте среднеазиатской топонимики намечается аналогичная группа топонимов с компонентом mēδan (араб. графикой -мйсан, согд. myδn), 'жилище, обитель', которая рассматривается нами в специальной статье.

Дальнейшее исследование топонимики, нет сомнения, должно расширить и значительно уточнить, как показывает настоящая статья, наше представление о среднеазиатских пантеонах и, что особенно важно, должно дать в распоряжение археологов необходимые материалы для составления топографической карты среднеазиатских доисламских святилищ разного плана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленицкий А. М., Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов, — сб. «Живопись древнего Пенджикента», М., 1954.
2. Бартольд В. В., Места домусульманского культа в Бухаре и в ее окрестностях, — «Восточные записки», 1927, т. I.
3. Бартольд В. В., Сочинения, т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, М., 1963.
4. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.
5. Веселовский Н., Заметки о курганах Туркестанского края, — ЗВОРАО, 1888, т. II, стр. 221—226.
6. Вяткин В. Л., Кандия Малая, — «Справочная книжка Самаркандской области», вып. VIII, Самарканд, 1903.
7. Вяткин В. Л., Материалы к исторической географии Самаркандского вилаета, — «Справочная книжка Самаркандской области», вып. VII, Самарканд, 1902.
8. Ростопчин Ф. Б., Из архива шейхов Джуйбари, — «Материалы по земельным и торговым отношениям Ср. Азии XVI века», I, М.—Л., 1938.
9. Снесарев Г. П., Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969.
10. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962.

11. Фрейман А. А., Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане, — «Доклады группы востоковедения на сессии Академии наук СССР 20 марта 1953 г.», М.—Л., 1936, стр. 137—165 («Труды ИВАН СССР», т. XVII).
12. Чехович О. А., Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII—XIX вв., Ташкент, 1965.
13. Bailey H. W., The word *but* in Iranian, — BSOS, 1931, vol. VI, pt 2.
14. Bartholomae Chr., Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904.
15. [Beal S.], The Life of Hiuen-tsiang by the Shaman Hwni Li with an introduction on containing an account of the works of I-Tsing by Samuel Beal. New Edition. London, 1811 (Trubner's Oriental series).
16. A Catalogue of the provincial capitals of Ērānšahr. Pahlavi Texte, version and commentary by J. Markwart, ed. by G. Messina, Roma, 1931.
17. Chavannes Ed., Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, St.-Pbg., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI).
18. Description topoghaphique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy... texte persan publié par Charles Schefer, Paris, 1892.
19. Frye R. N., City chronicles of Central Asia and Khurasan: a history of Nasaf, — «Mélanges Fuad Köprülü», Istanbul, 1953.
20. Fuchs D., Huei-ch-ao's Pilgerrise durch Nordwest Indien und Zentral-Asien um 726, — SPAW, Ph.-hist. Klasse, Berlin, 1938, XXX, стр. 426—469.
21. Gershevitch I., A Grammar of Manichean Sogdian, London, 1940.
22. Henning W. B., Sogdian tales, — BSOAS, 1945, vol. XI, pt 3.
23. Ал-Белазури (изд. de Goeje).
24. История халифов анонимного автора XI века. Факсимиле рукописи. Предисловие и краткое изложение содержания П. А. Грязневича. Указатели М. Б. Пиотровского и П. А. Грязневича, М., 1967.
25. Йакут (изд. Вюстенфельда).
26. Ат-Табари (лейденское издание).
27. وقف‌نامه. Рукопись ИВ АН СССР, В 670.

Е. В. Зеймаль

«СИНО-КХАРОШТИЙСКИЕ» МОНЕТЫ
(к датировке хотанского двуязычного чекана)

Хранящаяся в Государственном Эрмитаже небольшая коллекция восточнотуркестанских монет «сино-кхарошти» (на лиц. ст. — индийская легенда кхарошти, на об. ст. — китайская легенда) происходит частично из хотанских сборов Н. Ф. Петровского [1] (№ 2—5, 9, 10, 14—18 — см. список и рис. 1), подтверждая определение этих монет как местного хотанского чекана [2]. Не установлено, кто и когда выпускал эти монеты: их приписывали и независимым хотанским владетелям, и китайской администрации в Хотане, и даже одному из последних индо-греческих царей — Гермею [3]. Наиболее ранняя из предлагавшихся для «сино-кхарошти» монет датировок — «начиная со времени императора Ву династии Хань (120 г. до н. э.) или даже раньше» [4], наиболее поздняя — последние годы VI в. н. э. (точка зрения М. Деверья). Расхождение в датах почти на восемь столетий — редкий историографический курьез, главная причина которого состоит в том, что сами монеты «сино-кхарошти» исследованы пока довольно поверхностно. Из сотен экземпляров, накопленных сейчас в различных нумизматических собраниях мира [5], вряд ли издана (с фототипическими или фотографическими воспроизведениями) даже одна десятая часть [6].

[1] В кратком сообщении о «сино-кхарошти» монетах Н. Ф. Петровского, поступивших в Эрмитаж, Э. Бланк [8, стр. 238; ср. 11, стр. 235—236] называет 21 монету, но в основное собрание отдела нумизматики Эрмитажа были включены только 12 экз.: остальные, видимо, были плохой сохранности. О других вещах из Хотана, собранных Н. Ф. Петровским, см. [3]. Приведенные ниже экз. № 11 и 21 были переданы в Эрмитаж из Музея антропологии и этнографии АН СССР в составе восточнотуркестанской коллекции М. Березовского (сборы 1905—1907 гг.), экз. № 13 и 19 — из нумизматического собрания бывш. Азиатского музея. Для № 6, 7, 20 (переданы из историко-лингвистического института) и № 1 и 8 (поступление 1924 г.) сведений о происхождении не имеется.

[2] Из Хотанского оазиса (в первую очередь, с городища Йоткан — развалин древней столицы оазиса) происходит подавляющее большинство документированных находок рассматриваемых монет [24, стр 575—580; 26, стр. 101—102, 1340—1349; 25, стр. 99, 130, 822, 988—995; ср. 11, стр. 239—244]. Предлагавшаяся Ф. Томасом [29] локализация «сино-кхарошти» монет в Яркенде не может быть принята: спорная по историческим допущениям, положенным в ее основу, схема Ф. Томаса не только не учитывает сведений об ареале находок, но и прямо противоречит им.

[3] Литература о «сино-кхарошти» монетах тщательно проанализирована в работе К. Эноки [11], которую нет необходимости дублировать.

[4] Эта датировка хотанского двуязычного чекана — последнее по времени слово науки на эту тему — предложена К. Эноки [11].

[5] Самыми крупными коллекциями монет «сино-кхарошти» располагают Британский музей (из сборов С. Годфри, А. Тальбота, Р. Хёрнле и др.) и Индийский национальный музей в Дели (сборы А. Стейна).

[6] Если исключить публикации прорисовок [10; 14; 17; 20; 23 и др.], то 16 экз. были изданы Р. Хёрнле [15, табл. I, *6, 8—18* и табл. III, *2—4*], 10 экз. — А. Стейном [24, табл. XLIX и табл. LXXXIX, *2—4*], 1 экз. — Р. Уайтхедом [30, табл. XVI, *134*].

№	Инв. №	Оси	Вес в граммах	Лицевая сторона	Оборотная сторона
1	583	XII	14,55	в круговом картуше — стоящий вправо двугорбый верблюд; по внешнему контуру картуша — следы легенды кхарошти	в круговом картуше — *; вокруг картуша круговая китайская легенда — *люй цянь чжун нянь сы чжу* («резаная монета весом в 24 чжу») **; поле монеты обрамлено орнаментальным поясом
2	582	IV	5,58	стоящий вправо двугорбый верблюд (не заключен в картуш); круговая (с I часа) легенда кхарошти — *махараджаса ра[джатираджаса]*...	в центре (без обрамления) — ; сверху *лю*, справа *чжу*, слева *цянь* («монета в 6 чжу [весом]»)
3	573 серебро	III	3,38	стоящий вправо конь; круговая (с I часа) легенда кхарошти — *маха[раджутхаби Гу]гхамуйа*	сверху *лю*, справа *чжу* (?), слева *цянь* («монета в 6 чжу [весом]»)
4	570	III	15,98	в круговом картуше — шагающий вправо конь; по внешнему контуру картуша круговая легенда кхарошти (с XI часа) — *махараджаса раджа[ти]-раджаса шахи ра... Гугхамайаса* ***	в круговом картуше в центре — *бэй*; вокруг картуша круговая китайская легенда *люй цянь чжун нянь сы чжу* (ср. экз. № 1) и такое же, как на № 1, обрамление поля (легенда читается против хода часовой стрелки)
5	571	IX	15,92	то же, но легенда сохранилась менее полно	то же, но легенда читается по ходу часовой стрелки
6	КП-583/138	VI	14,82	то же, но легенда сохранилась менее полно	то же, но знаки легенды плохо видны
7	»	II	13,38	то же	то же
8	572	XI	16,09	то же, но легенда не поддается чтению	то же
9	581	I	3,15	в круговом картуше — шагающий вправо конь, по внешнему контуру картуша следы легенды кхарошти	в центре (без обрамления) — знак (плохо различим); следы китайской легенды *лю чжу цянь* (?)
10	574	XI	3,17	стоящий вправо конь; по кругу легенда кхарошти (с XI часа)—*маха[раджутхаби] Гугхамуйа*	китайская легенда *лю чжу цянь* («монета в 6 чжу [весом]»), лишь частично уместившаяся в поле монетного кружка
11	Ку-788	I	3,38	то же, но худшей сохранности	то же, но худшей сохранности

№	Инв. №	Оси	Вес в граммах	Лицевая сторона	Оборотная сторона
12	575	XI	4,01	то же, но легенда кхарошти (с XI часа) *маха*[*ра*.. .. ..]*ра джашидиса* (?)	то же, но иное расположение легенды и менее архаичное начертание *лю*
13	АМ****	VII	3,18	то же, но легенда кхарошти (с IX часа) *махара*[*джутха*]*би... муйаса* (?)	то же
14	576	X	3,61	то же, но легенда кхарошти с X часа	то же
15	577	IX	3,60	то же, но легенда кхарошти (с XII часа) видна частично	то же
16	578	II	3,91	то же, но легенда кхарошти — с X часа (?)	то же
17	579	IV	3,09	то же	то же
18	580	XI	3,24	то же, но легенда кхарошти — с I часа (?)	то же
19	АМ	V	2,96	то же, в легенде кхарошти различимы... *раджа*...	то же
20	КП-$\frac{583}{138}$	VI	2,91	то же, легенда не читается	различимы только следы китайской легенды
21	Ку-790?		2,61	различимы только следы изображения	то же

* Возможно, этот знак (ср. также знаки на № 2 и 9) не является китайским иероглифом (ср. [15, 8—10]; [24, 205]), а представляет собой разновидность родового знака или тамги хотанских правителей (ср. знаки [15. табл. I, *17*; табл. III, *1,4*]).

** Чтение китайских легенд здесь и ниже принадлежит Н. В. Ивочкиной, хранителю дальневосточных монет отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, любезными консультациями которой я пользовался. К. Эноки принимает несколько иное чтение китайской легенды на хотанских монетах в 24 чжу — *tung ch'ien chung nien ssū chu* — «медная монета весом в 24 чжу»; читать первый иероглиф этой легенды как *люй* «резанный» (а не *tung* «медный», как вслед за Р. Хёрнле читает К. Эноки) предлагал еще С. Бушель; принятое здесь чтение подчеркивает отличие «резаных» (т. е чеканенных) монет от обычных для китайского монетного дела литых, а начертание первого иероглифа на монетах ближе к — *люй*, чем к *тун*.

*** По Р. Хёрнле [15] и К. Эноки [11] легенда кхарошти на монетах этой группы читается *maharajasa rajatirajasa mahatasa Cugramayasa* (с вариантами имени — *Gugramadasa*, *Gugradamasa*, *Gugratidasa*). Если бы чтение титула *шахи* было бы надежно засвидетельствовано большим числом экземпляров, мы располагали бы еще одним проявлением хотано-кушанских связей, так как *шахи* как элемент титулатуры кушанских царей (начиная с Канишки) встречается в индийских надписях.

**** Экз. № 13 и № 19 поступили в отдел нумизматики Гос. Эрмитажа в составе коллекции бывш. Азиатского музея; экз. № 11 и 21 хранятся в отделе Востока Гос. Эрмитажа в составе коллекции М. Березовского (сборы в Восточном Туркестане в 1905—1907 гг.); экз. № 6, 7, 20 также не включены в основное собрание отдела нумизматики, и для них указан их общий номер по книге поступлений — 583/138.

Публикуемые здесь эрмитажные экземпляры по различиям в металле (№ 3 — серебро, остальные медные), в номиналах (№ 1, 4—8 «весом в 24 чжу», остальные «[весом] в 6 чжу»), в изображениях (на лиц. ст. № 1, 2 — верблюд, на остальных экз. — конь), а также по различиям в содержании и расположении китайской и индийской легенд составляют семь групп [I группа — № 1; II — № 2; III — № 3; IV — № 4—8; V — № 9; VI — № 10, 11; VII группа — № 12—21).

Видимо, монеты «сино-кхарошти» могут получить надежную историческую интерпретацию только после того, как будет создан корпус

этих монет. Его появлению должна предшествовать публикация отдельных коллекций, пусть даже небольших (как эрмитажная). Естественно, что такие публикации не могут претендовать на окончательное и полное решение всех спорных вопросов. В частности, публикуя монеты «сино-кхарошти» Гос. Эрмитажа, пришлось отказаться от рассмотрения метрологических вопросов, а также не касаться особенностей написания имен правителей и титулатуры в легенде кхарошти, так как существующие разновидности хотанских двуязычных монет в Эрмитаже представлены в основном единичными экземплярами, неполностью сохранившими легенду.

Для того чтобы сузить диапазон колебаний в датах, мне кажется, необходимо в первую очередь опираться на заключения, непосредственно следующие из анализа самих монет.

Большие различия между экземплярами даже в пределах одной группы показывают, что выпуск монет «сино-кхарошти» не был кратковременным актом. Например, различия в начертании иероглифа *лю* (ср. экз. № 2, 3, 10, 12, 18), а также в манере изображения коня объяснимы, только если допустить, что в изготовлении этих монет участвовало много мастеров (видимо, не менее пятнадцати), резавших штемпели для чеканки. Типы «шагающий конь» и «стоящий конь» — различаются не только положением ног животного: «стоящий конь» — с неестественно коротким туловищем и непропорционально массивной передней частью — выполнен, как правило, менее достоверно анатомически. Только знакомство с изображениями на других экземплярах позволяет распознать в этом изображении лошадь, а не горбатого быка-зебу (ср. № 3), оленя (№ 12), собаку или волка (№ 15, 17). Возможно, в дальнейшем (например, при подготовке корпуса монет «сино-кхарошти») по таким второстепенным различиям удастся наметить относительную хронологию хотанских двуязычных монет, а не только констатировать применение в чеканке монет «сино-кхарошти» большого количества штемпелей, изготовленных разными мастерами.

Второе положение, также непосредственно следующее из анализа монет (легенда лиц. ст.), — выпуск хотанских двуязычных монет осуществлялся местными правителями, носившими индийские (индоиранские) имена и употреблявшими в качестве официального языка пракрит. Титул *махараджаса раджатираджаса (махатаса)* показывает, что эти правители могли иметь в своем подчинении более мелких владетелей (с титулом *раджа*).

Оборотная сторона полностью занята обозначением веса монеты. В том, что китайской легендой обозначен именно вес, а не название денежной единицы, убеждает сопоставление экз. № 3, чеканенного из серебра[7] и имеющего надпись «монета в 6 чжу», с малыми медными монетами, имеющими такую же легенду — «монета в 6 чжу». Факт присутствия на рассматриваемых монетах китайской легенды породил попытки отнести выпуск хотанских двуязычных монет ко времени существования в оазисе китайской администрации. В китайском монетном деле, однако, не находят себе соответствия ни техника изготовления «сино-кхарошти» монет (большинство экземпляров чеканенные, а не литые), ни их форма (сплошной кружок без отверстия), ни соотношение между номиналами (1 : 4). Все политическое содержание хотанских двуязычных монет заключено в легенде лицевой стороны, сообщающей титул и имя царя, при котором выпущена монета, но ни-

[7] Насколько мне известно, кроме эрмитажного, существует еще только один серебряный экземпляр монет «сино-кхарошти» (также с легендой «монета в 6 чжу»), принадлежащий Британскому музею [11, 238].

Двуязычные хотанские монеты Государственного Эрмитажа

как не отражающей зависимость Хотана от Китая. Присутствие китайской легенды на «сино-кхарошти» монетах может получить иное, не связанное с политической зависимостью, объяснение. Можно было бы вспомнить для этого и о китайских купцах, поддерживавших торговые связи с Хотаном, и о китайском населении в Восточном Туркестане [9; 28]. Но гораздо важнее, видимо, та примерная реконструкция общей картины денежного обращения в древнем Хотане, которой мы сейчас можем располагать. Судя по находкам, китайские монеты («у шу», выпуски Ван Мана и др.) занимали важное место в обращении на хотанском рынке [8]. Их проникновение в Хотан и обращение там могло установиться во время существования в оазисе китайской администрации. Поскольку китайские монеты — наиболее ранние из находимых в оазисе, не исключено, что именно с них началось употребление в Хотане денег в торговых сделках. Во всяком случае, китайская монета участвовала в денежном обращении Хотана довольно рано, а китайская легенда на монетах «сино-кхарошти» могла предназначаться для стоимостного соотнесения местного чекана с китайской монетой, ходившей в оазисе.

Так как имена царей, содержащиеся в легенде лицевой стороны, не находят соответствия в письменных источниках, «сино-кхарошти» монеты можно пытаться датировать только по косвенным данным. Один из таких путей — определение прототипов, использованных при создании местных монетных типов. Хотан — область, расположенная на стыке двух историко-культурных (и нумизматических) регионов — китайского и индо-бактрийского. Среди монетных выпусков этих регионов и следует искать прототипы хотанских монет; даты прототипов могут участвовать (в качестве *terminus post quem*) в определении времени выпуска «сино-кхароштийских» монет. Как показал К. Эноки [11, стр. 260—266], круговое расположение и архаическое начертание китайской легенды (ср. № 1, 4—8) позволяют считать, что прообразом для нее послужили надписи на китайских монетах, выпускавшихся в конце периода «Сражающихся царств» и до 120 г. до н. э. Но из этого не следует, как это считает К. Эноки, что и дата монет «сино-кхарошти» — около 120 г. до н. э. Находки предполагаемых прототипов (т. е. китайских монет, выпускавшихся во II в. до н. э.) в Хотане не засвидетельствованы. Но даже если вслед за К. Эноки допустить, что они были известны в Хотане с конца II в. до н. э., 120 год до н. э. можно принимать во внимание для датировки «сино-кхароштийских» монет только как *terminus post quem*, но не *terminus ad quem*

Прототип лицевой стороны хотанских монет следует искать среди монет индо-бактрийского региона, на которых изображение коня встречается довольно часто. К типам монет «сино-кхарошти» композиционно наиболее близки стоящий влево конь на монетах индо-греческого царя Гиппострата [13, табл. XIV, *8;* 30, табл. VIII, *629*], шагающий вправо конь на монетах индо-греческого царя Гермея [13, табл. XV, *8*; 30, табл. IX, *679*], шагающий влево конь на юечжийских подражаниях монетам Гелиокла [13, табл. VII, *4;* 30, табл. III, *139, 142;* 7, № *9—12*], а также изображения коней на монетах индо-сакских царей. Но ни одно из этих изображений нельзя с уверенностью признать прямым прототипом коня на хотанских монетах.

[8] Ср., например, списки находок китайских монет в Хотане, приводимые Р. Хёрнле [15, стр. 16 сл.] и А. Стейном [24, стр. 575 сл.]. Видимо, существовала также местная хотанская монета, изготовлявшаяся по китайскому образцу, — с продолговатым (не квадратным) центральным отверстием и двумя иероглифами [15, табл. II, *3*; 23, табл. LXXXIX, 5].

Другой сюжет — двугорбый верблюд — встречается значительно реже в многовековой чеканке индо-бактрийского нумизматического региона. Его изображение на «сино-кхароштийских» монетах непосредственно сопоставимо только с изображением двугорбого верблюда вправо на одной из групп монет Куджулы Кадфиза, первого кушанского царя [30, табл. VII, *18*; 5, рис. 1, *3*, *4*]. Сходство здесь не только общее, композиционное, но и в манере изображения второстепенных деталей (хвост, ноги и т. п. — рис. 2) [9]. Титул Куджулы Кадфиза в легенде кхароштн (на той же стороне его монет, где изображался верблюд) очень близок к титулатуре хотанских владетелей на монетах «сино-кхароштн» — *махараджаса раджадираджаса* [*девапутраса*?]. И наконец, весьма существенно для определения этих монет Куджулы Кадфиза как прототипа хотанских монет, что именно такие монеты основателя Кушанского царства были найдены в Хотане [24, 575, табл. LXXXIX, *1*]. Принимая время правления Куджулы Кадфиза в качестве *terminus post-quem* для хотанских монет, мы тем самым должны признать невозможной датировку «сино-кхароштн» монет концом II в. до н. э., предлагавшуюся К. Эноки.

Монеты Куджулы Кадфиза

Таким образом, если исходить из нумизматических данных, то историческая ситуация в Хотане, при которой могли быть выпущены монеты «сино-кхароштн», предполагает:

1) длительное (не менее двух-трех поколений [10]) пребывание у власти местных владетелей *махараджа раджатираджа,* которым были подчинены более мелкие правители (с титулом *раджа*);

2) отсутствие в Хотане китайской администрации;

3) знакомство хотанского рынка с китайской монетой (и, возможно, ее участие в местном денежном обращении);

4) существование связей Хотана с Кушанским царством, уже существовавшим к началу выпуска монет «сино-кхароштн».

Можно сопоставить эти заключения, основанные на изучении монет, с тем, что известно о древней истории Хотана по данным письменных источников, неоднократно приводившимся в литературе. Со времени посольства Чжан Цяня и до середины I в. н. э. Юйтянь=Хотан был одним из мелких восточнотуркестанских владений и не играл сколько-нибудь заметной роли. Во второй половине I в. до н. э. здесь существовали чиновники китайской администрации [1, стр. 177, ср. 215—216]. С начала I в. н. э. Хотан (вместе с другими владениями Западного края) становится независимым, но долго остается в стороне от борьбы, которую вели в 30-х годах I в. н. э. владетель Согюя (Яркенда) Хянь и другие восточнотуркестанские владетели. До 57 г.

[9] Два других случая, когда на индо-бактрийских монетах изображен верблюд (шагающий влево верблюд, на уникальной квадратной монете индо-греческого царя Менандра [22, табл. V, *11*]; царь верхом на верблюде вправо, на квадратной медной монете индо-сакского царя Аза [30, табл. XII, *305*]), не имеют ничего общего ни композиционно, ни стилистически с изображением верблюда на хотанских монетах.

[10] Широко распространенное в литературе — от П. Гарднера [14, стр. 276—278] до В. Тарна [27; 338] и Р. Фрая [12, 7] — чтение на «сихо-кхароштн» монетах имени Гермея эрмитажными экземплярами не подтверждается. По Р. Хёрнле [15; 16] существовало не менее пяти разновидностей написания имен, которые могли принадлежать трем разным лицам. К этой точке зрения примкнул и К. Эноки [11].

Хотаном правил владетель по имени Юйлинь. Когда Хянь подчинил себе Хотан, он назначил (вместо Юйлиня) правителем Гюньдэ, одного из своих военачальников. В 60 г. Гюньдэ был убит, а хотанский военачальник Хюлюба «сам объявил себя хотанским владетелем» и нанес серьезные поражения войскам Хяня. Вскоре Хюлюба «умер от раны стрелою», и «хотанский министр Суюйлэ с прочими поставил хотанским владетелем Гуандэ, хюлюбаева племянника от старшего брата» [1, стр. 232—233]. В 61 г. Гуандэ захватил Ханя в плен, а Яркенд подчинил Хотану. При нем же Хотану «покорились тринадцать владений, лежащие от Цзингюэ [соврем. Сугет] на северо-запад до Кашгара». Одновременно усиливается владение Шань-шань (Лоу-лань), в результате чего «с этого времени по южной дороге от Луковых гор на восток только помянутые два владения [т. е. Хотан и Лоу-лань] считались большими» [1, стр. 222—223].

Таким образом, только в 60-х годах I в. н. э. Хотан впервые становится заметной политической силой. Но подъем этот, начавшись при Гуандэ, при нем и заканчивается: начиная с 70-х годов Гуандэ терпит неудачи в борьбе с китайским эмиссаром в Западном крае Бань Чао и подчиняется ему [2]. Все это не позволяет отнести ко времени Гуандэ выпуск «сино-кхарошти» монет, да и имя этого хотанского владетеля нельзя отождествить ни с одним из имен на монетах.

Пребывание Бань Чао в Западном крае (до 100 г.) привело к насаждению там китайской администрации, но с начала II в. н. э. Восточный Туркестан снова выходит из подчинения Китаю. В 127 г. назначенный правителем Западного края Бань Юн, сын Бань Чао, «опять покорил Харашар, а после сего Кучу; Яркян, Хотан, Кашгар, всего семнадцать владений, добровольно поддались» [1, стр. 220]. Китайская администрация, восстановленная Бань Юном, существовала (с неизбежными спадами и подъемами ее практического влияния на дела) в течение полувека. В Хотане, по «Хоу Хань-шу», события в это время разворачивались довольно бурно, но в основе их лежала не «большая политика», а соперничество с маленьким владением Гюйми (соврем. Керия), ближайшим восточным соседом Хотана.

В 129 г. хотанский владетель Фанцянь захватил Гюйми, поставив там владетелем своего сына. Китайский двор приказал возвратить Гюйми. Фанцянь не исполнил этого приказа, но послал в 131 г. ко двору с дарами своего сына. Тогда в 132 г. китайский наместник в Дунь-хуане Сюй Ю послал против Фанцяня кашгарского владетеля Ченьпаня с 20 тыс. войска, который восстановил Гюйми как самостоятельное владение. В 151 г.[11] начинается новый «тур» вражды с Гюйми: по навету владетеля Гюйми по имени Ченго хотанский владетель Гянь был обвинен в отравлении китайского чиновника Чжао Пьхина. В 152 г. новый китайский чиновник Ван Гин пришел в Хотан с войском и казнил Гяня. С Ван Гином расправился хотанский военачальник Шуцзи. Он «хотел объявить себя владетелем, но старейшины убили его, а владетелем поставили Аньго, сына покойного владетеля Гяня» [1, стр. 223]. Китайский наместник в Дунь-хуане Ма Да хотел выступить против Хотана, но император не только не разрешил ему совершить этот поход, но и сместил его. Сун Лян, назначенный вместо Ма Да, «потребовал от хотанцев, чтобы они сами отрубили голову Шуцзи; но уже прошло более месяца, как Шуцзи умер: почему отру-

[11] У Н. Я. Бичурина [1, 223] неверно указаны даты: вместо «в первое лето правления Ян-гя» должно стоять «в первое лето правления Юань-гя», что дает не 132, а 151 г. (и далее не 133, а 152 г.).

били голову от его трупа и препроводили в Дунь-хуан, а о сем обстоятельстве не донесли. Сун Лян после узнал об их обмане, но не мог предпринять похода; после чего хотанцы начали гордиться» [1, стр. 224].

Аньго, ставший владетелем Хотана в 152 г., напал в 175 г. на Гюйми, убил тамошнего владетеля и «побил множество народа». Китайский «военный пристав и правитель Западного края выступили каждый со своими войсками и поставили владетелем гюймиского заложника Динхина» [1, стр. 222], но это вряд ли привело к реальному восстановлению Гюйми как владения, противостоящего Хотану: «в это время в Гюйми осталось не более 1000 душ» (из семи с лишним тысяч). Хотан же, по данным «Хоу Хань-шу», насчитывал 83 тыс. душ.

Приведенные сведения показывают, что китайская администрация больше всего опасалась усиления контролируемых ею владений. Имена трех правителей Хотана на протяжении второй и третьей четверти II в. — Фаньцянь, Гянь и Аньго — очень далеки от имен правителей на монетах «сино-кхарошти». Р. Хёрнле (он датировал хотанский двуязычный чекан последней четвертью I—II вв. н. э. [15, стр. 11, 12, 16], т. е. временем существования в Хотане китайской администрации) пытался объяснить это несоответствие между именами в китайских хрониках и на монетах с помощью предположения о том, что хотанские владетели имели двойные имена: местные, проставлявшиеся в монетной легенде, и китайские, под которыми Фаньцянь, Гянь и Аньго выступали во взаимоотношениях с китайской администрацией. Никаких реальных оснований для такого предположения нет, если не считать противоречия между фактами и датировкой, которую Р. Хёрнле предлагал для «сино-кхароштийских» монет [12].

С 80-х годов II в. н. э. начинается период полной независимости Хотана, плохо освещенный, к сожалению, источниками. Известно, что в первой половине III в. Хотан снова становится одним из самых значительных владений в Восточном Туркестане: ему были подчинены владения Жунлу, Гюйми и Сулэ (Кашгар). Несколько посольств из Хотана к китайскому двору в первой половине III в. (202 г., 220 г. и, видимо, 222 г.) можно рассматривать как чисто дипломатические акции, но ни китайских чиновников, ни китайских гарнизонов в Хотане после 80-х годов II в. уже не было. Как отмечал Э. Паллейбланк в связи с предположением о кушанской «оккупации» Хотана [21], Хотан был наиболее открыт для кушанского влияния только с 80-х годов II в. А. Стейн писал, что нет прямых свидетельств китайского политического влияния в Хотанском оазисе в III—IV вв., кроме одного документа из Нийа, датированного пятым годом правления императора Ву ди — 269 г. [24, стр. 205; ср. 9, стр. 27].

Таким образом, не раньше конца II—III вв. в Хотане, достигающем значительного расцвета, сложилась ситуация, которая выше была охарактеризована (по нумизматическим данным) как наиболее подходящая для выпуска «сино-кхароштийских» монет. Во II в., когда Хотан контролировался китайской администрацией, китайская монета могла сделаться привычной для местного рынка, что привело позже к появлению китайской легенды и на самостоятельном хотанском чекане.

---

[12] Датируя монеты «сино-кхарошти» концом I—II в., Р. Хёрнле опирался главным образом на близость начертания легенд кхарошти на хотанских и кушанских (Куджула и Вима Кадфиз) монетах. Принимая ранний вариант кушанской хронологии (начальная дата Канишки — 78 г.), Р. Хёрнле не допускал, что после 200 г. могло существовать Кушанское царство. Именно поэтому для Р. Хёрнле был исключен выпуск хотанских монет после 200 г.

Необходимо с предлагаемой датировкой хотанских монет концом II—III вв. сопоставить даты, полученные для монет-прототипов. Китайские монеты с круговым расположением легенды, послужившие, по К. Эноки, прототипом оборотной стороны, выпускались около 120 г. до н. э. (в обращении они, видимо, оставались и несколько позже). Такой значительный — почти в четыре века — разрыв между китайским прототипом и хотанскими монетами, если они выпускались в конце II—III в., требует объяснения, которое (как и само определение прототипа) поневоле будет только гипотетическим. Во-первых, напомним, что «у шу» и другие китайские монеты I—II вв., обращавшиеся в Хотане при китайской администрации, были государственной монетой Китая; их политическое значение несомненно было известно в Хотане. Хотанские владетели, освободившись от зависимости в последней четверти II в. н. э., могли отказаться от них как от прототипа для своей чеканки по политическим мотивам. Монеты с круговым расположением легенды, легко отличимые чисто внешне от китайских монет I—II вв. н. э., видимо, были лишены для хотанцев такой политической «окраски». Умозрительность этого объяснения (как и определения прототипа) была бы менее ощутима, если бы мы знали, когда и каким путем в Хотане стали известны китайские монеты конца II в. до н. э. К. Эноки считает (хотя находки этих монет из Хотана и не известны), что они проникали сюда сразу после того, как были выпущены (т. е. в конце II в. до н. э.). Если предположение К. Эноки правильно, то, видимо, это были самые первые монеты вообще, с которыми познакомились хотанцы (например, во время недолгого существования здесь китайской администрации в I в. до н. э.), и, естественно, память о них (а может быть, и немногочисленные экземпляры) сохранились (точнее, могли сохраниться) в Хотане до конца II в. н. э. Но не исключены (пока мы не знаем китайских монет конца II в. до н. э. среди находок в Хотане) и другие варианты объяснения. В частности, судя по уверенному начертанию разными почерками китайской легенды, штемпели для оборотной стороны изготовлялись резчиками-китайцами, которые, возможно, были знакомы не только с современными для них монетами Китая, но и с образцами более ранних монет, один из которых, оказавшийся подходящим для «заказчика», и послужил прототипом для оборотной стороны монет «сино-кхарошти».

Датировочные «возможности» прототипа лицевой стороны — монет основателя Кушанского царства Куджулы Кадфиза — связаны с целым рядом трудностей, уводящих нас далеко из Хотана. Даты царствования Куджулы Кадфиза (и, соответственно, даты выпуска его монет) не могут считаться установленными и непосредственно зависят от того или иного варианта решения проблемы кушанской абсолютной хронологии [13]. Так, при начальной дате Канишки = 78 г. н. э. правление Куджулы Кадфиза должно приходиться примерно на 25 г. до н. э. — 35 г. н. э. [19, стр. 338]. Если помещать начальную дату Канишки в первую половину II в., то правление Куджулы Кадфиза, соответственно сдвигаясь, не выходит за рамки I в. н. э. Если же следовать поздним вариантам кушанской хронологии (при начальной дате Канишки = 278 г., наиболее позднем из возможных вариантов, Куджула Кадфиз правил около 180—230 гг. [6]), то оказывается, что прототипом для «сино-кхароштийских» монет послужили наиболее близкие к ним по времени кушанские монеты.

[13] Обзор состояния проблемы и основная литература, а также краткие сведения о существующих точках зрения приведены [4].

Предлагая конец II—III в. в качестве примерной даты начала выпуска хотанского двуязычного чекана, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что историческая обстановка в Хотане до 80-х годов II в. н. э. (в первую очередь, существование в Хотане китайской администрации), как мне кажется, исключает более раннюю дату начала чеканки монет «сино-кхарошти». Однако возможно, их выпуск продолжался не только в III в., но и в IV в. Остается надеяться, что детальное исследование всех известных в настоящее время монет (и, прежде всего, разработка их относительной хронологии) позволит проверить предлагаемую датировку и внесет в нее необходимые уточнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950.
2. Васильев Л. С., Бань Чао в Западном крае, — ВДИ, 1955, № 1, стр. 108—125.
3. Дьяконова Н. В., Сорокин С. С., Хотанские древности, Л., 1960.
4. Зеймаль Е. В., Кушанская хронология (материалы по проблеме), М., 1968.
5. Зеймаль Е. В., Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже, — «Труды Государственного Эрмитажа», 1967, т. IX (Нумизматика, т. 3), стр. 55—86.
6. Зеймаль Е. В., Начальная дата Канишки — 278 г. н. э., — «Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Тезисы докладов и сообщений советских ученых», М., 1968, стр. 21—25.
7. Массон В. М., Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, — ЭВ, 1956, вып. XI, стр. 65—75.
8. Blanc E., Documents archéologiques relatifs à l'expansion de la civilization gréco-bactriane au délà du Pamir et à son contact avec la civilization chinoise dans l'antiquité, — «Actes du congrès international des Orientalistes. Session XI», Paris, 1897, t. V, стр. 233—253.
9. Broug Jh., Comments on third-century Shan-shan and the history of Buddhism, — BSOAS, 1965, vol. XXVIII, стр. 582—612.
10. Droin E., Notice sur les monnaies sino-kharoshthi et sur l'époque probable de leur émission, — «La Gazette Numismatique», 1899—1900, № 6, стр. 105—112; № 7, стр. 129—134.
11. Enoki K., On the So-Called Sino-Kharoṣṭhī Coins, — «East and West», new. ser., 1965, vol. 15, № 3—4, стр. 231—276.
12. Frye R. N., Notes on the Early Coinage of Transoxiana, New York, 1949 (Numismatic Notes and Monographs [of the American Numismatic Society], № 113).
13. Gardner P., The Coins of Greek and Scythic Kings of Bactria and India in the British Museum, London, 1886.
14. Gardner P., The Coins from Kashgar, — «The Numismatic Chronicle», new. ser., 1879, vol. XIX, стр. 274—281.
15. Hoernle R., A Collection of Antiquities from Central Asia. Part I, — JASB, 1899, Extra-Number 1.
16. Hoernle R., Indo-Chinese Coins in the British Collection of Central Asian Antiquities, — «Indian Antiquary», 1899, pt CCCXLVIII (vol. XXVIII), стр. 46—56.
17. de Lacouperie T., Une monnaie bactro-chinoise bilingue du premier siècle avant notre ère, — «[Académie des Inscriptions et Belles-Lettres] Comptes Rendus des Séances de l'Année 1899», — ser. 4, 1890, t. XVII, стр. 338—348.
18. de Lacouperie T., Catalogue of Chinese Coins from VIIth Century B. C. to A. D. 621, Including the Series in the British Museum, London, 1892.
19. Van Lohuizen-de Leeuw J. E., The «Scythian» Period, Leiden, 1949.
20. de Morgan J., Manuel de Numismatique Orientale de l'antiquité et du moyen age, t. I, Paris, 1923—1936.
21. Pulleyblank E. G., Chinese Evidence for the Date of Kaniṣka, — «Papers on the Date of Kaniṣka Submitted to the Conference on the Date of Kaniṣka, London, 20—22 April, 1960», edited by A. L. Basham, Leiden, 1968, стр. 247—258 («Australian National University Centre of Oriental Studies. Oriental Monograph Series», vol. IV).
22. Smith V., Catalogue of the Coins in the Indian Museum, Calcutta, vol. I, Oxford, 1906.
23. Specht M., Notes on the Coins, — [в кн.:] J.-L. Dutreuil de Rhins, Mission scientifique dans la Haute Asie. 1890—1895, pt 3, Paris, 1898, стр. 129—134.
24. Stein A., Ancient Khotan. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan, vol. I—II, Oxford, 1907.
25. Stein A., Innermost Asia, vol. I—III, Oxford, 1928.

26. Stein A., Serindia, vol. I—V, Oxford, 1921.
27. Tarn W. W., The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951.
28. Thomas F. W., The Early Population of Lou-lan-Shan-shan, — «The Journal of the Greater India Society», Calcutta, 1944, vol. XI, № 2, стр. 15—84 («Sir Marc Aurel Stein Memorial Number», pt II).
29. Thomas F. W., Sino-Kharosthi Coins, — «The Numismatic Chronicle», 6th ser., 1954, vol. IV, стр. 83—98.
30. Whitehead R. B., Catalogue of Coins in the Panjab Museum, Lahore, vol. I, Indo-Greek Coins, Oxford, 1914.

С. Г. Кляшторный, В. А. Лившиц

СОГДИЙСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ БУГУТА

I

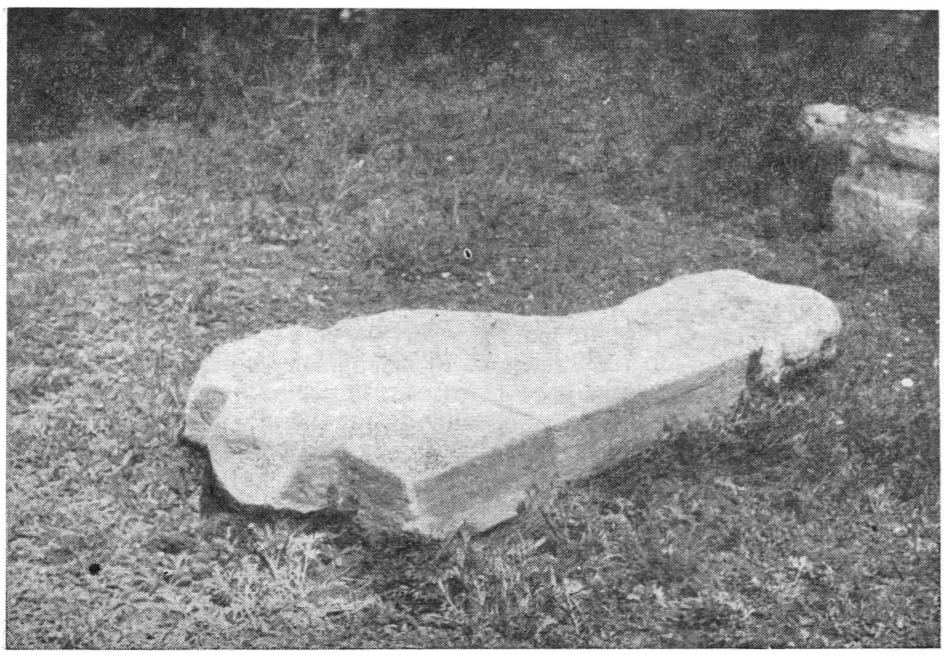
В 1956 г. монгольский археолог Ц. Доржсурэн обнаружил в Архангайском аймаке МНР, примерно в 10 *км* к западу от Бугута, погребальный комплекс тюркского времени (VI—VIII вв.) [1]. На невысокой прямоугольной земляной насыпи (35×16×0,5 *м*) был сооружен каменный курган (диаметр — 10 *м*, высота — 0,7 *м*), к юго-востоку от которого стояла стела из бурого песчаника, а далее, за пределами насыпи, тянулась цепочка балбалов. После окапывания стелы выяснилось, что высота ее равна 1,98 *м*, ширина в основании — 0,7 *м*, толщина — 0,2 *м*. Стела была установлена на спине каменной черепахи, содержала надписи на четырех гранях и сохранялась в первоначальном положении с момента установки. Верхняя половина стелы частично обломана. Обнаружены также основания шести деревянных столбов, поддерживавших крышу над стелой; серая, слабого обжига черепица найдена тут же. Раскопки кургана казались малоперспективными в виду наличия грабительской воронки в его насыпи. Стела и черепаха были доставлены в Архангайский краеведческий музей в г. Цэцэрлэге.

В 1968 г. акад. Б. Ринчин издал фотографию части нескольких строк надписи на «лицевой» стороне стелы. Буквы, сильно искаженные ретушью, были определены в этой публикации как «уйгурская надпись» [33, стр. 75]. В том же году С. Г. Кляшторный имел возможность ознакомиться со стелой в музее г. Цэцэрлэга, произвел ее обмеры и сделал фотографии. По этим фотографиям второму автору настоящей статьи удалось установить, что курсивная надпись, вырезанная на одной широкой («лицевой») и двух узких (боковых) гранях стелы — согдийская. В 1969 г. С. Г. Кляшторный еще раз обследовал стелу, вновь сфотографировал ее и сделал эстампажи согдийской надписи. В дальнейшем мы будем обозначать стелу сокращенно Б (Бугутская), а ее грани соответственно: Б I — левая боковая, Б II — «лицевая» (первая широкая), Б III — правая боковая, Б IV — «оборотная» (вторая широкая).

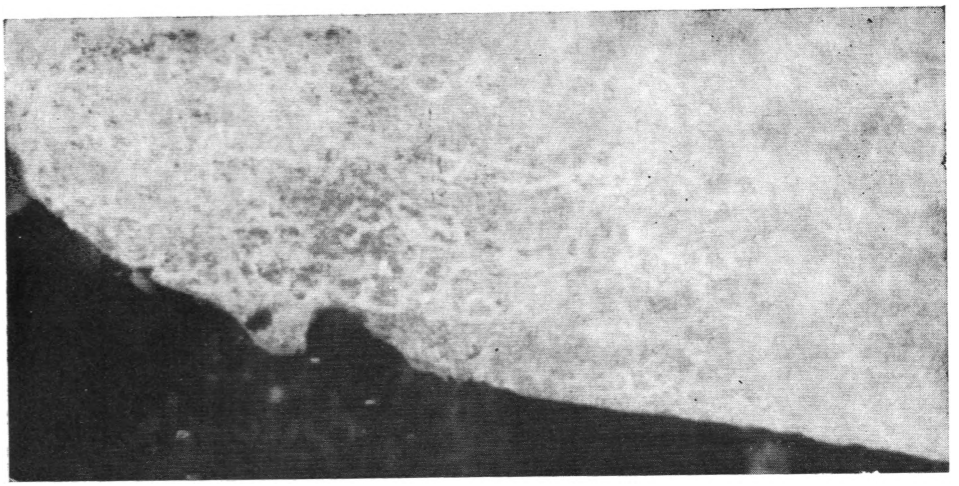
На Б IV, судя по имеющимся фотографиям, можно различить сле-

[1] Обстоятельства находки излагаются по устному сообщению Ц. Доржсурэна. В 1969 г. погребальный комплекс был обследован С. Г. Кляшторным. В 1970 г. стелу и комплекс вновь обследовал В. А. Лившиц; изучение полученных результатов продолжается. В полевых работах приняли участие наши монгольские коллеги, которым мы признательны за сотрудничество.

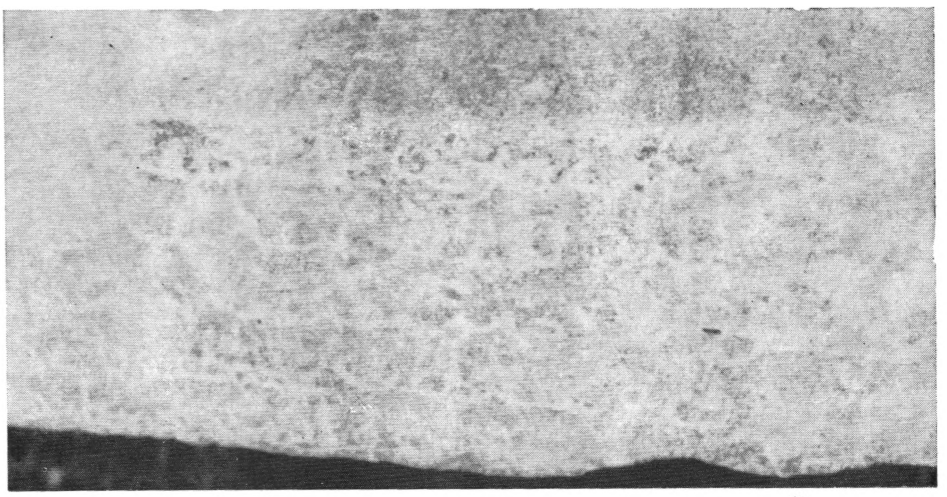
Навершие стелы



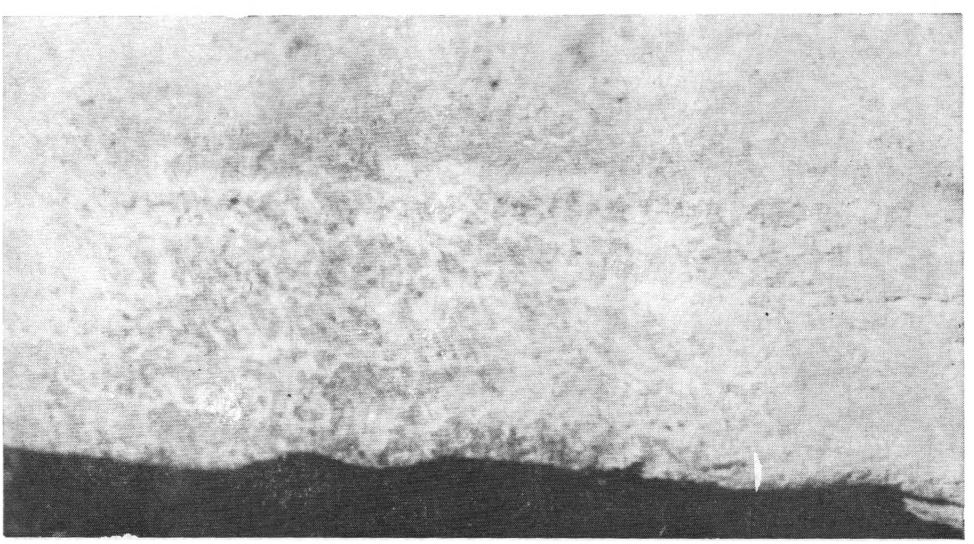
Общий вид стелы



БІ (начальные части строк)



БІ (середина строк)



Б-І (конец строк)

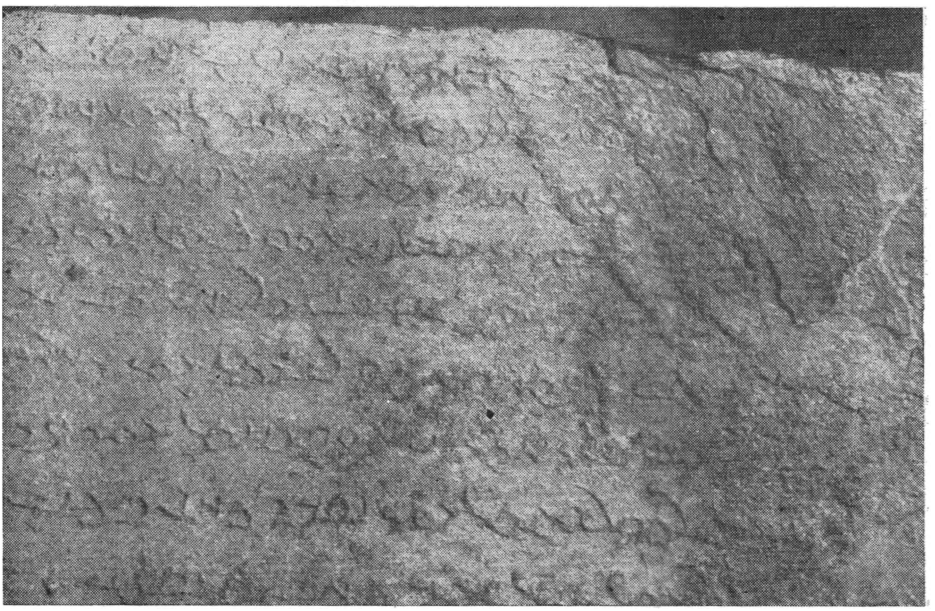
Б II (начальные части строк 1—8)

ды более чем 20 строк надписи, начертанной, по-видимому, иероглифическим письмом. Текст ее пострадал очень сильно в результате выветривания. В музее стела лежит на грани Б IV, что еще более ухудшило сохранность этой надписи. Точное определение ее письма и языка станет возможным только после тщательной очистки грани Б IV, получения более четких фотографий и снятия эстампажей. Тогда, по-видимому, удастся выяснить и отношение текста этой надписи к согдийской надписи, занимающей три другие грани стелы. Знаки на Б IV очень мелкие и вырезаны неглубоко.

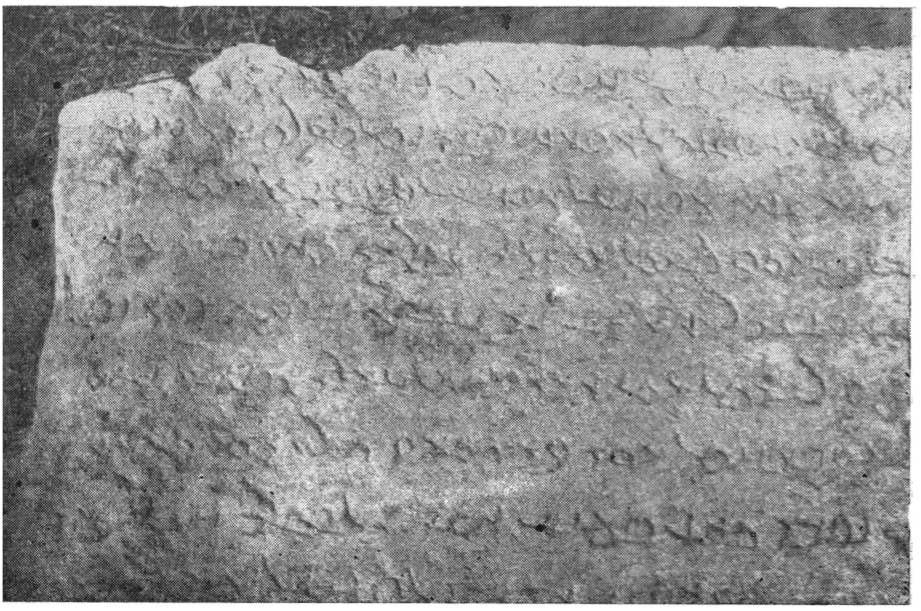
Согдийская надпись на Б I—II—III начертана по вертикали (сверху вниз), счет строк — слева направо. При таком расположении надписи начало ее нужно, очевидно, искать на Б I (левой боковой грани) и предполагать такую последовательность частей текста: Б I—II—III.

Надпись содержала не менее 30—32 строк, из них уцелели части 29 строк — 5 на Б I, 19 на Б II, 5 на Б III. Точно установить структуру текста трудно вследствие плохой его сохранности. Длина каждой строки первоначально составляла около 120 *см*. Как можно судить по фотографиям и эстампажам, имеющимся в распоряжении авторов, сохранилось лишь около половины текста, причем в наибольшей степени пострадали начальные части строк.

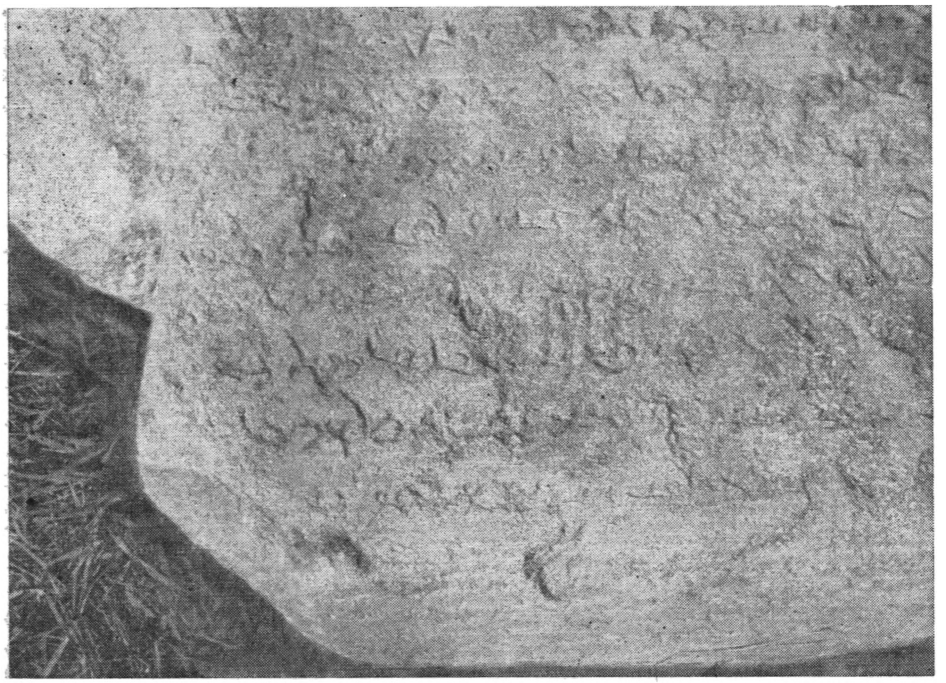
На грани Б I строки 1—4 в начальной, поврежденной в результате эрозии части содержали от 10 до 30 букв (15—40 *см* длины каждой строки). 5-я строка разрушена еще больше, здесь повреждена и середина строки. На грани Б II уцелели части 19 строк. Зона эрозии и многочисленные выбоины захватывают в строках 1—8 около половины текста; в каждой строке уничтожено или повреждено примерно 35—45 букв. По имеющимся фотографиям и эстампажам восстановить на-



Б II (строки 1—9)



Б II (конец строк 1—9)



Б II (конец строк 10—17)

чальные части этих строк нам не удалось — здесь можно распознать лишь отдельные буквы, в немногих случаях — целые слова. Однако не исключено, что по оригиналу в начале строк 1—8 удастся восстановить связный контекст. В строках 9—19 начало (от $^1/_3$ до $^1/_2$ строки) уничтожено в результате отлома правой верхней части стелы (местонахождение обломков нам неизвестно). Зона эрозии в строках 14—19 захватывает середину строк, так что здесь можно различить лишь отдельные буквы. На грани Б III сохранилась вторая половина строк 1—4, начало отломано. В строке 5-й можно различить лишь следы букв. Таким образом, о содержании согдийской надписи на Б I—II—III в настоящее время приходится судить лишь по сравнительно небольшим фрагментам, сохранившим, как правило, лишь заключительные части строк.

Надпись вырезана опытной рукой. В размерах букв на протяжении всей надписи соблюден определенный ритм: высота знаков около 1,5 *см,* ширина — от 1 до 2 *см.* Формы букв согдийского курсива свидетельствуют не только о хорошей профессиональной выучке резчика, но и о сравнительно ранней дате надписи.

II

Бугутская стела заметно отличается от известных до сих пор намогильных памятников, воздвигнутых в честь тюркских и уйгурских каганов и виднейших политических деятелей конца VII—IX вв., хотя сам погребальный комплекс, в состав которого входила стела, укладывается, по классификации Б. Я. Владимирцова [5, стр. 42], в тип «ханских погребений» [ср. 40, стр. 538—542]. В частности, как и в других хан-

ских погребальных сооружениях, стела установлена на черепахе, что свидетельствует о принадлежности погребенного к каганскому роду. Между тем на стеле отсутствует родовой знак каганов второй тюркской династии (691—742) — схематическое изображение горного козла [ср. 14, стр. XVII].

Барельефное навершие Бугутской стелы сохранилось не полностью, однако ясно, что оно совершенно отлично от наверший ранее известных памятников. Барельефы, выполненные на обеих широких гранях стелы, одинаковы по сюжету и технике исполнения; более того, была сделана попытка (впрочем, незавершенная) соединить барельефы на боковых гранях и таким образом превратить их в единое скульптурное изображение. Главная часть навершия — не каганский знак или китайские императорские драконы, как на памятниках конца VII—IX в., а изображение волка (или волчицы), под брюхом которого нечетко изображенная, но несомненно человеческая фигурка. Вряд ли есть основания сомневаться, что здесь изображена сцена древнетюркского генеалогического мифа, наиболее полно сохраненного (в записи со слов тюркского информатора) в китайской династийной хронике Чжоу-шу (хроника, законченная составителем в 629 г., охватывает период 556—581 гг.). Согласно легенде, предки тюрков, жившие на краю большого болота (по другой версии — на западном берегу Си хай, «Западного моря») [2], были истреблены воинами соседнего племени. В живых остался лишь изуродованный врагами десятилетний мальчик, которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, волчица бежит в горы к северу от Гаочана (Турфанский оазис). Там, в пещере, она рожает десять сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы женятся на женщинах из Гаочана. Один из них, по имени Ашина, стал вождем нового рода и дал ему свое имя. Впоследствии вожди ашина выводят своих сородичей на Алтай, где они и принимают имя тюрк.

Эта легенда, тотемистический характер которой очевиден, нашла воплощение в символике царских атрибутов тюркских каганов — их знамена были увенчаны золотой волчьей головой, а телохранители назывались «волками» [3].

Особенности Бугутского памятника, отмеченные выше, позволяют отнести лицо, в честь которого он был воздвигнут, к членам тюркского каганского рода Ашина и датировать весь погребальный комплекс временем первой тюркской династии (551—630).

III

В сохранившихся фрагментах надписи содержится два хронологических указания. Первое, в начальной части надписи (Б I, стк. 1), следует, по-видимому, отнести к сооружению стелы, хотя само обозначение стелы — (...) ywkh — остается не вполне ясным [4]: [*7—8 букв*]

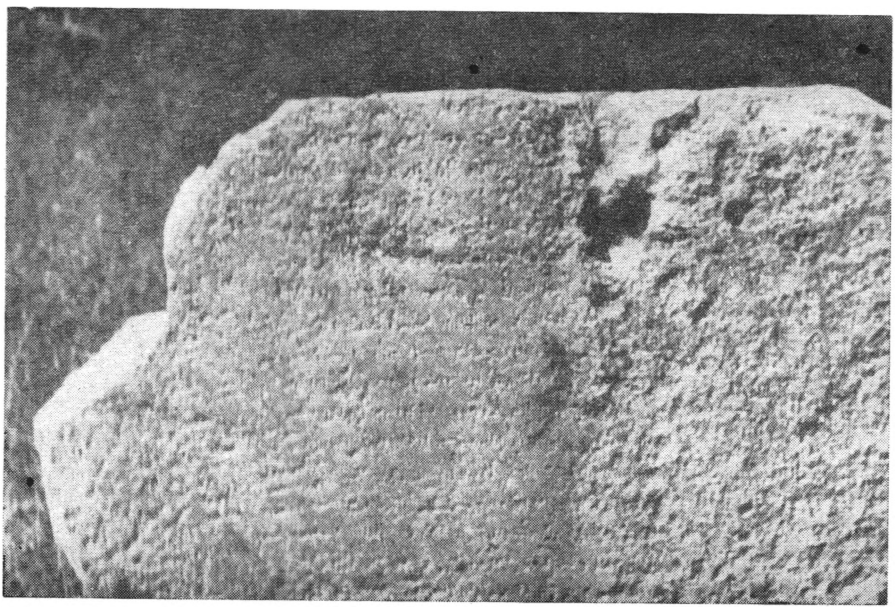
---

[2] Благодаря исследованиям Р. Матера [58, стр. 75, 88] можно довольно уверенно локализовать район Си хай применительно к той эпохе — это обширная дельта р. Эдзин-гол, протоки которой впадают в озера Гашун-нор и Сого-нор, окруженные множеством мелких озер и солончаковыми болотами. Округ Си хай входил в провинцию Лян, включавшую в себя большую часть Ганьсу, Турфанскую депрессию на северо-западе и Синин на юге.

[3] Этот сюжет подробно разработан Дж. Клосоном [31].

[4] В транслитерации в квадратные скобки заключены полностью уничтоженные буквы, в круглые — частично поврежденные; дефис указывает на отсутствие соединения с последующей буквой.

Б III



Б IV

(...)ywkh 'wst't δ'r'nt tr'wkt c(yns?)t(n)[5] kwts'tt 'γšy-wn'k «..... стелу (?) установили тюрки (при) государе Китая (?) Кутсат». Наличие в начале надписи слова со значением «памятник» или «стела» кажется весьма вероятным, поскольку именно это слово должно выступать в качестве прямого объекта к последующему сказуемому 'wst't δ'r'nt «установили» (3 Pl. Perf. от 'wsty-: 'wst't- «класть, устанавливать»). Чтение (pt)s'kh вместо (...)ywkh кажется маловероятным, ср. pts'k «памятник, стела» в Карабалгасунской надписи [46, стр. 15, 19, 21; 49, стр. 86] от pts'c-(p(a)tsāč-) «устраивать, устанавливать, воздвигать», а также парф. ẖnsk (hansāk) «стела» от *ẖansāč- «устанавливать, воздвигать» [51, стр. 176; 50, стр. 41]. В древнетюркских рунических надписях «стела» именуется обычно beŋkü (beŋgü, beŋü), букв. «вечный», beŋgü taš «каменная плита с надписью [ср. 40, стр. 544—545], а также просто taš «камень» (см., например, [13, стр. 9, 19, 37]). Для 'wst't δ'r'nt «установили» ср. в рунических надписях в аналогичных контекстах глагол tik- (tik- III), имеющий, подобно согд. 'wsty-, значения «устанавливать, водружать»[6]. Если предположить, что очень плохо различимые буквы, непосредственно предшествующие ywkh, составляют артикль или указательное местоимение (например, 'mh «эта, эту»), то слово ywkh следует, очевидно, толковать как «поучение, назидание» (отглагольное имя от ywc- «учить, обучать»), ср. согд.-маних, ywk fs'k «поучения, наставления» [44, § 1635]. Не исключено, однако, восстановление (')ywkh «вечный» (или «вечная») — субстантивированное прилагательное от др.-ир, *ayu-ka- (авест. āyu- «продолжительность», ср. согд. ''ykwn «вечно» из *āyu-ka-na-, ''kwncyq «вечный» [44, § 423, 1014])[7], которое было бы точным соответствием древнетюркского beŋkü рунических надписей.

Чтение cynstn также не может считаться достаточно надежным (повреждено не менее трех букв), однако несомненно, что Kwts'tt — передача китайского имени или девиза правления. Слово (')γšywn'k «правитель, государь» в этой надписи, как и в других согдийских текстах, не имеет строгого терминологического значения, так что употребление его для обозначения китайского императора (вместо титула βγpwr, известного в согдийском уже по «Старым письмам» начала IV в. н. э.) не кажется странным. Идентифицировать имя Kwts'tt до сих пор не удалось[8], а потому сохранившаяся часть стк. 1 Б I не позволяет установить дату памятника.

В стк. 6 Б II упоминается о каком-то событии, происшедшем в год Зайца (γrγwšk srδy, согдийский перевод тюрк. tavïšγan jïlï). В период существования первого Тюркского каганата год Зайца (4-й год двенадцатилетнего животного цикла) приходился на 559, 571, 583, 595, 607 и 619 гг.[9]. Других хронологических указаний в сохранившихся

---

[5] Или c(yns)t('n), c(yns)t(ny). По эстампажу в конце слова можно прочесть и -'r, однако на фотографиях последний знак определяется скорее всего как конечное -n, у которого заключительный штрих после подъема опущен.

[6] В Карабалгасунской надписи при pts'k употреблен глагол pp(')ys- «писать»: [pt]s'k pp'γštw δ'rym m'γw «мы написали памятник» (фрагмент 1, стк. 2, см. [46, стр. 26 и прим. 1].

[7] Метатеза -u- (*āyuka->āyku-) могла произойти в согдийском сравнительно поздно, так что в *''ywkh Бугутской надписи не обязательно видеть историческое написание.

[8] Как указал С. Е. Яхонтов, Kwts'tt не может рассматриваться как передача древнекитайских форм традиционных императорских храмовых имен Гаоцзу и Гаоцзун.

[9] Утверждение китайских хроник о том, что «в начале» тюркской истории, т. е. в середине VI в., «тюрки не знали годичного календаря, так что только зелень травы служила им ориентиром во времени», опровергается приведенным в тех же хрониках (под 584 г.) письмом тюркского кагана Шаболио, которое содержит точную дату: год Дракона, 9-й месяц, 10-й день [56, I, стр. 463].

частях Бугутской надписи обнаружить не удалось. Датировать текст приходится по упоминаемым именам тюркских каганов.

В Бугутской надписи не отмечено ни одного имени каганов второй династии, известных нам как из древнетюркских рунических памятников, так и из китайских источников. Из имен каганов первой династии памятники древнетюркской письменности упоминают только два — Бумын, основатель Первого каганата, и его брат Истеми (надписи в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана). Все другие имена правителей Первого каганата были известны до сих пор лишь в иноязычной передаче, которая далеко не всегда совпадает с наименованием, принятым в тюркской среде. Иноземные (в частности, китайские) информаторы испытывали значительные трудности при транскрибировании тюркских имен. Кроме того, они нередко сообщали не главное или полное имя кагана, а лишь какую-либо часть имени.

В Бугутской надписи отражена подлинная тюркская ономастика. В сохранившихся ее фрагментах упоминаются имена только четырех каганов: Нивар-каган (nw''r γ'γ'n); Мухан-каган (mwγ'n γ'γ'n)[10]; Бумын-каган (βmyn γ'γ'n)[11]; Таспар-каган (t'sp'r γ'γ'n)[12]. Судя по стк. 3 Б II, где говорится о том, что «новым старшим был пожалован (его) брат Мухан-каган (...nwyγwy-štr 'ĻHY mwγ'n γ'γ'n pr'yt), в надписи упоминался, очевидно, Коло китайских хроник (как обычно считается, передача тюрк. Кара — «черный»), наследник Бумыня; по сообщению Бэйши, Коло „назначил главой своего брата Сегина", т. е. Мухана[13]. (В конструкции 'ĻHY mwγ'n γ'γ'n примечательно отсутствие элемента βγy «господин», столь обычного для других упоминаний каганов в этой надписи: βγy NN γ'γ'n.)

Заслуживает внимания, что имя Бумына, основателя Первого каганата, упомянуто в надписи после Нивара и Мухана (и брата Мухана). Составитель надписи хотел, по-видимому, перечислить в первой ее части каганов, наиболее близких по времени к лицу, в память которого была установлена стела, либо же он руководствовался прежде всего дидактическими целями и обращался к событиям правлений отдельных каганов лишь в качестве примеров. Нижеследующая таблица содержит сопоставления имен каганов, сохранившихся в надписи, с соответствующими формами, представленными в других источниках.

Бугутская надпись	Древнетюркские надписи	Китайские источники			Время правления
		Транскрипция по Н. Я. Бичурину	Реконструкция по Б. Карлгрену	Предполагаемая исходная форма по С. Е. Яхонтову	
Бумын-каган	Бумын-каган	Тумынь (тронное имя: Или-кэхань)	t'huo mən	tumyn	ум. 552
Брат Мухан-кагана	—	Коло (тронные имена: Исиги-кэхань, Аи-кэхань, И-кэхань)	k'huâ lâ	qaγa? xvaγa?	553
Мухан (Муган)-каган	—	Кигинь (Сыгинь), Яньду; тронное имя: Мухань (Муган)-кэхань	muk γân muk kân	muγan muqan	553—572

[10] Кит Мухань (*muk-γân)-кэхань.

[11] Тюрк. Bumīn qaγan, кит. Тумынь-кэхань.

[12] Кит. Тобо-кэхань. Исходная форма *t'â-pâr предложена С. Е. Яхонтовым. Б. Шпулер транскрибирует это имя в форме Тараг и без достаточных оснований считает его титулом [70, стр. 128].

[13] См. [56, II, стр. 453 и сл.], ср. также [2, I, стр. 221, 228; 27, стр. 48, прим. 220].

Бугутская надпись	Древнетюркские надписи	Китайские источники			Время правления
		Транскрипция по Н. Я. Бичурину	Реконструкция по Б. Карлгрену	Предполагаемая исходная форма по С. Е. Яхонтову	
Таспар-каган	—	Тобо-кэхань	t'hâ puât	tapar	572—581
Нивар-каган	—	Нйету, Шэту; тронные имена: а) Эрфу-кэхань („малый каган" при Тобо); б) Шаболио-кэхань	ńźie b'i̯uk ńźie b'uât	ñebuk (ñevuk) ñebar (ñevar)[14]	572—581 581—587

Судя по всем известным источникам, Мухану предшествовали лишь Бумын (упомянутый и в Бугутской надписи) и Кара-каган: последний в сохранившихся фрагментах надписи прямо не назван, но фигурирует как брат Мухана (и предшественник его на престоле?). В источниках нет упоминаний о Мухане после 569 г., дата его смерти основана на указании Суй-шу о двадцатилетнем сроке его правления. Критическая проверка текста Суй-шу показывает, что упомянутые «двадцать лет» — не более, чем округление китайского хрониста [15]. Смерть Мухана можно относить к периоду между 569 и 572 гг.

К числу первых административных актов Таспар-кагана относится назначение соправителей («малых каганов») на востоке и западе империи: «Тобо-хан поставил Нйету Эрфу-ханом и вверил ему управление Восточною стороною; младшего своего брата Жутань-хана поставил Були-ханом, с пребыванием в Западной стороне» [2, I, стр. 223]. Институт «малых каганов» (соправителей или наместников) был распространен как в первом, так и во втором Тюркском каганатах; ср., например, сообщение о Мочжо (Капаган-кагане, 691—716): «Сына Фугюя поставил малым ханом...» [2, I, стр. 270].

Вновь обращаясь к содержанию надписи, можно, даже учитывая ее фрагментарность, заметить, что все упомянутые события не выходят за пределы правлений перечисленных выше каганов — все они имели место не позднее 581 г. Таким образом, устанавливается terminus ad quem всего памятника или, по крайней мере, надписи. Terminus a quo — 572 г. Наиболее вероятной датой составления надписи кажутся нам последние годы правления Таспар-кагана.

Возникновение Тюркского каганата относится к 551 г., когда предводитель тюрков Бумын из рода Ашина, разгромив армию своего сюзерена, жужанского кагана Анахуаня, принял титул или-кэ-

[14] [*Прим. С. Е. Яхонтова*] Иероглифы 爾伏 *Эрфу* по Карлгрену имеют древнее чтение *ńźie b'iuk*. Первый из них встречается изредка в буддийских транскрипциях, передавая слог *ñe*. Второй не относится к числу иероглифов, обычно служивших для транскрипции иностранных слов; он мог бы обозначать слог *buk* или *vuk*. Мне известен один пример, где он обозначает *bhuk* (в транскрипции географического названия Tirabhukti). Этот иероглиф имеет также чтение *b'i̯ə*, что могло бы обозначать *bu* или *vu*.

Не исключено, что иероглиф 伏 *фу* появился в имени Эрфу в результате графической ошибки вместо другого знака — 拔 *ба* (древнее чтение *b'uât*), постоянно употреблявшегося для записи слогов *bar* и *var*. Как сообщил мне Л. Меньшиков, в дуньхуанских рукописях знак 伏 регулярно пишется 伐 (с той же правой частью, что и у 拔).

Титул Эрфу-кэханя встречается в китайских источниках только в одной фразе (ср. [2, I, стр. 233]), повторяющейся во всех текстах почти без изменений. По-видимому, она везде восходит к одному источнику, так что если бы в этом источнике оказалась ошибка, она автоматически перешла бы во все позднейшие тексты.

[15] См. [56, II, стр. 504].

хань (реконструируется М. Мори как *ilig qaγan [60, стр. 10], ср., однако, il qaγan у Лю Мао-юзая [56, II, таблица]). При его сыне и наследнике Коло (Кара-кагане) жужанам было нанесено еще одно поражение (553 г.), а Мухан-каган, брат Кара-кагана, довершил их разгром (555 г.). В годы правления Мухана каганат стал политическим гегемоном Центральной и Средней Азии. Были покорены киданьские племена в юго-западной Манчжурии, кыргызы на Енисее, разгромлено эфталитское государство в Средней Азии. К 571 г., после похода тюрков в Иран, граница каганата устанавливается по Аму-Дарье. В 576 г. тюркский отряд захватывает Боспор Киммерийский (Керчь). Оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Чжоу — стали данниками Мухана, а позднее Таспара.

К концу 60-х годов VI в. Тюркский каганат включается в систему политических и экономических отношений крупнейших государств того времени — Византии, сасанидского Ирана, Китая — и ведет борьбу за контроль на великом торговом пути, связывавшем дальневосточную ойкумену со Средиземноморьем.

Таков общий исторический фон Бугутского памятника. Источники, которыми в настоящее время располагают исследователи, содержат довольно подробные сведения о внешней политике каганата, но оставляют в тени почти все события, происходившие внутри этого государства в первые три десятилетия его существования. Поэтому как бы ни были отрывочны данные, сохранившиеся в Бугутской надписи, они не только важны для контроля и уточнения сведений, сообщаемых другими источниками, но имеют и самостоятельное информационное значение.

В надписи помимо имен каганов упоминается некий Махан-тегин — mγ'n tykyn. Его имя и титул сохранились целиком только один раз (Б I, стк. 3), однако это же лицо названо, по-видимому, еще несколько раз (Б II, стк. 4 — βγy mγ'n [tykyn]; Б I, стк. 5 — βγy m[γ'n tykyn] или βγy m[wγ'n γ'γ'n] ?; Б III, стк. 3: βγy m[γ'n tykyn?]; Б III, стк. 4: mγ'[n tykyn?], в последнем случае настораживает отсутствие βγy «господин»). В Б I, стк. 3 Махан-тегин упомянут рядом с Мухан-каганом, причем в контексте, свидетельствующем о том, что составитель надписи считал деяния Махана столь же выдающимися, как и деяния самого кагана. К ним обоим должно относиться выражение «спасители всего мира» в Б I, стк. 4 (prw 'nγt'k 'βc'npδ 'swšwy'ntt wm't['nt] «они были спасителями для всего мира»)[16]. Текст Б II, пестрящий лакунами, позволяет все же предположить, что Махан-тегин был ближайшим помощником не только Мухана (как следует из Б I), но и Таспар-кагана. Примечательно, что Махан-тегину, как и каганам, адресованы в надписи божественные повеления — так, очевидно, следует понимать Б II, стк. 4—5, где формулируется приказ: «Теперь ты, господин Махан-[тегин], ... и без такого государя позаботься о народе!» (rt ms 'kδry tγw βγy mγ'(n) [tykyn .....] rty 'pw' nγwncyδ γšywny n'βcyh p'r). Речь здесь идет, по-видимому, о событиях, имевших место после смерти Мухан-кагана. Не исключено, что Махан-тегин в течение какого-то периода был соправителем (регентом ?) Таспара и что именно так объясняется непонятное умолчание в китайских источниках о Мухан-кагане после 569 г. и Таспар-кагане (Тобо-кэхане) до 573 г. (Тобо появляется в китайских источниках под 573 г. не в связи с восшествием на престол, а в связи с его дарами северочжоускому двору). Видимо, к

[16] О согд. 'swšwy'nt «спаситель», впервые засвидетельствованном в Бугутской надписи, см. ниже, стр. 141—142.

этому периоду относится упоминание в надписи года Зайца (571 г.), когда Махан-тегин предпринял какие-то действия, следуя предписанию свыше (Б II, стк. 6: ..... sγwn ptγwštw δ'rt rty γrγwšk srδy ..... «он выслушал (эти) слова и в год Зайца ....»). После краткой исторической реминисценции, с чем связано, очевидно, упоминание в надписи имени Бумын-кагана, составитель ее переходит к событиям правления Таспар-кагана. Очень плохая сохранность не позволяет восстановить контекст, однако можно заключить, что, помимо сообщений о религиозных деяниях Таспара (о них см. ниже) и его опасениях о будущем государства (Б II, стк. 11—12), и в этой части надписи говорилось либо о соправителях, либо о кагане и его ближайшем помощнике (ср. Б II, стк. 15: ..... c'n'w δw' γšywnk «...как два государя», стк. 16: ....šyr'k βrtpδ m't'nt «...они были очень знающими», стк. 19: ...δw' šyrγw'ztw m'[t'nt] «... они были друзьями»). Учитывая корреляции между содержанием Б I и Б II, правомерно предположить, что ближайшим помощником или соправителем Таспара был тот же Махан-тегин и что именно в его честь был сооружен Бугутский погребальный комплекс и установлена стела.

Фрагменты надписи содержат весьма интересный материал для суждений о социальной структуре первого Тюркского каганата, прежде всего о иерархической стратификации общества: каган, его сородичи [17], шадапыты, тарх(в)аны, қурқапыны (γwrγ'p'yn — термин, впервые засвидетельствованный в надписи и соответствующий, возможно, титулу bäg рунических памятников), тудуны, конные воины, народ в целом. Как и в орхонских памятниках, основные прерогативы и функции кагана в Бугутской надписи — это посредство между божествами и народом (Б II, стк. 1: ... k'w βγw s'r pwrsty «... он спрашивает у богов»; стк. 7:... k'w βγyšt s'r pwrst «... он спросил у богов») и забота («кормление», согд. p'r-) о народе.

Само общение с божествами (функция царя-первосвященника) занимает в религиозной концепции надписи гораздо более значительное место, чем в позднейших орхонских надписях.

Религиозная жизнь тюрков, в течение двух десятилетий превративших свой племенной союз в мощную державу, к началу 70-х годов VI в. очень усложнилась. Наряду с традиционными культами неба и земли, культом предков и шаманством, в этот период сказалось сильное воздействие великих азиатских религий, прежде всего маздеизма и буддизма. Еще многое предстоит исследовать, чтобы в полной мере выяснить значение, которое имели для маздеистской и буддийской миссий у тюрков экономические и политические мотивы. Несомненно, однако, что уже с самого начала существования Первого каганата его правители хорошо понимали роль не только военных, но и идеологических факторов в управлении обширной империей. В буддизме, приемлемом как для среднеазиатской, так и для дальневосточной сферы их влияния, правители каганата видели ту универсальную форму религии, которая могла помочь созданию некой идеологической общности в очень разнородной по своему составу державе. Лишь социально-политический кризис каганата, начавшийся в 581 г., и последовавший затем распад державы приостановили этот процесс.

Буддизм получил распространение в тюркской среде еще в позднегуннских государствах Восточного Туркестана (IV—V вв.), с которыми генетически и исторически связано племя ашина. Первые шаги для официального внедрения буддизма в религиозную практику тюр-

[17] Согд. wkwrt, об этом и других терминах надписи см .ниже, стр. 143.

ков были сделаны Мухан-каганом. Однако лишь Таспар придал буддийской миссии размах, который мог обеспечить сторонникам этой религии культурный и политический приоритет в каганской ставке. Бугутская надпись сообщает о важнейшем этапе распространения буддизма у тюрков — создании буддийской сангхи (Б II, стк. 10: RBkw nwh snk' 'wst «учреди великую новую сангху») в центре каганата — событии, о котором известно и из китайских источников. Судя по сохранившимся фрагментам надписи, в ней рассказывалось либо о деянии самого Таспара, совершенном согласно божественному приказу, либо об учреждении сангхи Махан-тегином по повелению Таспара (см. БII, стк. 9—10).

Официальное принятие буддизма Таспаром последовало сразу же после начала гонений этой религии в Северочжоуском государстве при императоре У-ди (574 г.). Покинувший страну знаменитый миссионер индийский монах Чинагупта вместе со своими спутниками в течение десяти лет (574—584) оставался у тюрков и успешно проповедовал буддизм в каганской ставке. В этот период были переведены на тюркский язык и записаны для Таспара некоторые сутры (А. фон Габэн справедливо предположила, что только согдийцы могли воплотить в письме этот перевод [см. 39, стр. 196]), были воздвигнуты буддийские храмы и монастыри, где сам Таспар принимал участие в обрядах.

По-видимому, о поощрении буддизма рассказывалось и в заключительной части надписи (Б III). Здесь удается прочесть очень немного, однако вряд ли можно сомневаться в том, что под «благодеяниями» (šyr'k krtk), о которых говорится по крайней мере дважды в стк. 1 и 2 Б III, нужно понимать меры, содействующие распространению буддизма. В стк. 4 Б III говорится еще об одном лице, как-то связанном, видимо, с Махан-тегином. Имя его сохранилось неполностью — (.) wk' trγw'n (первая буква имени разрушена, читать (p)wk' — Бука-тарх (в) ан?), не удается восстановить и стк. 5, последнюю (?) строку Б III и тем самым конец всей надписи — загадочный текст на Б IV, как отмечалось выше, начертан несомненно другой рукой.

Согдиец, составитель Бугутской надписи, сам, вероятно, не был буддистом — об этом как будто свидетельствует употребление им такого зороастрийского термина как 'swšwy'nt (авестийское saošyant-) «спаситель». В «боге» и «богах», к которым обращаются за наставлениями каганы, можно скорее всего видеть тюркские божества неба и земли, известные нам по орхонским памятникам, но названные так, как это было привычно согдийцу-зороастрийцу или, по меньшей мере, маздеисту (βγ-, множ. число βγyšt). Нет, видимо, достаточных оснований, чтобы считать, что, употребляя в надписи оборот k'w βγw s'r pwrsty «он спрашивает у бога», составитель имел в виду верховного бога согдийцев — Ахурамазду [18]. Но в равной мере нельзя заключать,

[18] Еще меньше, конечно, оснований полагать, что под βγ- здесь надо понимать божество Vaγ («бог Бага»), соответствующее Bhaga Ригведы. Бог Vaγ, по мнению В. Б. Хеннинга, выступает в согдийском брачном контракте с горы Муг и в согдийском слове со значением «свадьба», см. [52, стр. 249 и сл.]. Согдийцы могли обозначать посредством βγ- разных богов, подобно тому как это делали персы во времена Ахеменидов, называя Ахурамазду «великим богом» (baga vazṛka), «величайшим (из) богов» (maθišta bagānām), а остальных богов — просто baga- (ср. в древнеперсидских надписях: «Ахурамазда и другие боги, которые есть», «Ахурамазда со всеми богами», «Ахурамазда с богами (царского) рода», «да защитит меня Ахурамазда и бог Митра»; в Младшей Авесте baγa- прилагается к Ахурамазде, к Митре и к божеству Луны). Для монотеистов, таких, как христианские миссионеры, согдийское βγ- стало обозначением единого «Бога», однако для согдийцев, исповедовавших маздеизм (так удобнее всего именовать религию собственно Согда и соседних горных районов Уструшаны — в этой

что βγ- в этом обороте Бугутской надписи обязательно означает «небесный» или «божество неба», соответствуя тюркскому täŋri («небо; божество, божественный»). Семантические поля этих слов совпадают не полностью, что не в последнюю очередь связано с различиями в космогонических и религиозных представлениях согдийцев и тюрок (представление о небе и земле, как созданиях Ахурамазды у первых, от века существующие Небо и Земля — у вторых). Если можно говорить о религиозном синкретизме Бугутской надписи, то прежде всего в плане терминологии — здесь отразились и буддизм (snk'), и маздеизм ('swšwy'nt), и тюркские культы божеств неба и земли, но преломленные через восприятие маздеиста (βγ-, βγyšt).

Совершенно иное значение имеет βγ- в обороте именования βγy — NN — γ'γ'n (или tykyn), весьма частом в Бугутской надписи. Здесь βγy — «господин», как это обычно в согдийских текстах разных категорий, в том числе и в протокольных формулах. Нет, конечно, оснований переводить здесь βγy как «небесный»; равным образом и в тексте Карабалгасунской надписи βγy 'wyγwr γ'γ'n означает не «der himmlische Uiguren-Qaγan» (как переводил О. Хансен, см. [46, стр. 15 и др.]), а «господин уйгурский каган». Точно так же и βγy m'rm'ny δynh в Карабалгасунской надписи значит лишь «религия господина Mār-Mānī» (а не «des göttlichen Mār-Mānī Lehre»), βγy 'γšywny — «господин правитель» и т. п. (ср. также на легендах тюргешских монет: βγy twrkyš γ'γ'n pny «монета господина тюргешского кагана»). Среднеиранское *bag было заимствовано в древнетюркский в форме bäg; это слово имеет значения «господин, правитель, государь», но не «божественный» или «небесный»[19].

религии зороастризм переплетался с весьма древними, еще общеарийской поры, верованиями), βγ- был одним из многих богов. Это хорошо знали и соседи — посол, прибывший в конце VII или начале VIII в. в Самарканд, ко двору согдийского царя, считал своим долгом сообщить, что он «хорошо осведомлен о самаркандских богах» — sm"rknδc βγyct (надпись из Афрасиаба). Можно полагать, что в согдийском брачном контракте под βγ- скрывается верховный бог — Ахурамазда. «Раскрытое» имя последнего в согдийских памятниках встречается довольно редко (в манихейских текстах, где xwrmzt'βγ выступает как бог Ахурамазда и как обозначение первочеловека; в составе имен собственных — 'xwrmztkk в «Старых письмах»; в календаре — название 1-го дня месяца, 5-го дня недели, также наименование планеты), чаще, как представляется, согдийцы, как и многие другие народы, предпочитали не произносить (и не писать) имя верховного божества и скрывать его под словом βγ-. Такое заключение вытекает из анализа употребления βγ- в нескольких мугских письмах, где этим словом обозначено верховное божество (письма A-17, B-15 и особенно 1.I, в котором согдийский писец, переводивший арабский текст, в качестве эквивалента арабской бисмиллы употребил выражение prn'm βγy δ'mδ'nk «во имя Бога, творца», ср. среднеперсидский зачин pad nām i dādār Ohrmizd «во имя Ормузда, творца», а для арабского al-ḥamdu lillāh тот же писец выбрал согдийское 'sp's ZKn βγy «хвала Богу», см. [18, стр. 110—112, 162—163, 169]). В мугском брачном контракте (документ Nov. 4, Recto, стк. 10—11) выражение ZKn βγy ZY ZKn myδr' nβ'nty также можно понимать как «в присутствии Бога (=Ахурамазды) и Митры» (т. е. «клянусь Ахурамаздой и Митрой»).

[19] Утверждение О. Хансена (ср. [46, стр. 25, прим. 1, 26]), повторенное в ряде работ О. И. Смирновой, о том, что согд. βγ- является точным эквивалентом тюрк. täŋri основано прежде всего на соответствиях типа: тюрк. täŋri uyγur qaγan — согд. βγy 'wyγ wrγ'γ'n; тюрк. täŋrida qut bulmiš — согд. MN βγyšty prnβγty («получивший харизму от богов»). В действительности же тождества täŋri=βγ-нет: в Карабалгасунской надписи эпитет «небесный» выступает только в протокольных тюркских формулах, причем показательно, что в согдийской версии этой надписи тюркское täŋrida попросту транслитерируется (tnkryδ'), а отнюдь не переводится.

Отметим попутно, что до сих пор нельзя считать выясненным, из какого среднеиранского языка было заимствовано в древнетюркский слово bäg (из согдийского или из парфянского через посредство среднеперсидского?). Не установлен точно и источник заимствования древнетюркского титула baγa.

Следует отметить еще одну особенность Бугутской стелы. В отличие от каганских эпитафий VIII—IX вв. на ней нет тюркской надписи, выполненной руническим или каким-либо иным письмом. Оставляя в стороне как проблему происхождения рунического алфавита, так и вопрос об официальном языке и письменности каганской канцелярии и тюркской историографии в период, предшествующий возникновению Второго тюркского каганата, можно предположить, что в сложении тюркской литературной и исторической традиции, зафиксированной руникой начала VIII в. уже в весьма совершенных по языку и стилю образцах, сыграла роль не только несомненно существовавшая в тюркской среде школа племенных рапсодов — хранителей и создателей эпических повествований о былых и здравствующих героях, но и созданная согдийцами эпитафийная камнеписная «литература». К сожалению, Бугутская надпись является единственным в своем роде памятником согдийской письменности — других согдийских эпитафий до сих пор не открыто ни на территории самого Согда, ни в областях, где согдийский язык был языком торговли, письменности и культуры. Приходится поэтому ограничиться сравнением Бугутской надписи с тюркскими руническими эпитафиями. Детальное сопоставление их содержания и стиля должно явиться, несомненно, предметом специального исследования. Здесь отметим лишь, что композиция и стиль Бугутской надписи, поскольку об этом позволяет судить сохранившаяся ее часть, во многом сходны с руническими памятниками Второго каганата (особенно с надписями в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана). Это, прежде всего, переплетение историко-биографических элементов с дидактическими. Нельзя не отметить в то же время и черт различия, в том числе такую существенную, как повествование от 3-го лица (авторская речь). Прямое обращение от 1-го лица, столь характерное для рунических эпитафий, в Бугутской надписи выступает, по-видимому, лишь в божественных наставлениях каганам.

IV

Изложенные выше соображения о возможном отнесении надписи к последней четверти VI в. следует проверить палеографическими данными. К сожалению, детальное сравнение провести трудно, поскольку известных в настоящее время ранних согдийских памятников очень немного. Курсивное письмо, которым начертана надпись, несомненно моложе дукта «Старых писем» (начало IV в., согласно дате, предложенной В. Б. Хеннингом). Все другие тексты, написанные согдийским курсивом, моложе Бугутской надписи (согдийско-буддийские рукописи VII и последующих столетий; деловые документы — с горы Муг первой четверти VIII в. и немногие другие, еще более поздние; краткие, как правило, надписи на фрагментах керамики, костяных и каменных изделиях, найденные главным образом при раскопках древнего Пенджикента и относящиеся, за исключением единичных находок, к VII — началу VIII в.; надписи из Афрасиаба конца VII или начала VIII в.; документы на дереве конца VII — начала VIII в. из замка Чильхуджра в северной Уструшане; надпись на камне из Ладакха 841/2 г.; Карабалгасунская надпись начала IX в.; надписи, обнаруженные в Киргизии и относящиеся к IX—X вв., и некоторые другие памятники). Наиболее близки по типу письма к Бугутской надписи легенды так называемых «бухархудатских» монет (основной вариант легенды на них установился, вероятно, уже в V в. н. э.) и особенно согдийские надчеканы на сасанидских драхмах Пероза и других сасанид-

ских правителей V—VI вв. и на подражаниях этим драхмам [20]. Есть основания полагать, что эти надчеканы относятся к VI в. и связаны с тюркским проникновением в районы, пограничные с сасанидским Ираном, прежде всего на территорию Тохаристана (об этом свидетельствует наличие таких титулов в надчеканах, как, например, ɣ'ɣ'n «каган», tkyn «тегин» и др., см. [12, стр. 173—174]). Подобно Бугутской надписи, эти надчеканы отражают, таким образом, период, когда тюркские правители пользовались в качестве официальных согдийским языком и письменностью. Такая практика была обычной, очевидно, в VI — начале VII в., но следы ее сохранились и позже (согдийские по языку и письму надписи на монетах тюргешских каганов и некоторых других монетах тюркских правителей; согдийские наскальные надписи из Киргизии, сделанные по приказу тюркских караханидских вельмож, и некоторые другие памятники). Однако согдийские надписи в надчеканах очень кратки, не все буквы и не во всех позициях в них представлены, так что можно говорить лишь об общем внешнем сходстве их шрифта с курсивом Бугутской надписи, а не о более важных в данном случае особенностях в деталях начертаний отдельных букв и их позиционных графических вариантах. Приходится поэтому обращаться к более поздним согдийским памятникам. Учитывая местоположение Бугутской надписи, следует, очевидно, при попытках палеографического ее анализа и датировки сопоставить ее прежде всего с Карабалгасунской надписью — первой согдийской надписью, открытой на территории Монголии еще в 1889 г. Н. М. Ядринцевым. Эта надпись содержала, помимо согдийской, также китайскую и древнетюркскую (руническую) версии. Согдийская версия Карабалгасунской надписи сохранилась только частично. Ее чтение и толкование во многом связаны с интерпретацией китайской версии, менее всего пострадавшей (о ней см. [4; 28; 34; 57, стр. 172—200; 65; 29, ч. II, стр. 177—199; 46, стр. 6—8]); руническая версия уничтожена почти целиком. Транслитерация и перевод сохранившихся фрагментов согдийской версии Карабалгасунской надписи изданы в 1930 г. О. Хансеном [46; ср. 61; фотографии фрагментов: 47, табл. 57—61; 14, табл. XXXII—XXXIII и XXXIV, 3]. Толкование некоторых слов этого текста было исправлено в работах Э. Бенвениста, В. Б. Хеннинга и И. Гершевича, однако состояние надписи таково, что связный перевод согдийской версии невозможен [21].

Карабалгасунская надпись датируется достаточно точно — она была составлена вскоре после 821 г. [29, ч. II]. Сравнение ее с Бугутской надписью показывает, что последняя должна быть по палеографическим особенностям отнесена к более раннему времени. Обе надписи начертаны по вертикали. Такое направление письма, существовавшее параллельно с горизонтальным, применялось согдийцами, по-видимому, уже в VI в. Оно представлено, помимо двух надписей из Монголии, краткой надписи из Ладакха (Тибет), имеющей дату — 210-й год (эры Иездигерда) = 841/2 г. [62, табл. III; 25, стр. 502—505,

---

[20] Первые подробные сведения о монетах с такими надчеканами см. [12, стр. 173—174]. Публикацию двух экземпляров из собрания Музея истории Узбекской ССР в г. Ташкенте см. [16, стр. 39—40]. Прорисовки надчеканов и фотографии монет, хранящихся в некоторых зарубежных коллекциях, см. [45, II, стр. 142, 152 и др.; IV, табл. 12]. Подробное исследование (с учетом еще не опубликованных экземпляров) подготавливается одним из авторов настоящей статьи.

[21] Ср. характеристику В. Б. Хеннинга [50, стр. 56]: «Печальный пример применения [согдийского] курсива для монументальных целей представляет согдийская версия трехязычной надписи из Карабалгасуна, в большей части не поддающаяся чтению».

табл. III—IV; 50, стр. 54][22], надписей, сопровождающих настенные росписи Афрасиаба[23] и Пенджикента[24] и относящихся к концу VII — началу VIII в., также и в согдийско-буддийских рукописных текстах.

Рукописи согдийских переводов буддийских текстов дошли до нас в основном от VIII — X вв., однако можно считать установленным, что тип письма, характерный для лучших из этих рукописей (согдийское «письмо сутр» — термин, предложенный В. Б. Хеннингом, см. [50, стр. 55]), сформировался около 500 г. н. э. и продолжал применяться согдийскими каллиграфами в буддийских общинах Восточного Туркестана в течение нескольких столетий. Для «письма сутр» характерен ряд графических и орфографических особенностей, в частности формы некоторых букв в позиции конца слова — резкий подъем заключительной части букв -n, -c, -k, и -t, причем у -k и -t в результате подъема завершающая линия образует острый угол с туловом знака. Такой тип начертаний -n, -c, -k, -t известен по рукописям согдийских переводов буддийских сочинений, прежде всего по манускриптам из коллекции Пеллио, происходящей из знаменитой «Пещеры тысячи будд» в Дуньхуане [ср. 41, стр. 3—4]. Большинство этих рукописей переписано скорее всего в IX—X вв., однако их переписчики следовали более старым образцам согдийской каллиграфии — «письму сутр». Судя по факсимильным воспроизведениям текстов из коллекции Пеллио [32], начертания конечных -n, -c, -k, -t с подъемом заключительной части букв характерны более всего для лучших образцов согдийско-буддийской каллиграфии — рукописей P 1 («Вессантара-джатака»), 2, 3, 4 («Сутра причин и следствий»), 5, 6, 7, 9, 10, 17, 19, 20, 22, 23[25].

Сходные начертания конечных -n, -c, -t, -k характерны также для некоторых манихейских и христианских согдийских рукописных текстов, написанных собственно согдийским письмом, — об этом можно

---

[22] Чтение надписи из Ладакха, впервые изданной Ф. Мюллером [62], было значительно улучшено в работах Э. Бенвениста [25, стр. 502—505] и В. Б. Хеннинга [50, стр. 54 и прим. 2]. В стк. 2 этой надписи следует, по-видимому, читать pr'γym — описка вместо pr'γtym «я прибыл»; в стк. 5 первое слово — βntk «раб, слуга», здесь как обозначение христианина (рядом с надписью на камне вырезано изображение креста; ср. bntyt 't d'yt «(dienende) Bruder und (dienende) Schwester» в согдийско-христианских текстах [64, стр. 525]). Надпись гласит:

$_1$ srδ pr 'δw C δs $_2$ pr'γym $_3$ cyntr' $_4$ sm' rknδc $_5$ βntk nwš prn¯ $_6$ 'ys't $_7$ 'zγ'nt kw $_8$ twp'yyt $_9$ γ'γ'n s'r «Год 210. Я прибыл изнутри (т. е. из Восточного Туркестана). Самаркандец раб (божий) Ношфарн пойдет к кагану Тибета».

Надпись принадлежит самому Ношфарну — в стк. 2 он отметил прибытие в район Ладакха («я прибыл»), в стк. 4—9 (вторая часть надписи) говорит о себе в 3-м лице.

Даты по эре Иездигерда представлены и в нескольких поздних согдийских надписях (на скалах и камнях; все эти надписи начертаны по вертикали), обнаруженных на территории Киргизской ССР. См., например, надпись из Терек-сая, фотография которой опубликована Ч. Джумагуловым [20, стр. 41]: $_1$ 'kwγ'z'n (?) 'δw C_2 XX XX XX X III II srδ ZY (?) pncmyk $_3$ 'ys kwtrwγ (?) γwβw$_4$ kwr tk'yn 'rp trγ'n «...275 (=906/7) год, пятый (месяц). Прибыл (сюда) счастливый (?) государь Кюль-тегин Алп-тархан». Первое слово надписи, встречающееся и в начале других согдийских надписей из Киргизии, не может быть понято как «осенью» ('kw γ'z'n). Э. Т. Тенишев пытался читать надпись из Терек-сая как уйгурскую, но не распознал в ней тюркские имена, см. [19].

[23] Надписям посвящена статья В. А. Лившица «Столица Согда встречает послов» (рукопись).

[24] На росписях Пенджикента отмечено несколько согдийских надписей, все плохой сохранности. Наибольшая по объему надпись такого рода (12 строк) открыта в 1965 г., издание ее подготавливается.

[25] В рукописи P 8 отмечается чередование двух форм конечных -n, -c, -k, -t — с подъемом и без подъема; то же в рукописях P 8 bis, 11, 14, 15 (два начертания -k). В поздней рукописи P 16 начертания с подъемом засвидетельствованы только для -k. В рукописях P 12, 13 (отрывок согдийского извода сказания о Рустеме — по-видимому, перевод со среднеперсидского), 21, 24, 25 (фрагмент манихейского текста), 26 начертания с подъемом отсутствуют.

судить по немногим имеющимся факсимильным воспроизведениям этих рукописей (см., например, [63, табл. I—II; 72, табл. II; 53, стр. 483, табл. II]). В согдийском курсиве деловых документов форм с подъемом уже не было по крайней мере в конце VII — начале VIII в. — об этом свидетельствуют документы из замка на горе Муг [7], а также надписи на фрагментах керамики и на росписях из Пенджикента и Афрасиаба; нет таких начертаний и в более поздних согдийских памятниках делового курсива — в надписи из Ладакха, в двух поздних (IX в.) согдийских документах, обнаруженных в Восточном Туркестане [см. 69, табл. IX, док. X и XI], в согдийских надписях из Киргизии (IX—X вв.), часть которых до сих пор ошибочно определялась как уйгурские. Нет форм с подъемом и в Карабалгасунской надписи.

В Бугутской надписи конечные -n, -t, -k, -c имеют заметный подъем в заключительной части знаков [26]. Таким образом, по этому признаку надпись должна быть отнесена по крайней мере ко времени ранее конца VII — начала VIII в.; она примыкает к памятникам, написанным «письмом сутр». Следует учитывать, что «письмо сутр», известное по согдийско-буддийским рукописям, не только отражает школу каллиграфии буддийских писцов, но и демонстрирует основные особенности согдийских пошибов VI — первой половины VII в. Эти особенности выдерживались, естественно, наиболее последовательно при переписке религиозных памятников, но они были присущи и другим текстам, в том числе, вероятно, и деловым документам, а также монументальным памятникам, к числу которых относится Бугутский [27].

О сравнительно ранней дате Бугутской надписи свидетельствует и употребление в ней арамейской идеограммы 'HRZY (для согдийского rty). Эта идеограмма, широко применявшаяся в «Старых письмах», а также в некоторых согдийско-буддийских рукописях, начертанных «письмом сутр» [28], отсутствует в памятниках, написанных позднейшим курсивом; ее нет, в частности, в документах с горы Муг, она не представлена и в дошедших до нас фрагментах Карабалгасунской надписи.

Заслуживают внимания некоторые орфографические особенности Бугутской надписи, отличающие ее от всех известных до сих пор согдийских памятников. Так, впервые в надписи засвидетельствовано написание с -w- для основы Praes. глагола pwrs- «спрашивать» (Б II, стк. 1, 7). Такое написание должно рассматриваться как более архаичное сравнительно с согд.-будд. 'prs-, prs- и маних. 'ps-, ps -, отра-

[26] Для -c в сохранившихся частях надписи имеется только один пример (trwkc, Б I, стк. 2; чтение trwk' кажется менее вероятным).

[27] Заслуживает внимания, что на бронзовых монетах самаркандского царя Урка Вартрамука ('wrk wrtrm'wk), правившего во второй половине VII в., сохраняется начертание конечного -k с подъемом. Ср. чтения надписи на этих монетах, предлагавшиеся О. И. Смирновой [15, стр. 87]: prtrm'wk'; 'wkk (?) wrtrm'wk'; 'wkk(?) wrt cm'wk'. В первой четверти VIII в. этот правитель, вопреки мнению О. И. Смирновой, не мог занимать самаркандский престол — для периода от 700 г. и далее, по крайней мере до 750 г., последовательность правлений царей Самарканда (Тархун — Гурек — Тургар) нам известна достаточно точно по арабским и китайским источникам. Отметим попутно, что Нинйе-шышы, упоминаемый в китайских хрониках, никак не может быть отождествлен с согдийским именем Мастан-Навйан на монетах (все чтения и этого имени, выдвигавшиеся до сих пор, более чем сомнительны), как это предлагает О. И. Смирнова [15, стр. 29]. Нинйе-шышы является достаточно прозрачной передачей согдийского Нанай-ширч (Nnyšyrc) — имени, которое легко этимологизируется и означает буквально «дружественный к (богине) Нане».

[28] Э. Бенвенист в глоссарии к изданию согдийских рукописей коллекции Пеллио для 'ḤR (ZY) дает помету passim [71, стр. 242], однако эта идеограмма встречается только в текстах P 1, 2, 4, 9.

жающими произношением əps-, ps- [44, § 145]; в «Старых письмах» основа Praes. этого глагола не засвидетельствована. Архаичным является и написание наречия 'wskwp'r(Б I, стк. 2), восходящего к древнеиран.*uska-para-, ср. согд.-христ. skyp'r, а также формы, приведенные в [44, § 99, 1215][29].

Бугутская надпись примечательна и своей лексикой. Помимо древнетюркских (и монгольских?) терминов, среди которых представлены ранее не засвидетельствованные ни в согдийских, ни в тюркских памятниках (γwrγ'p'yn, Б II, стк. 2, 12) и неизвестные прежде орфографические варианты (trγw'n, Б II, стк. 2; Б III, стк. 4), в надписи впервые отмечен и ряд собственно согдийских слов — глаголов (см. ниже о pr'yt) и имен, в том числе 'swšwy'nt «спаситель», известный до сих пор лишь из Авесты (saošyant-) и среднеперсидских текстов (в последних как «ученое слово»— sōšāns, ср. sōšāns i sūdōmand).

Приводимая ниже транслитерация фрагментов надписи является первой попыткой ее чтения, которую во многом следует считать не более чем предварительной.

V

Текст фрагментов

Б I:

1 [*7—8 букв*](...) ywkh 'wst't δ'r'nt tr-'wkt c(yns?)t(n) kwts'tt 'γšy-wn'k

«...стелу (?) установили тюрки (при) государе Китая (?) Kwts'tt»

2 [*12—14 букв*] (δ'r'nt?) [...] ...wn trwkc βγy (nw-)"r[30] γ'γ'n 'wsk-wp'r ckn'cw mγ' (w) [n][31]

«.... они(?)..., тюркский господин Н. вар-каган в дальнейшим („далее оттуда") весь(?)»

3 [*2—3 буквы*] (rt?) [*10—11 букв*]t w(t..) w'(r?)t 'ḤRZY nwk(r 'YK[32] βγy mwγ'n γ'γ'n 'PZY βγy mγ'n t(y)k(y)n

«.... он вступил (?). И вот затем, когда господин Мухан-каган и господин Махан-тегин»

4 [*3—4 буквы*] (nwkr? [*6—8 букв*] r(ty) k'w 'wrt(s'r) p(rm) prw 'nγt'k 'βc'npδ 'swšwy-'ntt wm'(t) ['nt]

«.... и (с тех пор и) впредь они были спасителями для всего мира»

5 [*3—4 буквы*](t) [*18—20 букв*](....t 'ḤRZY n)wkr cy-w'nt py-štrw βγy m[ ]

«.... и вот затем, после этого, господин М .....»

Б II:

1 [*10—12 букв*](.ypr) [*8—9 букв*] (..'t.)[*8—10 букв*](..t?) k'w βγw s'r pwr-sty rty nw(kr pt?) [*3—4 буквы*]

«..... он спрашивает у бога. И вот.....»

2 [*10—12 букв*](....'k) [*8—10 букв*](βγt...)[*8—10 букв*](.r?)k š'δpyt trγw'nt γwr-γ'p('y-)nt tw-δwnt (γ'n?)[*3—4 буквы*]

«..... шадапыт(ы), тархваны, қурқапыны, тудуны....»

3 [*12—14 букв*] (βγy? .....)[*4—6 букв*] (puštrw?) [.....] (wt..) nwy γwy-štr 'ḤY mwγ'n γ'γ'n pr'yt rt(y ....)

---

[29] Отметим попутно, что ягнобское sitám «задняя часть, тыльная часть» (ср. производные sitamakó «навзничь», sitámik «задний, последний, последующий» и форму Obl. Sg. sitámi, выступающую в качестве наречия «сзади, позади») может рассматриваться как продолжение др.-ир. *ustama-, авест. ustəma- «самый верхний; позднейший».

[30] (zw)"r, (ny)"r, (zy)"r?

[31] mγ'(n)?

[32] (Z)K?

«.... господин(?) .....затем..... (в качестве) нового старшего (его брат Мухан-каган был пожалован. И .....»

4 [*8—10 букв*] (βγу? .... γ'γ'n?) [*4—5 букв*] k(m)pw (...t δ'rt?) [...](k) [n'β](cy)h šy-r'k p'rtw δ'rt rt ms 'kδry tγw βγy mγ'(n) [tykyn]

«..... господин(?) .....-каган(?) ....., он мало (?)....., он хорошо вскормил [на]род. И также теперь ты, господин Махан-[тегин?],»

5 [*14—16 букв*] (tw δ'rt rty? .....t...) [*6—8 букв*] rty 'pw 'nγwncy-δ γšy'-ny n'β(c)y-h p'r rty nw(k) [r ...]

«.....он .....и ..... И вскорми народ без такого государя. И вот.....»

6 [*18—20 букв*](..)[*6—7 букв*](t)[..] (pr'yt?) [*6—8 букв*] (sγ)wn ptγwštw δ'rt rty γr-(γwš)k srδy (s/t'c?)w(nt.)[...]

«..... он был пожалован (?) .... Он внял (этим) словам и в год Зайца.....»

7 [*10—12 букв*](tw δ)['rt(?) rty ....] (srδ)[y?....] k'w βγy-št s'r pwrst rty py-štrw š'δpyt trγw['nt]

«..... он....., (и) в год..... Он спросил у богов. И затем шадапыт(ы), тархв[аны]»

8 [*14—16 букв*](t k...)[*12—14 букв*]('?)δtw δ'rt rty nwkr βγy βmyn γ'γ'n p'δy (w'š?)t

«..... он..... И тогда господин Бумын-каган вступил (на престол?)»

9] [33] (. prm't?) δ'rt (kt? ...) βγy t'sp'r γ'γ'n wsn RBk[...]

«..... приказал(?), чтобы .... господин Таспар-каган ради великого....»

10] ('mw?) prm'n (prm'y-t ZY?) RBkw nwh snk' 'wst rty 'YK nw(kr?)

«..... он отдает приказ: „Учреди великую новою сангху!". И вот когда»

11] (...) rty βγy t('sp'r) γ'γ'n tr('γ)t 'cw npyšnt cw krnw('ncy'k?)[h]

«..... и господин Таспар-каган был опечален — (есть ли) кто-нибудь (из) внуков, кто (имел бы) способность»

12](...) cw γwrγ('p'y-)nt '(PZY)[34] wkwrt cw n'βcy'kh ('st't)

«..... есть ли кто-либо (из) курқапынов, родичей. (из всего) народа»

13](...) β'r'k 'sp'δy'n (wr'yt?) '(y)t[35] myδ ('nβγt?) δ'r'nt

«..... (и) конный воин разделили добычу (?) (в) тот день»

14](ptγwš) tw δ'rt ('ḤRZ'Y cy-w'nt) pyštr-w (...)

«..... он (этим словам) внял и после этого ...»

15](...t δ'r?)t rty c'n'w δw' γšy-wnk

«он.... И как два государя»

16](.... šyr'k) βrtpδ m't'nt r(t)y

«..... они были очень знающими. И»

17](.... n'βcy'kh?) p'(r? ....'n) sp'δy-(')n (..)

«..... народ вскорми!»..... воин ...»

18]ptškw't δ'rt (.....) [ ]

«..... он обратился .....»

19](....) δw' šyr (γw'z)tw m'[t'nt]

«..... оба они были друзьями .....»

Б III (рис. 11):

1][36] (.)[*8—9 букв*](.k? šy)r'k krt(k) ['krtw?] (δ)'rt rt[y]

«..... он совершил [много] благих дел. И .....»

8](.)[*9—10 букв*] (wr)δ[37] šyr'k (šy)r'k krt(k) ''βry-(n)['nt?]

«..... там очень (*или* „много") благие дела они восхваляли (?)...»

---

[33] В стк. 9 и всех последующих строках Б II в отломанной части содержалось около 40—45 букв.

[34] c(wZY)?

[35] '(β)t?

[36] В стк. 1—4 Б III сохранилось лишь менее половины текста, стк. 5 уничтожена почти полностью.

[37] (tr)δ?

3](..t ..kr 'cw?) [n'β] (c)yh mrt (γm)'k 'st't 'ḤRZ-Y (βγy m?) [ ]
«..... есть ли какой-либо человек (в) народе, (кто смог бы.....)? Затем господин М.....»
4]('ḤRZ-Y? β..) [*3—4 буквы*](š/γ)t (nws)[38] (.) wk' trγw'n 'Y-K (m)γ(')[n tykyn(?)]
«..... затем..... [Б]ука-тархван[39], когда Маха[н-тегин?]»
5] [*Слабые следы разрушенных букв*]

Комментарий. Б I, стк. 1. — tr›wkt — «тюрки». Наиболее вероятным кажется толковать это слово как согдийскую форму Pl. от tr›wk «тюрк». Сказуемое, выраженное формой Pl. (›wst't δ'r›nt), не является решающим доказательством правильности такого толкования, поскольку в согдийском некоторые категории существительных (прежде всего, имена собирательные) в форме Sg. могут сопровождаться глаголом в Pl. Однако вряд ли есть достаточные основания видеть в tr›wkt имя собирательное, соответствующее реконструируемому этнониму *türküt[40]. Насколько известно, до сих пор в согдийских текстах türk было засвидетельствовано только в производном прилагательном twrkc›ny «тюркский» (Карабалгасунская надпись), образованном посредством суффикса -c'ny(-čāne) от twrk [46, стр. 26; ср. 44, § 1023]. В Бугутской надписи написание tr›wk отражает, очевидно, произношение *truk (ср. trwkc «тюркский», Б I, стк. 2). Метатеза -u- весьма обычна для согдийского; она может объясняться либо «u-умлаутом» (регрессивная метатеза, например: wuδ- «жена» из waδū-), либо интрузией (прогрессивная метатеза, например: δγud- «дочь», sγud «Согд» из *δuγúd<δúγud<δuγd-; *suγúd<súγud<suγd), см. [48, стр. 548—549; 44, § 406—428]. В согдийских текстах засвидетельствована метатеза -u- в различном консонантном окружении, в том числе и в позициях после -r-, причем как регрессивная (например, xwrm=xurm «почва, земля» из xrwm=xrum; βwrδmy=furδme «произрастание» из *fruзme<*fra-ruδma-), так и прогрессивная (xrwmzt'=xrumazd из xwrmzt'=xurmazd< ahura-mazdāh-, ср. уйг. xurmuzta, xormuzta, см. [44, § 415, 424]). Согд. tr'wk=truk в качестве вариантной формы к türk (ср. twrkc'ny) является столь же обычной, как, к примеру, sγwδ=sγud «Согд» наряду с swγδ=suγd (ср. в документах с горы Муг: sγwδyk, sγwδy'nk наряду с swγδ'k «согдийский»). Среди засвидетельствованных передач этнонима türk в различных языках и письменностях (см. сводку [9, стр. 18]) наиболее близкой к согд. truk является, по-видимому, хотано-сакская форма ttrūkä, имеющая, подобно согдийской, вариант ttūrkā (=truh[3], turk[3], конечное -ā обычно в хотанском при передаче иноязычных слов с согласным исходом, см. [23, стр. 85—87]). Хот. ttrūkä может отражать либо согдийскую форму, либо зависеть от тибетской передачи этнонима (тиб. drug, drug-gu).

стк. 2. — nw''r γ'γ'n. Как было отмечено (см. стр. 130), имя этого кагана сопоставляется с китайским Эрфу-кэхань. Несколько странным кажется наличие здесь определения trwkc «тюркский». — 'wskwp'r — «дальше, далее», ср. обычное в согдийских текстах написание (')sk-(=(ə)sk-, из др.-ир. uskāt): будд., ман. 'sk', христ. sq' «высокий, высоко», ман. (')skycyk «верхний» и др., см. [44, § 99, 1215 и др.]. К 'wskwp'r восходит более позднее skəpār, засвидетельствованное в согдийско-христианских текстах в написании sqyp'r. Для значения этого слова, образованного с помощью суффикса -pār, ср. 'sk'tr «выше; далее, более» и авест. ¸ustəma- «самый верхний; наиболее поздний»[41]. — mγ'(w)[n] или mγ'(n) ? 4-я буква сильно повреждена, неясно также, является ли она конечной, или в слове было 5 букв. Начало следующей, 3-й строки повреждено, однако весьма сомнительно, что бы здесь содержалось слово tykyn.

стк. 4. — k'w 'wrt(s'r) p(rm) — «(с тех пор и) впредь», ср. MN nwr myδ 'wts'r «с сегодняшнего дня (и) впредь» в мугском документе Nov. 4, R, стк. 8—9 [см. 18, стр. 22, 42]. — 'βc'npδ — «мир, вселенная» (из др.-ир. *frasčambana-pada- или адаптация скр. Jambudvīpa, см. [44, § 372 и прим.]), слово, отмеченное в разных категориях согдийских текстов, но первоначально, по-видимому характерное более всего для буддийских памятников. — 'swšwy'ntt — Pl. от 'swšwy'nt (=ᵊsōšuyant/d), согдийского соответствия авест. saošyant- «спаситель(мира)», ср. среднеперс. sōšāns, sōšānš, sōšyās

[38] nwš, nyš?

[39] Или читать (')wk' trγw'n?

[40] Из türk+ü(t), монгольский аффикс Pl., см. [66, стр. 687—689; 36, III, стр. 310]. Кит. форма *тугюе,* t'uət kiuət, послужившая основой для такой реконструкции, рассматривается Э. Пуллеблонком как простая передача türk, см. [67].

[41] В письменном согдийском засвидетельствована лишь более поздняя форма превосходной степени от (ə)sk- — 'sk'tm, выступающая в прилагательном 'sk'tmcyk «наивысший, наибольший», см. [44, § 1215, 1296]. Ягнобское sitiryδn «позавчера» восходит скорее всего к др.-ир. *us'ara-ayāna-, а не к *pastara-ayāna-, как объяснял это слово М. Н. Боголюбов, см. [3, стр. 12]. О ягн. sitám<*ustama- см. выше, прим. 29.

(формы, передающие авест. Nom. Sg. saošyąs), древнеиранские имена собственные *Saušanta-, *Saušya-, засвидетельствованные, согласно толкованию И. Гершевича [42, стр. 231], в эламских передачах Šušanda, Šaušā, а также парф.-маних. šwj «святой» (šōž, из saušya-), см. [21, стр. 907].

Б II, стк. 1.— pwrsty — 3 Sg. Praes. от pwrs- «спрашивать», ср. pwrst в стк. 7. Написание с -w- впервые отмечено для этого глагола. ср. будд. 'prs-, prs-, маних, 'ps-, ps-, христ. ps- [44, § 145, 539 и др.]. Флексия -ty обычна для 3 Sg. Praes. легкой основы (pwrsty=əpstī, ср.' 'prsty в SCE 112, 193, 363; P 6, 98), однако форма pwrst, толкуемая нами как 3 Sg. Imperf. с медиальным окончанием, свидетельствует скорее всего о нарушении ритмического закона, регулировавшего формы флексии в согдийском в зависимости от характера основы (ожидалось бы *pwrst'). Следует, однако, учитывать, что действие этого закона хорошо прослеживается лишь в сравнительно поздних согдийских текстах — в ранних памятниках, как показывают «Старые письма», легкие основы нередко выступали без гласного элемента флексии, см. [50, стр. 107—108].

стк. 2.— š'δpyt (см. также Б II, стк. 7)=тюрк. šadapīt, титул, известный по надписям Кюль-Тегина (КТм., 1) и Бильге-кагана (Ха 13, 14). Происхождение этого титула точно неизвестно. В. В. Радлов видел в нем сложение šad-apa-t; А. фон Габэн возводит его к šad-pit, где -pit из иранского -pati; С. Е. Малов переводит šadapīt bäglär в надписи Кюль-Тегина «начальники шад и апа», в надписи Бильге-кагана это же сочетание переведено «шадапыт-беги» [см. 38, стр. 336; 13, стр. 83; ср. [8, стр. 519]. Не исключено, что šadapīt действительно связано с титулом šad, но происхождение последнего столь же загадочно — распространенное в тюркологической литературе утверждение о заимствовании его из иранского остается недоказанным (сопоставление с согд. γš'yδ, γšyδ, xšyδ кажется сомнительным — в согдийском это слово, продолжающее др.-ир. xšaita-, авест. xšaēta- «глава, предводитель» [см. 44, § 269; 26, стр. 20—22], имело форму əxšēδ, в арабских и персидских источниках ixšid, ixšēd, всё очень далеко от šad). Судя по форме Sg., š'δpyt может рассматриваться как первая часть сложного титула š'δpyt trγw'nt «шадапыт-тархваны», ср. šadapīt bäglär в надписи Кюль-Тегина. Написание trγw'n (то же в Б II, стк. 7 и Б III, стк. 4), с -w-, впервые засвидетельствовано в согдийских передачах титула tarqan//tarxan (о них см. [18, стр. 67]), формы с -w- не знают и тюркские памятники, однако она отражена, по-видимому, в китайских источниках (tâ-kuân, *d'ât kuân) и заставляет вновь вернуться к проблеме происхождения имени согдийского царя Тархуна (согд. trγwn в мугских документах и в надписях на монетах, Ṭarḫūn арабских и персидских текстов[42], кит. *t'uət xuən [см. 18, стр. 66—67; 37, стр. 117; ср. 73, стр. 270; 17, стр. 44]).—γwrγ'p('y)nt (см. также Б II, стк. 12)—Pl. от впервого засвидетельствованного тюркского (или монгольского?) титула γwrγ'p'yn — «держащий пояс» (тюрк. qur) [или «держащий колчан» (монг. qor). Пояс с золотыми украшениями был непременной принадлежностью костюма знатного тюрка (как, впрочем, и согдийца), что отразилось и в семантике тюрк. qur: «1. пояс; 2. достоинство, чин» [см. 13, стр. 98]. Не менее важным символом власти и атрибутом высшей знати был колчан. Об этом сообщают, в частности, китайские источники, описывая структуру Первого каганата и состав его правящей верхушки [см, 27, стр. 27—28; 56, I, стр. 8—9; II, прим. 48—49]. Монг. qor «колчан» широко представлено в тюркских языках (qur, qor «оружие», ср. также перс. qōr в том же значении, qōrxane «арсенал» и титулы qōrčī, qōrbāšī, qōrčibāšī, qōrbekī и др.)[43]. Вторая часть рассматриваемого слова — γ'p'yn — представляет собой, очевидно, производное от глагольной основы qap-, имеющей в качестве исходных значения «хватать, (крепко) держать» [ср. 38, стр. 326; 8, стр. 420]. Производная основа qapīn- (средне-возвратная) засвидетельствована уже в словаре Махмуда Кашгарского [см. 8, стр. 421], однако сам тип композиты *qorqapīn требует особого рассмотрения.

стк. 3.— γwyštr широко засвидетельствовано в согдийских переводах религиозных текстов [см. 44, § 230, 342; 18, стр. 38] в значениях, производных от основного— «старший, главный». Ср. в Карабалгасунской надписи: pr s't pwrnβγty γwyštr 'yr 'wk'sy 'rpw γwtrwγ..... n'm δ'βr «ah alle den Titel(?) 'Volles Glück haben der Meister il ügäsi alpu qutluγ ...' verlieh er...» [46, стр. 19].—pr'yt. Сопоставление с согд. nyzy-: nyz(y)t- (nižay-: niž(i)t-) «выходить»—глаголом, в котором сохранилась древнеиранская причастная форма ita- от корня i-, ay- «идти», показывает, что pr'yt могло бы быть истолковано из др.-ир. parā-ita- «прибывший, достигший». Следует, однако, заметить, что такая форма не засвидетельствована в согдийском — обычно (так уже в «Старых письмах») в текстах выступает суплетивный глагол pr'ys-: pr'(')γt- «прибывать, достигать; передавать», восходящий к *parā-isa-: *parā-(ā-) gata- [см. 44,

[42] В «Хронологии» Бируни tarḫūn приводится как «прозвище» царей Самарканда, однако в списке «прозвищ» [см. 30, стр. 101] мы встречаем немало имен собственных (Māhūya — царь Мерва, al-Ḥajjāj — царь Сарира и др.).

[43] По мнению Хубшмида [55, стр 122], тюрк. qur «пояс» связано по происхождению с монг. qor, см., однако, [35, I, стр. 428].

§ 539, 568, 603][44]. Как и в других случаях, контекст восстановить не удается, однако можно предположить, что pr'yt обозначает начало правления Мухан-кагана [45]. Другая возможность интерпретации pr'yt — сопоставление этой формы с авест. frāy- «ублажать, вознаграждать, удостаивать, жаловать» (скр. प्रीणाति, prītáḥ), ср. согд. (')'fryn-, ''pryn-: 'fryt- «восхвалять, почитать». При таком толковании pr'yt (=frīt)— «был пожалован», 3 Sg. непереходного претерита, совпадающее по форме с прошедшей основой.

стк. 4.— n'βcyh (ср. также ниже n'βcy'kh) в Бугутской надписи выступает, по-видимому, в качестве эквивалента древнетюркского bodun «население, подданные; (простой) народ» [ср. 44, § 1003, прим. 1].— p'rtw δ'rt — 3 Sg. переходного претерита от p'r- «кормить, содержать, вскармливать» [см. 44, § 890], хот.-сакск. pār-, ср. тюрк. igit- с тем же значением в рунических памятниках (например, БК, 38).

стк. 8 — p'δy w'št(?)— «вступил (на престол)?», букв. «ногу поставил», «утвердился».

стк. 11.— tr('γ)t «был опечален», из др.-ир. *trṇxta-, см. [49, стр. 60; 44, § 152b, 531, прим. 1].— pryšnt — «внуки», ср. ман. prууšn, pr'yšnt [44, § 299, 943].— krnw('ncy'k[h]—«способность», ср. ман. qrnw'ncy' [44, § 1003, 1032]. Не исключены и чтения krnw('nty'k)[h] или krnw('ntyh)— имя абстрактное с суффиксом -ty'kh или -tyh.

стк. 12.— wkwrt — Pl. от wkwr. Это слово, известное до сих пор лишь по колофону к буддийскому тексту P 8 и по производному wkwry', засвидетельствованному в одном манихейском тексте, имеет в качестве основного значение «сородич» и может быть возведено к др.-ир. *wi-kur-. Ср. осет.-диг. igŭrun: igurd, ирон. gʷyryn: gʷyrd «рождаться, зарождаться», gʷyræn «исток, происхождение»; скр. kúlam (Neutr.) «род, семья, совокупность», koraka- «почка (растения)»; среднеперс. kurrak «детеныш животного» (<*kurna-ka-), н.-п. kurre; курд. kurr., kur «сын, мальчик» [см. 54, стр. 737; 22, стр. 39—40; 43, стр. 493—494; 59, I, стр. 238—239; II, стр. 272; 24, стр. 89; ср. 1, стр. 532, 602].

стк. 13.— Чтение по крайней мере двух слов (wr'yt, 'nβγt) в сохранившейся части этой строки не может считаться установленным.—'sp'δy'n — «воин, солдат», ср. будд. 'sp'δy'nt, Pl. [44, § 1049—50].— wr'yt может быть истолковано как Pl. от *wr'y, ср. wr' «успех, прибыль» —'(y)t — «этот», старосогдийская форма, засвидетельствованная на ранней гемме [см. 11, стр. 57—58, прим. 52], ср. более позднее 'yδ из * aita-.

стк. 16.—šyr'k здесь, как и в Б III, стк. 2, выступает в качестве наречия «очень» [ср. 44, § 198, прим. 1, 982, 1208—1209].

VI

Тот факт, что надпись, включенная в состав тюркского ханского погребального комплекса, составлена согдийцем и на согдийском языке, имеет особое значение для изучения культурной и социальной жизни Тюркского каганата, его внешнеполитических и экономических связей. В полной мере это обстоятельство может быть оценено лишь на фоне истории развития тюрко-согдийских отношений в Центральной Азии, истории согдийского проникновения в Центральную Азию.

Первые контакты между тюрками и согдийцами относят обычно ко времени тюркского завоевания Средней Азии в 50—60-х годах VI в. [ср., например, 6, стр. 41]. Однако пересмотр сложившихся представлений о происхождении племени тюрк (до конца V в. — ашина) показывает, что задолго до завоевания Средней Азии тюрками, уже в III—V вв., существовали тесные контакты между ними и индоевропейским населением Восточного Туркестана, в том числе и согдийцами [10, стр. 278—281]. Эти связи были настолько очевидны и для южного соседа тюрок, что первым послом, прибывшим в 545 г. в ставку Бумына, китайский двор сделал Аньнопанто, согдийца из Ганьсу [56, I, стр. 6; II, стр. 490—491]. Одним из наиболее близких советников Дулань-кагана (588—599) был согдиец Ань Суй-цзе, активно противодей-

[44] Об основе Praes. yt- «идти», отмеченной в одном согдийско-манихейском тексте и, возможно, в VJ 314, см. [44, § 539, прим.]. В VJ 1096 pr'ys'nt «они отправляют (?)» является скорее всего опиской вместо *pr'yš'nt.

[45] Нет, конечно, оснований для сближения pr'yt в надписи с скр. preta — в согдийско-буддийских текстах pr'yt из preta значит только «страшилище, привидение».

ствовавший китайскому влиянию на тюркскую политику [68, стр. 318; 56, I, стр. 102—103].

Последующие события, относящиеся ко времени правления Шиби-кагана (609—619), показали, что высокое положение согдийца в каганской ставке и занятая им политическая позиция не случайны. При Шиби наметился подъем политического могущества Восточнотюркского каганата, чему всеми силами противился китайский двор. Центральной фигурой во внешней полиике Китая стал в 607 г. Пэй Цзюй, в прошлом наместник Западного края (Восточного Туркестана), где он всячески поощрял согдийскую торговлю. Но именно согдийцы оказались его опаснейшими политическими противниками в Монголии. Потерпев неудачу в попытках разжечь междоусобицу в каганате, Пэй Цзюй доносил императору: «Тюрки сами по себе простодушны и недальновидны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много согдийцев, которые хитры и коварны; они научают и направляют тюрков» [56, I, стр. 87—88].

Под 630 г. упоминаются имена вождей согдийцев в каганате — это «великий вождь» самаркандец Кан Су-ми и бухарец Ань Ту-хань, который привел с собой 5 тыс. соплеменников. Его семья переселилась в каганат из Кучи задолго до 630 г. — еще отец Ань Ту-ханя, Ань У-хуань, служил тюркским каганам и носил титул эльтебер [56, I, стр. 143, 196; 68, стр. 324]. Число согдийцев оказалось тогда настолько значительным, что китайский историограф рассматривал их как одно из племен каганата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И., Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.—Л., 1958.
2. Бичурин Н. Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.
3. Боголюбов М. Н., Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы, Л., 1956 (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук).
4. Васильев В. П., Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне, — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. III, СПб., 1897, стр. 1—36.
5. Владимирцов Б. Я., Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, — «Северная Монголия», т. II. Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиций о работах, произведенных в 1925 г., Л., 1927, стр. 1—42.
6. Гумилев Л. Н., Древние тюрки, М., 1967.
7. Документы с горы Муг, М., 1963 [Корпус ираноязычных надписей (Corpus inscriptionum iranicarum). Ч. II. Надписи селевкидского и парфянского периодов и надписи Восточного Ирана и Средней Азии. Т. III. Фотоальбом].
8. Древнетюркский словарь, Л., 1969.
9. Кляшторный С. Г., Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.
10. Кляшторный С. Г., Проблемы ранней истории племени тӱрк (ашина),— «Новое в советской археологии (памяти С. В. Киселева)», М., 1965, стр. 278—281.
11. Лившиц В. А., К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе, — сб. «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969, стр. 47—81.
12. Лившиц В. А., Луконин В. Г., Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах, — ВДИ, 1964, № 3, стр. 155—176.
13. Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959.
14. Радлов В. В., Атлас древней Монголии, СПб., 1892—1899 («Труды Орхонской экспедиции», вып. 1—4).
15. Смирнова О. И., Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.), М., 1963.
16. Смирнова О. И., Нумизматические заметки, — ЭВ, XVIII, 1967, стр. 34—40.

17. Согдийские документы с горы Муг. Выпуск I: А. А. Фрейман, Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, М., 1962.
18. Согдийские документы с горы Муг. Выпуск II: Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962.
19. Тенишев Э. Т., Древнеуйгурские надписи Киргизии, — «Народы Азии и Африки», 1964, № 1, стр. 146—149.
20. Эпиграфика Киргизии. Выпуск I. Составил Ч. Джумагулов, Фрунзе, 1963.

21. Andreas F. C., Henning W. B., Mitteliranische Manichaica aus Chinesisch-Turkestan III, — SPAW, 1934, XXVII, стр. 848—911.
22. Bailey H. W., Indo-Iranian Studies, — TPhS, 1953, стр. 21—42.
23. Bailey H. W., Turks in Khotanese Texts,— JPAS, January 1939, стр. 85—91.
24. Benveniste E., Études sur la langue ossete, Paris, 1959.
25. Benveniste E., Notes sogdiennes. IV, — BSOS, 1938, vol. IX, pt 3, стр. 495—519.
26. Benveniste E., Titres et noms propres en iranien ancien, Paris, 1966 («Travaux de l'Institut d'études iraniennes de l'Université de Paris», 1.).
27. Chavannes Ed., Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux, SPb., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI).
28. Chavannes Ed., Le nestorianisme et l'inscription de Karabalgassoun, — JA, série 9, t. IX, 1897, стр. 43—85.
29. Chavannes Ed. et Pelliot P., Un traité manichéen retrouvé en China, traduite et annoté, — JA, série 10, t. XVIII, 1911, стр. 499—617; pt II — JA, série 11, t. I, 1913, стр. 99—199; 261—394.
30. Chronologie orientalischer Völker von Albêrûnî. Hrsg. von Dr. C. E. Sachau, Leipzig, 1878.
31. Clauson G., Turks and wolves, — «Studia Orientalia», t. XXVIII: 2, Helsinki, 1964, стр. 1—22.
32. Codices sogdiani. Manuscrits de la Bibliothèque Nationale (Mission Pelliot) reproduits en fac-similé avec un introduction par E. Benveniste. Copenhague, 1940 (Monumenta linguarum Asiae Maioris edidit K. Grønbech. III. Codices sogdiani).
33. Les dessigns pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stelles en Mongolie recueillis par Rintchen (Corpus scriptorum mongolorum Instituti linguae et litterarum Academiae scientiarum Republicae Populi Mongolici. Tomus XVI, fasciculus 1), Улаанбаатар, 1968.
34. Devéria G., Musulmans et Manichéens chinois, — JA, série 9, t. X, 1897, стр. 445—484.
35. Doerfer G., Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd I: Mongolische Elemente im Neupersischen, Wiesbaden, 1963 (Akademie der Wissenschaften und Literatur. Veröffentlichungen der Orientalischen Komission. Bd XVI).
36. Franke O., Geschichte des chinesischen Reiches, Bd II—III, Berlin, 1936—1937.
37. **Frye R. N.**, Ṭarxūn ~ Ṭürxūn and Central Asian History, — HJAS, vol. 14, № 1—2, June 1951, стр. 105—129.
38. Gabain A. von, Alttürkische Grammatik, 2. Auflage, Leipzig, 1950.
39. Gabain A. von, Buddhistische Türkenmission, — «Asiatica Festschrift Friedrich Weller», Leipzig, 1954.
40. Gabain A. von, Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, — «Anthropos», vol. 48, 1953, стр. 537—556.
41. Gauthiot R., Essai de grammaire sogdienne. Premièr partie: Phonétique. Paris, 1914—1923 (Mission Pelliot en Asie Centrale. Série petit in-octavo, tome 1).
42. Gershevitch I., Amber at Persepolis, — «Studia classica et orientalia Antonino Pagliaro oblata», vol. I, Roma, 1969, стр. 167—251.
43. Gershevitch I., Ancient survivals in Ossetic, — BSOAS, vol. XIV, pt 3, 1952, стр. 483—495.
44. Gershevitch I., A grammar of Manichean Sogdian, Oxford, 1954 (Publications of the Philological Society, XVI).
45. Göbl R., Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd I—IV, Wiesbaden, 1967.
46. Hansen O., Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun, — JSFOu, vol. XLIV, 1930, pt 3, стр. 3—39.
47. [Heikel A.], Inscriptions de l'Orkhon recueilles par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne, Helsingfors, 1892.
48. Henning W. B., Argi and the «Tokharians», — BSOS, vol. IX, pt 3, 1938, стр. 545—572.
49. Henning W. B., Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch, Berlin, 1936 (APAW, № 10).
50. Henning W. B., Mitteliranisch, — «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Bd IV: Iranistik. Abschnitt 1 :Linguistik, Leiden — Köln, 1958, ст. 20—130.
51. Henning W. B., The monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak, — AM, NS, vol. II, pt 2, 1952, стр. 151—178.

52. Henning W. B., A Sogdian god, — BSOAS, vol. XXVIII, pt 2, 1965, стр. 242—254.
53. Henning W. B., Sogdian Tales, — BSOAS, vol. XI, pt 3, 1945, стр. 465—487.
54. Henning W. B., The Sogdian Texts of Paris, — BSOAS, vol. XI, pt 4, 1946, стр. 713—740.
55. Hubschmid J., Schläuche und Fässer, Bern, 1955 (Romanica Helvetica, 54).
56. Liu Mau-Tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe), Buch I—II, Wiesbaden, 1958 (Göttinger Asiatische Forschungen, Bd 10).
57. Marquart J., Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften, — WZKM, Bd XII, 1898, стр. 157—200.
58. Mather R.-B., Biography of Lu Kuang, Berkeley — Los Angeles, 1959 («Chinese dynastic histories translations», University of California, № 7).
59. Mayrhofer M., Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd I—II, Heidelberg, 1956—1963.
60. Mori M., Historical studies of the ancient Turkic peoples. I, Tokyo, 1967.
61. Müller F. W. K., Ein iranische Sprachdenkmal aus der nordlichen Mongolei, — SPAW, 1909, стр. 726—730.
62. Müller F. W. K., Eine soghdische Inschrift in Ladakh, — SPAW, 1925, XXXI, стр. 371—372.
63. Müller F. W. K., Soghdische Texte. I, — APAW, 1912 (Berlin, 1913), стр. 1—111.
64. Muller F. W. K., Lentz W., Soghdische Texte II,— SPAW, 1934, XXI, стр. 504—607.
65. Pelliot P., Les Mo-ni et le Houa-hou-king, — BEFEO, t. III, 1903, стр. 318—327.
66. Pelliot P., L'origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turks — TP, vol. 16, 1915, стр. 687—689.
67. Pulleyblank E. G., The Chinese name for the Turks, — JAOS, vol. 85, 1965, № 2, стр. 121—125.
68. Pulleyblank E. G., A Sogdian colony in Inner Mongolia, — TP, vol. 41, 1952, стр. 317—356.
69. Reichelt H., Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. II. Teil: Die nicht-buddhistischen Texte, Heildelberg, 1931.
70. Spuler B., Mittelasien seit dem Auftreten der Türken, — «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., Bd V: Altaistik, Abschnitt 5: Geschichte Mittelasiens, Leiden — Köln, 1966, стр. 123—310.
71. Textes Sogdiens, édités, traduits et commentés par E. Benveniste, Paris, 1940 (Mission Pelliot en Asie Centrale, Série in-quarto. III).
72. Waldschmidt E., und Lentz W., Die Stellung Jesu im Manichäismus, Berlin, 1926 (APAW, № 4).
73. Wellhausen J., Das arabische Reich und sein Sturz, Berlin, 1902.

Л. И. Чугуевский

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ СОГДИЙСКОЙ КОЛОНИИ В РАЙОНЕ ДУНЬХУАНА

Проникновение согдийцев в Центральную Азию началось, по-видимому, еще в конце IV в. до н. э. и было связано с вторжением греко-македонских армий Александра в Согдиану, захватом *Смāраканс̱ы,* столицы области (Самарканд, греческая передача Мараканда), разрушением согдийских городских и сельских поселений и массовым уничтожением их жителей, о чем подробно рассказывают историки походов Александра — Арриан и Квинт Курций Руф. Столь ранняя дата начала согдийской колонизации Центральной Азии, прежде всего оазисов Восточного Туркестана, устанавливается на основе совокупности исторических и лингвистических данных. В. Б. Хеннинг [8, стр. 54—55] предложил эту дату в результате детального изучения согдийских памятников, происходящих с территории Восточного Туркестана (прежде всего наиболее ранних из этих памятников — так называемых «Старых писем»). Данные китайских источников, как показывают исследования последних лет, подтверждают такую дату. Из этих источников следует, что согдийцы вошли в соприкосновение с Китаем уже в III в. до н. э. [12, стр. 608 — со ссылкой на Г. Халуна].

Большое значение для установления времени первых согдийско-китайских контактов должно иметь, по-видимому, исследование заимствований из согдийского языка в китайский, в первую очередь определение хронологии этих заимствований. Соответствующий фактический материал собран в известном труде Б. Лауфера [16] и недавно существенно пополнен Э.Шефером [22]. Если с согдийским словом mδw обозначающим «вино», китайцы могли познакомиться на территории Ферганы в 128 г. до н. э. [16, стр. 221—225], заимствовав его в форме p'u-tao (откуда и японское budau [см. 10, стр. 98, прим. 3; 3, стр. 10—11]), то ряд других заимствований в китайский из согдийского должен скорее всего свидетельствовать о контактах с носителями иранских языков на территории Восточного Туркестана, причем о контактах весьма ранних (ср., например, древнекитайское *suangi «лев» из иранского sarγĕ, см. [7, стр. 46]).

Согдийская диаспора в Центральной Азии приобрела особое значение с установлением Великого Шелкового пути, важнейшего пути международной торговли Дальнего и Среднего Востока с Западом. Согдийская колонизация охватывала в наибольшей степени районы, непосредственно прилегающие к трассам этого пути. Из Китая торговая дорога на запад шла от Чанани к переправе через Хуанхэ у Ланьчжоу, по Лун-ю и Хэси, вдоль северных отрогов Наньшаня, по оазисам Лянчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу и выходила к «Яшмо-

вым воротам» — западной оконечности Великой стены в Юймыньгуане [2, стр. 98—99]. От Гуачжоу путь разветвлялся, караваны могли следовать по нескольким дорогам, но все они были небезопасны. Одной из них, которой пользовались лишь наиболее смелые купцы, была дорога, ведущая из Дуньхуана прямо в Турфан, через «Холмы Белого Дракона» — мрачную соляную пустыню. «История Северных Чжоу», составление которой было завершено в 636 г., так описывает эту трассу: «Весь путь из Дуньхуана идет через пески и скалы, так что ни сама тропа, ни общая длина ее не могут быть определены точно. Только по костям людей и животных, да по помету верблюдов и лошадей можно узнать, где проходит дорога. К тому же там лешие и другие чудища, так что торговые караваны, идущие в обоих направлениях (т. е. на восток, к Китаю, и на запад), обычно предпочитают путь через И-ву (Хами)» (*Чжоу шу,* 50, л. 11-а — 12-б, ср. [17, стр. 8]). Путь через Хами (северная трасса) вел в Гаочан (Турфан), Бэйтин (Бешбалык) и далее в Шихо — долину р. Или. Не меньшее значение имела и южная трасса, ведущая через Дуньхуан, Шаньшань, Юйтянь (Хотан), Согюй (Яркенд) и далее в Алайскую долину и Тохаристан, с ответвлением на Сулэ (Кашгар) и в Фергану [2, стр. 99; 4, стр. 13—15; 23].

Согдийцы в полной мере оценили важность географического положения Дуньхуана уже по крайней мере в первые века н. э. «Старые письма», обнаруженные в 1907 г. А. Стейном к западу от Дуньхуана, при раскопках одной из башен Великой стены, и относящиеся к периоду между 311 и 313 гг. н. э. [12, стр. 604, 611—615], свидетельствуют о том, что в начале IV в. н. э. согдийская община в Дуньхуане (согд. δrw'n. ср. Θroana в «Географии» Клавдия Птолемея) насчитывала по меньшей мере около тысячи человек [12, стр. 606]. В Дуньхуане находились, в частности, контрагенты самаркандских купцов, которые вели по поручению своих хозяев обширные и активные торговые операции в оазисах Восточного Туркестана, посылая подробные отчеты о них в Самарканд. «Старые письма» содержат весьма ценные данные и о частной жизни и быте согдийцев Дуньхуана, семейных отношениях, а также о структуре общества согдийской колонии (так, в частности, упоминается о наличии 100 «свободных» — имеются в виду, вероятно, мужчины — главы семей).

Как известно, «Старые письма» относятся к числу наиболее трудных для интерпретации согдийских памятников; многие детали, относящиеся к жизни и быту согдийской дуньхуанской колонии начала IV в. н. э., будут несомненно вскрыты будущими исследователями этих текстов.

Новые материалы о согдийской колонии в Дуньхуане для более позднего периода — середины VIII в. — удалось извлечь в результате анализа китайских рукописей. Эти данные содержатся в статье Икэда Он, профессора Хоккайдоского университета в г. Саппоро [27].

Среди дуньхуанских китайских рукописей из фонда Пелльо, хранящегося в Национальной библиотеке в Париже, имеются фрагменты свитка административно-цензового содержания «чакэбу», книга повинностей. Обнаружено четыре фрагмента этого свитка (P-2657, P-3018, P-3559 и P-2803, всего 654 строки) [1], в целом удовлетворительной сохранности.

---

[1] В отличие от исследователей, ранее занимавшихся этими фрагментами, Икэда Он считает, что P-2803 составляет часть другого, самостоятельного документа.

В дошедших до нас частях свитка содержатся результаты переписи мужчин пяти деревень (из общего числа 13) Дуньхуанского уезда. Все внесенные в список лица разбиты на две основные группы: «почу» (числящиеся номинально) и «цзяньцзай» (существующие реально, налицо). В первую группу включены те, кто не мог быть привлечен к отбыванию многочисленных видов трудовой повинности, это лица, скрывавшие, в нарушение закона, свое местонахождение, проживавшие вне места приписки, а также инвалиды, умершие, погибшие на войне или угнанные на другую территорию во время военных действий и т. п. Во второй значатся те, кто уже исполняет или может нести ту или иную повинность. Все лица в этой группе зарегистрированы подворно, перечислены по фамилиям, причем против каждой из них обязательно стоят такие пометы, как возраст, отношение к главе двора, звание или категория населения, к которой относится данное лицо. Кроме того, у большинства есть указание на должность или вид трудовой повинности.

Впервые документ этот был введен в научный оборот в 1934 г. проф. Наба Тосисада [29], затем этот список стал предметом исследований многих авторов, работы которых в первую очередь были посвящены изучению системы повинностей. Под этим углом зрения рассматривались такие вопросы, как изучение системы «динчжун» [32], правила составления списков «чакэбу» [31], изучение терминов повинностей [24]. Анализом содержания и статистических данных этого списка занимался Нисимура Гэнью [18; 30]. Исида Микиносукэ в статье, посвященной вопросу о выходцах из районов Западного края, обратил внимание на то, что часть этого свитка, которая относится к деревне Цунхуасян (фрагмент P-3559, 155 строк), содержит большое количество фамилий иранского происхождения [2], и первым высказал предположение, что документ отражает перепись обособленной согдийской колонии [28].

Имея, таким образом, в качестве основы хотя и фрагментарный, но весьма ценный статистический материал, Икэда Он попытался установить численность согдийской колонии, происхождение и образ жизни ее членов.

По сохранившимся в списке фамилиям устанавливается, что 236 человек мужского населения деревни Цунхуасян носили 22 фамилии, причем из них больше всего (свыше 60%) приходится на 4 рода: выходцы из Самарканда (Кан, 48 человек), Бухары (Ань, 39 человек), Ташкента (Ши, 31 человек) и Кабудана (Цао, 30 человек). За ними следуют выходцы из Тохаристана (Ло, 23 человека), Кушании (Хэ, 20 человек). Маймурга (Ми, 10 человек), Хэго (? Хэ, здесь употреблен другой иероглиф, чем принятый для обозначения Кушании; 7 человек) и Кеша (Ши, здесь тоже другой иероглиф, отличный от принятого для обозначения выходцев из Ташкента; 6 человек). Перечисленные 9 фамилий составляют более 90% общего числа зарегистрированных лиц.

Из таблиц, составленных Икэда Он, следует, что:

а) Из 236 мужчин 21 носит китайские фамилии (и несогдийские

---

[2] Под фамилиями иранского (согдийского) происхождения здесь и ниже подразумеваются принятые в качестве фамильного знака китайские определения впереди имени — первый иероглиф названия той страны, откуда прибыл уроженец Средней Азии. О том, что и сами согдийцы, жившие в оазисах Восточного Туркестана, употребляли такие фамилии, свидетельствует согдийский текст P-8 из собрания Пелльо, в котором отмечены "n — выходец из Бухары (кит. Ань) и γ'n — выходец из Самарканда (кит. Кан) [см. 11, стр. 736].

имена); для 1 человека фамилию и имя определить не удалось. Остальные 214 носят 9 согдийских фамилий.

б) Из этих 214 человек 100 имеют согдийские имена, 90 — китайские. Остальные 24 человека отнесены к группе, чьи имена определить затруднительно [27, стр. 63—68]. Следует учитывать, что как синологи, так и иранисты имеют пока лишь очень небольшой опыт восстановления фонетического облика согдийских имен по китайским иероглифическим текстам; сказывается и отсутствие сводного списка согдийских имен, засвидетельствованных в опубликованных согдийских памятниках.

в) Примечательно, что у подавляющего большинства выходцев из Бухары (Ань) и Тохаристана (Ло) отмечены согдийские имена, тогда как у выходцев из Кушании (Хэ), Кабудана (Цао) и Хэго (Хэ), наоборот, преобладают имена китайские [27, стр. 68].

г) У 121 человека (из 214), для которых известны возрастные данные, среди лиц старше 50 лет преобладают согдийские имена, тогда как для лиц в возрасте от 17 до 50 лет более характерны китайские имена. Сравнение отдельных возрастных групп показывает, что чем младше возраст, тем больше число лиц с китайскими именами [27, стр. 68].

д) По сохранившимся в списке данным устанавливается, что, в то время как отец носит согдийское, сыновьям большей частью давались китайские имена; в тех же случаях, когда у отца китайское имя, у сыновей — только китайские имена. Сравнение имен родных братьев показывает, что чаще ($^2/_3$ семей) все сыновья одного отца носят либо китайские, либо согдийские имена; лишь в $^1/_3$ семей один из братьев имеет китайское имя, а второй — согдийское [27, стр. 69].

Икэда Он детально проанализировал состав дворов по количеству податных единиц, как согдийских отдельно, так и в сопоставлении их с другими четырьмя деревнями Дуньхуанского уезда, данные о которых сохранились в других фрагментах того же свитка [27, стр. 70—71]. Средняя цифра взрослого податного населения на один двор для деревни Цунхуасян, в которой жили согдийцы, составила 1,67, в то время как для остальных деревень эта цифра колеблется от 1,82 до 2,63. Сравнение податных единиц по имущественному положению (по девятистепенной шкале) не дает большой разницы, но все же для четырех последних групп этой шкалы цифра податного населения в Цунхуасян также ниже, чем в других деревнях [27, стр. 71].

Сопоставление лиц, призывавшихся на охранную службу [27, стр. 73], показывает, что по сравнению, например, с деревней Шоучан, имевшей примерно такое же количество лиц, подпадавших под эту повинность, в Цунхуасян их было вдвое меньше. Охранную службу в Цунхуасян нес каждый третий взрослый мужчина (51 человек из 146; сюда, правда, включены 26 человек, числящихся по группе «почу»). В трех других деревнях процент призываемых на охранную службу был также выше, чем в Цунхуасян. Возраст призывников колебался от 23 до 52 лет, причем подавляющее большинство их было в возрасте от 20 до 30 лет.

Процент лиц, занятых выполнением других общественных обязанностей, в Цунхуасян значительно ниже, чем в других деревнях [27, стр. 74]. При этом обращает на себя внимание тот факт, что здесь отсутствуют лица, связанные с обслуживанием ирригационной системы, зато значится несколько должностей (которых, кстати, не было в других деревнях), связанных с контролем за торговлей. Характерно также, что на административных должностях, связанных со сбором по-

датей и контролем за отбыванием повинностей (что требовало постоянных контактов с китайскими чиновниками), большей частью значатся лица, у которых были китайские имена.

Привлекая дополнительные статистические сведения из китайских официальных источников, Икэда Он пришел к выводу, что в середине VIII в. деревня Цунхуасян насчитывала около 300 дворов с населением около 1400 человек. Среди лиц административного аппарата деревни значатся три «личжэна» — старосты, которые назначались на каждую сотню дворов.

Что касается социального состава деревни, то между низшими слоями колонии и местными магнатами, получившими китайские звания (последние относительно равномерно распределены между отдельными фамилиями), существовал большой разрыв [27, стр. 74]. Процент чиновников выше 5-го класса, а также носивших титул «шанчжуго» в Цунхуасян был больше, чем в китайских деревнях Дуньхуанского уезда [27, стр. 75].

В целом структура согдийской колонии мало чем отличалась от других деревень Дуньхуанского уезда. Жители Цунхуасян несли воинскую повинность, на них распространялись также разверстки по выполнению других повинностей. По-видимому, жителей колонии надо рассматривать как подданных Танской империи, которые, получив от Китая некоторые привилегии и покровительство, не могли не выполнять установленные местными законами обязательства по уплате налогов и несению повинностей. Факт принадлежности согдийцев к китайскому подданству Икэда Он усматривает в самом названии деревни. «Цунхуа» — китайский термин, означающий «ассимилироваться, подчиняться, принять подданство», «сян» — деревня.

О хозяйственной жизни колонии, в частности о земледелии, в исследуемом свитке данных очень мало. Однако здесь на помощь приходят другие дуньхуанские документы. Так, например, на обратной стороне рукописи Р-2803, датированной осенью 750 г., указано, что деревня Цунхуасян должна была сдать 365 даней проса — это просо весной того же года было получено на семена, а осенью возвращалось с процентами. Исходя из этой цифры (с учетом взимавшегося процента) можно определить размеры обрабатывавшейся деревней площади. Соответствующие расчеты показывают, что на каждый двор должно было приходиться не менее 10 му земли [27, стр. 79].

На оборотной стороне «Книги повинностей» сохранились также записи о продаже согдийцами излишков зерна государству. Не исключено, что в некоторых случаях речь идет не о непосредственных производителях, а о помещиках или иных лицах, сдававших землю в аренду, — социальное расслоение в согдийской колонии вряд ли было менее сильным, чем в собственно китайских деревнях в этот период. Но как бы то ни было, эти данные показывают, что земледелие в Цунхуасян играло значительную роль, хотя и меньшую, нежели в других селениях Дуньхуанского уезда. Количество проса, сдававшегося одним двором в Цунхуасян, было весьма небольшим [30, стр. 407—408]. Зерно в основном производилось для удовлетворения лишь собственных нужд и уплаты налога. Несколькими десятилетиями раньше, в самом начале VIII в., земледелие в Цунхуасян было, по-видимому, развито слабо. Так, в официальном дуньхуанском документе из коллекции японской экспедиции Отани (№ 2836), датированном третьим месяцем 703 г., среди перечисленных дуньхуанских деревень, которым предписывалось поощрять развитие земледелия, Цунхуасян не названа. Не упомянута эта деревня и в другом документе той же коллекции

(№ 2839), также относящемся к правлению Чан-ань (701—704), в котором суммированы площади, занятые под посевами ячменя и бобовых.

Торговля должна была играть важную роль в жизни согдийской колонии. Выше уже отмечалось, что в «Книге повинностей» согдийцы выступают как лица, исполнявшие должности, связанные с торговлей.

Сама колония была расположена в непосредственном соседстве с почтовой станцией, которая, по свидетельству *Шачжоу дудуфу туцзин* (Р-2005, из коллекции Пелльо, цз. 3), находилась на расстоянии около 300 *м* к востоку от городской стены Дуньхуана. Об активном участии жителей Цунхуасян в торговых операциях свидетельствует и тот факт, что в переписи большое число лиц согдийцев отмечены как постоянно находившиеся вне места своей приписки. Помимо занятий собственно торговлей, одной из важнейших функций населения колонии было оказание гостеприимства приезжавшим купцам, охрана их интересов в качестве посредников или поручителей, а также поддержание связей с торговыми «фирмами» в Согде, и прежде всего в его столице Самарканде и в Бухаре. Согдийские «Старые письма», как было отмечено, позволяют составить представление о деятельности согдийских купцов и торговых агентов, о характере их операций и обширных районах их деятельности [21, стр. 1—7; 12]. Можно полагать, что и в середине VIII в. н. э. торговые операции согдийцев, живших в районе Дуньхуана, были достаточно обширными. О том, что связи согдийцев, живших в колониях Восточного Туркестана, с территорией Согда в VIII в., да и позже, были столь же прочными, как и в IV в. н. э. (время «Старых писем», часть которых адресована в Самарканд), свидетельствует, между прочим, тот факт, что постепенная смена согдийского языка персидско-таджикским, происходившая на территории Согда в VIII—X вв., имела место и в согдийской диаспоре. На это указывают тексты на персидском языке, написанные манихейским письмом и происходящие из тех же согдийских манихейских общин Восточного Туркестана, что и согдийско-манихейские памятники [9].

Следует иметь в виду, что официально танские власти препятствовали заключению торговых сделок между китайцами и иноземцами. Существовавшие правила запрещали последним по пути следования общаться с населением, и местные чиновники во избежание возникновения инцидентов следили за соблюдением этого запрета. Так, на заставах был установлен строгий контроль за въездом в страну — достаточно вспомнить, с какими трудностями преодолевал заставы у Дуньхуана Сюань Цзан, направляясь в VII в. в Индию.

Торговля в пограничных районах строго регламентировалась властями, которые определяли места и сроки сделок. Купцы из пограничных областей делились на две категории: «синкэ» и «синху». Под первыми подразумевались купцы-китайцы, под «синху» — иноземные купцы. Об уровне развития торговли и богатствах купцов можно судить по тому, что в 728 г. в уезде Цзинмань округа Тинчжоу поступление налогов составило 259 650 вэней, из которых на местных крестьян приходилось лишь менее одной трети — 85 650, остальное падало на «синху» и «синкэ» [27, стр. 84—85].

Время возникновения согдийской колонии в Цунхуасяне точно установить, по-видимому, невозможно. Помимо «Старых писем» на существование в Дуньхуане колонии ираноязычного населения указывает упоминавшееся уже географическое описание *Шачжоу дудуфу*

туцзин, составленное примерно в середине VIII в.[3], в котором есть такие строки: «Храм почитателей бога огня. Находится в одном ли к востоку от городской стены [Ша]чжоу (т. е. Дуньхуана). Состоит из помещения, внутри которого нарисованы изображения божеств; всего имеется 20 киотов. Святилище [в радиусе] 100 бу (около 150 *м*) окружено двором». Цунхуасян как название согдийского поселения впервые встречается в официальных китайских документах 698—705 гг. Это дает, казалось бы, основание предполагать, что колония была образована в конце VII в. Однако следует учитывать, что в документах нет никаких указаний на то, что до конца VII в. этой колонии не существовало. Демографический анализ данных «Книги повинностей» свидетельствует о возможном более раннем их переселении из Согда к границам Китая. Так, в переписи самым старшим по возрасту согдийцем с китайским именем является 66-летний Кан Ну-цзы. Из 20 человек старше 55 лет лиц с китайскими именами было двое, у 16 человек — согдийские имена; определение двух остальных имен не установлено.

Поскольку китайские имена могли даваться только после переселения в Китай, то 66-летний Кан Ну-цзы, выходец из Самарканда, родившийся в конце VII в. (ок. 685 г.), получил это имя в Дуньхуанском уезде. С другой стороны, весьма важно, что среди согдийских имен нередко встречаются тюркские элементы, в том числе такие, как Irkin (Кан И-цзинь), Tudun (Хэ Ту-дунь), Tigin (Ло Тэ-цзин), Baγatur (Хэ Мо-цзя-до), Tarxan (Ань Да-хань), Özmiš (Ань У-сы-ми), тогда как среди очень большого числа китайских имен, известных для района Дуньхуана, почти не прослеживается тюркского влияния. Поэтому тюркские элементы в именах согдийцев, переселившихся на восток, или их потомков, родившихся в районе Дуньхуана, следует объяснить прежде всего как результат сильного тюркского влияния на территории самого Согда, где это влияние начало проявляться особенно заметно со второй половины VI в. [27, стр. 82]. Можно было бы предположить, что согдийское население деревни Цунхуасян формировалось как из числа выходцев из Согдианы, только недавно, в конце VII или в начале VIII в., переселившихся в район Дуньхуана, так и из числа потомков согдийцев, живших в самом г. Дуньхуане (и, видимо, в ближайших его окрестностях) уже в течение нескольких столетий, по крайней мере с начала IV в. н. э. (об этих согдийцах, как уже отмечалось, говорится в «Старых письмах»). Однако, рассматривая обстоятельства образования согдийской колонии в деревне Цунхуасян, Икэда Он приходит к выводу, что колония образовалась не из отдельных небольших групп, стекавшихся постепенно, а при одновременном массовом переселении. Это можно заключить из того, что поселение согдийцев под Дуньхуаном, как свидетельствует рукопись P-2748, носило первоначально название Аньчэн, букв. «город людей из страны Ань (Бухары)». Нам известен другой пример такого рода — образование согдийской колонии (целой группы селений) выходцами из Самарканда (Кана) близ Лоб-нора, в области Шаньшань (Лоулань), в 627—649 гг. [2, стр. 99—100; 6; 19; 20]. Китайский географический текст IX в. из Дуньхуана рассказывает о приходе сюда Кан Янь-тяня, «великого вождя из царства Кан», который вместе с другими самаркандцами заселил город, основанный при династии Суй и покинутый китайцами после 618 г. «Кан Янь-тянь, великий вождь

[3] Описание этой рукописи и факсимиле см.: Ло Чжэнь-юй [26, тетр. 3] и Ван Чжунминь [25, стр. 115—117].

из царства Кан (Самарканд), пришел на восток и поселился в этом городе. Его сопровождали многие ху (т. е. согдийцы), так что тут стало населенное место, которое также называлось город Тянь-хэ (т. е. „связанные вместе с [Кан Янь]-тянем"). Город со всех сторон окружала песчаная пустыня» [6, стр. 827; 2, стр. 100]. Через некоторое время Кан Янь-тянь основал около г. Тянь-хэ три укрепленных селения, одно из которых именовалось Путаочэн — «Город винограда», что свидетельствует, видимо, о занятиях переселившихся сюда согдийцев [6, стр. 829—830; 2, стр. 100].

Наиболее вероятно, что колония в Цунхуасян возникла в начале VII в., по-видимому вскоре после воцарения династии Тан (618—907), причем в формировании ее основную роль сыграли новые переселенцы из Согдианы, а не потомки старых согдийских колонистов г. Дуньхуана.

Наиболее поздний из известных до сих пор текстов, в которых упоминается селение Цунхуасян, датирован 759 г. (фрагмент Р-3952). После периода тибетского завоевания (781—850), когда в Дуньхуанском уезде были восстановлены китайские административные единицы, в документах встречаются все прежние названия селений, кроме Цунхуасян.

По-видимому, сложная политическая обстановка в середине VII в. в самой Согдиане, а также ослабление позиций Китая в Центральной Азии и вторжение тибетцев способствовали тому, что во второй половине VIII в. колония распалась. Наиболее сильные семьи либо вернулись на родину, либо рассеялись в пределах территории, находившейся под уйгурским влиянием, а какая-то часть их потомков, попав в китайские буддийские монастыри, в конце концов растворилась среди китайцев.

Материалы, проанализированные Икэда Он, позволяют составить некоторое представление об интенсивности происходившего в колонии процесса смешения согдийцев с китайским населением. Первое время согдийцы, по-видимому, сравнительно хорошо сохраняли свойственные им обычаи, язык и верования, жили обособленно и в пределах одного селения. Показательно, что из 620 человек, которые зарегистрированы в «Книге повинностей» для четырех других селений Дуньхуанского уезда, согдийские «фамилии» (Ань, Кан и др.) носили только трое. Очень редки согдийские фамилии и в других документах этого периода, в частности в подворных списках. В документах же конца VIII — первой половины IX в., касающихся других селений уезда, согдийские фамилии встречаются довольно часто, но абсолютное большинство их носителей имеет уже только китайские имена. Это, по-видимому, та часть жителей колонии в Цунхуасян, которая рассеялась во второй половине VIII в. по китайским селениям уезда.

Некоторые дополнительные сведения о селении Цунхуасян и о потомках этих согдийцев можно почерпнуть из материалов Дуньхуанского фонда Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Среди них имеются, например, два небольших, непосредственно не соединяющихся, фрагмента одного свитка, с печатями Дуньхуанского уезда. Первый из этих кусков (фрагмент Дх-1282-б) состоит из 7 неполных строк с перечнем 38 лиц, среди которых есть три согдийские фамилии с китайскими именами (Кан Чжи-хуай, Хэ Шэньцао и Хэ Лян-лян). Второй фрагмент (Дх-3127-б) в правой своей части (строки 1—5) сохранил 14 китайских фамилий, после которых, по-видимому, начинался новый раздел документа. Он касается непосредственно интересующей нас колонии, но, к сожалению, сохрани-

лось только три неполных строки, которые содержат следующие сведения:

[Цун] хуасян. Всего сена 1.514 связок (копен?)

. . . . . 63 связки (копны?) . . . . .

. . . . . Хэ Чжань-на (?) -эр . . . . .

Ориентировочно (по буддийскому тексту на обратной стороне листа) этот документ должен быть датирован IX—XI вв. [1, стр. 513, № 1330], так как печать, которыми обычно скреплялись в месте склейки листов официальные документы, стоит поверх буддийского текста. Однако по имеющемуся у нас другому документу, который касается переписи земельных участков, датируется не позднее 763 г. и написан тем же почерком, следует названные выше фрагменты считать близкими к этой же дате, т. е. к тому времени, когда Цунхуасян исчезает из дуньхуанских документов.

Кроме того, в нашей коллекции имеется фрагмент подворного списка 737 г. (Дх-3851), который относится к переписи одной из деревень уезда Чжанъе. В этом документе зарегистрирован участок земли, принадлежавший выходцу из Кабудана — Цао Чжи-ши-би. Расположен он был на расстоянии 100 ли к северу от городской стены уездного города.

Из других дуньхуанских материалов, в которых нередко встречаются фамилии Кан, Ань, Ло и другие, можно назвать группу документов «чжуаньте» — циркулярных предписаний общин при буддийских монастырях. Они довольно многочисленны и имеются как в Ленинградской коллекции, так и в дуньхуанских фондах Британского музея и Национальной библиотеки в Париже.

Документы буддийских общин и монастырей представляют собой богатый источник для изучения жизни селений Дуньхуанского уезда, местное население которого (в частности, и потомки согдийцев) вовлекалось в непосредственный контакт с существовавшими там буддийскими монастырями [4]. В хранящейся, например, в коллекции А. Стейна в Британском музее рукописи S-542y [5] зарегистрированы лица, выполнявшие различные работы при дуньхуанских монастырях. Среди них есть некоторое количество лиц с согдийскими фамилиями, работающих по ремонту складских помещений, пастухами, плотниками, а также прислужниками при монастырских наставниках и т. п. Несомненно, что дальнейшее исследование таких документов позволит существенно пополнить наши представления о жизни и быте согдийцев в оазисах Восточного Туркестана, о статуте согдийских колоний, их структуре, занятиях их жителей и значении этих поселений для культурного развития как народов Центральной Азии, так и самого Китая [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьева-Десятовская М. И., Гуревич И. С., Меньшиков Л. Н., Спирин В. С., Школяр С. А., Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии, под ред. Л. Н. Меньшикова, вып. I, М., 1963.
2. Кляшторный С. Г., Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.

[4] Известно, что в Дуньхуане в 713 г. насчитывалось 17 монастырей, в которых жили 1086 монахов и монахинь [5, стр. 8]. Более подробные сведения о количестве монастырей и монахов позднее см. в работе Фудзиэда Акира [34].

[5] Фудзиэда Акира датирует эту рукопись 806 г. [33, стр. 267].

[6] Считаю своим долгом принести глубокую благодарность д-ру филол. наук В. А. Лившицу за консультации по истории согдийской колонизации и исследованиям заимствований из согдийского языка в китайский.

3. Bailey H. W., Madu, a contribution to the history of wine, — «Silver jubilee volume of the Zinbun-Kagaku-Kenkyusyo», Kyoto, 1954, стр. 1—11.
4. Chavannes Ed., Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux, SPb., 1903 («Сборник трудов Орхонской экспедиции», вып. VI).
5. Gernet J., Les aspects économiques du Bouddhisme dans la société Chinoise du V-e au X-e siècle, Saigon, 1956.
6. Giles L., A Chinese geographical text of the ninth century, — BSOS, 1930, vol. VI, pt 4, стр. 825—846.
7. Henning W. B., A Grain of Mustard, — «Annali di Instituto Orientale di Napoli. Sezione linguistica», t. VI, 1965, стр. 29—47.
8. Henning W. B., Mitteliranisch, — «Handbuch der Orientalistik», 1. Abteilung, 4. Band: Iranistik I. Abschitt: Linguistik, Leiden — Köln, 1958, стр. 20—130.
9. Henning W. B., Persian poetical manuscripts from the time of Rūdakī, — «A Locust's leg. Studies in honour of S. H. Taqizadeh», London. 1962, стр. 89—104.
10. Henning W. B., Sogdian loan-words in New Persian, — BSOS, 1939, vol. X, pt 1, стр. 93—106.
11. Henning W. B., The Sogdian texts of Paris, — BSOAS, 1946, vol. XI, pt 4, стр. 713—740.
12. Henning W. B., The date of the Sogdian Ancient Letters,— BSOAS, 1948, vol. XII, pt 3—4, стр. 601—615.
13. Hermann A., Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike, Leipzig, 1939.
14. Herrmann A., Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien, Berlin, 1910.
15. Herrmann A., Historical and commercial atlas of China, Cambridge Mass., 1935.
16. Laufer B., Sino-Iranica: Chinese contributions to the history of civilization in Ancient Iran, with special reference to the history of cultivated plants and products, Chicago, 1919 («Field Museum of Natural History Publications», 201. Anthropological series, vol. 15, № 3).
17. Miller R. A., Accounts of Western Nations in the history of the Northern Chou Dynasty, Berkley— Los Angeles, 1959 («East Asia Studies». Institute of International Studies, University of California. Chinese dynastic histories translations. № 6).
18. Nishimura Genyu, Study of the Tun-Huang Ch'a-K'o-pu of the T'ang Period. Chinese Fragmentary Manuscripts of Social and Economical system in the T'ang Era unearthed from Tunhuang and Turfan. The Research society of Central Asian Culture, — «Monumenta Serindica», Hozokan, Kyoto, 1960. vol. 3, стр. 19—23.
19. Pelliot P., Le «Cha tcheou toutoufou t'ou king» et la colonie sogdienne de la région du Lob Nor. — JA, 1916, vol. VII, стр. 111—123.
20. Pulleyblank E. G., A Sogdian colony in Inner Mongolia, — TP, 1952, vol. 41, стр. 317—356.
21. Reichelt H., Die sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums, T. II. Die nicht-buddhistischen Texte, Heidelberg, 1931.
22. Schafer E. H., The Golden Peaches of Samarkand. A Study of T'ang exotics, Berkeley and Los Angeles, 1963.
23. Yule H., Cathay and the way thirther. New edition revised... bv H. Cordier, vol. I—IV, London, 1915—1916 («The Hakluyt Society», second series, № 33, 37, 38, 41).

24. Ван Юн-син, *Дуньхуан тандай чакэбу каоши,* — «Лиши яньцзю», Пекин, 1957, № 12, стр. 71—100.
25. Ван Чжун-минь, *Дуньхуан гуцзи сюйлу,* Пекин, 1958.
26. Ло Чжэнь-юй, *Минша шиши ишу,* тетр. 1—4, Киото, 1913.
27. Икэда Он, *Хассэйки накаба-ни окэру тонкō-но согдодзин сюраку,* — «Юрāсиа бунка кэнкю», Саппоро, 1965, № 1, 49—92.
28. Исида Микиносукэ, *Тэмпō дзюсай-но тэйсэки-ни миюру тихō-но сайики-кэй дзюмин-ни цуйтэ,* — сб. «Кāто хакӯси канрэки кинэн тоё-си сюсэцу», Токио, 1941, стр. 83—92.
29. Наба Тосисада, *Сэйси-ни кисайсэрарэтару дайтō тэмпō дзидай-но косӯ то кōсӯ то-но канкэй-ни цукитэ,* — «Рэкиси то тири», 1934, т. 33, № 3, стр. 227—242; № 4, стр. 303—319.
30. Нисимура Гэнъю, *Тōдай тонкō сакабō-но кэнкю,* — «Сайики бунка кэнкю», Киото, 1960, т. 3, стр. 375—466.
31. Согабэ Сидзуо, *Киндэнхō то соно дзэйякӯ сэйдо,* — «Дай нихон юбэнкай кōданся», Токио, 1953, стр. 326—334.
32. Судзуки Сюн, *Тōдай-но тэйтю-сэй-но кэнкю,* — «Сигаку дзасси», Токио, 1935, т. 46, № 9, стр. 88—93.
33. Фудзиэда Акира, *Тōбан сихайки-но тонкō,*— «Тōхō гакухō!» Киото, 1961, т. 31, стр. 291.
34. Фудзиэда Акира, *Тонкō-но сōни-сэки,* — «Тōхō гакухō», Киото, 1959, т. 29, стр. 285—336.

Е. И. Кычанов

ТАНГУТЫ И ЗАПАД

До сих пор все основные сведения о прошлом тангутского народа мы черпаем преимущественно из китайских источников. Поэтому, несмотря на то что взаимоотношения тангутов и тангутского государства с Китаем действительно были важнейшим фактором жизни тангутского общества, именно китайская информация делает наши представления о связях тангутов с соседними народами односторонними, обращенными прежде всего на Восток. Но тангутское государство находилось как раз между Китаем, с одной стороны, и территорией уйгуров (современный Синьцзян) и Тибетом — с другой. Тангутский поэт XII в. так определял положение своей страны:

Тибетец, китаец и ми[1] — у всех троих мать одна,
Несходство речей у них — раздельность земель дала.
На западе дальнем стоит край высокий Тибет,
И в этом тибетском краю — тибетские знаки письма.
На крайнем востоке лежит в низинах страна Китай,
И в этой китайской стране — китайские знаки письма.

[11, 1, стр. 80]

В тангутском первоначальном учебнике письма, пышно озаглавленном «Вновь собранные крупинки золота на ладони», автор говорит своим ученикам о соседях тангутского государства следующее:

Тангуты идут смело и бодро,
Кидани шагают медленным шагом,
Тибетцы много чтут Будд и монахов,
Китайцы все любят светскую[2] литературу,
Уйгурцы пьют кислое молоко,
Шаньгхо очень любят есть гречиху.

[1, стр. 10—11]

В этом перечне остается неясным наименование «шаньгхо», очевидно как раз западных соседей тангутов. Думается, что по аналогии со всеми предыдущими этнонимами эти знаки также употреблены фонетически, хотя их значение вполне может быть переведено как «владыки гор». Под схожим названием из китайских источников нам известны Шаньго 善国 в Южной Индии [10, 2, стр. 1075], упоминание которого в данном контексте маловероятно, и государство Шаньшань 善善 находившееся на территории современного Синьцзяна, район г. Шань-

[1] Ми — самоназвание тангутов.
[2] Букв.: «вульгарную», «глупую».

шань [10, 11, стр. 338]. Однако на землях Шаньшань «было много песков и солончаков и мало воды и травы» [17, 50, стр. 259]. Это не исключает, но в значительной мере делает уязвимой трактовку Шаньшань как исключительно земледельческого народа — «очень любят есть гречиху», в противоположность скотоводам-уйгурам, питающимся кислым молоком. Поэтому можно допустить, что речь в цитированном выше описании из тангутского первоисточника идет об округе Шаньчжоу, который находился на территории современного уезда Синин [10, 11, стр. 338], округе, соседнем с Ся, не входившем в состав тангутского государства до 1136 г., принадлежавшем тибетцам северо-востока и располагавшем плодородными землями в долине р. Синин. В любом из двух последних случаев — Шаньшань или Шаньчжоу? — упоминаемое в тангутском тексте Шаньгхо находилось к западу или юго-западу от тангутского государства, а его население, уйгуры или восточные тибетцы соответственно, было преимущественно земледельческим.

Заселяя Ордос и смежные области к северу и западу от р. Хуанхэ, тангуты встретились там с тюркскими народами — походы тюркских каганов против тангутов [8, стр. 16, 20] — и согдийскими колониями, сосредоточенными по важнейшим торговым путям [4, стр. 93—94]. Через заселенную тангутами территорию проходил знаменитый «Шелковый путь» и так называемая «Дорога ветров» [4, стр. 100—101]. Этими путями традиционно осуществлялись торговые и дипломатические связи Китая с Западом. В 1035—1036 гг. этим путем последний раз следовало посольство из Индии в Китай. Это посольство из девяти человек во главе с буддийским монахом Шань Чэном, видимо, достигло столицы Сун г. Бянь (Кайфын) зимой 1035/36 г. Путь посольства пролегал через Среднюю Азию (государство Даши), современный Синьцзян (округ Сичжоу) и Ордос (округ Сячжоу). Когда в мае 1036 г. посольство возвращалось обратно, оно было задержано в Сячжоу тангутским государем Юань-хао. Это в конечном итоге привело к прекращению связей Китая с Западным краем сухопутным путем [3, 6, стр. 9б].

Однако главной причиной заброшенности старых путей была не задержка посольства из Индии, а те войны, которые вели тангуты на западе в XI в. Первыми в этой серии войн были войны тангутов с уйгурами. Ганьчжоуское уйгурское ханство сложилось во второй половине IX в. [9, стр. 1—26]. И, видимо, с этого же времени возникла тангутско-уйгурская вражда: «Тугухуньцы, шато и дансяны (тангуты. — *Е. К.*), — сообщается в китайской энциклопедии «Цэ фу юань гуй», — из поколения в поколение находились в кровной вражде с уйгурами» [16, стр. 2976]. В 1001 г., когда тангуты вели с сунским Китаем борьбу за право существования тангутского государства, уйгуры предложили китайцам союз в войне с тангутами [14, 490, стр. 3822]. Это положило начало ряду кровопролитных тангутско-уйгурских войн, длившихся всю первую треть XI в. Заключив в 1006 г. мир с Китаем, тангуты начали активное наступление на Запад. Большие походы 1008 и 1009 гг. окончились для тангутов поражением их армий [14, 490, стр. 3822]. «Враг напал ночью на войско Тангута (а это управляемая область вблизи ас-Сина (Китая), в сильный холод, чтоб оно не нашло победы. Затем насмеялся над ним, так что пригнал их конницу и пехоту в подарок нам. И (тот) [тангут] опустил свою голову перед тем, что вытерпел от испытаний» [5, стр. 258]. Летом 1028 г. тангуты возобновили наступление на уйгуров. На этот раз уйгуры потерпели сокрушительное поражение. Тангуты овладели Лянчжоу и Ганьчжоу [14, 485, стр. 3786]

В 1036 г. войны завершились присоединением к тангутскому государству округов Сучжоу, Шачжоу и Гуачжоу [14, 485, стр. 3786]. Отныне границы Ся расширились на запад вплоть до Хамийского оазиса.

Одновременно на всем протяжении XI в. тангуты вели частые войны со своим юго-западным соседом — восточно-тибетскими племенами. Здесь в районе озера Куку-Нор и г. Синина появилось могущественное объединение восточнотибетских племен во главе с Цзюэсыло. В 1035 г. тангутская армия, возглавляемая лично государем Юаньхао, вторглась во владения Цзюэсыло. Тангуты осадили ряд городов и разгромили тибетские войска под командованием Аньцзыло [14, 485, стр. 3786]. Одержав эту победу, Юань-хао перенес военные действия дальше на запад против уйгуров Гуачжоу и Шачжоу, а для продолжения борьбы с тибетцами оставил лишь незначительные силы. Тибетцы быстро собрали новые войска и разбили тангутов при переправе через р. Цзунгэ [14, 492, стр. 3838]. Однако война вызвала внутренние трудности во владениях Цзюэсыло. Два его сына, Мачжаньцзюэ и Дунчжань, откололись от отца и объявили себя независимыми правителями. В 1063 г., воспользовавшись раздорами среди тибетцев, тангуты заняли район Ланьчжоу [3, 13, стр. 9б]. В конце XI в. китайцы активизировали свою политику в районе Куку-Нора. В итоге к 1117 г. многие «земли Цзюэсыло стали сунскими областями и уездами» [3, 22, стр. 19а]. Однако после разгрома северной Сун чжурчжэнями тангуты в 1136 г. «присоединили район Синина к своему государству» [15, 34, стр. 16а—16б].

На всем протяжении войны чжурчжэней с киданями тангуты старались оказать посильную поддержку киданям, с которыми правящий род Ся был связан родственными узами. Когда киданьское государство было уже на краю гибели, в 1124 г. один из членов киданьского императорского дома, Елюй Даши, ушел с частью армии и беженцев на север и закрепился в крепости Кэдунь на р. Орхон. Отсюда он вступил в контакт с тангутами, предлагая им начать совместную борьбу с чжурчжэнями. Но тангуты не решились на открытый разрыв со своими новыми соседями и не смогли помочь Елюй Даши [7, 30, стр. 114]. В 1129 г. Елюй Даши двинулся на запад и закрепился в Семиречье, основав там новое кара-китайское государство. Чжурчжэни получили какие-то сведения о переговорах кара-китаев с тангутами. Они обратились к тангутскому государю Цянь-шуню с запросом по этому поводу, но последний довольно резко ответил: «Мое государство не граничит с землями Хэчжоу (западные районы Синьцзяна. — *Е. К.*), и я не знаю, где находится Елюй Даши» [15, 34, стр. 10б.].

Поддерживали ли в дальнейшем тангуты какие-то контакты с кара-китаями — нам не известно. Но думается, что отсутствие торговых и политических связей тангутского государства со своими западными соседями было бы противоестественным. Мы лишь не имеем пока сведений об этих связях. Например, возможным отзвуком таковых были какие-то тангутско-кереитские отношения, отрывочные сведения о которых дошли до нас в более поздних источниках. Вероятным их началом были родственные отношения тангутского правящего дома с Кэрабэтаем (Керандаем), братом главы племени кереитов Он-хана. Кэрабэтай в детстве попал в плен к тангутам, поступил на тангутскую службу и дослужился до высокого поста правителя области с титулом Джакамбу. Одна из его дочерей стала женой государя тангутов [13, стр. 109]. Позднее, когда в среде самих кереитов возникли распри, убежище в тангутском государстве нашел Гур-хан, дядя Он-хана [13, стр. 110], а затем к тангутам бежал и сам Он-хан, преследуемый най-

манами [13, стр. 110]. Нам кажется, что тот факт, что кереитские ханы искали приюта у тангутов, позволяет предполагать постоянные и дружественные отношения между тангутами и кереитами.

Связи тангутов с племенами запада и северо-запада были достаточно тесными, ибо у этих народов тангуты нашли поддержку и в свои самые черные дни. Отказавшись участвовать в походе Чингиз-хана на запад и получив от последнего обещание уничтожить тангутское государство, как только он вернется из западного похода, тангуты встали перед необходимостью подготовки к войне. Нужно было искать себе союзников. И любопытно, что тангуты искали их не только на востоке, заключив в 1224 г. мир с чжурчжэнями, но и на западе и северо-западе, среди уже подчиненных Чингиз-ханом племен. Тангутские посольства спешно направляются к племенам, обитавшим к «северу от песков» [15, 42, стр. 1а]. Речь могла идти или о племенах на территории Монголии, живших к северу от пустыни Гоби, таких, как кереиты или найманы, только недавно подчиненные Чингиз-ханом, или о племенах, живших на территории современного Синьцзяна, к северу от пустыни Такламакан, как полагал Х. Д. Мартин [20, стр. 210—211]. Это была смелая попытка организовать военный союз в тылу армий Чингиз-хана, воевавших далеко на западе. Примечательно, что попытка эта увенчалась успехом. Если не все, то часть племен, живших к «северу от песков», обещали свою помощь тангутам [15, 42, стр. 1а]. Об этой договоренности стало известно Чингизу, и именно это, в числе прочих причин, побудило его срочно возвратиться на родину. «Чингиз-хан, — сообщает Джувейни, — решил возвратиться из Пешавара к себе домой; и причиной для столь поспешного возвращения было то, что китаи и тангуты, воспользовавшись его отсутствием, производили беспокойства и вызывали колебания между подчиненными и мятежи» [19, стр. 139]. Свидетельство Джувейни важно не только как подтверждение сведений китайского источника, но и как указание на то, что тангутам в их деле помогали китаи (кидане), видимо те, которые продолжали жить на своих землях после гибели Ляо. Союзники как могли сдержали свое слово. Весной 1226 г. в первом сражении последней монгольско-тангутской войны у стен Эдзина (Хара-Хото) вместе с тангутскими войсками сражались сали, теле и чиминь [3, 28, стр. 7б]. Вместе с тангутами они разделили всю горечь поражения.

В 1227 г. тангутское государство перестало существовать. Те из тангутов, которые уцелели и попали потом на монгольскую службу, видимо, бывали очень далеко от своих родных мест. Хорошо известно, что один из них, Сили Кяньбу, вместе с войсками Бату-хана участвовал во взятии Рязани [18, 122, стр. 916].

Таков сжатый обзор сведений, которыми мы располагаем на сегодня о связях тангутов с западом. Это были мирные и не мирные контакты, основной сферой которых являлась территория Северо-Восточного Тибета, современного Синьцзяна и Юго-Западной Монголии. Эти контакты играли важную роль в жизни Си Ся. Западные соседи поддерживали тангутов и политически. В 1038 г., принимая титул императора, тангутский государь Юань-хао в письме к императору Сун писал, что тибетцы, татары и уйгуры Турфана «были недовольны, когда я называл себя ваном, и охотно подчинялись мне, когда я титуловался императором. Неоднократно собирались они и все настаивали, чтобы мой титул был поднят в соответствии с моим положением» [14, 485, стр. 3786].

Пока мало раскрыто и то влияние, которое оказали западные соседи на тангутскую культуру. Еще акад. С. Ф. Ольденбург указал на

влияние уйгурской манеры письма в ряде образов тангутской буддийской живописи [12, стр. 40, 71]. Известно, что уйгурские монахи оказали тангутам помощь в переводе текстов буддийского канона на тангутский язык [3, 11, стр. 9а]. Одновременно специалисты отмечают, что большая группа икон из Хара-Хото «характеризуется близостью в иконографии и в художественно-стилистических особенностях с буддийской школой ваджраяна, распространенной в Восточной Индии, Непале и Тибете (плоская трактовка изображений и заполнение контуров контрастными цветами)» [2, стр. 60]. Синкретизм, свойственный во многом тангутской культуре вообще [2, стр. 61], особенно проявился в культе небесных светил, где западное влияние было весьма ощутимым. «В синкретическом облике божеств планет в иконографии Хара-Хото, — писала С. М. Кочетова, — мы видим, что содержание образов некоторых светил явно греческое, а внешний облик либо индийский, либо китайский, либо смешанный» [6, стр. 501].

Как и всякое взаимодействие культур, таковое, естественно, не могло быть односторонним. Известно, например, что, когда Чингиз-хан выбирал музыку для сопровождения придворных церемониалов при монгольском дворе, он остановил свой выбор именно на тангутской музыке [18, 68, стр. 523].

К сожалению, в чрезвычайно интересной проблеме связей тангутов с Западом многое пока нам недоступно. Нужен разносторонний и тщательный анализ уже известных материалов, нужны новые сведения, как из источников тангутских, так и из письменных памятников соседних с тангутами народов. Говорить же об изучении памятников культуры материальной в настоящее время пока очень затруднительно. Собранный П. К. Козловым в Хара-Хото материал почти весь относится к более позднему, монгольскому времени. Но и здесь положение не представляется совершенно безнадежным. Более тщательное изучение материальной культуры тангутов позволит в будущем выделить и определить ее элементы в памятниках иных культур, в частности в памятниках монгольской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Вновь собранные крупинки золота на ладони». Тангутский фонд ЛО ИВАН СССР. инв. № 741 [на тангутском яз.].
2. Грек Т. В., Дьяконова Н. В., Кречетова М. Н.,Лубо-Лесниченко Е. И., Рудова М. Л., Изучение памятников тангутской культуры из Хара-Хото в Эрмитаже, — «Государственный Эрмитаж, 1764—1964», Тезисы докладов на юбилейной научной сессии, Л., 1964.
3. Дай Си-чжан, *Си Ся цзи,* Пекин, 1924 [на кит. яз.].
4. Кляшторный С. Г., Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.
5. «Книга свода тюркских наречий», Стамбул, 1914 [на араб. яз.]. (Автор пользовался переводом с арабского, любезно предоставленным ему К. Б. Старковой, за что приносит ей сердечную благодарность.)
6. Кочетова С. М., Божества светил в живописи Хара-Хото, — «Госэрмитаж, Труды отдела Востока», Л., 1947, т. IV.
7. *Ляо ши,* изд. «*Сы бу бэйяо*», Шанхай, 1936 [на кит. яз.].
8. Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959.
9. Малов С. Е., Памятники древнетюркской письменности уйгур в Ганьчжоу,— «Сигаку дзаси», 1962, т. 71, № 10 [на яп. яз.].
10. Морохаси Тэцудзи, *Дай кан-ва дзитэн* [на яп. яз.].
11. Невский Н. А., Тангутская филология, исследования и словарь в двух книгах, М., 1960.
12. Ольденбург С. Ф., Материалы по буддийской иконографии Хара-Хото (образца тибетского письма), — в кн. «Материалы по этнографии России», т. II, СПб., 1914.

13. Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, пер. с персидского О. И. Смирновой, М.—Л., 1952.
14. *Сун ши,* изд. «*Сы бу бэйяо*», Шанхай, 1936 [на кит. яз.].
15. У Гуан-чэн, *Си Ся шу ши,* Пекин, 1935 [на кит. яз.].
16. *Цэ фу юань гуй,* Пекин, 1960 [на кит. яз.].
17. *Чжоу шу,* изд. «*Сы бу бэйяо*», Шанхай, 1936 [на кит. яз.].
18. *Юань ши,* изд. «*Сы бу бэйяо*», Шанхай, 1936 [на кит. яз.].
19. Ata-Malik Juvaini, The History of the World Conqueror, translated from Persian by An. Boyl, Manchester, 1958.
20. Martin H. D., The Mongol Wars with Hsi-Hsia (1205—27), — JRAS, 1942, pt 3—4.

А. М. Мандельштам

К ДАННЫМ АЛ-БИРУНИ О ЗАКАСПИИ

Среди дошедших до нас сочинений ал-Бируни важное место занимает Масудов «Свод», который уже давно известен по рукописям, но издан полностью лишь в 1955 г. [4][1]. Он может быть с правом назван своего рода энциклопедией астрономической географии XI в.: здесь, в частности, собраны и систематизированы в виде таблиц по климатам данные о положении основных пунктов различных стран и областей, охватывающие почти всю известную тогда часть Азии.

Содержание свода и ряд прямых указаний в тексте свидетельствуют о том, что автор не только использовал весь обширный фактический материал, накопленный в астрономической и географической литературе двух предшествующих столетий, но и дополнил его новыми данными, почерпнутыми из иных источников. В числе их не последнее место занимают его личные наблюдения.

Метод определения координат, подробно изложенный в этом же труде, сводится к математическим расчетам по данным о расстояниях отдельных пунктов друг от друга и о их взаимном расположении. Исходными для построения топографической схемы служили города, положение которых точно установлено путем непосредственных астрономических измерений, но число их весьма ограничено.

Значительное место в таблицах занимает территория Средней Азии, особенно хорошо известная автору: о ней мы находим здесь некоторые интересные сведения, отсутствующие в трудах арабских географов предшествующего времени. Особенно важно то, что в большинстве своем это касается пунктов, расположенных за пределами подвластных халифату областей — в отдельных случаях даже вообще не отмеченных в других источниках.

Специальное исследование этого раздела еще не производилось, хотя отдельные части его уже давно использовались в различной связи, и в частности для локализации некоторых городов и уточнения торговых путей. Такое исследование сопряжено со значительными трудностями: разнообразие использованных ал-Бируни источников, различный их характер, разная степень достоверности содержащихся в них фактических сведений, наконец сам метод расчетов — все это заставляет осторожно подходить к большинству цифровых данных. К тому же необходимо учитывать и искажения, внесенные в ряде случаев переписчиками рукописей. Наиболее рациональным путем анализа среднеазиатского раздела свода, видимо, следует считать тот, который

[1] Публикация отдельных разделов была дана несколько ранее З. Валиди Тоганом [3].

определяется самой методикой ал-Бируни, т. е. выделение отдельных групп пунктов, вероятно «привязанных» к точно локализованным по астрономическим измерениям.

Такой подход возможен, в частности, применительно к сведениям свода о Закаспии (точнее, всей западной части современного Туркменистана), которые полнее тех, которые дают нам географы IX—X вв. Соответствующие пункты отнесены автором частично к четвертому, а частично к пятому климату; выборка данных о них наиболее удобно может быть представлена в виде нижеследующей таблицы:

Наименование пункта	Долгота	Широта	Наименование области
	Четвертый климат		
Дахистан	81°10′	38°10′	Джурджан
Ниса на границе пустыни	83°30′	37°40′	Хорасан
Абиверд	84°00′	37°25′	»
Сарахс	85°00′	36°40′	»
Данданакан	86°20′	37°00′	»
Мерв ал-шахиджан	86°30′	37°40′	»
	Пятый климат		
Гора Ян. х. шлаг Гавань гузов *	77°00′	50°00′	[страна] хазар
Ял. хан—развалины в[месте] прекращения русла Джейхуна в направлении к Ирканийскому морю — а оно Джурджанское	73°00′ 82°45′	40°00′ 39°25′	[страна] гузов »
Рабат Фарава ** на границе с гузами М. ял. ха***—в середине пустыни между Нисой и Хорезмом	83°15′	40°15′	Хорезм

* جبل ينحشلاع فرضة الغزنة Последнее слово здесь несомненно следует читать الغزية: соответствующие искажения названия «гузы» встречаются и в других местах свода. В названии горы последняя буква бесспорно должна рассматриваться как «гайн»: точка опущена переписчиком. Тут, очевидно, следует видеть две фразы с опущенным союзом.

** В тексте издания стоит الغزاوه — обычное искажение этого названия.

*** Текст издания дает ميالخه без огласовки.

Последовательность перечня пунктов четвертого климата полностью соответствует действительности. Сравнительно точными являются также величины широт последних пяти из них, местоположение которых вполне определенно устанавливается по другим сведениям. Однако долготы уже при самом первом сопоставлении оказываются совершенно неверными, даже в приведенном к современной сетке виде. В этом легко убедиться, если разместить указанные пункты на карте, взяв за исходный Нису. Последнее правомерно вследствие того, что относительная правильность ее координат может быть показана путем сопоставления их с координатами Джурджании, даваемыми ал-Бируни на основе астрономических измерений: расстояние между ними по долготе весьма близко к действительному [2].

Такая графическая схема показывает, что Абиверд помещается примерно на 1° западнее истинного его положения, Сахарс почти на

[2] Пересчет координат Нисы, исходя из таковых Джурджании, совмещенной со Старым Ургенчем, дает величины, локализующие ее достаточно близко от Багира.

1°30′, а Мерв — не менее чем на 40′. Вполне естественно, что данное положение исключает возможность использовать указанную в своде долготу для уточнения положения того единственного пункта этой группы, местонахождение которого по другим источникам остается не вполне ясным — Дахистана. Однако, учитывая относительную правильность величин широты для остальных городов рассматриваемой группы, мы вправе полагать, что это же действительно и для последнего. Тогда мы получаем дополнительное свидетельство в пользу правильности общепринятой локализации его в Мешхеди Мисриане.

Но значительно больший интерес представляют пункты, указанные в пределах пятого климата. Каждый из них заслуживает специального рассмотрения.

Вполне очевидно, что Ян·х·шлаг — это не что иное, как Мангышлак, с которым связан ряд важных, но плохо освещенных источниками эпизодов ранней истории туркмен. Современное название его, как известно, впервые появляется у Махмуда Кашгарского; поскольку этот автор был знатоком тюркских языков и наречий, сомневаться в правильности передачи им фонетики не приходится. Масудов «Свод» ал-Бируни еще раз свидетельствует о том, что, во всяком случае, какой-то близкий вариант данного наименования существовал уже не менее чем за 40 лет до составления *Диван лугат ат-турк*. Поскольку в *Худуд ал-алем* встречается только Сияхкух [1, стр. 5б], можно полагать, что появление его или, точнее, распространение должно быть отнесено к промежутку времени между 990 и 1030 г.

Мы, к сожалению, не имеем возможности установить, является ли начальная гласная в дошедшем до нас тексте «Свода» изначальной или же следствием искажений, внесенных переписчиками. Не следует забывать о том, что могло иметь место изменение или переосмысление названия в результате каких-то конкретных событий (прежде всего, появления здесь новых групп пришельцев). Но тут, по всей видимости, решающим является название, фигурирующее у ал-Макдиси — Бинкишла [3], которое дано с огласовкой. Учитывая его, видимо, следует считать, что и у ал-Бируни первоначально стояла «ба».

Чередование б/м в тюркских языках известно, а в данном случае наличие начального «б», видимо, может считаться свидетельством в пользу гузской принадлежности рассматриваемого названия.

Даваемая аль-Бируни форма названия отличается от приведенной Махмудом Кашгарским также по третьей и конечной буквам. В обоих случаях трудно допустить искажение, внесенное переписчиками, — против этого говорит специфика графики; кроме того, конечный «гайн» имеется и у Якута (IV, 670). Может, здесь следует предполагать различия, обусловленные принадлежностью к разным говорам. Однако эти вопросы, естественно, должны решаться лингвистами.

Из текста свода явствует, что под Ян·х·шлаг'ом ал-Бируни подразумевал не полуостров, как таковой, а расположенные на нем горы; в этом плане его понимание отлично не только от современного, но и от того, которое мы встречаем у Ибн ал-Асира и Якута. Из этого можно сделать заключение, что уже на протяжении XI в. рассматриваемое наименование в смысле употребления его проделало известную эволюцию: сперва оно прилагалось к горам, известным ранее как Сияхкух, а затем и к какому-то укрепленному поселению (видимо, возникшему уже после 1030 г., поскольку оно не упомянуто ал-Бируни). С какого

---

[3] بنقشلاه [2, стр. 355].

времени начали употреблять его для всего полуострова — остается еще неясным.

Откуда почерпнул ал-Бируни свои сведения о Мангышлаке, нам неизвестно, но в какой-то мере об этом можно судить по приведенным им координатам. Они даны в круглых цифрах без указания минут, что уже само по себе свидетельствует о неточности, и весьма значительно отличаются от истинных. Последнее действительно не только для долготы (беря ее здесь с пересчетом по долготе Ургенча), но и для широты. Мангышлак в соответствии с ними попадает далеко на север от Каспийского моря. В связи с этим становится понятным странный на первый взгляд факт, что в таблице свода он помещен в страну хазар [4].

Такое положение позволяет прийти к заключению, что ал-Бируни использовал только какие-то расспросные сведения, которые содержали лишь весьма неточные указания относительно направления и длительности пути. Но тут следует учитывать и другой момент: обусловленную естественными условиями разницу размера дневного перехода в оазисах и в пустынных, изобилующих песками местностях. Она также могла быть причиной значительных ошибок при расчетах.

Второй пункт, относящийся к пятому климату, сразу же привлекает к себе особое внимание: тут в равной степени интересно как само название, так и пояснение к нему. Специфика начертания первой буквы дает возможность читать, с равными основаниями, Ялхан и Балхан. Но, очевидно, правильным следует считать именно второе. Как известно, Балхан упоминается ал-Макдиси в известной легенде о происхождении жителей Хорезма от переселенцев с юга [2, стр. 285—286], причем указывается, что это город, некогда существовавший на русле Джейхуна где-то «позади» Нисы. Именно о русле Джейхуна с пояснением, что имеется в виду направление к Каспийскому морю, говорит в своем пояснении и ал-Бируни. Совпадение этих топографических указаний позволяет считать, что в обоих случаях речь идет об одном и том же пункте.

Естественно, сразу же встает вопрос — не является ли Балхан «Свода» заимствованием из сочинения ал-Макдиси, не связанным с реальным знанием какого-то действительного пункта? На первый взгляд это может представиться наиболее вероятным, однако при более тщательном рассмотрении всех имеющихся данных вырисовывается значительно более сложное положение. Следует прежде всего указать, что Балхан упоминается ал-Макдиси и вне связи с Хорезмом — в описании северной окраины Хорасана. При этом здесь указывается, что этот «город за Абивердом» [2, стр. 27].

Далее в изложении легенды говорится, что Балхан находится «позади» Нисы; ниже сообщается, что жители последней и Абиверда бывали в нем и видели там одичавших коров и лошадей. Из всего этого очевидно, что ал-Макдиси и, соответственно, его информаторы представляли себе этот город находящимся где-то недалеко от Нисы и Абиверда. Указания на местоположение «позади» них, конечно, нельзя понимать в смысле «западнее»; это противоречило бы действительности, поскольку на запад от Абиверда лежит Ниса, а на запад от последней — Фарава. Следовательно, тут вернее всего подразумевается северное направление.

---

[4] Поскольку свод составлен около 1030 г., здесь нет необходимости останавливаться на весьма сложном вопросе об известиях Мас'уди и Ибн Хаукаля, в которых Сиях-кух упоминается в связи с событиями, происходившими в Хазарском царстве.

Иная картина наблюдается у ал-Бируни. Если мы сопоставим величины долготы Балхана и Нисы, приведенные в «Своде», то становится очевидным, что по его представлениям интересующий нас здесь пункт располагался далеко на запад не только от Нисы, но и от Фаравы. Далее, указанная им широта достаточно близко (в пределах обычных расхождений) соответствует действительной широте среднего участка Узбоя.

Таким образом, имеются веские основания считать, что сведения о местонахождении Балхана не могли быть заимствованы из текста ал-Макдиси. Передаваемая последним легенда, очевидно, в основе своей связана с узбойским Балханом, но в зафиксированном этим автором варианте уже переносит его куда-то далеко на юго-восток [5]. Здесь могло иметь место, как это часто бывает, переосмысление широко распространенного предания в соответствии с местными представлениями. Узбойский Балхан в свете данных ал-Бируни и отчасти также ал-Макдиси выступает как некая реальность; однако неясно, каково здесь соотношение действительности и легенды. В существовании носящих это название развалин на Узбое, видимо, не приходится сомневаться, но связь их с далеким мифическим прошлым представляется более чем сомнительной: сохранение реальных воспоминаний о постоянном функционировании этого русла, очевидно, исключено. Для локализации их существенное значение имеет пояснение ал-Бируни: в соответствии с ним это та часть Узбоя, где он теряет четкие формы русла. Данное положение наблюдается как раз на западном отрезке средней части, близкой к Балханским горам. Может быть, это были еще сравнительно хорошо сохранившиеся к XI в. развалины античной крепости.

Третий пункт — Фарава, хорошо известный по данным других источников, содержащих такие детали, которые позволяют считать принятую локализацию его у Кизыл-арвата (Парау) твердо установленной. Приведенные в «Своде» координаты — хотя они и даны с точностью до 5′ — как и обычно, сильно расходятся с истинными по долготе, но сравнительно мало по широте (однако больше, чем в случае пунктов, входящих в четвертый климат).

Последний пункт, относящийся к пятому климату, — М·ял·ха̄ не известен в таком написании по другим источникам. Пояснительное замечание автора свидетельствует о том, что его следует искать где-то на полпути между Хорезмом и Нисой. Под Хорезмом, вероятно, следует понимать Ургенч. Не вполне ясная формулировка («...в середине пустыни между...») в настоящем случае может быть уточнена путем привлечения цифровых данных. Широта пункта по таблице составляет 40°15′ и, очевидно, по аналогии с другими, может считаться близкой к истинной. Расстояние между Ургенчем и Нисой по широте равняется 42°17′ — 38°40′ — 3°37′, а половина его соответственно около 1°50′. Если мы прибавим эту величину к широте Нисы или же вычтем ее из широты Ургенча, то получим в обоих случаях приблизительно 40°. Достаточно близкое согласование этих двух величин позволяет считать, что М·ял·ха̄ находился примерно на 40° широты. Долгота, приводимая ал-Бируни, вряд ли правильна, но позволяет помещать этот пункт западнее Нисы. Если обратиться к современной карте, то вероятный район поисков М·ял·ха̄, по-видимому, лежит между изгибом Узбоя и Дарвазой, причем ближе к последней.

---

[5] Ссылки на каких-то лиц, бывших там, и в особенности то, что они якобы видели там одичавший домашний скот, свидетельствуют о попытке найти Балхан в реально существующем заброшенном селении.

Вполне возможно, что данный пункт соответствует рабату Миян-шах, упоминаемому ал-Макдиси в дорожнике из Хорезма в Хорасан, причем так же как лежащий на полпути между ними [2, стр. 344]. Если так, то, учитывая вполне вероятное отражение в названии указанной специфики местонахождения, в М·ял·хā можно бы видеть искаженное переписчиками انخان . Обращает на себя внимание совпадение последнего с Миян-шах по смыслу, но при замене второго элемента на тюркский синоним. Быть может, в данном случае перед нами еще одно свидетельство о распространении тюркской топонимики в Закаспии именно в промежуток с 990 по 1030 г.

Произведенный выше анализ данных Масудова «Свода» о Закаспии показывает, что в них содержатся некоторые интересные сведения, пополняющие наши представления относительно географии этой территории. В первую очередь здесь, естественно, следует выделить все, что касается Мангышлакского полуострова, о котором вообще известно очень мало. Именно последнее обстоятельство обусловливает необходимость тщательного и всестороннего рассмотрения сообщения ал-Бируни с целью извлечь из него максимум: при этом, конечно, многое остается в пределах предположений, требующих для своего подтверждения и проверки каких-то новых материалов.

Благодаря данным ал-Бируни в новом свете выступает вопрос об узбойском Балхане: по-видимому, мы вправе перенести его из области легенд в сферу реальной действительности. Однако приходится признать, что для окончательного решения его имеющиеся данные недостаточны: надо надеяться, что здесь помогут археологические исследования.

Возможность наметить в соответствии с указаниями Масудова «Свода» местонахождение одного из главных промежуточных пунктов на караванном пути из Хорезма в Нису представляется важным исходным моментом для дальнейшего археологического изучения Каракумов.

Для понимания структуры Масудова «Свода» и метода, применявшегося ал-Бируни при обработке исходных материалов, существенны следующие наблюдения, которые могут быть сделаны в связи с изложенным:

1. Во всех случаях, за исключением Нисы, величины долготы оказываются сильно отличающимися от действительных (беря здесь приведенные значения). В то же время величины широты, как правило, близки к истинным: наибольшая ошибка имеется в случае Фаравы, но и она составляет менее 30′.

2. Сравнительная точность долготы Нисы позволяет предполагать, что координаты ее определены не путем обычного расчета по расстояниям и направлениям, а как-то иначе — вероятнее всего, на основе астрономических наблюдений. Соответственно, видимо, к Нисе «привязывались» в топографической схеме все остальные пункты, отнесенные к четвертому климату, а также Фарава, входящая в пятый.

3. «Исходная» точка для определения положения остальных пунктов пятого климата не может быть установлена вполне определенно, но, по всей видимости, ею является Ургенч.

4. В южной группе пунктов обращает на себя внимание известное единообразие расхождений долготы с истинной: они составляют в большинстве случаев около 1°. Чем это обусловлено, остается неясным, но этот момент интересен, поскольку близкое положение наблюдается и в данных свода, относящихся к другим частям Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Худуд ал-'алем.* Рукопись Туманского с введением и указателем В. В. Бартольда, Л., 1930.
2. BGA, III, 1877.
3. Biruni's Picture of the World. Ed. by A. Zeki Validi Togan, Delhi, 1937 («Memoirs of the Archaeological Survey of India», № 53).
4. Abu Rayhan Muhammad ibn Ahmad al-Biruni, Al-Qanun'l-Mas'udi (Canon Masudicus), Hyderabad, 1955.

О. Г. Большаков

ДВА ВАКФА ИБРАХИМА ТАМГАЧ-ХАНА В САМАРКАНДЕ

Социально-экономическая история Мавераннахра XI—XII вв. изучена лишь в самых общих чертах. Рассуждения о развитии тех или иных форм собственности на землю, степени распространения икта при Караханидах и т. п. основываются на аналогиях с Хорасаном и Ираном, потому что письменных источников, происходящих из Мавераннахра этого времени, пока нет. Все, что мы имеем, ограничивается сведениями о политической истории. Нет даже самых скромных описаний городов, которые позволили бы сравнить их состояние в XI—XII вв. с описанным географами X в. Дополнения Кубави к «Истории Бухары» Наршахи являются единственным отрадным исключением.

Мы ничего не знаем о жизненном уровне населения, его заработках, ценах на товары, землю, жилища, почти ничего не известно о курсе денег, ходивших в Мавераннахре. Причиной тому — отсутствие деловых документов, — не сборников грамот и официальной переписки, которая как-то зафиксирована в XII в. [20; 21], а частных документов: актов купли и продажи, завещаний, соглашений о найме рабочей силы, аренде и т. д. До самого последнего времени не было и вакфных документов.

Понятно, какой радостью для всех историков Средней Азии оказалась публикация двух вакфных документов Ибрахима Тамгач-хана, осуществленная К. Каэном и М. Хадром [17]. Оба этих документа извлечены из сборников образцов деловой документации и фетв, служивших учебниками по составлению деловых бумаг и хрестоматиями образцов изящного слога. Последнее обстоятельство в немалой мере способствовало исчезновению имен собственных из приводившихся документов. Но, в общем, средневековые составители сборников подобного рода добросовестно передавали текст включаемых документов и, будучи незаинтересованы в содержании, редко вносили преднамеренные изменения (только в случае расхождения политико-религиозных взглядов авторов документов и составителей сборника могли быть намеренно опущены славословия и т. д.). Поэтому, несмотря на все искажения и пропуски в тексте этих двух актов, появившиеся за несколько веков переписки, их можно рассматривать в целом как вполне достоверные документы.

Издатели ограничились публикацией арабского текста с небольшой текстологической правкой, сопроводив его французским переводом. В этом виде в нем остается много неясностей, предположительных чтений, особенно имен и названий, которые, за редким исключением, встречаются здесь впервые. Потребуется немало усилий, прежде чем кому-либо удастся дать исчерпывающее исследование этих документов. Од-

нако и сейчас эти документы дают нам массу новых сведений (прежде всего, о Самарканде XI в. и о денежной системе того времени), которые мы попытаемся здесь интерпретировать, не давая полного русского перевода.

Первый документ, которым Ибрахим Тамгач-хан учредил госпиталь в Самарканде, относится к середине раджаба 458/ середине июня 1066 г. и заверен кади Абу Насром Мансуром б. Ахмадом б. Исмаилом. Он опубликован по тексту рукописи *Ал-Мухит ал-Бурхани* ибн Маджа. Интерес представляет уже начало с полным титулом Ибрахима: «ал-хакан ал-аджалл, ас-саййид, ал-малик ал-музаффар, ал-му'аййад ал-ʿадл, имад ад-дин ва-д-даула, тадж ал-милла, ʿизз ал-умма, кахф ал-муслимин, малик аш-шарк ва-л-гарб Тамгач Бугра-хакан б. Исхак б. Ибрахим б. Наср сайф ал-халифати-л-лахи амири-л-муслимин», который, несомненно, привлечет внимание нумизматов [1].

Госпиталь, основанный Ибрахимом, по-арабски назван «домом для больных» (дар ли-л-марда), но по-таджикски, судя по упоминаемым топонимам, назывался «бимаристан». В нем могли находить приют не только больные, но и несостоятельные люди. К сожалению, название квартала и улицы, на которой располагался госпиталь, опущено («...в квартале таком-то на земле одного из кварталов Самарканда на улице, называемой „улица такая-то“»), но описываются все постройки, граничащие с ним (порядок перечисления неизвестен):

Первая сторона: хан, являющийся вакфом госпиталя, и хан Абу Бакра Мухаммада б. ал-Амда ан-Насафи.

Вторая сторона: двор (саха) мечети на улице Ривдад [2], наследственные дома Ибрахима б. Мухаммада Дизаки, дома, являющиеся вакфом для ремонта мечети Дауда, дома Адам Банин дочери Абдаллаха ал-Аʿма («слепого»), дома Абд ал-Хамида б. Ахмада, дома ал-Хасана б. Али ат-Табари, дома Фатимы дочери Абд ас-Сабура ат-Табари, дома Аиши дочери Мухаммада — портного, дома Мухаммада б. Мансура раиса, конюшня Фатимы дочери Хамзы Насафи.

Третья сторона: хан ал-Фай [3].

Четвертая сторона: улица, на которую выходят ворота госпиталя.

На содержание этого госпиталя Ибрахим пожертвовал в вакф «мустагаллы, находящиеся в его собственности и его распоряжении, которые расположены на базаре Самаркандского Согда [4]». Далее следует перечисление вакфов.

1. Хан рядом с госпиталем, называющийся «тимак-и бимаристан» [рядом с ним упоминается дом (дар) Нуштегина].

2. Хан «кишан» [5]. Этот хан окружают лавки хаджиба Али б. Адама на улице Фудан (?) [6], хан Суʿсу' ал-Аʿджами, дома вакф медресе кади ал-Хасана б. ʿли, рабат дочери Ибн ал-Ашкара, лавки ал-ʿАджаджа и Мутлиʿ б. Абдаллаха ал-Аʿджами, дома Фатимы дочери Ахмада б. Насра.

---

[1] Ср. спор о титулатуре Ибрахима [5, стр. 75].

[2] В тексте راوداد.

[3] القى ; вероятнее, что караван-сарай назван по одному из селений Самаркандского Согда: الفى.

[4] Хадр считает, что Согдом называется сам город в отличие от пригородов [17, стр. 316, прим. 5], но для этого нет никаких оснований.

[5] خان كيشان.

[6] علي‌بن آدم‌كامو ثمن بسكة سمر قند فودن.

3. Две постройки (имарат), примыкающие друг к другу, в месте, называющемся «песок продавцов дров (?)»[7].

а) «Баня Мервана»[8]. К ней примыкают лавки, являющиеся частью вакфа; будки «ник занан (?)»[9]; лавки хлебопеков[10]; лавки — вакф на поддержание «ворот Чахарсук», лавка торговца дровами Омара б. ал-Касима ал-Му'аййадави. Эта баня расположена между двумя улицами — улицей Дауда и улицей Тимак[11].

б) Второе здание не названо, говорится только, что оно примыкает к «другой бане», которая называется «гармабе-йи занан» (женская баня), и к «этой бане». Одна сторона этого здания выходит на улицу Дауда, а дверь выходит на улицу Тимак.

4. Две лавки у ворот первой бани. К ней примыкают лавки — вакф на поддержание какого-то оросительного устройства[12]. Они располагаются на каком-то канале (сāн бāзāр?).

Доход с перечисленных вакфов не определен, указано только процентное распределение на различные нужды госпиталя (в тексте есть пропуски): 15% — на эксплуатацию и ремонт здания, 15% — на пропитание больных, 8% — на мясо для больных, 10% — жалованье врачам, 2% — кровопускателям, 5% — на дрова для кухни, 3% — жалованье поварам, 3% — жалованье имаму и муэззину, 3% — могильщикам, 5% — дворникам, 3% — на соль, лук и прочие приправы, 2% — на циновки, кувшины и лампы, 5% — на поддержание соборной мечети Самарканда, 8% — на содержание обслуживающего персонала мечети.

Второй документ, об учреждении ханифитского медресе, не датирован, имя лица, завершившего его, опущено, титулатура несколько сокращена (извлечен из анонимного *Фатава ал-'Аламгирийа*). Медресе имело мечеть, помещения для изучения шариата ('илм), библиотеку (мактаба) для изучения Корана, помещения для чтецов Корана, помещения для преподавания литературы (адаб), дворики (дувайрат) и сад.

Находилось медресе «внутри медины Самарканда в местности под названием „Новые ворота“»[13]. К нему примыкала площадь (сāха) Хатун-малки, дочери Тархан-бека, какой-то ров вакфа мешхеда; дом, являющийся вакфом учащихся; жилище Ахмада ал-Мукассаса, жилище Абу-л-Касима б. ал-'Ата, хан Хатун-малки, жилище Хавли ал-Хайлташи, ханака эмира Низам ад-даули, жилище (манзал) Хатун-малки туркан-хатун.

На содержание медресе также было предназначено несколько вакфов.

---

[7] رمل فروشان هرم.

[8] كردايه مروان следует читать گرمابه, это подтверждается последующим текстом.

[9] كازه نك زنان.

[10] حانوت مفين دردن الجبازين; последнее слово я читаю الخبازين.

[11] سكة سمسك. Начало второго слова явно تيه.

[12] موقوف على سقاية باشى (далее явный пропуск).

[13] داخل مدينة سمرقند بموضع منها يعرف بالباب الجديد. Медина Самарканда, как известно, соответствует Афрасиабу. Одни из ворот медины назывались «железными» (حديد) или Наубехарскими, следовательно, с полным основанием можно предположить чтение الباب الحديد.

1. Хан Тим-и палас [14], находившийся на базаре Самаркандского Согда в квартале золотых дел мастеров (заркубан) на улице Муфлис (?).

2. Хан в квартале Рас ат-так в переулке Ширфурушан (торговцев молоком).

3. Хан в квартале Рас ат-так на улице (сикка) 'Аббада.

4. Большой двор (дувайра) в хане Саманн в Рас ат-так на улице (шари') дарб Манара.

5. Мужская баня на базаре Самаркандского Согда в квартале Рас кантара 'ахира («начало моста проституток») [15] на улице Хаммада.

6. «Все дома крестьян (акара) и вододелитель (байт ат-тираз) [16], и виноградники, и огороды, и тока, которые все находятся в селенье (карйа) Чарма'ад округа Анбаркар рустака Самарканда».

Бюджет медресе указан в абсолютных цифрах. 18 тыс. дирхемов в год приходится на долю всех студентов, мударрис может распределять их поровну или в соответствии с успехами, но не более 30 дирхемов в месяц (следовательно, число студентов было несколько больше 50). Управляющий получал 2 тыс. дирхемов в год, преподаватель фикха — 3600, раздатчик (кассир) — 600, преподаватель литературы — 1200, преподаватель Корана — 1200, чтец Корана в медресе — 1500, четыре чтеца Корана в мешхеде — по 750, два двроника — по 600, надзиратель-библиотекарь — 1200. Кроме того, 700 дирхемов в год ассигновалось на масло для ламп, 400 — на лед для охлаждения питья летом, 3350 — на угощение в рамадан, 50 дирхемов — на свечи и благовония в последнюю ночь рамадана, 1 тыс. — на жертвенных животных, 1 тыс. — на одежду для бедняков и на угощение в 10-й день рамадана. Все упомянутые расходы составляют 30 тыс. дирхемов в год без учета расходов на содержание и ремонт здания. Если предположить, что, как и в первом случае, они составляют 15% всего бюджета, то общий бюджет окажется около 35 тыс. дирхемов.

Оставляя в стороне вопрос о формуляре документов и различных предписаниях управляющим относительно сдачи в аренду вакфных имуществ, рассмотрим, что нового дают они для понимания облика и топографии Самарканда середины XI в.

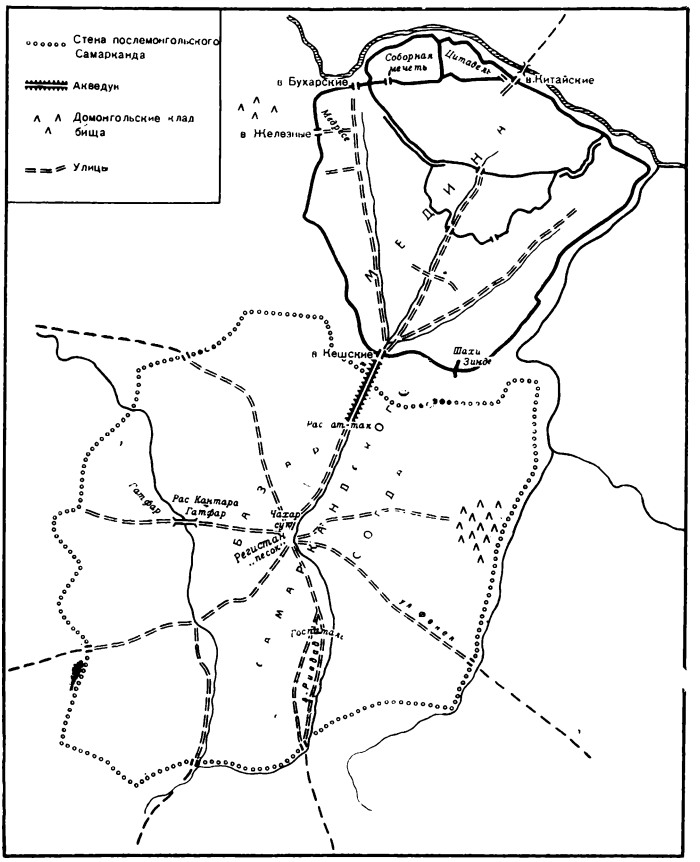
Госпиталь, как явствует из документа, одной стороной примыкал к мечети на Ривдадской улице. Следовательно, хотя он и выходил на другую улицу, его можно как-то локализовать. Ривдадская улица (дарб ривдад) упоминается географами X в.; она, по-видимому, как и ряд других больших улиц-дарбов, должна быть привязана к одноименным воротам стены рустака Самарканда. Селение Ривдад, загородная резиденция ихшидов Согда, находилось в 1 фарсахе к югу от города и отождествляется с городищем Тали Барзу [1, стр. 99—100]. В этой стороне находились и Ривдадские ворота Дивари киямат. Следовательно, Ривдадская улица должна находиться в южной части Самарканда по пути от позднесредневекового Чарсу к воротам Сузангаран. Однако никаких данных для более точного определения положения госпиталя на этой улице у нас нет. Ясно только, что он находился в плотно застроенном квартале, а не на свободном участке в пригороде и поэтому его, скорее, надо искать в южной части тимуровского города

---

[14] تيم بلاش следует читать تيم پلاس.

[15] راس قنعلرة عاهرة , быть может, следует читать راس قنطرة غاتفر, местоположение этого квартала приблизительно известно.

[16] Обычное значение «мастерская тиразов», но в Средней Азии слово «тираз» имело также иное значение: по объяснению Хорезми [19, стр. 69—70] طراز مقسم الماء في النهر.



Схематический план Самарканда XI в.

в районе улицы Сузангаран. Местонахождение медресе указано более точно: внутри шахристана Самарканда, возле Железных ворот; последние находятся в западной стороне Афрасиаба. Этот район частично раскопан [10, рис. 1], было бы интересно предпринять поиски этого медресе, так как в случае его обнаружения можно было бы даже определить назначение и принадлежность всех окружающих зданий.

Основная часть вакфов обоих учреждений располагалась на «базаре Самаркандского Согда»; как явствует из второго документа, здесь находился известный по другим источникам квартал Рас ат-так («начало свода»), где начинался акведук, снабжавший водой шахристан Самарканда (Афрасиаб). Это соответствует району Биби-ханым.

Здесь находилась улица Дауда, улица Тимак, улица Муфлис (?), улица Хаммада, улица Аббада (в квартале Рас ат-так), переулок продавцов молока, улица минарета, квартал золотых дел мастеров и квартал «начало моста проституток». Где-то неподалеку от улицы Дауда проходил канал. Здесь же упоминается «песок продавцов дров (?)». Если допустить, что с этим песчаным местом связано название Регистан, то значительная часть построек и улиц, упоминаемых в документах, локализуется довольно точно.

Судя по раскопкам М. Е. Массона на Регистане в 1920—1922 гг., в X в. через Регистан с юго-востока на северо-запад проходил канал, около которого находились мастерские гончаров и стеклодувов [8,

стр. 1—2]; возможно, что это именно тот канал, который упоминается вблизи улицы Дауда.

Перечень границ владений свидетельствует об очень чересполосном размещении жилых домов, торговых предприятий и общественных учреждений. В одном квартале оказываются рядом жилые дома, торговые пассажи, лавки, больница. Это обстоятельство лишний раз опровергает убеждение, что в X—XI вв. в городах Средней Азии кварталы были заселены по профессиональному признаку [9, стр. 456]. Скорее всего, улицы и кварталы, называвшиеся по ремеслам или товарам, были специализированными торговыми улицами, а не жилыми.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что среди владельцев домов названо значительное число женщин (почти каждый третий владелец); мусульманское право предоставляло женщинам свободно распоряжаться своим имуществом, но между теорией и практикой мог существовать большой разрыв; наши документы свидетельствуют о том, что и на практике в XI в. женщины пользовались большой экономической самостоятельностью.

Учреждение ханифитского медресе Ибрахимом не случайно. Историки говорят о нем как о благочестивом правителе, прислушивавшемся к мнению богословов. Известно, что в 436/1044-45 г. он предпринял гонение на исмаилитов [16, IX, стр. 358], которое, по-видимому, затронуло и другие неортодоксальные течения [6, стр. 117]. Он был также первым караханидским правителем, предпринявшим обширное монументальное строительство. Рассматриваемые документы лишний раз подтверждают эту характеристику Ибрахима.

Особенно ценны для нас финансовые сведения, содержащиеся во втором документе. На них мы остановимся подробнее. Говоря о суммах, распределяемых на различные нужды, составитель документа специально определяет тип монет, в которых рассчитаны платежи: [دراهم] مؤيدية عدلية رسمية نقد كورة سمرقند يوم رقعت هذه الصدقة فيه «Дирхемы муаййиафи адли, законные, чеканенные в Самаркандском округе в день (дни), когда совершено это дарение» [17, стр. 327]. Не ограничиваясь этим, он поясняет в другом месте: «а стоимость этой названной монеты в день, когда совершено это дарение: каждые 47 дирхемов — один мискаль чистого червонного золота (الذهب الابريز الخالص)» [17, стр. 329].

Название дирхемов явно связано с титулом Ибрахима, муаййад ал-адл, тем более что определенно говорится о монете новой чеканки. У нас нет сведений о качестве монет Ибрахима, чеканенных в Самарканде [5, стр. 76], но хорошо известны его дирхемы, чеканенные в Фергане и Чаганиане. Они принадлежат к числу неполноценной серебряной монеты, характерной для Средней Азии XI—XII вв. Чаганианские дирхемы 30-х годов XI в. содержат 22—29% серебра, позже его содержание даже снижается; в 60-х годах ферганские монеты Тамгач-хана содержат в среднем 20% серебра [3, стр. 103—105].

Вопрос о курсе этих дирхемов до сих пор оставался загадкой для историков. Е. А. Давидович, основываясь на свидетельстве Кубави о курсе медных дирхемов гитрифи в 1128 г., пришла к выводу, что неполноценные дирхемы в XI—XII вв. «должны были обращаться в сфере серебра, как знаки стоимости с принудительным курсом» [3, стр. 106]. Это мнение принято всеми, его разделял до сих пор и автор данной статьи, однако сведения разбираемого документа заставляют усомниться в его справедливости.

У нас есть для XI в. еще одно свидетельство о курсе дирхема, от-

носящееся к 30—40-м годам XI в. В *Асрар ат-таухид* рассказывается о том, как один из поклонников Абу Са'ида Мейхени решил подарить шейху тысячу дирхемов از آن سیم که آن وقت نو زده بود سی درم بدینار «того серебра, которое в то время было вновь чеканено [и стоило] тридцать дирхемов за динар» [6, стр. 113]. Мы не можем точно установить, какое «то время» имеется в виду, во всяком случае действие происходило в Нишапуре и, следовательно, до сельджукского завоевания, которое застало Абу Саида в Мейхене. Скорее всего, имелись в виду дирхемы, чеканенные Мас'удом, уступавшие по качеству монетам его отца. Содержание серебра в них было около 70% [3, стр. 103].

Чисто серебряные дирхемы (или считавшиеся таковыми) в то же время, как документально засвидетельствовано на западе мусульманского мира, равнялись $^1/_{20}$ динара [15, стр. 390; 18, стр. 230]. При таком расчете в дирхемах, составлявших $^1/_{30}$ динара, должно быть $66^2/_3$% серебра, а дирхемы, содержавшие 70% серебра (как масудовские), должны были относиться к динару как $1 : 28^3/_4$. Расхождение между обеими величинами настолько незначительно, что мы можем говорить в данном случае о полной зависимости курса от содержания серебра.

Несколько иначе обстоит дело с дирхемами Тамгач-хана. При содержании 20% серебра (также считая стопроцентный дирхем в $^1/_{20}$ динара) они должны были бы стоить $^1/_{100}$ динара, а при допущении, что рыночный курс устанавливался по образцам того же правителя с максимальным содержанием благородного металла (23%), — $^1/_{87}$ динара. Даже в этом случае их курс оказывается вдвое выше стоимости содержавшегося в них серебра [17].

Курс неполноценных дирхемов, приводимый в интересующем нас документе, поразительно совпадает со стоимостью неполноценных дирхемов в Египте и Северной Африке того же времени — от 40 до 50 за динар [15, стр. 371—379, 390; 14, III, стр. 817—818]. Колебания в этих пределах определялись торговой и политической конъюнктурой. Видимо, от Средней Азии до Туниса существовали единые условия, стихийно создававшие международный курс таких номинально серебряных дирхемов.

Таким образом, можно утверждать, что по мере уменьшения содержания серебра в монете происходило падение ее курса, хотя и не пропорциональное. В силу вступали те факторы, на которые указывала Е. А. Давидович [2, стр. 45—46; 3, стр. 116—117], падение сдерживалось спросом на неполноценные дирхемы как единственное повседневное средство обращения. Говоря об этом, мы еще не знаем одного важного обстоятельства — каким было качество самаркандских дирхемов Тамгач-хана, так как, судя по документу, самаркандский чекан имел какие-то отличия [18]. Во всяком случае, ясно, что их курс не был совершенно произвольным, принудительным, совершенно не учитывавшим изменение содержания серебра.

Исходя из этого, странным кажется курс медных дирхемов гитрифи, приводимый Кубави в «Истории Бухары». Этот отрывок неоднократно анализировался [2; 3; 4; 7], и поэтому мы не будем его здесь приводить. По мнению Е. А. Давидович, в 1128 г. 100 дирхемов чистого серебра равнялись 70 (или 72) дирхемам гитрифи, а мискаль чистого золота

---

[17] Возможен и другой расчет: если дирхем чистого серебра стоит в динарах $1 : 13^1/_3$, то двадцатипроцентные дирхемы должны стоить в пять раз дешевле: $40/3 \cdot 5 = 66^2/_3$ за динар, а семидесятипроцентные — около 20 за динар. Это расходится с данными *Асрар ат-таухид,* но мы не можем ручаться, что там не имелись в виду дирхемы худшего качества, чем содержавшие 70% серебра.

[18] Состав монет самаркандского чекана неизвестен [5, стр. 76].

(динар) — $7\frac{1}{2}$ дирхемам гитрифи [2, стр. 38—39, 3, стр. 93—99; 4]. Персидский текст, кажется, не позволяет иного понимания. Странно только то, что в эпоху подорожания серебра, которое, по вычислению того же исследования, относилось к золоту, как 7,5 : 1, медные дирхемы (содержание серебра в них было не больше $\frac{1}{6}$, т. е. 15—16%) оказываются дороже серебра. Е. А. Давидович сама отмечала эту странность, но считала, что ее можно объяснить «сравнительно небольшими их запасами, не пополняемыми новым чеканом» [2, стр. 42]. Можно допустить, что в особо благоприятных условиях один из типов денежных знаков на фоне увеличивающегося падения качества другой монеты окажется равнозначным своему номиналу (хотя, как мы видим, содержание металла учитывалось), но трудно допустить их курс значительно выше номинала.

Прежде всего, в указанном дополнении Кубави имеется вариант, который позволяет предложить иное понимание текста: возможно, что именно در شرع («по закону»), а не زر سرخ («червонное золото») является первоначальным. В таком случае эта часть фразы говорит только о том, что по закону $7\frac{1}{2}$ гитрифи должны стоить один мискаль серебра, т. е. $5\frac{1}{4}$ дирхема гитрифи должно равняться 1 дирхему серебра [19]. Этот курс очень близок первоначальному, установленному в конце VIII в., — $\frac{1}{6}$ дирхема серебра. Быть может, поэтому Кубави говорит о стоимости «по закону». Поэтому его и удивляет, что вместо этого в его дни он стоит $1\frac{3}{7}$ серебряного дирхема.

Но и в толковании первой половины фразы не все бесспорно. М. Е. Массон [7, стр. 191] считал, что дирхемы, с которыми сравниваются гитрифи, — серебряная монета, а Е. А. Давидович полагает, что имеются в виду весовые единицы [3, стр. 98]. Если мы допустим, что دراهم نقرهٔ خالص («дирхемы чистого серебра») не весовое серебро, а реальные дирхемы, номинально считавшиеся серебряными, то курс гитрифи перестанет быть чем-то загадочным: окажется, что они были несколько дороже тогдашних неполноценных же дирхемов. Это незначительное превышение над курсом других дирхемов того времени вполне может быть объяснимо прекращением выпуска гитрифи, что гарантировало его устойчивость, в то время как стоимость других дирхемов колебалась, о чем говорит хотя бы замечание составителя документа об учреждении медресе: «А если со временем изменится монета в сторону увеличения или уменьшения, то следует учесть эту новую стоимость монеты и расходовать на каждую из указанных в этой грамоте статей столько таких новых дирхемов, чтобы это соответствовало их величине, [указанной] в этой монете, которая была в Самарканде в день, когда совершено это дарение» [17, стр. 329].

Знание курса дирхемов и сведения о жалованьях впервые позволяют судить об уровне заработной платы в домонгольской Средней Азии и сравнить эти данные с тем, что известно о жизненном уровне в Египте и Сирии.

В медресе Ибрахима низшее жалованье — 30 дирхемов в месяц, т. е. $\frac{30}{47}$ динара; обслуживающий персонал получал 50 дирхемов, т. е. больше динара в месяц. Примерно в это же время (1009/10 г.) в мечети ал-Азхар и медресе ал-Хакима прислуга также получала около динара в месяц [11, стр. 50; 12, стр. 263]. Вообще в это время полтора динара считались прожиточным минимумом семьи [12, стр. 266]. Более детальный анализ уровня жизни пока невозможен из-за отсутствия сведений

[19] Отношение мискаля к дирхему 10 : 7, а мискаля серебра к гитрифи 2 : 15, т. е. 20/7 дирхема серебра = 105/7 гитрифи, отсюда $105/20 = 5\frac{1}{4}$.

о ценах на продукты. Единственное свидетельство — цена на шестимесячного барана в Нишапуре — 1 динар [6, стр. 142], т. е. стипендия студента в медресе примерно равна стоимости барана.

Мы коснулись только некоторых тем, которые естественно возникают при первом ознакомлении с текстом двух вакфных документов Тамгач-хана. Несомненно, что дальнейшее изучение их принесет много нового для истории Самарканда и Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Г. В., Городище Тали-Барзу, — ТОВЭ, Л., 1940, т. 11, стр. 87—104.
2. Давидович Е. А., Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии периода так называемого «серебряного кризиса» (XI—XIII вв.), — сб. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 38—46.
3. Давидович Е. А., Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв., — «Нумизматика и эпиграфика», 1960, № 2, стр. 92—117.
4. Давидович Е. А., Об отношении золота и серебра в Бухаре в XII в., — ПВ, 1959, № 4, стр. 82—85.
5. Давидович Е. А., О двух караханидских каганатах, — НАА, 1968, № 1, стр. 67—76.
6. Жуковский В. А., Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Са'ида. Толкование на четверостишие Абу Са'ида. Персидский текст, СПб., 1899.
7. Массон М. Е., К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби, — «Труды института истории и археологии АН УзССР», Ташкент, 1955, вып. 7, стр. 175—196.
8. Массон М. Е., Регистан и его медресе, Ташкент, 1926.
9. Очерки истории СССР. Период феодализма. Часть первая. Древняя Русь. Феодальная раздробленность, М., 1953.
10. Шишкина Г. В., Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба, — сб. «Афрасиаб», Ташкент, 1969, вып. 1, стр. 221—246.
11. Ashtor E., Essai sur les prix et les salaires dans l'empire califien, — RSO, 1961, vol. XXXVI, стр. 19—69.
12. Ashtor-Strauss E., Quelques indications sur les revenues dans l'Orient musulman au haut moyen âge, — JESHO, 1959, vol. II, стр. 16—19.
13. Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892.
14. Elisséeff N., Nur ad-Din. Un grand prince musulman de Syrie au temps des croisades (511—596/1118—1174), t. I—III, Damas, 1959—1967.
15. Goitein S. D., A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza I. Economic Foundations, Berkley and Los Angeles, 1967.
16. Ibn-el-Athiri chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg, vol. I — XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.
17. Khadr M., Deux actes de waqf d'un Qarahanide d'Asie Centrale avec une introduction par Claude Cahen, — JA, 1967, t. CCLV, стр. 305—334.
18. Labib S., Geld und Kredit. Studien zur Wirtschaftsgeschichte Aegyptens im Mittelalter, — JESHO, 1959, vol. II, стр. 225—246.
19. Liber Mafatih al-olûm explicans vocabula technica sientiarum tam arabum tam perigrinorum auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Achmed ibn Jûsof al-Kâtib al-Khowarezmi. Ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni Batavorum, 1895.
20. كتاب عتبة الكتبة مجموعهٔ مراسلات ديوان سلطان سنجار بقلم مؤيد الدولة منتجب الدين بديع اتابك جوينى، بتصحيح واهتمام محمد قزوينى وعباس اقبال، [طهران] ١٣٢٩ ش [=1950].
21. التوسل الى الترسل انشاء وتاليف بها الدين محمد بن مؤيد بغدادى، مقابلة وتصحيح احمد بهمنيار، تهران، ١٣١٥ [=1936].

С. Г. Агаджанов

ОГУЗСКИЕ ПЛЕМЕНА СРЕДНЕЙ АЗИИ IX—XIII вв.
(историко-этнографический очерк)

Средневековые огузы сыграли важную роль в истории Средней и Западной Азии, особенно после образования в XI в. обширной сельджукской империи[1]. Несмотря на это, проблемы истории огузских племен IX—XIII вв. исследованы далеко не полностью. Особенно слабо в отечественной и зарубежной историографии изучена духовная и материальная культура огузов Средней Азии[2]. В исторической литературе нет специальных работ, посвященных данной теме. В значительной мере это объясняется недостаточностью историко-этнографического и археологического материала. Сказывается также отсутствие научной систематизации данных письменных источников и фрагментарность имеющихся в них сведений. Нельзя считать, что с достаточной полнотой выявлен весь комплекс источников, необходимых для историко-этнографического исследования огузских племен. Вне поля зрения исследователей еще остается ряд средневековых рукописей, не введенных в широкий научный обиход. Существенный пробел в рассматриваемой области исторической этнографии затрудняет решение многих важных проблем. В первую очередь это касается истоков культуры и процесса формирования, имеющих прямое отношение к огузам тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана[3].

Историко-этнографическое изучение огузских племен связано с довольно большим кругом весьма сложных вопросов. Осветить их в рамках одной статьи не представляется возможным. Поэтому в настоящей работе автор ограничился предварительным обзором лишь некоторых важных явлений духовной и материальной культуры огузских племен Средней Азии IX—XIII вв.[4] Исследуемые проблемы требуют комплексного подхода на базе поэтапной научной разработки. Состояние избранной темы на сегодняшний день выдвигает на первое место

[1] Основное ядро племенного объединения, известного под названием сельджуков, составляли огузы и туркмены [6].

[2] Сравнительно лучше дело обстоит с историко-этнографическим изучением сельджукских племен Закавказья и Малой Азии. В исторической литературе имеются специальные работы, посвященные отдельным вопросам их быта и культуры [17; 100; 115; 103; 116].

[3] Огузские племена Средней Азии явились важным слагаемым в консолидации туркменской народности. Значительные группы огузского происхождения влились в состав казахов, узбеков, каракалпаков, башкир, татар. Огузы, ушедшие в XI—XIII вв. в Закавказье и Малую Азию, приняли участие в формировании азербайджанского и турецкого народов. Племена огузов вошли также в состав тюркоязычного населения Ирана, Афганистана, Ирака и Сирии.

[4] В статье рассматриваются в основном вопросы религии и освещаются некоторые черты повседневного быта огузов (жилище, пища и одежда).

обобщение имеющегося фактического материала. Дальнейшим шагом в этом направлении должен явиться сравнительно-исторический синтез более широкого плана.

Предлагаемая статья основана главным образом на средневековых источниках, написанных на арабском, иранских и тюркских языках[5]. Содержащиеся в них сведения могут представить определенный интерес для этнографов, историков, лингвистов и других специалистов в области тюркологии.

Данные использованных нами источников относятся к различным группам огузов, в том числе и к туркменам Средней Азии. В статье привлекаются также материалы о сельджукских племенах Передней Азии. Однако эти материалы приводятся не в качестве основных, а в качестве дополнительных исторических фактов. Исследуемый круг источников, к сожалению, не дает возможности показать локальные этнографические различия, несомненно существовавшие у огузских племен Средней Азии. Вместе с тем использованные нами данные позволяют судить о характерных чертах их быта и культуры.

Процесс становления и истоки духовной и материальной культуры среднеазиатских огузов изучены крайне слабо. Этот вопрос разрабатывался лишь на археологическом материале из последней нижней Сырдарьи и Приаралья [54; 55]. Остались почти незатронутыми проблемы развития культуры степных огузских племен, в том числе отдельных их групп, обитавших на среднем течении Сырдарьи и в Западном Джетысу. Локальная ограниченность и скудность историко-археологических данных затрудняют исследование генезиса быта и культуры огузских племен Средней Азии. Имеющиеся на сегодня материалы позволяют говорить лишь о некоторых общих моментах этой сложной проблемы. Культура сырдарьинских огузов, вероятно, главным образом формировалась на базе местных степных традиций, восходящих к эпохе бронзового века [54; 55]. Вместе с тем она, несомненно, испытала на себе заметное влияние пришлых с востока, преимущественно тюркоязычных, элементов. Археологические исследования последних лет свидетельствуют о культурных связях с тюрками, эмигрировавшими сюда в VIII—IX вв. из Семиречья [33]. В отдельных явлениях повседневного быта огузов прослеживаются также следы тесного общения с окрестными степными племенами и оседлым земледельческим населением [6, стр. 146—148]. Очевидно, культурное влияние оседлой полосы было особенно заметным среди тех огузов, которые смешались с потомками древнего индоевропейского населения Средней Азии. В источниках X—XI вв. подобные метисизированные и обращенные в ислам огузы называются туркменами [4; 6].

Огузские племена Средней Азии вплоть до принятия ислама были в своей основной массе язычниками[6]. Исламизация огузов, возможно, началась уже в VIII в. [97, XI, стр. 117], но этот процесс был далеко не повсеместным [6, стр. 116]. Более интенсивное распространение мусульманская религия получила в огузской среде с X в. и после образования в XI в. сельджукской империи [72, стр. 178; 94, стр. 220]. Правящая феодализирующаяся верхушка огузов использовала мусульманскую религию как орудие для своих классовых целей. Распространению ислама способствовало также завоевание сельджуками мусульманских стран

---

[5] Характеристика этих источников дана в нашей монографии, посвященной огузам и туркменам Средней Азии IX—XIII вв. [6, стр. 8—35].

[6] В исторической литературе высказано мнение о том, что до обращения в ислам часть огузов исповедовала христианство либо иудаизм [12; 60; 129]. Данный вопрос, являющийся предметом научных споров, нуждается в специальном исследовании.

и последующие крестовые походы. Однако новая религия не сразу проложила себе широкую дорогу; она утверждалась постепенно в борьбе с племенными культами и старыми народными обрядами. Пережитки доисламских верований бытовали у огузов длительное время, особенно в массе простого народа [77; 94; 81].

Средневековые источники содержат крайне мало сведений о древних религиозных верованиях огузов. Огузы до принятия ислама почитали идолов, животных, священные деревья, солнце и огонь [106, стр. 8; 23, л. 223]. Судя по историческим преданиям, огузы приносили в жертву скот, в частности лошадей и быков [114, стр. 386]. Подобно другим тюркам-язычникам, они почитали небо (тенгри) [7] в качестве божества [28; 29; 128]. В этом культе нашло свое отражение характерное для весьма архаического мировоззрения одухотворение сил природы.

Древнейшей формой религии, как известно, являлся тотемизм, в котором выражалось наивное отождествление человека с окружающей природой. Тотемизм получил широкое распространение среди огузов и сохранился в пережиточной форме после их обращения в ислам. Огузские племена имели своих онгонов (тотемов), каковыми в основном были ловчие птицы. В качестве их тотемов [8] выступают соколы, орлы, кречеты, ястребы, кобчики [47, стр. 89—90; 49, л. 126; 53, л. 10].

Почитанием среди огузов пользовалась и птица тулу, под которой, вероятно, подразумевается одна из пород сокола [111, стр. 128]. Очевидно, с тотемизмом был связан и древний обычай установления в ханской орде изображений птиц [9] из золота и серебра [64, стр. 62]. Характерно также, что названия птиц употреблялись огузами в качестве военного пароля [34, I, стр. 41; 78, стр. 66].

Онгоны считались у огузов священными, они как бы олицетворяли племенное благополучие и не подлежали истреблению [47, I, стр. 87; 49, л. 126]. Среди исповедовавших до недавнего времени шаманизм тюрко-монгольских народов онгоны почитались как хранители домашнего очага [19; 65; 99]. Нередко они изображались в виде фигурок животных, сделанных из дерева, тряпок и других материалов [19, стр. 6]. Возможно, такими же были онгоны, почитавшиеся в древности огузскими племенами. Однако после обращения огузов в ислам, который запрещал подобные изображения, они могли постепенно исчезнуть.

Среди языческих огузов был распространен также культ добрых и злых духов. Пережитки этого культа сохранялись у них и после принятия мусульманской религии. Огузы и туркмены конца XI в. верили в существование чертей (ел) и демонов (ек), обладающих вредоносной силой [34, I, стр. 265—507; II, стр. 272; III, стр. 126; 78, стр. 84]. Против злых духов и сглаза практиковались различные приемы оградительной магии и фетиши — амулеты (битик) [10].

[7] Слово «тенгри» в значении «небо», «бог» выступает уже в древнетюркских рунических памятниках [117, стр. 126]. В тюркских манихейских текстах оно употребляется также как имя верховного творца [105, стр. 21]. Относительно этимологии данного термина учеными высказаны различные мнения [112, стр. 89]. Клосон полагает, что это слово было заимствовано впоследствии у тюрок монгольскими племенами [80, стр. 10].

[8] Следует отметить, что в приводимом Рашид ад-Дином перечне огузских племен их онгонами выступают птицы орлиной и соколиной пород. Однако в более позднем списке, имеющемся в труде Абу-л-Гази, значатся также сова, кулик, воробей и кукушка [30, стр. 53; 62, л. 80; 56, лл. 56—59]. Здесь же в качестве тотема одного из племен огузов указана мифическая птица хумай, которая считалась у туркмен «птицей счастья» [36].

[9] В огузских исторических преданиях говорится о золотой и серебряной курицах либо петухах [45, стр. 28]. Интересно отметить, что в тимуридских ставках также имелись фигурки птиц, но это были изображения сокола и орла [18, стр. 85].

[10] Слово «битик» еще в древнетюркских орхонских текстах означало «книга, письмо» [117; 88]. Данный термин в том же значении употреблялся и позднее в языках раз-

Среди огузов-язычников были довольно развиты поверья в раздельное существование души и тела. Анимистические представления такого рода нашли свое отражение и в верованиии о переселении душ и существовании потустороннего мира [28; 29; 128]. В соответствии с этим выполнялся определенный погребальный обряд и сопровождавший похороны ритуал заупокойной тризны. Огузы хоронили своих мертвецов в полном одеянии, в могилу клали часть их имущества, оружие, лошадей со сбруей, чаши с напитком [28; 128; 43; 57; 10]. Все это предназначалось для загробного существования, рассматривавшегося как своеобразное продолжение земной жизни. На тризне по покойникам с той же целью забивали лошадей, на которых они, по огузским поверьям, «поедут верхом в рай» [28; 29; 128].

Очевидно, древние языческие корни имел также обряд, соблюдавшийся огузами XI в. по отношению к утопленникам. «Тюрки-огузы, — сообщает Бируни,— поступают обычно с утопленником [так]: они кладут его труп на берегу и привязывают веревку к его ноге, а конец бросают в воду, чтобы душа могла подняться по ней для воскрешения» [1, стр. 497; 66, стр. 497]. В данном обряде прослеживается вера не только в переселение, но и в воскрешение души в потустороннем мире. Сам обряд, возможно, имеет связь с весьма архаическими поверьями, касающимися водной стихии. В этом отношении крайне интересно свидетельство арабских источников IX—X вв. о том, что среди тюрок, живущих близ Шаша [11], имеются племена, которые бросают своих покойников в озеро [22, л. 173а]. Обращает также на себя внимание, что, согласно историческим легендам, огузский эпический «патриарх» Коркут умер на Сырдарье, сидя на плававшем по ее водам одеяле [27, стр. 218].

Среди огузов-язычников X в. вода считалась одной из почитаемых стихий, и поэтому с ней был связан ряд запретов. Прежде всего, было недопустимым купание либо омовение водой и стирка нательного белья [28; 29; 128]. Аналогичные запреты отмечаются у средневековых монголов, веривших, что купание может вызвать сильный гром с молнией [124, I, стр. 1107—1114; 39, л. 387]. Огузы приписывали воде магические свойства и поэтому считали омовение колдовством [28; 29; 129]. Непосредственно с водой были связаны верования в русалок или человекообразных рыб, обитавших в Аральском море. Существовало поверье о том, что своим появлением на водной поверхности и криком они предвещают о смерти огузских вождей [40, л. 108; 63, л. 64а].

Приведенные факты свидетельствуют о наличии у огузских племен до обращения в ислам тотемических, магических и анимистических представлений. Наряду с этим существовало почитание предков по мужской линии, считавшихся покровителями рода, племени и семьи. В честь душ предков огузы приносили жертвы, закапывая после трапезы часть пищи в землю [28; 29; 128].

Развитие культа предков-мужчин у огузов, как и у многих других народов, было результатом перехода от матриархата к патриархату [26]. Возникновение племенных союзов (иль) и институтов военной демократии привело к становлению культа вождей. Последние начали рассматриваться как носители благополучия, военных и других успехов племен. Вожди с течением времени стали наделяться священным ореолом

личных тюркских народов [34, стр. 164; 85, стр. 60; 68, стр. 19]. В огузском языке XI в. это слово применялось для обозначения амулета [78, стр. 38]. Очевидно, это объясняется тем, что подобные талисманы заключали в себе надписи, призванные «охранять» от вредоносных сил.

[11] Шаш — область бассейна р. Чирчик со столицей, лежавшей на месте нынешнего Ташкента.

повелителей стихии. Именно таким предстает перед нами Гуз ибн Мансак — легендарный предок огузских племен. В исторических сказаниях он выступает в роли жреца, вызывающего дождь с помощью магического камня [38, стр. 103].

Огузы-язычники поклонялись также своим родовым старейшинам [12], которые были их повседневными советчиками [28; 29; 128]. Могилы влиятельных старейшин и вождей почитались как святыни, что сохранилось в качестве реликта и после исламизации огузов. В XI в. существовал обряд, согласно которому на могилах крупных ханов и беков расстилалась особая материя (эшик). Затем она разрывалась на части и раздавалась бедным и нищим [70, I, стр. 72].

Большую роль в повседневной жизни огузов, как и других тюркоязычников исследуемого периода, играли камы — предсказатели, колдуны и знахари [78, стр. 143; 38, стр. 103; 34, I, стр. 201; III, стр. 117, 327; 127, I, стр. 187]. Средневековые источники свидетельствуют о том, что камы гадали по бараньей лопатке и черепу [38, стр. 103]. Обычно в таких случаях ворожили [13] по трещинам, образовывавшимся на бараньих костях под действием огня [14, стр. 232]. Камы языческих тюрок и монголов пользовались репутацией искусных шаманов [84, стр. 211; 131, стр. 27; 73, стр. 36; 127, I, стр. 54]. Они занимались камланием, применяли различные магические приемы для «лечения» больных [34, I, стр. 201, 238; III, стр. 117, 327; 76, стр. 135]. Шаманы-камы обычно «исцеляли» захворавших путем изгнания из их тела «духа смерти» [20, л. 184]. В таких случаях, как правило, считалось, что болезнь навеяна злыми духами [102].

Источники X в. говорят о том, что огузы поклонялись «лекарям» [14], которые распоряжались их «кровью и имуществом» [61, л. 18б; 96, стр. 86]. Очевидно, здесь подразумеваются камы, совмещавшие шаманство со знахарством, которое было основано на эмпирических способах народного врачевания. Наряду с магическими заклинаниями и колдовскими заговорами они, вероятно, применяли лечебные травы и другие целебные средства [15].

Камы выступали также в роли жрецов, вымаливавших дождь, снег и град. Обычно для этой цели использовались особые камни (йай, йеде-таш), а сам обряд сопровождался чтением молитв и заклинаний [38, стр. 98]. Поверья в магическую силу камней были довольно широко распространены среди огузов, как и у других тюркоязычных народов [22; 120; 75; 41; 42; 127]. Камень, с помощью которого якобы можно было вызвать дождь, имел на себе особые знаки; иногда его носили на шее наподобие священного талисмана [38, стр. 98; 37, V, стр. 1—2].

В тюркоязычной среде VIII—XIII вв. практиковались различные приемы вызывания дождя, холода и снега с помощью таких камней. Одним из распространенных был обряд, при котором йеде-таш (джеде-таш) опускали в чашу с водой [130]. В других случаях на камни брызгали водой, произнося заклинания и обращаясь к небу [20, л. 186; 75,

[12] В этом отношении интересны также рассказы средневековых авторов о тюрках-кимаках, поклонявшихся старикам в возрасте свыше 80 лет и считавших их своими духовными наставниками [120, стр. 20; 91, стр. 128].

[13] Гадания, производившиеся тюркскими камами, назывались «ыркы-тамак» [34, I, стр. 45; 365; III, стр. 327]. Предсказание делалось не только описанным способом, но и по звездам [127, II, стр. 46]. Для ворожбы применялся также песок, а сами такие гадатели именовались «кумчи» [68, стр. 81]. Кроме того, имелись предсказатели, занимавшиеся толкованием снов [30; 49].

[14] В персидских источниках этого периода они называются «тибибан» и «печешкан», что означает «врачи, лекари» [96, стр. 86; 107, стр. 100].

[15] Знахари тюрок, лечившие с помощью трав и других средств, назывались «эмчи» и «отачи» [34, I, стр. 38, 252; II, стр. 66; 85, стр. 28, 56; 73, стр. 54; 68, стр. 63].

стр. 89, 90; 41, л. 65]. Иногда при этом загоняли в реку коня и не давали ему выйти, пока не начнется дождь [51, л. 34а]. В некоторых областях Туркестана в засушливые годы воскуривали ладан и поклонялись каменным истуканам, установленным на вершинах гор [41, л. 89б].

Пережитки домусульманских верований и обрядов сохранялись у огузов Средней Азии длительное время после их обращения в ислам [16]. Реликты языческих культов были довольно сильны в XII в. среди огузов Балхской области. Хотя их знать придерживалась мусульманской религии [11], но значительная масса простого народа фактически оставалась еще далекой от мусульманства [119, срт. 95; 32, стр. 108]. Среди балхских огузов широко бытовало почитание различных явлений природы, в частности поклонение ветру [74, стр. 49].

Несмотря на сохранение пережитков домусульманских верований, ислам прокладывал себе дорогу в борьбе с остатками языческих культов и обрядов. В XI—XII вв. огузы выполняли уже мусульманский ритуал омовения [34, II, стр. 313; III, стр. 49; 78, стр. 97], совершали молитвы (йукунч) и обрезание [9, стр. 276]. Они придерживались мусульманских предписаний о «чистой» и «нечистой» пище. Изменился старый языческий способ забивания скота без пролития крови, посредством специальной колотушки [см. 28; 29; 128]. В пищу огузы стали употреблять лишь мясо тех животных, которым перерезалось горло и выпускалась кровь. Заметные изменения наблюдаются не только в обрядности, но и в самих религиозных верованиях огузов. Весьма характерно, что почитавшееся ими древнее божество Тенгри постепенно слилось с образом мусульманского Аллаха [112, стр. 138; 118, стр. 19, 69; 34, I, стр. 46, 73]. Среди огузов и туркмен складывается прослойка духовенства главным образом суннитского толка: шейхи, факихи, дервиши [2, стр. 205; 126, стр. 195; 24, л. 19]. Наряду с этим появились газии — борцы за мусульманскую веру [52] и миссионеры, проповедовавшие ислам среди окрестных тюрко-язычных народов [24, л. 19]. Мусульманская религия, несмотря на длительное сохранение пережитков язычества, оказывала все более растущее влияние на быт и культуру огузских племен.

Большинство огузов IX—XIII вв. вело кочевой образ жизни и занималось экстенсивным скотоводством. В соответствии с этим основная их масса обитала в переносных юртах, приспособленных к условиям резко-континентального климата аридной зоны. Подобное жилище издавна славилось как надежное убежище и в летнюю жару и в зимнюю стужу [16].

Огузская юрта, очевидно, имела свои характерные особенности, но в главных деталях мало чем отличалась от аналогичных жилищ степных тюркоязычных племен Средней Азии [17]. Такое жилище состояло из деревянного решетчатого остова, скрепленного ремешками из конской или бычьей шкуры, и внешнего покрытия из войлочных кошм [61, л. 18; 34, I, стр. 76]. Огузская юрта называется в арабских источниках X в. «кубба» [28; 29; 128], что указывает на ее куполообразную форму. Совершавшая дальние переходы часть кочевых огузов устанавливала свои кибитки на повозках наподобие телег [15; 81]. Подобно другим степным азиатским народам, огузы, вероятно, запрягали в них волов, лошадей и верблюдов [ср. 8; 13].

[16] В этой связи трудно согласиться с мнением некоторых зарубежных историков, которые считают, что в X в. ислам являлся доминирующим фактором в тюркоязычной среде, а в XI в. — глубоко проник в быт и культуру тюрок Средней Азии [83, стр. 133, 134].

[17] В средневековых арабоязычных источниках такая кибитка обычно называется «тюркской юртой», а в тюркоязычных источниках — «тюрк эви» [128, стр. 121; 102, стр. 218].

Жилища огузских племен Средней Азии IX—XIII вв. подразделялись на несколько типов. Наиболее распространенным из них был так называемый «эф», представлявший собой войлочную юрту [34, I, стр. 40, 49; III, стр. 47, 88, 284]. Она состояла из деревянного остова (кереку), из длинных жердей (эф укы), решетчатого верха с дымоходом (тунлук) и двери (кабуг). В зависимости от числа «крыльев» остова [18] юрты различались друг от друга своими размерами. Богатые семьи и влиятельная аристократия огузов имела «большие» кибитки [28, л. 202]. Юрты состоятельных огузов были покрыты белыми войлоками и резко отличались от простых кибиток с прокопченными от дыма кошмами. Подобные старые и почерневшие от копоти юрты назывались по-тюркски «кара-эв» [106, стр. 8, 9; 73, стр. 37].

Огузские юрты представляли собой переносные жилища, которые можно было сравнительно быстро собрать и разобрать [97, IX, стр. 266]. Приспособлены были они не только к условиям кочевого быта, но и для столь частой в степи необходимости экстренной перекочевки при военных нападениях и межплеменных столкновениях. Такие юрты, а также повозки нередко использовались в качестве средств активной и пассивной обороны [15; 43; 81]. Обычно при атаке неприятеля телеги ставили вкруговую, а за ними помещали снятые с них кибитки, создавая двойное защитное кольцо, впереди которого иногда выкапывали глубокий ров [92; 101].

Среди кочевых огузов наряду с войлочными юртами были распространены шатры и палатки [96, стр. 194; 123, стр. 18; 63, л. 134]. Они назывались по-тюркски «чатыр» [19] и «алачык» и представляли собой в основном сезонные жилища. Такие жилища в средневековых арабских и персидских источниках обозначаются терминами «хайма» и «хиргах» [96, стр. 194; 123, стр. 18; 68, стр. 27; 110, стр. 42]. Шатры состояли из внешних покрытий, которые привязывались к вбитым в землю колышкам, а также деревянных опор [92, стр. 15, 16]. Покрытие шатров и палаток, вероятно, делалось из различных материалов [20], а также козьих шкур [122, стр. 229; 31, стр. 260; 78, стр. 6]. Огузские шатры имели подчас крупные размеры, вмещая до сотни человек [67, стр. 5]. В таких палатках, возможно, обитала не только знатная верхушка[21], но и простые общинники, жившие большими неразделенными семьями. Однако по своему внешнему виду и убранству палатки богатой аристократии отличались от аналогичных народных жилищ. Шатры сельджукских предводителей, например, были разукрашены золотом и изображениями лука и стрел. Вход в палатку закрывался роскошно убранной завесой [21, IX, стр. 242]. Около самих шатров обычно водружалось особое султанское знамя [92, стр. 159].

Огузские племена X—XIII вв. обитали не только в переносных юр-

---

[18] Остовы кибиток средневековых тюрок обычно делались из ивовых прутьев [104, стр. 471—472]. Деревянные решетки огузских юрт назывались «кереку», но этим термином обозначалось и само жилище. Особые мастера, изготовлявшие остовы таких кибиток, назывались «керекучи» [6, стр. 168—170].

[19] В языке огузов конца XI в. они назывались «чашыр» [34, I, стр. 340].

[20] В исторических преданиях говорится, что Огуз-хан имел «золотой» шатер [46, л. 48а]. Интересно отметить, что арабские географы IX—X вв. рассказывают о таком же «золотом» шатре, который принадлежал царю токуз-гузов и вмещал тысячу человек [108]. Можно предположить, что внешнее покрытие этих шатров состояло из расшитых золотом дорогих материй.

[21] Правящая знать средневековых тюрко-монгольских племен имела большие шатры-ставки, называвшиеся «улуг эв» [128, стр. 121, 122; 127, II, стр. 504]. Газневидские султаны имели целые палаточные дворцы (сарайперде), окруженные завесой с четырех сторон; они имели специальную перегородку, отделявшую женскую половину от остальной части царской ставки [3, стр. 740].

тах и шатрах, но и в постоянных жилищах. Переход части огузов от скотоводства к земледелию способствовал появлению домов стационарного типа. Сначала это, вероятно, были землянки и полусезонные убежища [22], а затем появились глинобитные мазанки, напоминавшие по форме кочевую юрту [ср. 59, стр. 55]. Последние в XI в. по старой традиции назывались «эф», но были оштукатурены глиняной обмазкой [35, II, стр. 3]. Беднота и несостоятельные семьи ютились также в различных постройках из глины, дерева и камня [ср. 98, стр. 320]. В дальнейшем появились дома из пахсы и сырцовых кирпичей (там) с плоской кровлей [23].

Внутреннее убранство огузских жилищ состояло из войлоков (кече), паласов (килим), различных подстилок (языклык тушек), ковров (кали). Домашней утварью служили одеяла (йорган), подушки (ястук) и другие предметы житейского обихода [70, III, стр. 219, 237; 113, стр. 243; 85, стр. 14]. Обеденная и кухонная посуда (идиш) состояла из глиняных мисок (чанак), ложек (чумче), кружек для питья (барт), кувшинов (афтаби), ведер и т. д. [см. 34, I, стр. 361; III, стр. 271, 179; I, стр. 319, 349; 78, стр. 49, 78]. Посуда кочевых огузов была почти вся сделана без гончарного круга грубым лепным способом [57, стр. 197]. Богатая аристократия имела дорогую утварь, ела из золотых и серебряных блюд (100).

Пищей кочевников в основном служили молочные продукты и мясные блюда, главным образом из дичи [6, стр. 93; 71, стр. 259, 260; 125, стр. 41]. Хлеба кочевые огузы употребляли мало [28; 29; 128], и его приходилось закупать или обменивать на скотоводческие товары [24]. В их рационе преобладало овечье, кобылье и верблюжье молоко, из которого приготовляли различные кушанья и напитки. Овечье молозиво употреблялось для изготовления югурта — вида творога, либо простокваши [78, стр. 92; 68, стр. 2; 116, стр. 32]. Масло сбивали в кожаных мешках (йайык) и глиняной посуде из разбавленного водой югурта [116, стр. 32]. Остаток в виде белой жидкости (айран) употребляли в качестве напитка [34, I, стр. 109; 68, стр. 8]. Молоко использовали для приготовления сыра (пейнир) и кислого молока (катык). Свежий катык, высушенный на солнце, назывался «курт» [34, I, стр. 298; II, стр. 14]. В качестве хмельного напитка служил кумыс [78, стр. 54], изготовлявшийся из кобыльего молока [25]. Югурт использовался также для приготовления особого кушанья (торак) с приправой из укропа и мяты [85, стр. 83].

Огузские племена до обращения в ислам употребляли в пищу мясо различных зверей и птиц. У них отсутствовало соответствовавшее мусульманским представлениям понятие о «чистых» и «нечистых» животных. Обращает на себя внимание, что огузы, подобно другим тюркам-язычникам, ели даже грызунов, воронов и хищных ястребов [см. 6, стр. 93]. Однако после принятия ислама огузы стали употреблять в пищу главным образом мясо коз, баранов, коров [34, I; стр. 308; 78,

---

[22] В этой связи весьма интересны свидетельства арабских и персидских источников X—XIII вв. о существовании у тюрок подземных жилищ-землянок. Они служили главным образом зимними убежищами и имели специальные очаги для обогрева [см. 6, стр. 64, 65].

[23] Обращает на себя внимание, что слово «там» в огузском языке XI в. значило: «стена». Однако в XIII в. оно употреблялось туркменами уже для обозначения дома с кровлей [85, стр. 48]. См. подробнее о возможной семантике и исторической эволюции слова «там» в работе Ю. Немета [112, стр. 92].

[24] Интересно, что среди кочевых тюрок рассматриваемого периода существовало поверье о том, что растительная пища укорачивает человеческую жизнь [7, л. 134б].

[25] Следует отметить, что у сельджукских племен Малой Азии кумысом назывался также напиток из верблюжьего молока [115; 116].

стр. 188; 113, стр. 243; 116, стр. 31]. Мясо приготовлялось в отварном и жареном виде, причем на мясном бульоне варили суп под названием «шурпа» или «аш» [34, II, стр. 61; III, стр. 139; 85, стр. 24, 48]. Изысканным кушаньем было жаркое из козьего мяса (сөкуш) и баранины с поджаренным луком (йахны) [26]. Лакомым блюдом считался готовившийся на шомполах шашлык (чиш), особенно из дичи [34, II, стр. 136]. Был еще вид шашлыка (бирйан) из кусков баранины, завернутых в шкуру и испеченных в горячей золе [115, стр. 73].

Кушанья оседлых и полуоседлых огузов и туркмен отличались по сравнению с блюдами кочевников разнообразием ассортимента. Они употребляли в пищу не только молочные и мясные блюда, но и съедобные травы [27], а также больше мучных изделий и хлеба (атмек). Лепешки, называвшиеся черек, выпекались в глиняных печах [тамдыр], а лепешки көмеч — под слоем горячей золы [34, I, стр. 12, 300; 78, стр. 112]. Племена сельджукского объединения пекли юфка этмек — тонкие лепешки наподобие лаваша [115, стр. 74]. Они приготовляли также похлебку из толченой пшеницы (бугдай чорбасы), заправленную югуртом, маслом и сушеной мятой [115, стр. 75]. Распространенным блюдом являлся и мучной суп (бун), сваренный на мясном бульоне [70, I, стр. 37]. Излюбленным кушаньем был тутмач — вид лапши с мясом [78, стр. 291; 85, стр. 70; 68, стр. 108; 122, стр. 230]. В тутмач [28] клалось тесто, нарезанное длинными и тонкими полосками [127, II, стр. 505]. Тесто раскатывалось продолговатой наподобие стрелы каталкой, называемой в средневековых персидских словарях «тир-и тутмач» [25, л. 49а]. Приправой к тутмачу служили различные специи: чеснок [97, IX, стр. 330] и сок из плодов «авилку» [29]. В рацион оседлых и полукочевых огузов и туркмен входили также фрукты и овощи, в том числе дыни [см. 6, стр. 94—97]. Фрукты употреблялись в свежем виде, из них готовились и различные кушанья типа патоки. В частности, виноградный сироп использовался для приготовления рода патоки под названием «бекмез» [34, I, стр. 365; 85, стр. 14, 62; 78, стр. 34].

Одежда огузов была в основном приспособлена к условиях кочевой жизни. Костюмы изготовляли из шерстяных, полотняных, хлопчатобумажных и шелковых материй, но употребляли и меховую одежду [40, л. 108, 109; 28, стр. 63, 64; 120, стр. 21]. В X в. огузская знать помимо туземных носила привозные одеяния. Огузские вожди надевали мервские и гурганские кафтаны, приобретали импортные ткани из шелка и парчи [28, стр. 62—65]. Первые сельджукские предводители облачались в каба — род кафтана, оборачивали голову чалмой [5].

Значительная масса огузов состояла из простых общинников (эр), являвшихся одновременно воинами. Снаряжение, одежда, различные виды их украшений были в основном кустарного домашнего производства. Обычная верхняя мужская одежда состояла из куртки [30] с поясом [31] халата и шаровар [28; 29; 128; 34; 70; 35]. Тюркоязычные племена X в.

---

[26] Малоазиатские сельджуки готовили йахны из баранины, говядины и курицы с горохом, жареным луком, чесноком и другими острыми приправами [116, стр. 31].

[27] В словаре Махмуда Кашгарского упоминаются различные травы и растения, употреблявшиеся в пищу огузами и туркменами XI в. [34, I, стр. 139; III, стр. 41].

[28] Это слово в форме «дутмач» и «думеч» сохранилось у части турецкого сельского населения, которое называет так блюдо, приготовленное из тонко нарезанной лапши [103, стр. 299].

[29] Возможно, идет речь о кизыле, употреблявшемся в пищу в качестве приправы. Махмуд Кашгарский указывает, что это были росшие на дереве плоды красного цвета.

[30] В арабских источниках этого периода такие одежды называются «куртак» [28; 29; 95; 128].

[31] Пояса изготовлялись из крепкой тугой кожи [69, стр. 72; 44, стр. 86, 87] и имели пряжки, а также украшения (сахт) из железа, серебра, золота [34; 35; 70].

носили длинные куртки с рукавами и короткие без рукавов с доходившими лишь до колен полами [95; 128]. Большинство огузов, вероятно, одевалось в длиннополые куртки с рукавами [32]. В холодную пору, особенно в стужу, надевалась теплая шуба (ичмек) из шкуры ягненка или овцы [28, стр. 63—64; 34, I, стр. 94; ср. 73, стр. 33]. Ношение одежд из лисьего меха золотисто-желтого цвета являлось в X в. исключительно привилегией огузских правителей [6, стр. 55].

Мужской костюм состоял также из халата (тон) красного, синего, белого и других цветов [33]. Халаты шили из хлопчатобумажной ткани (биз), парчи (барчин), шерстяных материй (өрүтон). Очевидно, это была длиннополая одежда [105, стр. 5], но имелся и «колак тон» — халат с короткими рукавами [35, I, стр. 96, 320; 78, стр. 163; 81, стр. 15]. Верхняя одежда, по-видимому, имела карманы, называвшиеся по-огузски «күнчак». Обычно под халатом носили исподнее белье, состоявшее из рубашки (көнлек) и штанов [34]. В холодные ночи надевали на ноги чулки в виде гетр или гамаш [28, 29; 73; 128]. Обувью служили войлочные и кожаные сапоги (этук) и своеобразные кожаные лапти (чарык). Последние надевались на портянки, которые привязывались к ногам длинными шнурками [34, I, стр. 318; 122, стр. 232].

Наиболее распространенным головным убором являлся «бөрук», символизировавший мужское достоинство [34, I, стр. 292; 90, стр. 73; 100, стр. 102]. Термин «бөрук» употреблялся в значении «шапка», но им обозначался и головной убор из бараньей шкуры [86, стр. 36]. Среди тюркоязычных народов средневековья это название прилагалось также к шапкам из козьего и других мехов [34, I, стр. 292; III, стр. 132; 78, стр. 154]. Огузский бөрук представлял собой мужской головной убор, вероятно с остроконечным и плоским верхом [128, стр. 176]. Бөруки огузов и туркмен были в основном меховыми, но некоторые, например группа иранских туркмен, носили войлочные колпаки черного цвета [35].

Символом мужского достоинства была также борода, и лишиться ее считалось величайшим позором [106, стр. 198, 199]. У огузов было принято придавать бороде особую форму: они выщипывали растительность на лице [36], оставляя только волосы на подбородке и узкую кайму на щеках [28; 29; 129]. Взрослые мужчины обычно голову не брили [37], а носили длинные волосы [34, III, стр. 27; 79; 58]. Мальчикам и юношам вплоть до женитьбы оставляли на голове пучки волос наподобие чуба [38]. Мужчины носили также загнутые книзу длинные усы [5].

---

[32] В пользу этого мнения свидетельствует рассказ Константина Багрянородного о части печенегов, вошедших в IX в. в состав огузов; эти печенеги в отличие от огузов носили одежды до колен и не имевшие рукавов [48, стр. 141; ср. 89, II, стр. 407, 437].

[33] В тюркоязычной среде рассматриваемого периода слово «тон» [«дон»] было широко распространено и употреблялось в значении «одежда»; данный термин, по мнению Клосона, происходит от сакского «тауна» — «одежда, платье» [80, стр. 16].

[34] Нижнее белье называлось по-тюркски «ичтон», «иштан», «ичим дон» [34, III, стр. 15; 68, стр. 38; 85, стр. 44; 73, стр. 35, 125].

[35] Очевидно, эти колпаки отличались от войлочных шляп с полями, которые носили другие тюркоязычные племена исследуемого периода. В XII в. подобные шляпы изготовлялись в Дербенте, откуда вывозились для продажи окрестным степнякам [128, стр. 174, 175].

[36] В арабо-тюркском глоссарии XV в. из мамлюкского Египта упоминается туркменское слово «йолковуш» в значении «пинцет» для волос [87, стр. 65].

[37] Интересно отметить, что в одном из источников XII—XIII вв. говорится о том, что большинство тюрок носит длинные волосы [7, л. 1346].

[38] Обычай ношения чуба, называвшегося «кекиль», «кикиш», «кикич», широко бытовал у средневековых тюрко-монгольских народов [93, стр. 385; 68, стр. 83; 73, стр. 83].

Женская верхняя одежда состояла из халата, платьев (көнлек) алого, красного, желтого и других цветов [100, стр. 101; ср. 87, стр. 21]. Головной убор состоял из платков (яглык) и специальных накидок в виде одежды без рукавов (тэринчек). Огузские женщины, подобно другим тюрчанкам [91, стр. 96], надевали головной платок лишь после выхода замуж[39]. В XI—XIII вв. огузские женщины закрывали лицо особой завесой (яшмак), которая представляла собой тонкое покрывало [78, стр. 81; 68, стр. 99, 112; 87, стр. 40; 31, стр. 13, 33, 266]. Обувью служили кожаные туфли (башмак) и сапоги (букюм этук), по-видимому с загнутым носом [34, I, стр. 331; 78, стр. 47; 85, стр. 19; 68, стр. 61; 73, стр. 17].

Огузские женщины, по-видимому, не менее других тюрчанок этого периода заботились о своей внешности. Тюрчанки, как видно из источников XI—XIV вв., употребляли различные косметические средства. В частности, они применяли анилик — румяна для щек и киршан — белила для лица [34, I, стр. 105; 68, стр. 11, 177; 87, стр. 8]. Длинные до пят косы (өрчӱк) считались непременным признаком женской красоты [34, I, стр. 95, 103; 31, стр. 13, 33; 7, л. 134б].

Женскими украшениями служили наручные запястья (билезук), кольца (юзук), ожерелья (кылыда). Браслеты изготовлялись в основном из серебра, они были пластинчатые и витые [10, стр. 77]. Девушки носили монисты (козмонджук) из набора разноцветных бус [34, I, стр. 361, 427; III, стр. 153; 85, стр. 65; 68, стр. 18, 20]. Бусы изготовлялись из различных материалов (сердолика, голубого стекла, желтой пасты) и имели конусовидную, цилиндрическую и другую форму [10, стр. 77]. Женщины и девушки носили также серьги[40], в частности из круглой проволоки в виде незамкнутых колец [50, стр. 205].

Исследуемый историко-этнографический материал позволяет судить о некоторых характерных чертах быта и культуры огузских племен Средней Азии IX—XIII вв. В материальной культуре огузов прослеживается тесная связь с окружающей природной средой и особенностями их хозяйственной жизни. Среднеазиатские огузы рассматриваемого периода не были «чистыми» номадами, а подразделялись на кочевые, полукочевые, оседлые и полуоседлые группы. Однако экстенсивное скотоводство занимало доминирующее положение в их хозяйственной практике [6, стр. 87—93]. В общественном строе огузских племен этого периода еще сохранились пережитки родо-племенных институтов эпохи военной демократии. Наряду с этим интенсивно развивалось классовое расслоение и складывались раннефеодальные отношения.

Особенности производственной деятельности и уровень социально-экономического строя наложили свой отпечаток на облик материальной и духовной культуры огузских племен. Доминирование скотоводства в их хозяйстве сказывалось на основных типах жилища, пищи, одежды и других сторонах повседневного быта. Разложение основ родо-племенного строя и развитие классовых антагонистических отношений нашли свое выражение в переходе от язычества к монотеистической религии ислама. Материальная и духовная культура огузов IX—XIII вв. в своих основных чертах была порождением кочевого быта и интенсивно развивавшихся патриархально-феодальных отношений.

---

[39] Женщины некоторых тюркоязычных племен рассматриваемого времени носили шапки [41, стр. 1986].

[40] Средневековые историки отмечают своеобразный обычай у сельджукских племен, согласно которому рабы и вольноотпущенники должны были носить в ушах большие серьги [109, стр. 868].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абу Рейхан Бируни, Избранные произведения, т. II, Ташкент, 1963.
2. Абу Рейхан Мухаммад ибн Ахмад ал-Бируни, *Китаб ал-джамахир фи марифат ал-джавахир,* Хайдерабад, 1355 г. х.
3. Абу-л-Фазл Бейхаки, История Мас'уда. Пер. и прим. А. К. Арендса, Ташкент, 1962.
4. Агаджанов С. Г., Новые материалы о происхождении туркмен, — ИАН ТуркмССР. Серия общественных наук, 1963, № 2.
5. Агаджанов С. Г., Уникальная медаль с изображением султана Мухаммада Тогрул-бека, — ИАН ТуркмССР. Серия общественных наук, 1964, № 4.
6. Агаджанов С. Г., Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.
7. *Аджаиб ад-дуниа.* Рукопись ИВАН СССР, А-253-2.
8. Амин ал-Холи, Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв., М., 1962.
9. Анна Комнина, Алексиада. Пер. Я. Н. Любарского, М., 1965.
10. Артамонов М. И., Саркел — Белая Вежа, — «Материалы и исследования по археологии СССР», 1958, № 62.
11. Бартольд В. В., Султан Санджар и гузы, — ЗВОРАО, 1912, т. XX.
12. Бартольд В. В., О христианстве в Туркестане в домонгольский период, — ЗВОРАО, 1894, т. VIII.
13. Бартольд В. В., О колесном и верховом движении в Средней Азии, — ЗИВАН, 1937, т. IV.
14. Васильев В., История и древности восточной части Средней Азии, СПб., 1859.
15. Голубовский П. И., Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884.
16. Гумилев Л. Н., Древние тюрки, М., 1967.
17. Гусейнов Р. А., Об устойчивости и преемственности традиций свадебных обрядов у народов Передней Азии, — «Географическое общество СССР. Доклады Восточной комиссии», вып. 1(2), Л., 1965.
18. Заходер Б. Н., Империя Тимура, — «Исторический журнал», 1941, № 6.
19. Зеленин Д. К., Культ онгонов в Сибири, М.—Л., 1936.
20. Закария Казвини, *Аджаиб ал-махлукат.* Рукопись библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ПНС-115.
21. Инб ал-Асир ал-Джазири, *Тарих ал-камил,* т. I—XII, Каир, 1301 г. х.
22. Ибн ал-Факих, *Китаб ахбар ал-булдан.* Фотокопия мешхедской рукописи, ИВАН СССР, ИфВ-202.
23. Ибн Ийас, *Наиг ал-азхар.* Рукопись ИВАН СССР, В-1033.
24. Ибн Саид ал-Магриби, *Джуграфийа.* Рукопись ИВАН СССР, С-591.
25. Ибрахим Кавам Фаруки, *Шахнама-йи Ахмад.* Рукопись ИВАН СССР, С-312.
26. История первобытного общества, М., 1968.
27. Кастанье И. А., Древности Киргизской степи и Оренбургского края, Оренбург, 1910.
28. [Ковалевский А. П.], Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939.
29. Ковалевский А. П., Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу, Харьков, 1956.
30. Кононов А. Н., Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, М.—Л., 1958.
31. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос, М.—Л., 1962.
32. Марголин П., Три еврейских путешественника XI и XII столетий, СПб., 1881.
33. Левина Л. И., Керамика нижней и средней Сыр-Дарьи, М., 1967 (автореферат канд. дисс.).
34. Махмуд ибн Хусейн ал-Кашгари, *Диван лугат ат-тюрк,* т. I—III, Стамбул, 1333—1335 г. х.
35. Махмуд Кашгари, *Диван лугат ат-тюрк,* т. I—III, Анкара, 1941 (факсимильное издание).
36. Махтумкули, Избранные произведения, Ашхабад, 1948.
37. Мирхонд, *Китаб-и тарих-и раузат ас-сафа,* т. I—VII, Бомбей, 1266 г. х.
38. *Муджмаль ат-таварих ва-л-кисас,* Тегеран, 1329 г. х.
39. Мухаммад ибн Махмуд Амоли, *Нафаис ал-фунун.* Рукопись ИВАН УзбССР, инв. № 2751.
40. Мухаммад ибн Мухаммад аш-Шариф ал-Идриси, *Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак.* Рукопись Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ар. ИС-176.
41. Наджиб Хамадани, *Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мауджудат.* Рукопись ИВАН СССР, А-453.

42. Наджиб Хамадани, *Аджаиб ал-махлукат ва гараиб ал-мауджудат*. Рукопись ИВАН СССР, Д-129.
43. Плетнева С. А., Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, — «Материалы и исследования по археологии СССР», 1958, № 62.
44. Повествование вардапета Аристакэса Ластивертци. Пер. с арм. и комм. К. Н. Юзбашяна, М., 1968.
45. Радлов В. В., К вопросу об уйгурах, СПб., 1893.
46. Рашид ад-Дин, *Джами ат-таварих*. Рукопись Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ПНС-46.
47. Рашид ад-Дин, Сборник летописей. Пер. Л. А. Хетагурова, т. I, кн. 1, М.—Л., 1952.
48. Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». Предисл. Г. Ласкина, М., 1899.
49. Салыр-баба Гулалы Салыр-оглы, Хырыдары, *Джами ат-таварих*. Рукопись Института языка и литературы АН ТаджССР, инв. № 526.
50. Синицын И. В., Археологические исследования Заволжского отряда, — МИА, 1959, № 60.
51. Султан Мухаммад Балхи, *Маджма ал-гараиб*. Рукопись АН АзербССР, С-275.
52. Тарджума-и Масалик ал-мамалик, Рукопись ИВАН СССР, С-710.
53. *Тарих-и Ал-и сельджук*. Рукопись ИВАН СССР, Д-116.
54. Толстов С. П., Города гузов, — СЭ, 1947, № 3.
55. Толстов С. П., По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.
56. Туманский А., Родословная туркмен. Рукопись ИВАН СССР. Архив востоковедов, разр. 2, оп. 4, № 20.
57. Федоров-Давыдов Г. А., Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, М., 1956.
58. Успенский Ф. И., Движение народов из Центральной Азии в Европу, — «Византийский временник», 1947, т. XXVI.
59. Харузин Н., История развития жилища у кочевых и полукочевых турецких и монгольских народностей России, М., 1896.
60. Хвольсон Д. А., Предварительные заметки о найденных в Семиреченской области сирийских надгробных камнях, — ЗВОРАО, 1898, т. I.
61. *Худуд ал-алем*. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. В. Бартольда, Л., 1930.
62. *Шаджара-и теракиме*. Рукопись ИВАН УзбССР, инв. № 15.
63. Шамс ад-Дин Суфи, *Нухбат ад-дахр фи аджаиб ал-барр ва-л-бахр*. Рукопись ИВАН СССР, В-781.
64. Щербак А. М., *Огуз-наме. Мухаббат-наме*, М., 1959.
65. Шулунов Ф., Происхождение и реакционная сущность шаманства. Бурятское книжное издательство, 1953.

66. Abu Rayhan Al-Biruni, *Kitab fi Tahqiq-i-Mā lil-Hind* or Al-Biruni's India, Hyderabad, 1958.
67. Abu Hamid el-Granadino y su relacion de viaje por tierras Eurasiaticas, Madrid, 1953.
68. Abu Hayyan, *Kitab al-idrâk li-lisan al-atrâk*, Istanbul, 1931.
69. Arisdagues de Lasdiverd, Histoire d'Armenie, trad. par E. Prud'homme, Paris, 1864.
70. Atalay B., Divanü lugât-it-türk tercümesi, cilt I—III, Ankara, 1939—1941.
71. Azzavi A., Abni Hassulün türkler hakkinda bir eseri, — «Türk Tarih Kurumu Belleten», 1940, cilt IV, № 14—15.
72. Barthold W., Ghuzz, — «Enzyklopaedie des Islām», Bd II, 1928.
73. Battal A., Ibnü Mühenna lûgati, Istanbul, 1934.
74. Bergeron P., Voyages faits principalement en Asie Centrale, t. I, La Haye, 1835.
75. Biruni's Picture of the World. Ed. by A. Zeki Validi Togan, Delhi, 1937 («Memoirs of the Archaeological Survey of the India», № 53).
76. Bretschneider E., Notices of the mediaeval geography and history of Central and Western Asia, London, 1876.
77. Brice W. G., The Turkish colonization of Anatolia, — «Bulletin of the John Rylands Library», Manchester, 1955, vol. 38, № 1.
78 Brockelmann C., Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kašgari's Divan Luγat at-Türk, Leipzig, 1928.
79. Chronique de Matthieu d'Edesse, trad. par M. E. Dulaurier, Paris, 1858.
80. Clauson G., Turkish and Mongolian Studies, London, 1962.
81. Danişmend İ., Türkiyat ve islâmiyet tedkikleri külliyati, İstanbul, 1956.
82. Dunlop M. D., The history of the Jewish Khazars, Princeton, 1954.

83. Devereux R., Al-Kashghari and Early Turkish Islam, — «The Muslim World», 1959, vol. XLIX, № 2.
84. Edib ibn Muhammed Yükneki, Atabet'ül hakaik, İstanbul, 1951.
85. Ein türkisch-arabisches Glossar. Nach der leidener Handschrift, Leiden, 1894.
86. Ergin M., Dede Korkut kitabı, Ankara, 1958.
87. Et-tuhfet-üz-zekiyye fil-lugat-it-türkiyye, İstanbul, 1945.
88. Gabain A. von, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950.
89. Géographie d'Edrisi. Trad. de l'arabe en français par A. Jaubert, t. I—II, Paris, 1836—1840.
90. Gökyay Ö. Ş., Dede Korkut, İstanbul, 1938.
91. Hammer M. J., Sur les origines russes. Extraits de manuscrits orientaux, St.-Pbg., 1827.
92. Histoire des Seldjoucides de l'Iraq par al-Bondari d'après Imad ad-Din al-Katib al-Isfahani, Leyde, 1889.
93. History of the Nation of the Archers (The Mongols) by Grigor of Acan... Cambridge, 1954.
94. Houtsma M. Th., Die Ghuzenstämme, — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd II, 1888.
95. Hrbek I., Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen, — «Archiv Orientální», t. IV, Praha, 1957.
96. Hudud al-Alam mit Mashriq ila al-Maghrib, Tehran, 1962.
97. Ibn-el-Athiri, Gronicon quod perfectissimum inscribitur ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae, Lugduni Batavorum, 1851—1876.
98. Ibni Haldun, Mukaddima. Çeviren Z. K. Ugan, İstanbul, 1954.
99. Iran A., Ongon ve tös kelimeleri hakkında, — «Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası», cilt I, İstanbul, 1931.
100. Kapian M., Dede Korkut kitabında kadın, — «Türkiyat Mecmuası», cilt IX, 1951.
101. Köymen M. A., Büyük Selçuklular imparatorluğunda Oğuz isyanı, — «Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi», cilt V, № 2, 1947.
102. Kudatgu Bilig, Mısır nüshası, İstanbul, 1943.
103. Koşay H. Z., Türkiye halk dilindeki yemek adları, — «Nemeth armağanı», Ankara, 1962.
104. Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken, Wiesbaden, 1958.
105. Le Coq A., Türkische Manichaica aus Chotscho, — «Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie der Wessenschaften. Philologisch-historische Klasse», Bd VI, 1911.
106. Mehmed Neşri, Kitab-i-Cihan-nüma, Ankara, 1940.
107. Minorsky V., Ḥudūd al-'Ālam. «The Region of the World». A Persian geography 372 *A. H.* — 982 A. D. Transl. by V. Minorsky, London, 1937.
108. Minorsky V., Tamīm ibn Bahr's Journey to the Uyghurs, — BSOS, 1948, vol. XII, pt 2.
109. Minorsky V., Caucasica II, — «Bulletin of the School of Oriental Studies University of London», 1951, vol. XIII, pt 4.
110. Molla Salih, Es-şüzür-üs-zehebiyye vel kitail Ahmediyye fil luğat-i turkiyye, Istanbul, 1944.
111. Namik H., Über das Kitab-i Dede Korkut, — «Körösi Chsoma Archivum», Bd XV, 1926.
112. Nemeth J., Probleme der türkischen Urzeit, — AnOr, vol. I, Budapest, 1942.
113. Oğuz destanından bir parça, — «Türk Tarih, Arkeolojya ve Etnografya Dergisi», İstanbul, 1934.
114. Osmanlı tarihleri, cilt I, İstanbul, 1949.
115. Oral M. Z., Selçuk devri yemekleri ve ekmekleri, — «Türk Etnografya Dergisi», sayı I, Ankara, 1956.
116. Oral M. Z., Selçuk devri yemekleri, — «Türk Etnografya Dergisi», cayı II, Ankara, 1957.
117. Radloff W., Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, 1894.
118. Radloff W., Über alttürkische Dialekte, — «Billetin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg», t. I, 1890.
119. Raşid al-Din Fazlallah, Cami al-tavarih. Selçuklular tarihi, Ankara, 1960.
120. Rohr-Sauer A., Des Abu Dulaf Bericht über soine Reise nach Turkestan, China und Indien, Stuttgart, 1939.
121. Rice T. Talbot, The Seljuks in Asia Minor, London, 1961.
122. Salemann C., Noch einmal die seldschukischen Verse, — «Bulletin de l'Academie imperiale des sciences de St. Petersbourg», t. II, 1892.
123. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with English transl. and comment by V. Minorsky, London, 1942.

124. Tabakat-i-Nasiri. A General History Muhammadan Dynasties of Asia. Transl. by H. G. Raverty, vol. I—II, London, 1881.
125. Tarih-i Fakhrud-din Mubarakshah being the Historical introduction to the Books of Genealogies, London, 1927.
126. The Tabaqát-i Násiri of Aboo'Omar Minháj al-dín al-Jawzjani, Calcutta, 1864.
127. The History of the World-Conqueror of Ala-ad-Din Ata-Malik Juvaini. Transl. by J. A. Boyle, vol. I—II, Manchester, 1958.
128. Togan A. Z. V., Ibn Fadlan's Reisebericht, Leipzig, 1939.
129. Velidi A. Z., Oğuzların hristiyanliği meselesine ait, — «Türkiyat Mecmuasi», cilt II, 1928.
130. Yaltkaya Ş., Eski türk ananelerinin bazı dini müesseselere te'sirleri — Ikinci Türk Tarih Kongresi, İstanbul, 1943.
131 Zajączkowski A., Słownik arabsko-kipczacki z okresu Państwa Mameluckiego Bulgat al-mustaq fi lugat at-turk wa-l-qifzaq, Warszawa, 1945.

Б. Е. Кумеков

СТРАНА КИМАКОВ ПО КАРТЕ АЛ-ИДРИСИ

Раздел о кимаках в географическом своде ал-Идриси (1100—1164) *Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак* (1154), неоднократно цитировавшийся в трудах таких выдающихся востоковедов, как В. В. Григорьев, В. В. Бартольд, И. Маркварт, не стал, однако, предметом специального изучения. Значительные расхождения текста ал-Идриси с сообщениями о кимаках некоторых других источников вызывали известное недоверие к сведениям сицилийского географа. Однако исследования последних десятилетий, относящиеся к другим разделам *Нузхат ал-муштак*, показали, что отрицание достоверности сведений ал-Идриси только из-за их уникальности неоправданно, а полнота его сообщений давала им зачастую известное преимущество даже перед трудами географов-путешественников [1] [12, стр. 298—299].

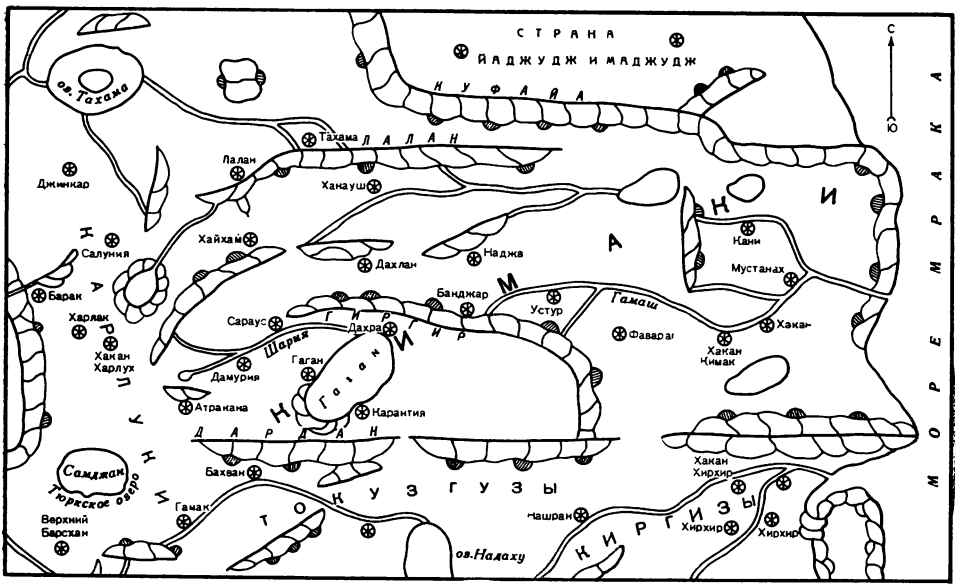
Неотъемлемой частью труда ал-Идриси являются входящие в него географические карты, объединенные общим названием *Сурат ал-ард* [2]. Впервые изданный в 1849 г. И. Лелевелем в латинской транскрипции этот своеобразный атлас, определенный И. Ю. Крачковским как «важнейший памятник арабской географии», нашел наилучшее воспроизведение в изданиях К. Миллера и Бахджат ал-Асари [6].

Страна кимаков на карте ал-Идриси помещена в девятом и десятом разделах четвертого климата. Как и на других частях карты, здесь нет координатной сети, не выдержаны масштабы, географические объекты представлены в виде схематичных географических фигур, стороны горизонта обратны современной ориентации.

Однако в отличие от карт ал-Истахри, Ибн Хаукаля [3, карты 15, 19] и других арабских географов X—XI вв. центральноазиатская часть *Сурат ал-ард* более насыщена обозначениями географических и этнонимических объектов, а сами обозначения и их взаимное расположение на карте настолько адекватны сведениям, содержащимся в тексте *Нузхат ал-муштак,* что последние могут восприниматься помимо своего самостоятельного дескриптивного значения и как своеобразная объяснительная записка к карте. Эти особенности делают *Сурат ал-ард* весьма ценным дополнительным источником, еще совершенно неиспользованным для изучения удаленных от «стран ислама» и малоизвестных там Семиречья, Восточного Туркестана и в какой-то мере Южной Сибири, при описании которых был использован источник, восходящий к местной

[1] Сведения о труде и карте ал-Идриси, их значение для арабской картографии и соотношение карты с текстом см. [12, стр. 288—293].

[2] Основой приводимой нами карты ал-Идриси послужило издание *Сурат ал-ард* Бахджат ал-Асари и Раджвад Али, а также карты ленинградского и софийского списков.



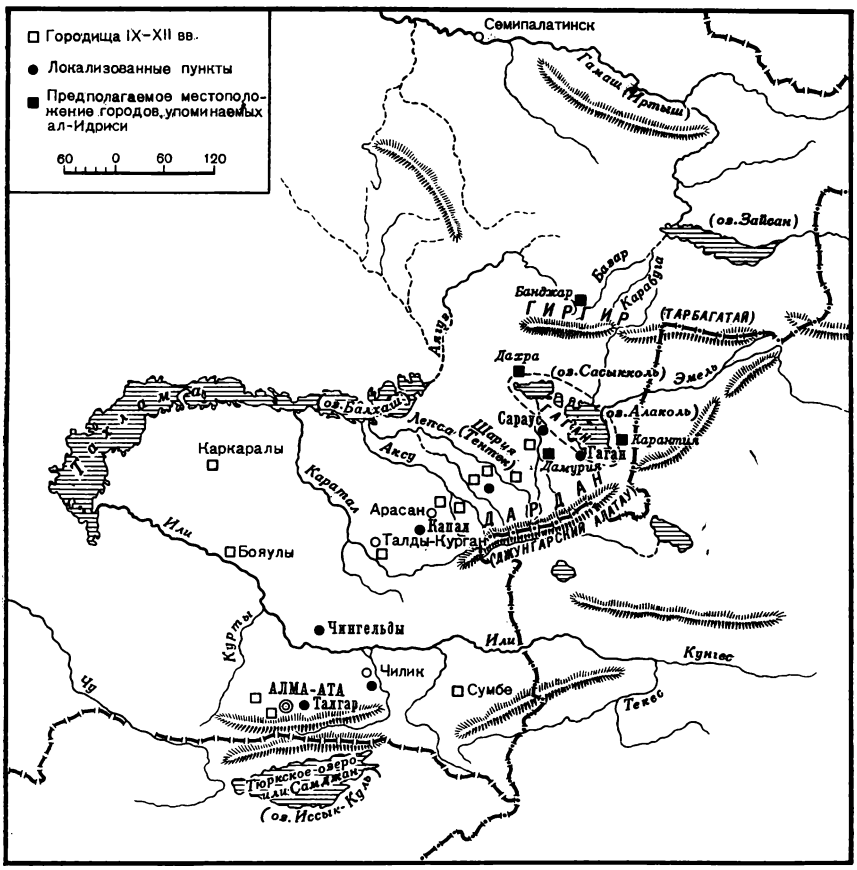
Страна кимаков по карте ал-Идриси

тюркской среде,— книга сына кимакского хакана ал-Джанаха (конец X — начало XI в.), нигде более не упоминаемая.

Путь в страну кимаков, согласно ал-Идриси, шел из ферганского г. Ахсикета через страну карлуков; от пограничного города карлуков Атракана до озера Гаган, на берегах которого стояли кимакские города,— 10 переходов (300—350 *км*) [11, стр. 65а].

В тексте *Нузхат ал-муштак* степень информированности автора сочинения и достоверности географических сведений явственно зависит от направления основных торговых путей того времени. Если на юго-запад и на запад от страны кимаков обозначена хорошо известная мусульманским купцам и путешественникам страна карлуков (у ал-Идриси этот этноним встречается в двух известных написаниях — харлух и халлух), на юг от кимаков — не менее известная им страна токуз-гузов, то на восток и на север, куда не проникали торговые караваны из мусульманских стран, автор по традиции помещает море Мрака и земли Йаджудж и Маджудж, проникшие через Коран в мусульманскую географическую литературу, что связывает топонимическую традицию ал-Идриси, относящуюся к области кимаков, с названиями, встречающимися у других арабских и персидских авторов [12, стр. 48—51].

В стране карлуков на карте ал-Идриси помещены два крупных топографических объекта — озеро Самджан (оно же — Бухайрат ат-турк, «Тюркское озеро») на юге и озеро Тахама строго на север от него. На южном берегу Тюркского озера обозначена область Верхнего Барскхана, надежно локализуемая теперь по многим источникам на южном берегу озера Иссык-Куль [5, стр. 31—32; 7, стр. 26; 19, стр. 292]. Именно отождествление Тюркского озера с Иссык-Кулем и может послужить исходным пунктом расшифровки этой части карты ал-Идриси и ее совмещения с известной нам географической схемой. Если иметь в виду, что на север от Иссык-Куля имеется лишь одно крупное озеро, до которого простирались после середины VIII в. карлукские кочевья,— озеро Балхаш, то, возможно, ал-Идриси, отражая традицию Саллама ат-Тарджумана, упоминает его под названием Тахама.



Страна кимаков по сведениям ал-Идриси

Несколько восточнее меридиана Иссык-Куль — Балхаш на обширной равнине, рассекаемой с востока на запад линиями хребтов, лежат страна кимаков на севере и страна токуз-гузов на юге. В центре южной половины кимакских земель — огромное озеро Гаган, длина которого — 6 дневных переходов по берегу (180—200 *км*), а ширина — 1,5 перехода (40—50 *км*); с запада в озеро впадает р. Шария [11, л. 65а, 65б].

Южнее озера — горы Дардан, отделяющие страну кимаков от владений токуз-гузов, а с севера и с востока долину, посреди которой лежит Гаган, замыкают горы Гиргир. К. Миллер отождествил озеро Гаган с Иссык-Кулем [18, л. 85], не обратив внимания на снимающее это определение местоположение Верхнего Барсхана, В. В. Григорьев, напротив, поместил Гаган в Восточном Туркестане, идентифицируя его с озером Бостен-Нор (Баграш-Куль) [10, стр. 223]; но Баграш-Куль не имеет отношения к стране кимаков — он расположен в глубине области токуз-гузов. Здесь ал-Идриси помещает не Гаган, а озеро Надаху.

Остается единственно возможная идентификация Гагана с Алакольской озерной котловиной, длина которой с севера на юг около 200 *км*, а ширина около 50 *км*. Как теперь установлено, расположенные в этой котловине озера (Алаколь, Кошкарколь и Сасыкколь) еще в первой половине нашего тысячелетия составляли одно целое [14, стр. 242; 13,

стр. 126]. Расположенные к югу от Гагана пограничные горы Дардан — это Джунгарский Алатау, который действительно, как это и обозначено на карте ал-Идриси, был реальной исторической границей между Уйгурским государством (страной токуз-гузов) и государством Семиречья [16, стр. 424—425; 17, стр. 7—17; 19, стр. 201—302].

В столь же точном соответствии с реальной географической схемой помещает ал-Идриси горы Гиргир к востоку и к северу от равнины, на которой лежит Гаган-Алаколь,— это Тарбагатайские горы. По ал-Идриси, на Гиргире кимаки добывали серебро, охотились на тигров и барсов, промышляли пушного зверя. В Тарбагатайских горах есть старые серебряные рудники, и сейчас существует пушной промысел, а на тигров здесь охотились еще в начале XIX в. [15, стр. 117]. Любопытной иллюстрацией к рассказу об охоте кимаков служит сцена, изображенная на бронзовой бляхе из Бобровского могильника в Прииртышье — кимакский всадник в характерной короткополой одежде (ср. ал-Идриси — «одежда у кимаков короткополая» [11, л. 69а]) поражает копьем тигра [1, стр. 80].

В озеро Гаган с северо-запада впадает р. Шария. По тексту *Нузхат ал-муштак* Шария берет начало из двух гор. Длина реки от ее истока до впадения в озеро Гаган составляет 75 фарсахов, или 225 миль, т. е. 500 *км* [11, л. 65б]. Из рек Алакольской впадины наиболее полноводной является Тентек, берущий начало двумя рукавами со снежных вершин Джунгарского хребта. Тентек является единственной крупной рекой, впадающей в Алаколь с западной стороны, и его отождествление с р. Шария возможно; однако в этом случае остается все же расхождение в длине — указанной ал-Идриси (500 *км*) и современного Тентека (155 *км*) [9, стр. 56].

В описании страны кимаков ал-Идриси упоминает 16 кимакских городов (по карте — 15). Пять из них расположены близ озера Гаган, в северо-восточном Семиречье.

Семиреченской археологической экспедицией в этом районе обнаружены и обследованы три городища. Два из них расположены в долине р. Тентек — первое на северо-восточной окраине с. Уч-Арал [2, стр. 219], второе — в 8 *км* к юго-западу от упомянутого села. Подъемный керамический материал с двух городищ аналогичен и не отличается от посуды датированных комплексов городищ Антоновское, Сумбе, Дунгене и относится к X—XIII вв. [8, стр. 85; 4, стр. 78—81]. Исходя из сообщения ал-Идриси о г. Сараус и изображения на карте, возможно идентифицировать его с первым городищем, расположенным в Уч-Арале.

На юго-западном берегу Алакола, в с. Коктума обнаружено и обследовано городище, датируемое IX—XIII вв. Город Гаган, по данным карты и текста *Нузхат ал-муштак* расположенный на юго-западном берегу одноименного озера, Таган — комплекс Алакольских озер, возможно отождествить со средневековым городищем в Коктума. А 11 городов (10 по карте) — на север и главным образом на северо-восток от хребта Гиргир (Тарбагатай) локализованы в долине р. Гамаш. Здесь, а не в Семиречье, помещает ал-Идриси древние земли кимаков, здесь же две столицы кимакского хакана — старая и новая. Река Гамаш — наиболее крупная река в стране кимаков, берущая начало в горах Банджар, расположенных в восточной части хребта Гиргир. Оттуда она течет, согласно карте и тексту ал-Идриси, сначала на северо-восток, а затем на север; где-то в неведомых уже местах она поворачивает на восток и так до впадения в море Мрака. В реке водятся огромные рыбы, берега ее покрыты лесами и чащами, а многочисленные притоки делают ее особенно многоводной.

В описании ал-Идриси можно легко узнать великие реки Западной Сибири — они берут начало в широтных хребтах Южной Сибири и Центральной Азии, имеют общее северное направление водостока, они разрастаются за счет многочисленных притоков, их берега покрыты тайгой, крупные рыбы поднимаются по этим рекам чуть ли не до самых истоков, а впадают они в неведомое море Мрака, отождествляемое с мировым океаном, который омывает и берега Африки, и берега Китая.

Однако в тексте и на карте достаточно деталей, чтобы искать возможности для более конкретной идентификации р. Гамаш. И важнейшим доводом в пользу возможности такой идентификации служит как раз сама локализация по р. Гамаш основных территорий кимаков. Результаты изучения всей совокупности источников, относящихся к кимакам, в том числе и археологических, сделали несомненной локализацию этих земель в Прииртышье, по среднему течению реки. Поэтому отождествление р. Гамаш с Иртышем представляется весьма вероятным, что в свою очередь позволяет не отрывать описание ал-Идриси, несмотря на совершенно своеобразную топонимику, от сведений тех арабских и персидских авторов, которые упоминают кимаков. Быть может, это лишает текст ал-Идриси какой-то части исключительности, обычно ему приписываемой, но позволяет значительно лучше понять значение и оценить степень достоверности тех элементов его описания, которые действительно могут быть отнесены к разряду уникальных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова Ф. Х., Бобровский могильник, — ИАН КазССР, серия общественных наук, 1963, вып. 4.
2. Археологическая карта Казахстана, Алма-Ата, 1960, № 3241.
3. Ахмад Суса, *Ал-Ирак фи-л-хаварит ал-кадима,* Багдад, 1959.
4. Байпаков К. М., Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья, — сб. «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968.
5. Бартольд В. В., Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью, 1893—1894 гг., — ЗИАН, ОИФ, сер. 8, СПб., 1897, т. I, № 4.
6. Бахджат ал-Асари, Раджвад Али, *Сурат ал-ард,* Багдад, 1951.
7. Бернштам А. Н., Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина, — МИА, 1950, № 14.
8. Бернштам А. Н., Памятники старины Алма-Атинской области, — ИАН КазССР, серия археологическая, 1948, № 46, вып. 1.
9. Болдырев В. М., Режим рек и временных водотоков Алакульской впадины, — сб. «Алакульская впадина и ее озера», Алма-Ата, 1965.
10. Григорьев В. В., Землеведение К. Риттера, География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею,— «Восточный или Китайский Туркестан», вып. II, перевод и дополнения, СПб., 1873.
11. Ал-Идриси (рук. ГПБ, Ар. н. с. 176).
12. Крачковский И. Ю., Арабская географическая литература, — Избранные сочинения, т. IV, М., 1957.
13. Курдюмов К. В., О колебании уровня озера Ала-Куль, — «Вопросы географии», 1951, № 24.
14. Обручев В. А., Пограничная Джунгария, т. I, Л., 1932.
15. Семенов В. П., Россия. Полное географическое описание нашего отечества, Киргизский край, т. XVIII, СПб., 1903.
16. Якубовский А. Ю., Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве IX—X вв., — ТОВЭ, 1947, т. IV.
17. Hamilton J., Les Ouïghours à l'époque des Cinq dinasties d'après les documents chinois, Paris, 1955 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes Etudes Chinoises, vol. X).
18. Miller K., Mappae arabicae, Arabische Welt- und Länderkarten, IV, Stuttgart, 1929.
19. Minorsky V., Tamim ibn Bahr's Journey to the Uyghurs, — BSOAS, 1948, t. XII, pt II.

А. А. Иванов

ПЕЧАТЬ ГАУХАР-ШАД

Изучение иранских печатей эпохи позднего средневековья по существу является забытой областью науки. Последняя известная мне работа, где хоть что-то о них сказано, была опубликована в 1945 г. [16, стр. 22—24]. Весьма показательно, что обширные и хорошо составленные библиографии К. Кресвелла и Дж. Пирсона вообще не имеют разделов о печатях [6; 13]. В отечественной литературе последней работой о резных иранских камнях XV—XIX вв. является статья Н. И. Веселовского о печати Мираншаха, изданная в 1910 г. [2].

Поэтому исследование печатей таит еще много интересных наблюдений и находок, одна из которых и послужила основанием для настоящей заметки.

Среди собрания резных камней, хранящихся в отделении Средней Азии и Кавказа Государственного Эрмитажа, мое внимание привлекла маленькая миндалевидная печать из черного камня, оказавшегося темно-зеленым нефритом [1].

Лицевая сторона ее плоская, по краю вырезаны две линии, Всю центральную часть занимают буквы надписи почерком «сульс» گوهر شاد بنت غياث الدين ترخان — «Гаухар-Шад, дочь Гийас ад-дина тархана». Оборотная сторона ее не плоская, как у большинства печатей XV в., а выпуклая и обработанная: посредине вырезан в низком рельефе узкий длинный лист, и два таких же по форме, но меньших по размеру полулиста помещены у краев справа и слева. Маловероятно, чтобы этот камень крепился в перстень, как это обычно и делалось. Против такого предположения свидетельствует выпуклая обработанная оборотная сторона печати, которая была бы не видна в перстне. К тому же края печати не имеют скоса, а это привело бы к тому, что цапки или края обноски перстня мешали бы оттискивать печать на бумаге.

Из надписи видно, что перед нами печать Гаухар-Шад — известной деятельницы первой половины XV в., жены сына Тимура — Шахруха и матери таких выдающихся личностей, как Улугбек, Байсонкур и Мухаммад-Джуки, поскольку именно она была дочерью эмира Гийас ад-дина тархана [1, стр. 62]. Биография ее была подробно, насколько позволяют персидские источники, вообще мало уделяющие внимание женщинам, изложена в статье А. А. Наими [17] и К. Модиршанечи («Ариана», № 287, 1349 г. х., стр. 8—22).

Год рождения Гаухар-Шад неизвестен, так же как и дата ее бракосочетания с Шахрухом. В марте 1394 г. родился ее первый сын Улуг-

[1] Инв. номер СА-13650; размеры: длина — 2,1 *см*, ширина — 1,5 *см*, толщина — 0,7 *см*. Сохранность хорошая. Время и обстоятельства поступления печати в собрание Гос. Эрмитажа остаются пока неизвестными.

Печать Гаухар-Шад

бек. Происходила она из влиятельной семьи. А. А. На'ими предполагает, что эта семья была как-то связана с династией Суфи, правившей в Хорезме во второй половине XIV в., поскольку к именам братьев Гаухар-Шад добавляется слово «Суфи». Но это остается лишь предположением.

Гаухар-Шад играла большую роль в политической жизни тимуридского государства. Она прославилась своей строительной деятельностью: до наших дней сохранились, хотя и частично, мечеть и медресе ее имени в Герате, мечеть в Мешхеде (окончена в 821 г. х./1418 г.) и два помещения около святилища имама Ризы в Мешхеде.

Жизнь ее оборвалась трагически: она была казнена 9 рамазана 861 г. х./31 июля 1457 г. по приказу султана Абу-Са'ида. Место захоронения ее оставалось до недавнего времени неизвестным. Только в 1970 г. была опубликована статья покойного Фикри Сельджуки, в которой в связи с находкой остатков надгробного камня доказывается, что Гаухар-Шад была похоронена в Герате в «Гунбад-е сабз», где покоится и прах ее сына Байсонкура («Ариана», № 287, 1349 г. х., стр. 52—54).

Поэтому нельзя считать правильным сообщения А. А. На'ими [17, стр. 25], Ш. Мустаманди [12] и Г. А. Пугаченковой [4, 15] о том, что Гаухар-Шад была погребена в мавзолее в Кухсане [2], поскольку надгробного камня там нет. По-видимому, это не более чем красочная легенда, возникшая в среде местных жителей.

Обратимся еще раз к печати. Почерк надписи «сульс», заполнение надписью всей лицевой поверхности печати, чистый фон надписи, две линии по краю; темно-зеленый нефрит, использованный для изготовления,— все эти признаки прекрасно связывают нашу печать с аналогичными памятниками XV в.

Почти все эти признаки, за исключением материала, мы видим на печатях или оттисках печатей Мираншаха [2], Шахруха [7, стр. 255, 257; 8, стр. 34, fig. 3], Байсонкура [7, стр. 256—257], Мираншаха ибн Туганшаха [7, стр. 257], султана Джаханшаха Кара-Койунлу [7, стр. 256—257], султана Абу-Са'ида [3, стр. 122, 132, рис. 39], султана 'Омар-Шейха, сына Абу-Са'ида [3, стр. 121—122, рис. 39], султана Мухаммада сына Абу-Са'ида [3, стр. 122, рис. 39], Узун-Хасана Ак-Койунлу [5, taf. III; 10, стр. 203, fig. 126], Бади' аз-Замана, сына Султан-Хусайна Байкара [3].

Темно-зеленый нефрит обычно употреблялся для изготовления вещей в Иране в XV в. [9, стр. 202; 14, стр. 49—50].

Миндалевидная форма печати встречается довольно редко, ибо в XV в. господствует круглая плоская печать. Все же эта форма извест-

---

[2] По сообщению источника XV в. *Муджмал-е Фасихи* [18, т. 3, стр. 207], главные налоги с Кусуйе (Кухсана)' — «мал и мутаводжухат» в 814 г. х./1411-12 г. были пожалованы Туман-ака — вдове Тимура, поскольку это селение было ее суйургалом еще при жизни Тимура. Не могло ли возведение мавзолея в Кухсане быть связано с именем Туман-ака, прославившейся прежде своей строительной деятельностью в Самарканде (постройки в комплексе Шах-и зинда)?

[3] Рукопись дивана Амир Хусрау Дихливи — ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр ПНС-104. Печати на л. 2а и 429а.

на нам по печатям Мираншаха [2], некоего Искандара, которую можно датировать серединой XV в. [11, стр. 101, № 9], некоего Асада ибн Мухаммада, которую можно датировать самым концов XV — началом XVI в. (Гос. Эрмитаж, VP-896), и Исма'ила I Сефеви, датированной 914 г. х./1508-9 г. [5, стр. 169, taf. XX]. Вряд ли был прав Н. И. Веселовский, утверждая, что миндалевидная форма характерна для печатей правителей [2]. Это не подтверждается на печатях Тимуридов, Кара- и Ак-Койунлу, Сефевидов и даже индийских Тимуридов — Великих Моголов. Правда, эта форма встречается в XVI—XVII вв., но правильнее считать, что не было четкой традиции в Иране иметь для правителей печать определенной формы (возможно, она удерживалась в Мавераннахре, но для этого надо проверить материалы XVI—XVII вв.).

В настоящее время трудно сказать, в какой период жизни Гаухар-Шад была изготовлена рассматриваемая печать. Для такого суждения выявлено еще слишком мало резных камней первой половины XV в. Документы с оттиском этой печати Гаухар-Шад тоже пока не опубликованы, что могло бы дать указание на ее существование уже к какому-то определенному году. Во всяком случае, этот предмет является одним из интересных памятников камнерезного искусства первой половины XV в., тем более что он принадлежал выдающейся личности этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В., Улугбек и его время, — Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 25—196.
2. Веселовский Н. И., Перстень-печать Миран-шаха мирзы, сына Тимура, — в кн. «Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го», М., 1910, стр. 229—234.
3. Вяткин В. Л., Вакуфный документ Ишратханы, — в кн. «Мавзолей Ишратхана», Ташкент, 1958, стр. 109—139.
4. Пугаченкова Г. А., Страница из истории тимуридской культуры (Мавзолей Гаухар-Шад в Кухсане), — НАА, 1968, № 4, стр. 125—135.
5. Busse H., Untersuchungen zum islamischen Kanzleiwesen an Hand turkmenischer und safawidischer Urkunden, — «Abhandlung der Deutschen Archaeologischen Institut. Abteilung Kairo, Islamische Reihe», Bd I, Cairo, [1955].
6. Creswell K. A. C., A Bibliography of the Architecture, Arts and Crafts in Islam to 1st January 1960, Cairo, 1961.
7. Deny J., Un soyurgal du Timouride Sahruh en ecriture ouigure, — JA, 1957, t. CCXLV, fasc. 3, стр. 253—266.
8. Ettinghausen R., An illuminated Manuscript of Hafiz-i Abru in Istanbul, — «Kunst des Orients», 1955, II, стр. 30—44.
9. Exhibition of Islamic Jades, — «Oriental Art», 1966, vol. XII, № 3, стр. 202—203.
10. Khan Malek, Un farman d'Abu Nasr Hasan Bahadur, — «Athar-e Iran», 1938, t. III, fasc. 2, стр. 203—206.
11. Murr Ch. G. von, Drei Abhandlungen von der Geschichte der Araber überhaupt derselben Münzen und Siegeln, Nürnberg, 1770.
12. Mustamandy Sh., A Building by the name of Gowharshad in Kohsan of Herat, — «Afghanistan», 1346/1968, vol. XX, № 4, стр. 65—66.
13. Pearson J. D., Index Islamicus. 1906—1955, Cambridge, 1958; Index Islamicus Supplement. 1956—1960, Cambridge, 1962; Index Islamicus second Supplement. 1961—1965, Cambridge, 1967.
14. Pinder-Wilson R., A Persian jade cup, — «The British Museum Quarterly», 1962, vol. XXVI, № 1—2, стр. 49—50.
15. Pougatchenkova G. A., Les monuments peu connus de l'architecture medievale de l'Afghanistan, — «Afghanistan», 1968, vol. XXI, № 1, стр. 17—52.
16. Rabino H. L., Coins, medals and seals of the Shahs of Iran (1500—1941), Cambridge, 1945.
17. على احمد نعيمى مهد عليا گوهر شاد ملكه قرن نهم افغانستان «آريانا» سال دوم شماره چهارم اول ثور ۱۳۲۳ ص ۳۶—۱۷
18. فصيح احمد بن جلال الدين محمد خوافى مجمل فصيحى. مشهد [۱۹۶۲]

И. М. Оранский

О ТЕРМИНЕ «МАЗАНГ» В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Одна из трудностей, с которой неизбежно сталкиваются исследователи небольших этнографических групп Средней Азии, — это многочисленность терминов, применяемых для обозначения этих групп, необыкновенный разнобой в их употреблении. Одна и та же этнографическая группа может обозначаться различными слоями населения и в различных районах (а подчас и в одном районе) самыми различными терминами [1].

С другой стороны, один и тот же термин нередко применяется к самым различным по происхождению и языку этнографическим группам [2]. Этот разнобой находит свое отражение и в литературе, и в статистических материалах, сохраняясь порою на многие десятилетия.

Примером такой терминологической многозначности может служить и термин «мазанг». В русской и иностранной литературе 70—80-х годов прошлого века, в записках путешественников, ученых, краеведов и других лиц, интересовавшихся населением только что присоединенного к России Туркестанского края, термин «мазанг» встречается достаточно часто [3]. Обычно мазангов связывают при этом с другими небольшими этнографическими группами Средней Азии (люли, джуги) и объединяют под общим термином «среднеазиатские цыгане» [6; 28; 31; 33]. В числе других этнографических групп, объединяемых под недифференцированным термином «среднеазиатские цыгане», упоминаются мазанги и в более поздних работах, вплоть до настоящего времени [3, стр. 463—464; 5, стр. 208; 7, стр. 9; 13, стр. 597—609; 14, стр. 12; 25, стр. 13].

Действительно, в народном словоупотреблении термин «мазанг» может (во всяком случае в некоторых районах) отождествляться с тер-

---

[1] Так, например, по отношению к небольшой этнографической группе парья (Гиссарская долина) окружающим населением применяются следующие термины: «афгоно» (афганцы), «афгоно-и сиёруй (сиёпуст)» (темноликие, темнокожие афганцы), «афгано-и носфуруш» (афганцы — продавцы наса, местной разновидности жевательного табака), «чангар», «чашгарак (чачгарак)», «мусалли», «хиндустонй» (хиндустанцы) и др. При этом ни один из указанных терминов не совпадает ни с самоназванием (самоназваниями) группы парья, ни с названиями отдельных ее подразделений [15, стр. 15].

[2] Под недифференцированным термином «афгон» в южной части Средней Азии понимается, например, не менее пяти совершенно разнородных групп населения — собственно афганцы (паштуны), хезарейцы (хазора), парья, кавол (шех-момади), чистони, возможно и некоторые другие группы, связываемые местным населением с происхождением из Афганистана [15, стр. 63—64; 17, стр. 243—245; 18, стр. 128, прим. 6].

[3] К этому же времени относятся первые (и, кажется, единственные) антропологические измерения мазангов (Уйфальви, Вилькинс) [4, стр. 436, 461] и первая, по-видимому, фотографическая фиксация внешнего облика мужчин и женщин группы мазанг (А. Л. Кун) [9, стр. 98]. Фотографии «цыган из рода мазанг» были представлены также на Антропологической выставке 1879 г. в Москве [1, отд. IV, стр. 3].

минами, обозначающими другие группы, так называемых «среднеазиатских цыган» (джуги, люли). Так, например, мазанги (мазанчи) были отождествлены с люли и цыганами при переписи сельского населения Ферганской области 1917 г. [10, стр. 57]. В риштанском говоре таджикского языка (Южная Фергана) зафиксированы слова мäзäнг и лӯлӣ, переведенные В. С. Расторгуевой в обоих случаях как «цыганка» [21, стр. 130, 131][4]. Гиссарские парья также употребляют термин «мазанг» как название цыганообразной этнографической группы, известной среди местного населения под названиями «джуги» и «люли». И хотя эти последние названия известны парья, собственно их термином для обозначения указанной группы — и это подчеркивалось — является термин «мазанг»[5].

С другой стороны, уже первые авторы, упоминающие о мазангах, отмечали существенные отличия этой группы от других «среднеазиатских цыган»[6]. А. Д. Гребенкин [6, стр. 116], Л. Н. Соболев [23, стр. 310], А. И. Вилькина [4, стр. 436], Е. Шуйлер [33, I, стр. 111], Г. Ланселл [31, I, стр. 543—544] сообщают, что мазанги живут оседло (или переходят к оседлости) и занимаются земледелием. Особенно определенны указания на устойчивую оседлость и земледельческие занятия мазангов б. Зерафшанского округа (сел. Дагбит и Халваи) [6, стр. 116; 23, стр. 310; 31, I, стр. 543]. Сообщается также, что многие мазанги занимаются мелочной торговлей вразнос [4, стр. 436; 23, стр. 310], при этом некоторые авторы приписывают занятия торговлей только женщинам-мазанг [6, стр. 116; 33, I, стр. 111], другие же считают мелкую торговлю на базарах «исключительным занятием этого народа, как мужчин, так и женщин» [28, стр. 323—324]. А. И. Вилькинс [4, стр. 448—449] добавляет при этом, что мазанги называют себя «аттар»[7] и что он никогда не встречал мазангов-ремесленников. Ланселл сообщает о том, что женщины группы мазанг занимаются также врачеванием [31, I, стр. 543—544]. По своей религиозной принадлежности мазанги — мусульмане [28, стр. 323—324; 31, I, стр. 543—544], родной язык их таджикский[8], и они считали себя выходцами из Бухары [4, стр. 436; 6, стр. 116][9]; при этом Гребенкин добавляет, что переселение их из Бухары в Зерафшанский округ произошло только «лет 25 тому назад» (т. е. около середины XIX в.).

А. И. Вилькинс сообщает, что в антропологическом отношении мазанги резко отличаются от люли и по физическому своему типу скорее похожи на таджиков [4, стр. 448—449]. Отличие мазангов б. Зерафшанского округа от «цыган» «как по лицеочертанию, так и по занятиям» отмечает и А. Д. Гребенкин [6, стр. 116]. На правильное телосложение

---

[4] По любезному сообщению В. С. Расторгуевой (письмо от 7.X.1967), оба эти слова употребляются, по ее воспоминаниям, как синонимы; слово «мäзäнг» было употреблено ее информатором по отношению к женщине, просившей подаяние.

[5] Полевые записи 1958—1959, 1961 и 1964 гг. (Гиссарский, б. Шахринауский и Регарский районы Таджикской ССР). По представлению моих информаторов-парья, слова «джуги, люли, мазанг» имеют один и тот же смысл («як гап»).

[6] Нельзя не отдать должного научной осторожности А. И. Вилькинса, который еще в 70-е годы прошлого века воздерживался от применения термина «цыгане» по отношению к различным, не имевшим прочной оседлости группам Средней Азии, предпочитая более нейтральный (в духе своего времени, разумеется) термин «среднеазиатская богема» [4].

[7] Тадж. «аттор» (продавец галантереи, парфюмерии, пряностей и прочих мелких товаров).

[8] Ланселл отмечает, что мазанги говорят «по-персидски и по-тюркски» (Persian and Turki), т. е. по-таджикски и по-узбекски (*И. О.*).

[9] Авторам прошлого века приходилось сталкиваться также с утверждением, что мазанги — выходцы из Стамбула [28, стр. 323—324; 31, I, стр. 543—544].

мазангов и более светлый (по сравнению с европейскими цыганами) цвет кожи обращал внимание также Ланселл [31, I, стр. 543—544]. А. Д. Гребенкин, А. Хорошхин, А. И. Вилькинс, Г. Ланселл согласно отмечают, что женщины из группы мазанг лица не закрывают, отличаются красотой и правильным телосложением [4; 6, стр. 116; 31, I, стр. 543—544][10]. Согласно отмечается также, что мазанги эндогамны и никогда не вступают в брачные отношения за пределами своей группы [6, стр. 116; 23, стр. 310].

Этим исчерпываются, пожалуй, сведения о мазангах в дореволюционной литературе, и еще в 20-е годы нашего века проф. И. И. Зарубин указывал, что «мелкие бродячие группы, известные в отдельности под наименованием люли, мазанг, джуги» и объединяемые под условным термином «цыгане среднеазиатские», мало исследованы [25, стр. 13] и что «более определенные сведения об этих подразделениях сообщить затруднительно» [7, стр. 9][11]. Отмечается только, что мазанги и джуги занимаются гаданием и нищенством и что язык их «таджицкий или узбецкий со словарными особенностями. Рел [игия] сунниты» [25, стр. 13].

Мазанги упомянуты в числе других цыганских групп в кратком справочнике «Народы СССР», изданном Институтом этнографии АН СССР (М.-Л., 1958, стр. 12), однако сообщенные здесь сведения о мазангах (как и о других «среднеазиатских цыганах») требуют исправления. Совершенно необоснованно, в частности, утверждение о том, что языком мазанг, джуги и люли является цыганский[12].

Новые сведения о мазангах появляются в литературе только в 60-е годы нашего века [13; 22]. А. Л. Троицкая и Г. П. Снесарев, собиравшие материалы по «среднеазиатским цыганам» в Узбекской ССР, сообщают, что «цыгане группы мазанг», разбросанные по всей Средней Азии, отличаются от других «цыган» антропологически, а также по характеру исконных занятий и по быту; с люли и джуги в брачные отношения не вступают и их сторонятся; мазанги (в отличие от люли и джуги) не занимались нищенством, а были деревообделочниками, изготовляли из ивы (тал) бубны, сита, решета, деревянную посуду; их называют также «тавактарош»[13]; женщины помогали мужчинам в работе и, как и мужчины, занимались мелочной торговлей. Отличались мазанги и по характеру жилища. Вместо обычного для джуги и люли чодыра (палатки) они строили шалаши — чайла [13, II, стр. 603].

Как видно, описание мазангов в этих последних работах резко отличается от всех предыдущих сведений об этой группе и совпадает во всем основном с описанием различных небольших этнографических групп Средней Азии, занимающихся деревообделочным мастерством и известных в различных районах под разными названиями — соғутарош [18, стр. 128], косатарош, тавоқтарош, қошуқтарош и т. п.[14].

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что в указанных работах 60-х годов под термином «мазанг» описана группа тавоқтарош (соғута-

---

[10] Хорошхин и Ланселл прибавляют к этому, что женщины-мазанг не пользуются хорошей репутацией.

[11] В другом месте И. И. Зарубин указывает на полное отсутствие записей по языку «цыган» Таджикистана [8].

[12] На этом основании мазанги, джуги и люли отнесены в указанном справочнике к индийской (по лингвистической классификации) группе, что, конечно, требует исправления: как уже отмечалось, родным языком всех этих групп является таджикский и, соответственно, все они должны быть отнесены по языковому признаку к иранской лингвистической группе, как это и было сделано И. И. Зарубиным [7, стр. 9].

[13] Тадж. табақтарош — букв. «вытесывающий, изготовляющий блюда, тарелки».

[14] Букв. «изготавливающие, вытесывающие сосуды, ящики (соғу), чашки (коса), блюда, тарелки (табақ), ложки (қошуқ)».

рош) и даже фотография, помещенная в томе «Народы Средней Азии» (II, 1963, стр. 601) с подписью «Цыган-мазанг у деревообделочного станка „халладжи". Город Самарканд» изображает в действительности отнюдь не «цыгана-мазанга» [15].

По любезному сообщению одного из моих самаркандских корреспондентов — Х. Х. Назарова [16] (письма от 25.III 1965 г., 20.II 1966 г.), небольшие группы мазанг (обычно по 5—10 хозяйств) живут в районе Самарканда, Катта-кургана, Ленинабада, Нау, Дагбида и в других сельских местностях, обычно вблизи рынков. Эти мазанги действительно стоят особняком среди других небольших этнографических групп Средней Азии, объединяемых под термином «среднеазиатские цыгане». Они вели оседлую жизнь, не занимались ни нищенством и гаданием, ни ювелирным, ни деревообделочным промыслом; основным их занятием была мелкая торговля вразнос (текстиль, краски, парфюмерия, посуда), при этом товары закупались оптом, а женщины разносили эти товары по кишлакам, где продавали их или обменивали на продукты питания [17]. Многие семьи имели свои земельные участки, и большинство мужчин занималось сельскохозяйственным трудом, лишь отчасти принимая участие в торговле. По одежде, жилищу, внешнему облику мазанги отличаются от окружающего таджикского, узбекского и арабского населения, и это население (в том числе и люли) именует их мазанг-люли, мазанг-джуги. Однако сами мазанги резко отделяют себя от цыганообразных групп Средней Азии (в том числе и от группы тавоқтарош) и в брачные отношения с ними не вступают. Не вступают мазанги в брачные отношения и с окружающим таджикским и узбекским населением. Вопреки указанию о том, что люли, джуги и мазанг применяют в в качестве самоназвания этноним «мугат» [13, II, стр. 597], мазанги этого самоназвания не употребляют, а именуют себя узбеками или арабами. В отличие от джуги и люли мазанги не знают также общего для этих групп потайного языка (арго) [18].

Из изложенного ясно, что группа, обозначаемая термином «мазанг» в районе Самарканда и Зерафшанской долины, не может отождествляться с той группой гиссарских джуги, по отношению к которой парья (индоязычные выходцы из Афганистана) применяют этот же самый термин «мазанг». Но этого мало. Термином «мазанг» (мазанги́, мазанглар) называют еще одно из десяти родовых подразделений среднеазиатских карлуков [29, стр. 30] [19], за пределами Средней Азии племя мазанг (язык, к сожалению, не указан) упоминается среди белуджских племен Кермана [24, стр. 639], квартал дех-и мазанг имеется в Кабуле [20].

Любопытно, что гиссарские джуги, по отношению к которым парья применяют термин «мазанг», сами называют парья этим термином [21].

[15] На фотографии изображен деревообделочник (тавоқтарош) по имени Мавлонака, проживавший в г. Самарканде по Гиждуванской улице в доме Х. Х. Назарова и умерший в начале 60-х годов. (Сообщено Х. Х. Назаровым; письмо от 20.II.1966 г.).

[16] Х. Х. Назаров — преподаватель Самаркандского медицинского института, природный самаркандский люли, отличный знаток жизни и быта «среднеазиатских цыган», подготавливающий в настоящее время диссертацию об этой группе (группах) населения Средней Азии.

[17] При этом отмечается, что торговлей занимались, как правило, только женщины немолодые; молодые закрывали лицо и вели домашнее хозяйство.

[18] Об арго ферганских и ташкентских люли см. работы А. И. Вилькинса [4] и А. Л. Троицкой [26, стр. 256—257], об арго гиссарских джуги — работы И. М. Оранского [16; 19].

[19] Этим сообщением я обязан К. Шаниязову.

[20] Сообщено В. В. Кушевым.

[21] Полевые записи 1958 г. (Орджоникидзеабадский район) и 1964 г. (Гиссарский и б. Шахринауский районы).

Последнее связано, как мне представляется, с таджикским диалектным словом «мазанг», употребляемым в значении «черный, темнокожий, темнолицый, с некрасивым, безобразным (бадшакл) лицом», также «черный и большой (здоровый)»[22]. (Действительно, окружающее население считает отличительным признаком группы парья темный цвет кожи[23]). Возможно, что именно это значение диалектного таджикского слова (во многих местах уже забытое) лежит в основе термина «мазанг», применяемого в народном словоупотреблении (а опосредованны и в литературе) по отношению к самым различным этнографическим группам.

С другой стороны, учитывая звуковые чередования d/ð/l (Бадахшан/Балахшан у Истахри и т. п.) и d/z [20] в определенной группе иранских диалектов, распространенных на территории Южного Таджикистана и Афганистана, весьма соблазнительно было бы сопоставить термин «мазанг» с тадж. (уст.) malang «отшельник», перс. mäläng «I. голый, опьяненный, босой, с непокрытой головой, пришедший в экстаз; II. бедняк» [12; 30], афг. malang «дервиш, нищенствующий факир, аскет, беспечный человек, влюбленный» [2], хинд. malaṅg «дервиш, крепкий, здоровый человек» [32]. Однако этот вопрос требует дополнительного лингвистического исследования.

* * *

P. S. Как сообщает в своей только что вышедшей в свет статье Х. Х. Назаров, им обнаружена недавно в Наманганском районе Андижанской области довольно большая (ок. 500 человек) и компактно живущая группа мазанг. Эти мазанги применяют по отношению к себе то же самоназвание, что и джуги (мугат, гурбат) и владеют общим для «среднеазиатских цыган» арго. Это обстоятельство, а также таджикский говор мазангов, их одежда, жилище и антропологические черты указывают, по мнению Х. Х. Назарова, на то, что группа мазанг представляет по происхождению одно из подразделений «среднеарабских цыган» — подразделение, давно уже пришедшее на территорию Средней Азии, издавна ведущее оседлый образ жизни и порвавшее связи с другими группами «среднеазиатских цыган» (см.: Х. Х. Назаров, Различные группы среднеазиатских цыган, — в кн.: «Материалы Республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых и аспирантов, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции», Самарканд, 1968, стр. 54—55).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропологическая выставка 1879 года, т. III, ч. II, М., 1879—1880 («Труды Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. XXXV, ч. 2).
2. Асланов М. Г., Афгано-русский словарь (пушту). 50 000 слов, М., 1966.
3. Баранников А. П., Об изучении цыган СССР, — ИАН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1929, стр. 369—398 и 457—478.

[22] Полевые записи 1958 г. (Гиссарский и Орджоникидзеабадский районы Таджикской ССР, Узунский район Узбекской ССР). В таком же значении употребляла слово «мазанг» бывшая моя студентка и аспирантка М. Давлятова (уроженка сел. Огалик, неподалеку от Самарканда): одам-и сип-сиёҳи-мазанг «очень черный, темный-претемный человек» (следует при этом иметь в виду, что население кишлака Огалик — во всяком случае, в значительной своей части — потомки переселенцев из Каратегина); такой же смысл вкладывал в это слово другой мой студент, Ш. Рашидов (уроженец Узунского района Узбекской ССР), добавляя при этом, что такой термин можно применить к эфиопам (ҳабашӣ). По указанию М. Махмудова, в гиссарском диалекте таджикского языка слово «мазанг» применяется по отношению к толстым и темнокожим людям (ба шахси фарбеҳи сиёҳ нисбат дода мешавад) [11, стр. 82].

[23] Ср. прим. 1.

4. Вилькинс А. И., Среднеазиатская богема, — «Известия Имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», М., 1880, т. XXXV, ч. I, стр. 434—461.
5. Владыкин В. Е., Цыгане, — «Вопросы истории», 1969, № 1, стр. 204—210.
6. Гребенкин А. Д., Мелкие народности Зерафшанского округа, — «Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки», вып. 2, М., 1872, стр. 110—119.
7. Зарубин И. И., Список народностей Туркестанского края, Л., 1925.
8. Зарубин И. И., Этнологические задачи экспедиции в Таджикистан, — ИАН СССР, VI серия, 1926, т. XX, стр. 1849—1852.
9. Лерх П. И., О Туркестанском фотографическом альбоме, — ИРГО, 1874, X, отд. 2, стр. 97—99.
10. Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской республике. Вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., Ташкент, 1924.
11. Махмудов М., Баъзе намунаҳо из лексикаи шеваи точикони Ҳисор,—ИАН ТаджССР, Отделение общественных наук, 1964, 2 (37), стр. 74—84.
12. Миллер Б. В., Персидско-русский словарь, М., 1950.
13. Народы Средней Азии и Казахстана, т. I—II, М., 1962—1963 (т. II, стр. 597—609. Среднеазиатские цыгане).
14. Народы СССР. Краткий справочник, М.—Л., 1958.
15. Оранский И. М., Индийский диалект группы парья (Гиссарская долина). Материалы и исследования, вып. I. Тексты (фольклор), М., 1963.
16. Оранский И. М., Индоиранские диалекты Гиссарской долины. Материалы и исследования, Л., 1967 (автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук).
17. Оранский И. М., Научная командировка в Гиссарскую долину, — НАА, 1962, № 4, стр. 243—245.
18. Оранский И. М., Научная командировка в долины Гиссара и Сурхан-Дарьи, — СЭ, 1966, № 4, стр. 127—129.
19. Оранский И. М., Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. II. Материалы для изучения арго этнографической группы джуги (Гиссарская долина), — в кн. «Иранская филология. Труды научной конференции по иранской филологии», Л., 1964.
20. Оранский И. М., О чередовании d/z в некоторых персидско-таджикских диалектах, — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Май, 1968 г.», Л., 1968, стр. 118—119.
21. Расторгуева В. С., Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 5. Таджикско-русский диалектный словарь, М., 1963.
22. Снесарев Г. П., Среднеазиатские цыгане, — КСИЭ, 1960, XXXIV, стр. 24—29.
23. Соболев Л. Н., Географические и статистические сведения о Зерафшанском округе, — «Записки Русского географического Общества по Отделению статистики», СПб., 1874, IV.
24. Современный Иран. Справочник, М., 1957.
25. Список народностей Союза Советских Социалистических республик, составленный под редакцией И. И. Зарубина, Л., 1927.
26. Троицкая А. Л., Abdoltili — арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии, — «Советское востоковедение», 1948, V.
27. Троицкая А. Л., Национальные меньшинства Средней Азии перед выборами и Верховный Совет СССР, — «Революция и национальности», 1937, № 12, стр. 60—66.
28. Хорошхин А., Народы Средней Азии, — в кн. «Материалы для статистики Туркестанского края», III, СПб., 1874.
29. Шаниязов К., Общинное землепользование в селении Қаллык, — КСИЭ, 1960, XXXIV.
30. Junker H. F. J. und Alavi B., Persisch-deutsches Wörterbuch, Leipzig, 1965.
31. Lansdell H., Russian Central Asia, vol. I—II, London, 1885.
32. Platts J. T., A Dictionary of Urdū, Classical Hindī and English, Oxford, 1930.
33. Schuyler E., Turkistan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara, and Kuldja, vol. I—II, London, 1876.

А. З. Розенфельд

ДАРВАЗСКИЙ ФОЛЬКЛОР

I

За последнее десятилетие сектором фольклора Института языка и литературы им. Рудаки АН Таджикской ССР проделана огромная работа по сбору, систематизации и каталогизации богатейших фольклорных фондов Института. Эти фонды складывались и пополнялись сначала за счет эпизодических экспедиций и любительских записей таджикского устного народного творчества лицами различных специальностей и лишь недавно записи и исследования фольклора стали вестись подготовленными специалистами по строго научному плану, при все более и более расширяющемся охвате районов Таджикистана и Узбекистана [27; 30; 31; 36]. По таджикскому фольклору защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций, многие из которых вышли в виде монографий на таджикском и русском языках [3; 4; 7; 34; 30]. Среди многочисленных публикаций и исследований некоторая часть посвящена региональному фольклору, совокупности произведений таджикского народного творчества одного района, одного историко-географического региона [3; 19; 20]. Вместе с тем появились работы и обобщающего характера, посвященные отдельным фольклорным жанрам, различным проблемам фольклористики, художественным особенностям фольклорных произведений [2; 6; 34].

Как нам представляется, и сейчас еще, несмотря на накопленные материалы, описания регионального фольклора не утратили своего значения. Под регионом следует понимать историко-географическую и этнолингвистическую общность (диалектную) населения вне зависимости от современного административного деления. Именно таким регионом и является Дарваз. Дарвазом называют горную местность на южных и северных склонах Дарвазского хребта и примыкающую к нему Ванджскую долину — бывший Сангворский (Вахио-боло) район, Тавильдаринский, Калайхумбский и Ванчский районы Таджикской ССР [1]. Центром Дарваза в прошлом являлся г. Калай-хумб и Калайхумбский район с кишлаками, группирующимися вдоль р. Пяндж и ее мелких и крупных притоков. Указанные выше районы в прошлом объединяли общие условия жизни, экономика, материальная и духовная культура, этническая и языковая общность. Жители этих районов (вахиочи, сагырдаштчи, дарвози, ванджи) говорят на дарвазском диалекте таджикского языка, сохраняющем до сих пор значительные отличия от других говоров таджикского языка [15; 24; 25]. Бездорожье и оторванность этих мест от дореволюционных центров культуры способ-

[1] Сангворский район в настоящее время упразднен, остальные районы по существующему административному делению входят в ГБАО ТаджССР.

ствовали их тесным связям. В настоящее время с коллективизацией сельского хозяйства, с ликвидацией бездорожья, при сплошной грамотности населения и возросшей культуре, при массовом переселении из Вахио-боло и других высокогорных кишлаков в хлопкосеющие районы республики прежняя общность в известной мере распалась и сохраняется лишь в некоторых этнографических особенностях и в языке. Однако дарвазский фольклор сохраняет свое единство.

Среди других местностей Таджикистана Дарваз (а также непосредственно примыкающий к нему Вандж) занимает едва ли не первое место по разнообразию и высокому художественному мастерству устного народного творчества. От рождения и до самой смерти всю жизнь горца-дарвазца как в прошлом, так и в настоящем сопровождают песни, рубои, сложенные безымянными поэтами, сказки. Суровая, скудная природа, тяжелая жизнь в условиях феодального общества Бухарского ханства, беспощадная эксплуатация населения сельскими богатеями, эмирскими чиновниками, духовенством, беспросветная доля таджикской женщины, тяжелый труд летом на бедной каменистой почве и вынужденное безделье зимой вызвали появление многочисленных и разнообразных произведений устного народного творчества, доживших до наших дней.

Нельзя не привести в этой связи высказывания Ф. Энгельса по поводу немецких народных книг: «Народная книга, — писал Ф. Энгельс, — имеет своей задачей развлечь крестьянина, когда, утомленный, он возвращается вечером со своей тяжелой дневной работы, позабавить его, оживить, заставить его забыть свой тягостный труд, превратить его каменистое поле в благоухающий сад; она имеет своей задачей обратить мастерскую ремесленника и жалкий чердак замученного подмастерья в мир поэзии, в золотой дворец, а его ядреную красотку представить в виде дивно-прекрасной принцессы; но она имеет также задачей, наряду с Библией, прояснить его нравственное чувство, заставить его осознать свою силу, свое право, свою свободу, пробудить его мужество, его любовь к отечеству» [1]. Слова, сказанные в другой связи, могут быть отнесены и к произведениям устного народного творчества. Слушая зимой волшебную сказку, нескончаемые дастаны Гуругли, горец забывал о тяготах жизни, о том, что он оторван бездорожьем от всего мира, о голодной семье, о долгах. Грамотные насчитывались единицами, и устное творчество давало удовлетворение духовным и эстетическим потребностям горца.

Ведущими жанрами дарвазского фольклора являются сказки и рубои. В Вахио-боло, в кишлаках Сафедорон и Сагырдашт раньше большой популярностью пользовался героический эпос Гуругли (Гургули); здесь были популярные сказители, исполнявшие этот эпос под аккомпанемент дутара (двухструнный инструмент) в особой манере — низкими голосами (например, ныне покойный сафедоронец Малик). В Калайхумбском районе эпос Гуругли как будто не имел большого распространения [8; 10]. За последние годы этот эпос в горных районах перестал исполняться [11].

Еще в начале века проф. А. А. Семенов впервые опубликовал таджикские сказки в двух частях; из 26 сказок 16 записаны им в Дарвазе и 6 — на Ванджe. Эти сказки приводятся в оригинале с переводом на русский язык, с комментариями и первым описанием юго-восточных говоров таджикского языка [33]. Затем одна дарвазская сказка была опубликована М. С. Андреевым, однако большое собрание дарвазских сказок, собранных и обработанных для печати М. С. Андреевым, не увидело свет и хранится в корректурных листах в фонде М. С. Андрее-

ва в Архиве востоковедов ЛОИВ (фонд 3, № 2/42). К сожалению, научных изданий таджикских сказок пока еще очень мало, большая часть из них издается как по-таджикски, так и по-русски в литературной обработке, весьма далекой от оригинала. Издание таджикских сказок в оригинале, тщательно прокомментированное, — одна из насущных задач таджикской фольклористики.

Самостоятельный цикл составляют короткие, остроумные рассказы — *латифа*, а также легенды и предания.

По рубои (четверостишия), в особенности по дарвазским, отличающимся особой выразительностью и поэтичностью, опубликован богатый материал [20; 35; 37]. Иногда дается и классификация рубои по содержанию.

Дарвазский поэтический фольклор богат не только рубои, но также песнями, поэтическими диалогами, стихами. Многие дарвазцы обладают поэтическим даром, иногда в самой обычной беседе колхозники, учителя с легкостью подбирают рифмы и перебрасываются стихами. Несмотря на низкий уровень грамотности в Дарвазе в прошлом, здесь были широко распространены стихи классических поэтов древности — Хафиза, Саади, Бедиля, возможно еще и потому, что эти поэты читались в медресе, у многих дарвазцев сохранялись рукописи, тетради со стихами, альбомы. Хорошо была известна и поэма «Шахнаме» великого Фердоуси и другие произведения.

Широко распространены и такие произведения устного народного творчества, как разнообразный обрядовый фольклор, однако этот вид фольклора быстро исчезает.

К жанрам дарвазского фольклора относятся также и небольшие пьески-фарсы народного театра, которым была посвящена специальная кандидатская диссертация Н. Нурджанова [21].

К устному народному творчеству тесно примыкают произведения местных поэтов — иллитератов, имена которых сохраняются как в самих стихах, так и в народной памяти. Некоторые произведения этих поэтов запечатлены в сборниках стихов, памятных тетрадях любителей поэзии. Чаще всего слава этих поэтов не выходит за пределы своего или близлежащих селений, но есть и очень популярные поэты, такие, как Мулло Ёр Ванджи или Мулло Дуст из Ягида [18; 20; 28].

Современный, советский фольклор представлен в Дарвазе главным образом четверостишиями, стихами местных поэтов. Среди этих произведений — стихи, посвященные В. И. Ленину, Советской Армии, колхозному и культурному строительству, а также и лирические стихи.

* * *

В течение многих лет автором статьи наряду со сбором диалектологических материалов собирался также и местный фольклор. Начало этой коллекции составили записи в кишлаке Сангвор (Вахио-боло) зимой 1932/33 г., а также предоставленные в наше распоряжение сказки, записанные там же в 1930—1933 гг. Н. А. Кисляковым. Затем сбор материалов производился в 1936, 1949—1958 гг. во время летних экспедиционных работ. Часть этих материалов была опубликована на таджикском языке с комментариями [20].

В настоящее время часть дарвазцев (жители кишлаков, расположенных по течению р. Хингоу и ее притокам, приграничных кишлаков по р. Пяндж и ее притокам) переселилась в хлопкосеющие районы нового орошения на Вахше, также в районы бывшей Кулябской области, в Гиссарскую долину. Таким образом, наши материалы отражают со-

стояние устного народного творчества дарвазских таджиков до массового переселения и в известной степени являются историческими.

* * *

Дарвазские говоры представляют особую группу внутри юго-восточных говоров таджикского языка [24; 25; 32], хотя некоторые исследователи выделяют их в совершенно самостоятельную группу [23]. Наиболее характерной чертой дарвазских говоров является перенесение частицы *ме-* в формах настояще-будущего времени на конец глагола: 'я говорю' лит. *мегӯям*, дарв. *гуме*, 'я делаю' лит. *мекунам*, царв. *куме*, 'он идет' лит. *меравад*, дарв. *раваме* и т. п. [25]. Много различий содержится в фонетической и грамматической системах дарвазских говоров, а также и в лексике, что нашло отражение и в дарвазском фольклоре.

Сказки

Дарвазские сказки *(афсона)* чрезвычайно разнообразны. В долгие зимние вечера дарвазцы, отрезанные ранее от всего мира высокими снежными хребтами, слушали нескончаемые сказки либо у себя дома, либо в своеобразных общественных домах при мечетях *(алоухона)* [17]. Иногда сказку рассказывают несколько ночей подряд, чаще всего зимой, или на гумне (*хирман*) осенью перед сном во время короткого отдыха. Сказочник несколько раз прерывает сказку и окликает слушателей, которые засыпают один за другим. Убедившись, что и последние слушатели уснули, рассказчик прекращает сказку, чтобы продолжить ее в следующую ночь. Сказки рассказывают как мужчины, так и женщины. Профессиональных сказочников мы не встречали, но зато нам известен целый ряд превосходных знатоков и рассказчиков с неиссякаемым запасом сказок. Большой интерес представляют сказки, пересыпанные стихами (*байт*). Такие сказки исполняются одним человеком или дуэтом; образцами этих сказок могут служить «Ориф и Оим», «Тоҷбек и Гулқурбон», записанные Н. А. Кисляковым в Сангворе от певца Юсуфа Фазлетдинова.

Дарвазские сказки могут быть разделены на несколько групп.

1. Волшебные сказки, в которых участвуют различные персонажи мифологии дарвазцев: *аҷина, парӣ, дев, аждаҳор* [28]. Положительным героем волшебной сказки обычно выступает принц (*як подшо буд, як бача дошт* «жил-был один падишах, и был у него сын»), совершающий различные героические подвиги, а также принцесса или дочь везира, замечательная красавица, ради которой герой отправляется в опасное путешествие, и т. п. В этих сказках восхваляются смелость, находчивость, верность и постоянство, щедрость и осуждаются такие пороки, как трусость, вероломство, жадность. Для достижения цели, поставленной перед ним злыми, завистливыми царями *(подшо)*, везирами, герою приходится преодолевать всевозможные препятствия, в том числе бороться с драконом (*аждаҳор*), которого герой всегда побеждает. Аждахор — это воплощение слепой, злой силы; дев (великан) — олицетворяет черты глупости, трусости. В борьбе со злыми силами герою помогают животные, птицы, рыбы, которым он ранее оказывал помощь. В дарвазской сказке «Мурдаи сузанпур» («Мертвец с множеством иголок»), популярной и в персидском фольклоре [22, стр. 209], восхваляются настойчивость, беззаветная преданность, искренняя любовь и осуждаются корыстолюбие, попытки нечестных людей завладеть плодами чужих трудов.

2. Самостоятельный цикл составляют бытовые, реалистические сказки — о ловкости, сметливости, женском уме и женской верности. Любопытна сказка о том, как умная жена проявляет находчивость и достигает благополучия, вылечив незадачливого мужа. Очень распространена сказка о плешивце (*каль*), записанная нами в Дарвазе в десятках вариантов и также широко распространенная по всему Таджикистану. Основной смысл сказки заключается в том, что плешивец, обычно младший брат, обойденный или обиженный старшими братьями, в конце концов одурачивает своих обидчиков и завладевает их богатством.

3. Сказки о животных также составляют многочисленную группу. Действующими лицами в них выступают дикие звери — волк, медведь, лиса, лев (тигр), заяц, которые наделяются всеми положительными и отрицательными чертами, свойственными людям. Сюда же можно присоединить и сказки, обычно комические, в которых участвуют мыши и насекомые. Иногда такая сказка является рифмованной прозой с повторяющимися эпизодами, что свойственно цепной, кумулятивной сказке [26].

Обычно дарвазская сказка начинается традиционным зачином: *буд набуд* «было не было». Кончается сказка традиционной присказкой: *онҳо ба мақсадашон расиданд, шумо ҳам ба мақсад мерасед* «они достигли своей цели, вы тоже достигнете цели» или *онҳо онҷо буданд, мо омадем* «они там были, мы пришли».

В целом для дарвазской сказки характерен оптимизм, занимательность и сложность сюжета, поэтичность.

Рассмотрим несколько вариантов сказки о плешивце, записанных в дарвазских и ванджских кишлаках. В различных вариантах сказки по-разному, но совершенно реалистично, объясняются причины вражды между плешивым и его братьями. В одном варианте говорится о том, что два брата были от одной матери, а третий, плешивый, от другой, что отражает подлинный быт дореволюционного кишлака с его институтом многоженства, приводившим нередко к семейным распрям между женами и их детьми. До самого последнего времени в Дарвазе и на Ванджe сохранялись как пережиток прошлого большие, неделенные семьи [16; 17]; смерть старших представителей такой семьи, патриарха, а также дележ наследства становились причиной раздоров и нередко страдающей стороной оказывался сын, приведенный женщиной в семью нового мужа. Горькой была судьба сирот в дореволюционном Таджикистане. Недаром слово *ятим* одинаково обозначает и сироту и батрака, ибо батрачество было уделом сироты нередко с самого раннего возраста. Это нашло отражение и в популярной поговорке: *ҳавло хурад ҳоким, калтак хурад ятим* «халву вкушает правитель, а палки вкушает батрак». И в других эпизодах сказки о плешивом можно проследить явления реального быта дореволюционного Дарваза.

Приведем вариант сказки, записанный в Калай-хумбе [20].

«Жил был один плешивый (*каль*), у него было два брата. Братья сначала выгнали его из дома, а потом дали небольшой клочок земли. При сборе урожая оказалось, что у плешивца родилось больше пшеницы, чем у братьев. Со злости братья сожгли его пшеницу. Плешивый собрал золу в мешок и повез в город. Один человек спрашивает:

— Что это у тебя?

— Золото судьи, — отвечает плешивец.

— Развяжи, я погляжу.

— Нельзя смотреть на золото судьи, — отвечает плешивец, — оно может превратиться в золу.

Потом плешивец оставил мешок тому человеку, а сам стал за ним подсматривать. Тот человек не удержался и взглянул на золу. Плешивец закричал:

— Из-за тебя золото превратилось в золу!

Тот человек стал просить не выдавать его судье и наполнил мешок плешивца золотыми монетами. Увидев золото, братья очень удивились. Плешивец сказал им, что в городе на базаре за золу дают золотые монеты. Тогда братья сожгли свою пшеницу и повезли ее на базар. Люди над ними посмеялись, избили и прогнали с базара». Это первый эпизод сказки.

Второй эпизод начинается с того, что братья, вернувшись с базара, в отместку убивают мать плешивого (этого элемента нет в калайхумбском и некоторых других вариантах). Плешивый укрепил тело матери на осле, накинул ей на голову платок, как невесте, и отправился в путь. На чьем-то току он пустил осла в обмолоченную пшеницу, а сам стал наблюдать. Хозяин прогнал осла и запустил в него палкой. Плешивец подбежал и стал обвинять владельца пшеницы, что тот убил его мать. Чтобы откупиться, владелец пшеницы отдал плешивцу свою дочь в жены, а в придачу дал много пшеницы. Когда он приехал домой, братья очень удивились, а плешивец объяснил им, что в городе есть один человек, который дает живых за мертвецов. Братья убили свою мать и повезли ее на базар, предлагая мертвую за живых. Их опять избили и прогнали с базара.

На этом кончается второй эпизод, рисующий глупость и жестокость старших братьев. В этом эпизоде содержится мотив добывания жены, что также вытекает из дореволюционного быта. Женитьба для бедняка или батрака была почти неосуществимым делом. При наличии высокого калыма, выкупа за невесту, огромных расходов по свадьбе, нередко бедняк или батрак так и оставался бобылем или вынужден был жениться на вдове, значительно старшей его по возрасту, а также иногда шел в примаки (*хонадомод*), выплачивая калым отработкой [16].

Наконец, братья решают окончательно избавиться от удачливого плешивца. Они сажают его в мешок и тащат топить. По дороге плешивый громко кричит: «Я не люблю царскую дочь, а меня тащат силой жениться!». Один чабан, услышав крики, спросил плешивца, что случилось. Плешивец ему тоже сказал: «Я не люблю царскую дочь, а меня силой хотят женить». Чабан залезает в мешок, а плешивый переодевается в его одежду, забирает стадо баранов и возвращается домой. Братья бросают мешок с чабаном в воду. Придя домой, они застают живого и здорового плешивца, который им объясняет, что он достал баранов со дна реки. Плешивец советует им прыгнуть на середину реки, что те и делают, став жертвой собственной глупости и жадности (третий эпизод).

В калайхумбском варианте добавлен еще один эпизод, при этом приведенный нами второй эпизод отсутствует, таким образом сохраняется триединство. В этом эпизоде вдовы братьев требуют, чтобы плешивец на них женился, он на них женится, но потом с помощью хитрой и грубоватой проделки освобождается от них. И в этом эпизоде нашел отражение древний обычай левирата, бытовавший в горном Таджикистане, когда младший брат должен был жениться на вдове умершего брата. В конце концов плешивый, одурачив своих врагов, выходит победителем.

Приведенная сказка имеет также широкое распространение в советском Бадахшане в фольклоре припамирских таджиков. Именно эту сказку, как одну из наиболее популярных в Средней Азии, избрал

проф. И. И. Зарубин в виде образца для выявления особенностей памирских языков. В различных работах указанного автора приводятся мунджанский, шугнанский, орошорский, бартангский и язгулемский варианты этой сказки, содержащие ряд отличий от приведенных нами дарвазских вариантов [12; 13; 14; 38].

Поэтический фольклор

Дарвазский поэтический фольклор обладает большим разнообразием. Песни, четверостишия обычно исполняются в сопровождении музыкальных инструментов — дутара, рубаба или бубна (*дойра*). Поют соло или дуэтом. На Ванджe мы наблюдали мужское хоровое пение в сопровождении нескольких бубнов. Обычно запевала начинает песню, а потом ее подхватывают подголоски. Чаще всего певцы сами себе и аккомпанируют, но бывает, что поет один человек, а другой, музыкант, ему аккомпанирует. Часто в поле, в горах песни поются без всякого музыкального сопровождения. Некоторые певцы пользуются большой популярностью, участвуют в смотрах художественной самодеятельности не только в районном масштабе, но и в республиканском, часто их приглашают на семейные или общественные праздники. Репертуар таких певцов очень обширный, наряду с местными фольклорными песнями они исполняют также стихи и газели классических и современных советских поэтов.

Рубои

Несомненно, что четверостишия (*рубои, байт, чорбайт*) являются одним из самых популярных и любимых жанров дарвазского песенного фольклора. Благодаря своей краткости, лапидарности они легко запоминаются и исполняются как самостоятельно, так и в качестве составной части других видов фольклора. Объединенные общим рефреном, рубои становятся песней, они являются частью колыбельных, обрядовых песен (трудовых, свадебных). В рубои выражаются чувства любви, ревности, горечь разлуки, сетования на неверность возлюбленного или возлюбленной, жалобы на неравный брак. Самостоятельный цикл составляют траурные рубои, исполняемые плакальщицами на Ванджe. Также самостоятельный цикл составляют «чужбинные» рубои, которые бытуют наряду с «чужбинными» песнями [9]. Дарвазские рубои очень поэтичны. Они представляют собой как бы законченную миниатюру — первая строка — это картинка природы, описание горного пейзажа, здесь говорится о лунном свете, одинокой звезде, синем небе и т. п.; остальные строки содержат основную идею четверостишия. Наиболее популярны рубои так называемого классического типа, когда рифмуются первая, вторая и четвертая строки (**а а б а**). Именно таковы рубои, созданные великими персидскими и таджикскими поэтами древности Омаром Хайамом, Баба Тахиром и многими другими, вплоть до наших дней. Встречаются рубои и с парной рифмой (**а а б б**) или со сплошной рифмовкой (**а а а а**).

В прошлом низкий экономический уровень Дарваза, тяжелая нужда, избыток рабочей силы, отсутствие промышленных товаров вынуждали дарвазцев уходить в отходничество в города Средней Азии — Ташкент, Самарканд, Бухару и Ферганскую долину. Иногда пребывание в дальних краях затягивалось на долгие годы. В рубои в поэтической форме выражалась тоска по родине, а оставшиеся дома женщины изливали в рубои горечь разлуки. Особенно много рубои посвящено находящимся на чужбине братьям. Этот мотив нашел отражение и в рубои во время

Великой Отечественной войны, в которых выражалась печаль по поводу ушедших на фронт близких, и в частности братьев.

Рубои исполняются мужчинами под аккомпанемент дутара, а женщинами — под аккомпанемент бубна. Приведем несколько рубои в оригинале и в переводе на русский язык:

Руе дори, табақ-табақ гул реза,
Шуе дори, модасағыр мегреза,
Мегум, бәрам, корд занәм ё назанәм,
Шояд, ки тәро раҳо кәна, бәгреза

У тебя такое лицо, что [будто] розы с него сыплются,
У тебя такой муж, что даже сурчиха убежала бы.
Я думаю, пойду ударю его ножом или нет,
Может быть, он тебя оставит, убежит.

Эй бачаи чакмансиё, ба боғам нагәзар,
Гар мегәзари, саракта паст карда гәзар,
Шуе дорам ай саги гиранда батар,
Маро мекуша, туро ай куштан батар

О парень в черном чекмене, не проходи мимо моего сада,
Если будешь проходить, иди опустив голову,
У меня есть муж, он хуже цепной собаки,
Меня он убьет, а с тобой поступит еще хуже.

Афтовак раси шохаки анҷиранда,
Тираке зади шохаки нахчиранда,
Хунә ш бе чакид пиёлаи ширанда,
Хайфи бачазан канори он пиранда

Солнышко достигло веточки инжира,
Ты пустил стрелочку в рог горного козла,
Крови накапало целую пиалу,
Как жаль ту молодую женщину в объятиях старика.

Офтов бәрафт, сояш бәмунд минаи дашт,
И акаи мән пули Қалай-хумба гәзашт,
Ҳар чанде давидәму давидем, ки нагашт,
Доғе ба дәлам бәмунду оғбара гәзашт

Солнце зашло, тень пала на равнину,
Мой старший брат прошел Калайхумбский мост,
Сколько я его ни догоняла, он не вернулся,
Горе осталось у меня на сердце, он ушел за перевал.

Ҷонона, бахор шияст, кай меои?
Вахти гули хор шияст, кай меои?
Ту ва'да ба барфҳои замистун доди,
Барфо ҳама ов шияст, кай меои?

Милый, весна настала, когда же ты придешь?
Настало время цветения шиповника, когда ты придешь?
Ты обещал вернуться, когда выпадет зимой снег,
Весь снег уже растаял, когда же ты придешь?

Бечора касе ки бе бародар боша,
Дар руи замин чу мәрғи бе пар боша,
Мән зар бәдиҳам, ба худма додар бәхарәм,
Ин додари зархарид чи додар боша?

Бедняжка та, у которой нет брата,
Она в мире подобна птице без перьев,
Я дам золото, куплю себе брата,
Какой же это брат, купленный за золото?

Ҳаргиз ба сари хор бәрешим на тани,
Ере, ки ва дәг на боша, чунәш на кани,
Ере, ки ба дәл на боша, нобуданәш бист,
Севе, ки туруш боша, нохурданәш бист

Никогда не раскручивай шелковые нити на колючках,
Если друг тебе не по душе, не терзайся,
Если друг тебе не по душе, лучше бы его не было,
Если яблоко кислое, лучше его не есть.

В заключение мы остановимся на проблеме вариантности фольклорного произведения. Созданные безымянными авторами, передаваемые из уст в уста стихи и сказки неизбежно претерпевают за долгие годы своего бытования различные изменения. Иногда они приспосабливаются к определенной среде, местности. Отсюда возникновение многочисленных вариантов одного и того же четверостишия, сказки и других жанров фольклора. Это необходимо учитывать. Как нам представляется, нет и не может быть для фольклорного, безымянного произведения первоисточника, основного варианта. В этом смысле все варианты одинаково равноправны и каждый из них, где бы он ни был записан, является самостоятельным, оригинальным произведением устного народного творчества. Эти бесспорные истины иногда игнорируются молодыми таджикскими фольклористами.

В данной статье автор рассмотрел лишь наиболее популярные жанры дарвазского фольклора. Другие жанры будут им рассмотрены в дальнейшем во второй статье (II), посвященной также дарвазскому фольклору и таким его жанрам, как забавные рассказы (*латифа*), пословицы и поговорки, легенды и предания; в статье будет рассмотрен детский фольклор, загадки, песни и обрядовый фольклор, стихи местных поэтов, советский фольклор и формы его бытования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф., Немецкие народные книги, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. II, М.—Л., 1929, стр. 26.
2. Амонов Р., Лирикаи халқии тоҷик, Душанбе, 1968.
3. Амонов Раҷаб, Очерки эҷодиёти даҳанакии Кулоб, Душанбе, 1963.
4. Амонов Раҷаб, Таджикская народная лирика, Душанбе, 1968 (автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук).
5. Андреев М. С., Дарвазская сказка, — сб. «Живая старина», т. II—IV, М., 1912.
6. Асрорӣ В., Адабиёт ва фольклор, Душанбе, 1967.
7. Асроров В. М. (В. Асрорӣ), Фольклор и творчество писателя в таджикской советской литературе (на примере творчества С. Айни и А. Лахути), Душанбе, 1968.
8. Болдырев А. Н., К фольклору Таджикистана (Предварительные данные об эпической традиции у таджиков), — «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. III, М.—Л., 1936.
9. Болдырев А. Н., Чужбинная песнь, — «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. IX, М.—Л., 1940.
10. Брагинский И. С., Заметки о таджикском эпосе «Гӯрӯғлӣ», — КСИВ, М., 1953.
11. Гӯрӯғлӣ. Гӯянда Раҷабов Қурбоналӣ, навиштагирандагон: М. Ҳолов ва Қ. Ҳисомов. Ба нашр тайёркунанда Қ. Ҳисомов, Душанбе, 1962.
12. Зарубин И. И., Бартангские и рушанские тексты и словарь, М.—Л., 1937.
13. Зарубин И. И., К характеристике мунджанского языка. Иран, т. I, Л., 1927.
14. Зарубин И. И., Орошорские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928 г., Л., 1930.
15. Кисляков Н. А., Описание говора таджиков Вахио-боло, — «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. III, М.—Л., 1936.
16. Кисляков Н. А., Семья и брак у таджиков, Л., 1959.
17. Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, М.—Л., 1936.
18. Климчицкий С. И., Дарвазские фахлавийот, — «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. IX, М.—Л., 1940.

19. Намунаи фольклори даёри Рудай. Тартибдиҳандагон: Раҷаб Амонов ва Муҳаммадҷон Шукуров, Душанбе, 1963.
20. Намунаҳои фольклори Дарвоз. Ҷамъкунанда ва тартибдиҳанда А. З. Розенфельд, Душанбе, изд. 1, 1955; изд. 2, 1962.
21. Нурджанов Низам, Таджикский народный театр (по материалам Кулябской области), М., 1956.
22. Персидские сказки. Предисловие и перевод с персидского А. Розенфельд, М., 1956.
23. Расторгуева В. С., Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, М., 1964.
24. Розенфельд А. З., Ванджские говоры таджикского языка, Л., 1964.
25. Розенфельд А. З., Дарвазские говоры таджикского языка, — «Труды Института языкознания АН СССР», т. VI, М., 1956.
26. Розенфельд А. З., Из области таджикско-персидских фольклорных связей, — СЭ, 1948, № 1.
27. Розенфельд А. З., Новые издания таджикского фольклора, — СЭ, 1957, № 4.
28. Розенфельд А. З., Новые материалы о ванчском поэте Мулло Ере, — «Иранская филология (Сборник в честь 85-летия чл.-корр. АН СССР проф. А. А. Фрейманa)», М., 1963 (КСИНА, т. 67).
29. Розенфельд А. З., О некоторых пережитках древних верований у припамирских народов в связи с легендой о «снежном человеке»), — СЭ, 1959, № 4.
30. Розенфельд А. З., Обзор новых изданий по таджикскому фольклору, — СЭ, 1967, № 4.
31. Розенфельд А. З., Сборники таджикского народного творчества, — СЭ, 1957, № 1.
32. Розенфельд А. З., Система глагола в юго-восточных говорах таджикского языка, Л., 1966 (автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора филологических наук).
33. Семенов А. А., Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии, вып. 1, М., 1900; вып. 2, М., 1901.
34. Тилавов Б., Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок, Душанбе, 1967.
35. «Фольклори тоҷик». Тартибдиҳандагон: Турсунзода, М. ва Болдыров, А. Н., Душанбе, 1954.
36. Явич М. М., О публикациях таджикского фольклора, — СЭ, 1964, № 6.
37. Namunaji folklori toçik. Tartibdihanda A. N. Boldirev, Duşanbe — L., 1938.
38. Zarubin I., Two Yazghulami Texts, — BSOS, vol. VIII, pt 2, 3, 1936.

Б. А. Вальская

ЯКОВ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАНЫКОВ (1818—1862)

В 1968 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося картографа и географа Якова Владимировича Ханыкова, очень много сделавшего для изучения Южного Урала, Оренбургского края, Казахстана, Средней Азии и сопредельных стран. Труды Ханыкова получили высокую оценку современников, в оссбенности Александра Гумбольдта.

Я. В. Ханыков родился 2 марта 1818 г. в семье моряка В. Я. Ханыкова, служившего в экипаже балтийского корабельного флота. Младший брат Якова Владимировича — Николай Владимирович Ханыков — выдающийся востоковед, а самый младший брат — Александр Владимирович был в 1849 г. осужден и сослан в Оренбургский край за участие в кружках петрашевцев.

О жизни и деятельности Я. В. и Н. В. Ханыковых написано очень мало [2, 3, 4]. О судьбе А. В. Ханыкова стало известно только после опубликования материалов по делу петрашевцев [23].

В 1829 г. Я. В. Ханыков поступил в Александровский царскосельский лицей, который окончил в 1835 г. с чином десятого класса. Это был седьмой выпуск лицея. В лицее Я. В. Ханыков вместе с А. А. Харитоновым издавал рукописный журнал «Сын лицея».

В ноябре 1835 г., после окончания лицея, Ханыков был назначен чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, находился на службе в Оренбургском крае при генерал-губернаторе В. А. Перовском.

В 30—40-х годах, как отмечалось в статье «О трудах Лемана в связи с работами других исследователей Оренбургского края и соседних с ним стран», в Оренбургском крае «для пользы науки» трудилось много ученых [13]. Среди них — В. И. Даль, Г. П. Гельмерсен, Я. В. Ханыков, Н. В. Ханыков, П. А. Чихачев, И. И. Иванин, Г. И. Данилевский, А. А. Рехенберг, Е. П. Ковалевский, А. Р. Гернгрос, А. А. Леман, К. Ф. Бутенев, И. Ф. Бларамберг, Э. Эверсман, Р. Мурчисон, К. Вернейль, А. А. Кайзерлинг, Н. И. Кокшаров и многие другие.

Следует отметить, что неизвестный автор этой статьи связывает интерес к изучению Оренбургского края с именем А. С. Пушкина. «„История Пугачевского бунта“ и неподражаемый рассказ „Капитанская дочка“,— писал он,— возбудили в России общий интерес к быту заволжских стран» [13, стр. 426]. Я. В. Ханыкову было поручено «собрание сведений по всем отраслям статистики и местной истории». Ханыков был хорошо знаком с этим делом, так как еще в 1836 г. опубликовал статью «Статистическое обозрение Австрии», которая и была его первой печатной работой [25].

В 1839 г. Ханыков опубликовал в «Материалах для статистики Российской империи» большую статью «Географическое обозрение Оренбургского края» [26], в которой дал описание природных условий, населения и городов огромной территории, включавшей в современных границах Урал, Казахстан, Башкирию, Татарию и нижнюю Волгу.

В 1841 г. Я. В. Ханыков, Н. В. Ханыков и А. А. Рехенберг описывали Оренбургскую губернию. В 1841 г. Я. В. Ханыков по собранным материалам опубликовал «Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г.» [27]. Этот труд не потерял своего значения до настоящего времени; в нем Ханыков показал развитие рудного производства на Урале, начиная с середины XVIII в.

На основании большого документального материала Ханыков показал состояние металлургической промышленности Оренбургского края в 30-х годах XIX в., развитие которой тормозилось крепостным правом. «Самая щедрая плата на Оренбургских заводах,— писал Ханыков,— не превосходит дохода помещичьих крестьян и расходуется вся на удовлетворение нужнейших и самых грубых потребностей» [27, стр. 71].

Особая глава посвящена хозяйственной оценке природных условий района. В конце приложены статистические таблицы, в которых дана подробная характеристика каждого из 24 медеплавильных и железоделательных заводов Оренбургского края. В таблицах приведены также итоговые данные о заводах «на праве владельческом» и заводах посессионных со сведениями о количестве «душ крепостных крестьян», о выпускаемой продукции.

В том же 1841 г. Я. В. Ханыков вместе со своим братом Н. В. Ханыковым и И. И. Иваниным на основании многочисленных расспросов составили «полное описание Хивинского ханства, поверенное и окончательно исправленное Никифоровым, Базинером и Данилевским» [13, стр. 430]. В это же время Я. В. Ханыков вместе с Далем написал работу «Сведения о путях в Хиву», которую, к сожалению, найти не удалось.

Весной 1842 г. Ханыков уехал за границу. В Риме он встретился с Н. В. Гоголем [47]. В Париже ему удалось ознакомиться с корректурными листами капитального труда Александра Гумбольдта «Центральная Азия». Из Парижа Ханыков поехал в Бонн, где надеялся встретиться с Гумбольдтом. В день приезда Ханыкова в Бонн Гумбольдт выехал в Париж, и Ханыков письмом сообщил ему свои замечания по поводу «географической разнохарактерности Урала и Устюрта, соединяемых Гумбольдтом в одну систему гор». Об этом Гумбольдт упоминает в «Центральной Азии».

Первые рецензии на «Центральную Азию» появились в России в 1843 г. [11; 22]. При этом слова «Asie Centrale» французского издания [49] были переведены в некоторых рецензиях как «Средняя Азия» [1]. В «Отечественных записках» сообщалось, что «Средняя Азия, возбуждающая теперь всеобщий интерес в политическом отношении, особенно интересна для нас, потому что значительная часть ее входит в состав нашего отечества. Гумбольдт преимущественно обращает внимание на русские владения в Азии, с значительной частью которых он ознакомился во время путешествия своего по России» [22, отд. II, стр. 1].

Ханыкову удалось лично встретиться с Гумбольдтом только в апреле 1844 г. в Потсдаме. Гумбольдт, писал Ханыков, «не только не отвергал верности понимания мною его статьи об Урале, но даже удостоил меня

---

[1] В работах Ханыкова и его современников, где упоминается Средняя Азия, часто речь идет о Центральной Азии.

некоторых словесных изъяснений, почему он соединил в одну систему Урал и Устюрт» [2].

За границей Ханыков познакомился и с президентом Лондонского Географического общества Родериком Мурчисоном, который представил к публикации в журнале Лондонского Географического общества статью Ханыкова, посвященную орографии Оренбургского края [50]. В 1845 г. Джон Арроусмит по этой статье, а также по «Карте земель киргизов Внутренней и Малой орд» Н. В. Ханыкова [28] и описанию этой карты, составленному Я. В. Ханыковым [28], и статье «О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малою ордами» Н. В. Ханыкова [24] составил карту Урала и степей оренбургских киргизов, изданную в 1845 г.

По возвращении из-за границы Ханыков был переведен на службу в Прибалтийский край. Д. Кобеко [10, стр. 340] сообщается, что он «сделался известным как правитель канцелярии» рижского генерал-губернатора Е. А. Головина. Здесь Якова Владимировича часто посещал его самый младший брат — студент Петербургского университета А. В. Ханыков.

Петрашевец А. П. Беклемишев показал на следствии по делу петрашевцев, что, выходя от Петрашевского в феврале 1848 г., он встретил А. В. Ханыкова, которого «видел за два года пред тем студентом в Риге у его брата» [6].

После службы в канцелярии рижского губернатора Ханыков в 1849—1850 гг. был секретарем Совета и профессором Царскосельского лицея.

В 1845 г. в Петербурге было основано Русское Географическое общество. Ханыков не был в числе основателей Общества, но, как писал Семенов, находился в числе «более молодых деятелей», игравших «с самых первых лет существования Общества видную роль в его деятельности или оказавших впоследствии [в обширном цикле деятельности Географического общества] выдающиеся услуги России» [21, стр. 3].

Сразу после основания Общества Ханыков начинает принимать активное участие в его работе. В августе 1846 г. он передал в Общество составленную им карту Южного Урала с просьбой напечатать ее. Он был готов в отдельной статье написать объяснение к этой карте. Совет Географического общества постановил: «благодарить г. Ханыкова за его прекрасный подарок, коим Общество готово воспользоваться, чтоб ознакомить любителей географии с местностью малоизвестной страны». Совет просил Ханыкова сообщить, «какие способы были употреблены» для составления этой карты. Вскоре Ханыков сообщил, что карта составлена «на основании съемок, произведенных в последние 15 лет топографами отдельного оренбургского корпуса, и дополнена личными Ханыкова наблюдениями и картографическими работами капитана Рехенберга» [3].

Карта была направлена на отзыв члену-сотруднику Географического общества А. А. Рехенбергу. Несмотря на то что он признал ее «хорошим материалом для географии Оренбургского края», Совет Общества отказался издать ее на счет Общества.

5 февраля 1847 г. Ханыков выступил на общем собрании членов Географического общества с докладом о необходимости составления словаря географической терминологии. В географической литературе

---

[2] ЦГИАЛ, ф. 869, оп. 1, № 1102, л. 34.

[3] Архив Географического общества СССР (далее — АГО), ф. I, оп. 1[а], № 2, л. 98.

по мнению Ханыкова, отсутствовали многие нужные термины, а имеющиеся термины не получили установленного значения.

«Причины этого,— писал Ханыков,— заключаются, отчасти, в незначительности нашей ученой деятельности, в невыработанности, неполноте русского ученого языка вообще и, наконец, в том, что география должна принимать множество местных названий общеупотребительных и известных лишь на одном, часто небольшом, пространстве». Кроме этого, причину «неточности и неполноты русского географического языка» Ханыков видел в «необработанности географической теории вообще» [4].

В словарь географической терминологии Ханыков предлагал включить термины по географии математической, физической, экономической и по этнографии. Особо в словаре должны были быть выделены термины общие, теоретические, относящиеся к России в целом, и термины местные, которые должны были раскрыть «смысл, придаваемый им народом в известном крае или у известного отдела населения».

Через несколько дней Ханыков переслал свой доклад в Совет Географического общества. В письме к А. В. Головнину он сообщал, что в частных беседах по поводу его доклада были высказаны возражения, в которых отмечалось, что исполнение его мысли бесполезно и невозможно.

Ханыков считал, что если невозможно договориться о терминах географии, то «нужно немедленно отказаться от обработки географии как науки и в изучении географического языка признать более трудности, чем в изучении языка китайского».

Противники Ханыкова возражали против точного разделения гор по высоте на высокие, средние и малые. Но Ханыков считал, что, несмотря на «общее неудобство всякого определенного разграничения», оно необходимо. «Основу разделения, наприм[ер], частей света,— писал он,— составляет разнохарактерность стран, им принадлежащих, но большею частью на самых рубежах эта разнохарактерность не существует, и путешественник, переехавший через Уральский хребет близ Екатеринбурга или через Яик близ Орска, конечно, не найдет разительной разницы в том или другом скате гор, в северном или южном берегу реки,— но, однако же, странно было бы утверждать на этом невозможность и бесполезность разграничения Европы и Азии» [5].

Эти высказывания Ханыкова далеко опередили свой век, и если бы его мысли о создании словаря географической терминологии были осуществлены, то не было бы такой путаницы в терминологии, которая и сейчас затрудняет развитие науки. Очень интересны высказывания Ханыкова «о разграничении» географических предметов и явлений, о том, что, хотя «разнохарактерность стран» на рубежах исчезает, нельзя считать бесполезным разделение территории на различные районы и страны.

В этом важном деле Ханыкова поддержали Н. А. Милютин и Н. И. Надеждин. 28 марта 1847 г. Ханыков писал Н. А. Милютину: «С чувством искренней признательности я прочел известие о снисходительных усилиях Ваших и Николая Ивановича Надеждина в последнем собрании нашего Общества восстановить истинный смысл предположения моего относительно Словаря географической терминологии» [6].

Н. И. Надеждин, Н. А. Милютин и Г. Ф. Стефан представили в Совет Общества записку Д. А. Милютина, в которой указывалось, что разработка географической терминологии является одной из главных

[4] АГО, ф. I, оп. 1, № 5 (1847), л. 1.
[5] АГО, ф. I, оп. 1, № 5 (1847), л. 8.
[6] ЦГИАЛ, ф. 869, оп. 1, № 1102, л. 29.

задач Общества. Для ее установления была создана специальная комиссия, которая разработала инструкцию для сбора материалов. Большое участие в этом деле принял и В. И. Даль. Ханыкову было поручено составить список всех собранных слов, с разделением их на разряды по значению.

Сразу после основания Географическое общество приступило к печатанию «Записок Русского географического общества». И уже во второй книге «Записок», изданной в 1848 г., появилась статья Я. В. Ханыкова «Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г.». Первая и вторая книги «Записок» сразу разошлись, и в 1849 г. было опубликовано второе издание.

«Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г.» состоит из трех обозрений — географического, исторического и статистического и карты. Географическое обозрение включает раздел «Местность», где дается описание рельефа местности, прилегающей к Каспийскому морю между Волгой и рекой Урал. Далее идет раздел «Климат», где описываются климатические особенности территории в границах современной Западно-Казахстанской области. В раздел «Топография» Ханыков поместил список родов, отделений и подъотделений казахов Букеевской орды с указанием мест летних и зимних кочевок и перечнем строений в ханской ставке и дорог от нее в Уральск, Саратов, Камышин и Черный Яр.

В историческом обозрении рассказывается о переселении в 1801 г. казахов Букеевской орды на территорию России, расположенную между Волгой и рекой Урал. Всего переселилось около 10 тыс. казахов. Ханыков описывает историю этого переселения, «избрание» султана Букея ханом и его правление до самой смерти, последовавшей в 1815 г., а также правление сына Букея Джангира с 1824 по 1842 г. В статье приводятся интересные сведения о казахском герое Исетае Тайманове [1791—1838].

В статистическое обозрение Ханыков включил три раздела: народонаселение Букеевской орды, «народное богатство» и торговлю. В разделе народонаселения автор сообщает, что население Букеевской орды в 1841 г. составило 70 тыс. Они проживали в 14 тыс. кибиток. За последние 40 лет, пишет Ханыков, население орды утроилось. Это, по мнению Ханыкова, явилось результатом не естественного прироста населения, а результатом миграции. Характеризуя скотоводство, Ханыков пишет, что «главное исключительное богатство Внутренней киргизской орды составляет скот». В 1839 г. насчитывалось свыше 2 млн. голов скота. Анализируя статистические сведения, Ханыков пришел к выводу, что за последние 40 лет казахи «значительно обеднели». В 1803 г. на каждую кибитку приходилось 400 голов скота, а в 1839 г.— 155 голов. Причину обеднения казахов Ханыков видел в закяте — обременительной подати, которую выплачивали казахи, а также в том, что казахи «не предохраняют ничем стада свои от стужи, не заготовляют для них корма, почему глубокие снега, морозы, бураны, нередко в орде бывающие, вместе с падежами производят неимоверные убыли скота» [29, стр. 145].

Для популяризации географической науки Географическое общество в 1848 г. приступило к изданию «Карманной книжки для любителей землеведения». В 1850 г. Совет поручил Ханыкову редактировать вторую книгу этого издания. В ее состав должна была войти и статья Ханыкова «Обозрение северо-западной части Средней Азии». Секретарь Географического общества Н. К. Гирс просил Ханыкова приложить к этой статье карту этой части Азии. Но на русском и иностранных язы-

ках не оказалось удовлетворительной карты Средней Азии. Ханыков обратился в Совет Общества с просьбой поручить ему составить карту северо-западной части Средней Азии, в которой в то время ощущалась «практическая и ученая потребность». Составление такой карты, по мнению Ханыкова, было «непосредственной обязанностью Русского географического общества перед ученым светом».

Ханыков представил в Совет общества развернутую записку о необходимости составления подобной карты, в которой писал, что работа над картой им уже начата и значительная часть материалов уже собрана. 27 мая 1850 г. Совет одобрил предложения Ханыкова и поручил ему составление карты.

В записке в Совет Общества Ханыков писал, что предполагаемая карта в масштабе 50 верст в английском дюйме «должна иметь средним меридианом 82° от Феро, крайними 67° и 95°, крайними же параллелями 55° и 35° с. ш. Левая сторона рамки будет проходить около Кирсанова, Царицына, через Кизляр, Ардебиль и неподалеку Султании: правая — около Барнаула, Красноярского редута, через озеро Алакуль к Ладаку; верхняя от Кирсанова, мимо северного угла границы Оренбургского края, к Кузнецку; южная через Кашан, Герат, Кабул и Кашмир; длина карты будет равняться $27^1/_2$, ширина $29^1/_2$ вершкам, поверхность 700 квадратным вершкам» [7].

Сделав подробный обзор опубликованных русских и иностранных карт, Ханыков пришел к выводу, что «ни одна из этих карт, кроме карты Турана Н. Ханыкова, не объемлет всего пространства, которое должно быть изображено на вновь предполагаемой карте, труд же Н. Ханыкова не напечатан, а хранится в секретном архиве Азиатского департамента. Потому для одной удобности практического употребления уже весьма важно было бы сосредоточить в особом графическом изображении очерк части земного шара, составляющей во всем своем объеме одну самостоятельную географическую единицу» [8].

Издание «Карманной книжки для любителей землеведения» после выхода в свет первой книги прекратилось, поэтому Географическое общество в 1850 г. опубликовало труд Я. В. Ханыкова и Ю. В. Толстого «Список мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически» отдельным изданием, как предварительный материал для составления карты северо-западной части Средней Азии.

В рецензии, опубликованной в «Географических известиях», указывалось, что «книжка эта — краеугольный камень, полагаемый в основание великолепного памятника, который воздвигается на пользу географии и картографии сочленом нашим Я. В. Ханыковым, — его Карты северо-западной части Средней Азии, с четырьмя принадлежащими к ней обширными историко-критическими мемуарами».

Первым шагом Ханыкова, указывает неизвестный рецензент, было «составление канвы из данных о предмете, достоверность коих не подвержена сомнению». В этой книге Ханыков опубликовал сведения о широте и долготе 456 пунктов Средней Азии, с указанием, кем и когда они были определены и каким способом.

К списку приложена таблица с указанием, сколько астрономических пунктов приходится на каждый «градусный квадрат географической сетки этого пространства» [18].

Ранее в «Географических известиях» была опубликована большая

---

[7] АГО, ф. I, оп. 1, № 26 (1850), л. 2.
[8] Там же, л. 3.

статья «О картографических и географических трудах Я. В. Ханыкова», в которой указывалось, что он уже около 12 лет занимается собиранием и разработкой географических материалов о северо-западной части Средней Азии.

Труд Ханыкова, подчеркивал неизвестный автор, «принадлежит к числу замечательнейших учено-критических работ не только в отечестве нашем, где, кажется, ничего в том же роде не было доселе и предпринимаемо, но в целой Европе, где, несмотря на всеми сознаваемую и высказываемую необходимость критической переработки существующих картографических произведений, сделано еще по этой части весьма мало». Этот труд Ханыкова, по мнению автора, представляет не только основу будущих карт Средней Азии и руководство для путешественников, но и раскрывает «для глаз наших и целые рудники положительных сведений, ибо знакомит с источниками, которые до него не только были недоступны, но частию даже и вовсе неизвестны. План работ его превосходен, а прежние труды, равно как современный взгляд на науку и личное знакомство с корифеями ее в настоящее время, ручаются, при том обилии материалов, какое находится в руках его, что исполнение будет достойным образом соответствовать плану» [12, стр. 301—302].

Из плана работы Ханыкова, который упоминается в статье, видно, что «для пояснения таблицы и карты» он готовил «пространное рассуждение», которое состояло из следующих главных частей: «1) Разбора всех указаний об астрономических наблюдениях над широтой и долготой мест в северо-западной части Средней Азии; 2) обзора путешествий, совершенных в означенном пространстве с древнейших времен до XVIII в. по Р. Х.; 3) указания пространств и путей, географически исследованных в означенной части Средней Азии, с XVIII столетия по настоящее время; 4) очерка картографических данных об этом пространстве, приобретенных посредством расспросов туземцев и учено-критическими соображениями» [12, стр. 298].

18 ноября 1850 г. Ханыков прочел на общем собрании членов Географического общества доклад, представлявший собой «извлечение из пояснительной записки к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями» [35]. П. П. Семенов впоследствии писал, что эта записка заключала «всю историю развития наших географических познаний об Аральском бассейне до 1850 г.» [21, стр. 143].

Сам Ханыков в начале своего доклада сказал, что вице-председатель Географического общества предложил ему составить из доставленных «с разрешения правительства» материалов карту Аральского моря, хивинских владений и окрестностей озера Иссык-Куль. Ханыков сообщил, что карта Аральского моря им уже закончена, «но представляя ее Обществу,— сказал он,— я, по самому существу этой работы, вынужден просить его дозволить мне несколько словесных объяснений» [35, стр. 268].

Несмотря на то что Ханыкову для составления карты были доставлены «материалы с разрешения правительства», его обвинили в том, что он «незаконно воспользовался казенными материалами». Вот что он писал по этому поводу Д. А. Милютину:

«Дело о моей карте передано в Отделение, которым заведует Батюшков, и чтобы доказать, что я незаконно воспользовался многими казенными материалами, велено вызвать из архивной пыли рапорт Обручева военному министру от ноября месяца 1842 г., в котором военный губернатор жалуется на бывшего в Оренбурге Ханыкова, что подложно приобрел картографические материалы Оренбургского штаба для изготовления карты Турана.

Не можете ли Вы обещать мне объяснить Батюшкову или хорошо знакомому с ним А [неразб.]:

1. Ханыков, упоминаемый в рапорте, не я, а брат мой Николай. В этом легко удостовериться уже из того, что титулуют титулярным советником, тогда как я был в 1842 г. уже надворным советником. Сверх того Обручев в рапорте пишет о Ханыкове, недавно выезжавшем из Оренбурга в Петербург, а я окончательно оставил Оренбург 6 декабря 1841 г. и с 14 же мая 1842 г. находился уже за границей.

2. Сверх того и брат мой был совершенно оправдан рапортом военного министра ген.-адъют. Перовскому от 3 февраля, где было доказано, что Н. Ханыков составил карту не секретную, а по предписанию корпусного командира и не для себя, а для вице-канцлера, у коего эта карта находится поныне.

3. Ввиду этого сам военный министр уничтожил все произвольные распоряжения Обручева, а именно велел возвратить запрещенные им материалы и выпустить из тюрьмы чертежника, посаженного туда Обручевым.

4. Уже из этого очевидно, что воскрешенный из пыли рапорт к настоящему делу не относится, но еще более подтверждает это следующее: если бы я и приобрел какие-либо материалы до 1842 г., они не могли бы мне послужить для карты, ибо она вся основана на исследованиях гораздо позднейших, а именно: изображение Хивы по рекогносцировкам Данилевского 1843 г., изображение Киргизской степи начиная с 1844—1847 гг., изображение Аральского моря рекогносцировками Бутакова 1848—1849 гг.

5. Всеми этими материалами я вправе был воспользоваться, так как они или уже обнародованы или разрешены к обнародованию, а именно карта Киргизской степи напечатана с разрешения Военно-топографического депо в 1845 г. Положение пункта Леша в XI т. Записок Военно-топографического депо. Карта Данилевского напечатана Базинером с разрешения Военно-топографического депо, а теперь печатается подробное описание Данилевского в VIII т. Записок Географического общества. Наконец, в том же томе издается по высочайшему повелению подробный отчет об исследованиях Бутакова с астрономическими пунктами» [9].

Это письмо, к сожалению, не датировано; возможно, оно было написано в 1851 г., когда уже печатался V том «Записок Русского Географического общества», в котором, как это видно из отчета Общества за 1850 г., должна была быть напечатана карта Аральского моря и Хивинского ханства. Карта, видимо, была изъята цензурой, и в «Записках» осталась только «Объяснительная записка» к ней. «Карта Аральского моря и Хивинского ханства с окрестностями» в масштабе 50 верст в английском дюйме вышла в свет в 1851 г., когда Ханыкову удалось доказать всю абсурдность возведенных на него обвинений.

Несмотря на эти неприятности, 1850—1851 годы были наиболее плодотворными в научной и общественной деятельности Ханыкова. Его работы получили международное признание. «Карта Аральского моря и Хивинского ханства» была издана на французском языке Парижским географическим обществом [51].

Александр Гумбольдт в письме к Ханыкову, которое до сих пор оставалось малоизвестным, хотя и было опубликовано, признал выдающиеся успехи Ханыкова в изучении географии и картографии Средней

[9] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. Милютина, 169, 77, № 16.

Азии и сопредельных стран. «Вы знаете, — писал выдающийся немецкий естествоиспытатель, — как еще с 1844 года высоко я ценю ваши прекрасные труды». Гумбольдт представил труды Ханыкова прусскому королю для награждения. «Я, — писал он, — должен был выждать благоприятного времени, чтобы представить всю важность большого и прекрасного труда, исполненного вами... Он достойно может оценить политическую и торговую важность подобной описи Аральского бассейна (истинной Terra incognita).

...Привыкнув к поучительным разговорам Риттера, король вполне постиг цель ваших трудов... Во изъявление знака своего высокого к вам уважения, он пожаловал вас кавалером ордена Красного Орла 2-й степени. Стоит бросить взгляд на небольшую генеральную карту Северной Азии, приложенную к вашему отчету, на которой так искусно обозначены вами места, еще не исследованные, чтобы изумиться успехам ваших соотечественников, с тех пор как я оставил эти страны... Ваш список астрономических пунктов есть один из полезнейших трудов и приводит меня в восхищение... При новом издании моей Asie Centrale я воспользуюсь вашим любопытным замечанием об отсутствии соединения между Мугоджарскими горами и северо-восточной оконечностью Устюрта» [5, стр. 17—18]. 19 января 1852 г. письмо Гумбольдта было прочитано на общем собрании членов Географического общества. На этом же собрании был прочитан рескрипт прусского короля о награждении Ханыкова орденом за географические заслуги и «преимущественно за составленную им карту Аральского моря».

В рескрипте было написано: «Я получил с живейшим участием важный труд, коим вы недавно обогатили вновь столь несовершенную географию северо-западной части Средней Азии. Обширный бассейн Аральского моря, в котором плавают ныне суда императорского флота, был „страною неведомой“... Я весьма ценю, милостивый государь, пожертвование времени, которое, посреди стольких других занятий, вы сделали, чтобы на основании искусно разобранных астрономических наблюдений построить карту, изображающую очертания Аральского моря, островов, на нем находящихся, затопленной дельты Оксуса и части доселе неизвестного персидского Ширвана. Изъявляя вам выражение моей признательности, я с удовольствием жалую вас кавалером 2-й степени моего королевского ордена Красного Орла. Мой посланник при императорском дворе вручит вам знаки этого ордена» [17, стр. 31]. Из письма Гумбольдта от 16 декабря 1851 г. видно, что отчет Географического общества за 1850 г. с картой составлял Я. В. Ханыков. Среди других отчетов Общества он выделяется обширностью и глубоким содержанием. Отчет подводит итоги географического изучения России и сопредельных восточных стран членами Общества и намечает пути дальнейшего исследования. В нем поставлены и частично разрешены и некоторые методологические вопросы развития географии.

«Вся Россия, — подчеркивалось в отчете, — есть еще мир новый, едва початый основательным изучением; посему всякое со стороны нашей усилие к ее географическому разъяснению должно в высокой степени интересовать науку. Но особенно малоизвестны, и потому особенно интересны для науки, как части самой России, так и те сопредельные с ней страны, которые принадлежат к географическому составу Азии» [14, стр. 5].

П. П. Семенов писал, что Ханыков был самым ревностным поборником необходимости изучения сопредельных с Россией стран внутренней Азии. С марта по декабрь 1851 г. Ханыков был секретарем Географического общества. За это короткое время вместе со своим помощ-

ником Ю. В. Толстым он провел огромную работу по руководству Географическим обществом и по реализации своих научных планов изучения Азии.

23 января 1851 г. Ханыков выступил на общем собрании Географического общества с докладом о карте озера Иссык-Куль и сопредельных стран, которую он составлял по поручению Совета Географического общества.

30 апреля 1851 г. он прочел доклад о северном листе карты Каспийского моря и прибрежных стран. Генеральную карту Каспийского моря по новейшим изысканиям Ханыков тоже составлял по поручению Совета Общества. Она должна была иллюстрировать капитальный труд И. Ф. Бларамберга «Статистическое обозрение Персии», который печатался в изданиях Общества. Эта работа была написана Бларамбергом еще в 1841 г. по материалам, собранным им во время Карелинской экспедиции в 1836 г., а также по данным, собранным во время пребывания в Иране в 1837—1840 гг. Семенов писал, что «Статистическое обозрение Персии» находилось в Архиве Генерального штаба и считалось секретным до тех пор, пока «Обществу не удалось получить его для напечатания» [21, стр. 144]. Эту карту по просьбе Совета Общества Ханыков должен был составить в масштабе 50 верст в дюйме на пространстве Азии между 35° и 40° с. ш. и 61° и 81° в. д.

Третий доклад Ханыкова в Географическом обществе был посвящен еще одной карте, охватывавшей пространство от 40° до 48° с. ш. и от 86° до 102° в. д. Сюда входила территория Южной Сибири, Средней Азии, Северо-Западного Китая и части Западной Монголии. Для составления этой карты Ханыков использовал материалы топографа Шафтьева, составившего карту озера Иссык-Куль (без привязки к координатам), а также материалы, собранные П. Д. Горчаковым, карту Коканда, изданную Обществом, карту Бухарского ханства Н. В. Ханыкова, карту Западной Сибири 1848 г. и карты Гримма, Клапрота и Бичурина.

В отчете Географического общества за 1850 г. сообщалось, что «карта эта, предъявленная в последнем собрании нашем, разрешена к напечатанию и будет вскоре обнародована» [14, стр. 34].

27 октября 1851 г. Ханыков вновь выступил в Географическом обществе вместе с картографом А. П. Болотовым. Их выступление было посвящено четырехлистной карте из атласа северо-западной части Средней Азии. В отчете Общества за 1851 г. было написано, что северо-западная часть Средней Азии — обширная страна, еще малоисследованная, изучение которой «европейский ученый мир ожидает преимущественно от русской науки. До сих пор, по крайней мере важнейшие, приобретенные об этом пространстве сведения были добыты путешественниками русскими. Ими, особенно в последнее время, собран был обильный запас в высшей степени драгоценных материалов, к сожалению до сих пор еще не сведенных в одно целое и даже не вполне обнародованных». Эту работу, подчеркивалось в отчете, принял на себя «один из деятельнейших сочленов наших, бывший секретарь Общества Я. В. Ханыков» [15, стр. 50—51].

Необходимо остановиться еще на одной стороне деятельности Ханыкова. Семенов писал, что он как «горячий сторонник исследования внутренней Азии вместе с геологом А. Д. Озерским предложил перевести на русский язык капитальный труд Карла Риттера «Землеведение Азии». В отчете Географического общества за 1850 г. подчеркивалась необходимость перевода этой работы на русский язык и как образца «географической методы или географического способа изложе-

ния», и как обширнейшего свода «всего, что до издания ее было писано об Азии. От ближайшего ознакомления России с этим произведением, — подчеркивалось далее, — должно ожидать два рода полезных последствий: во-первых, улучшения обработки географических предметов, равно как географического преподавания в отечестве; во-вторых, направления местных исследователей в Азии на вопросы, действительно важные или еще не решенные, взамен бесплодных повторений одних и тех же сведений, по незнанию предшествовавших работ» [14, стр. 35].

Учитывая огромный объем труда Риттера — 920 печатных листов, Озерской и Ханыков предложили перевести только те части, которые наиболее интересуют русских читателей: Южную Сибирь, Северный Китай, Туран, Афганистан, Хорасан и Персию. Географическое общество поставило перед собою важную и самостоятельную задачу — составить дополнения к сочинению Риттера по новым источникам, вышедшим в свет после издания этого труда. Ханыков принял на себя подготовку к печати тома, посвященного Турану.

Интересны работы Ханыкова как критика географических и в особенности картографических произведений.

В 1850 г. Совет Географического общества поручил Ханыкову и Болотову составить отзыв на генеральную карту Азии, которую по поручению Географического общества составлял немецкий картограф Киперт в Географическом институте в Веймаре.

В своем отзыве Ханыков писал, что сам масштаб карты 250 верст в одном дюйме обнаруживает, что «1) она может представить лишь самое поверхностное изображение стран; 2) недоступна большой точности; 3) не в состоянии выразить наглядно различия между местами, знаемыми достоверно и только гадательно» [34, стр. 57].

По мнению Ханыкова, эта карта «будет иметь значение учебное, а не ученое», а потому, писал он, «нельзя ожидать, чтоб она была трудом самостоятельным». Далее Ханыков указывает, что Киперт не прибегал к подлинным источникам, а брал «уже изготовленные на основании их лучшие общие карты обширных частей Азии».

Ханыков приводит подлинные источники карты Азии Киперта, которых немецкий картограф не указал. «Приступая к разбору достоинств этих материалов и к оценке употребления, которое сделал из них г. Киперт, — писал Ханыков, — я прежде всего должен заметить, что могу, разумеется, говорить лишь о странах, специально мне известных, както: о южном Урале, Киргизской степи, восточном береге Каспия, Аральском море, Маверанегре, Хиве, Туркмении, Афганистане, Хорасане и северо-западной Персии». Сделав критический разбор изображений этих мест, Ханыков обнаружил существенные ошибки. В заключение он писал, что карта Киперта не может служить даже и учебной картой, так как она не обладает следующими качествами: «1) Выражением в немногих, но резких чертах главных отличительных свойств местности важнейших разнохарактерных частей Азии. 2) Строгим выбором топографических подробностей, которые допускаются на карту, основанным на действительной физической или статистической важности таковых мест и урочищ. 3) Верным обозначением современных политических границ» [34, стр. 62].

Совет Географического общества постановил поручить Ханыкову составить общую записку о погрешностях на карте Азии Киперта, которые должны быть исправлены, и направить эту записку вместе со «Списком астрономических пунктов северо-западной части Азии...», составленным Ханыковым, в Географический институт в Веймаре.

По просьбе директора Географического института в Веймаре Фри-

ропа Киперту были направлены русские карты отдельных районов Азии, в том числе и карты озера Иссык-Куль и Аральского моря и Хивинского ханства, составленные Ханыковым.

В 1855 г. генеральная карта Азии была вновь представлена Совету Географического общества, который ее единодушно отверг, так как она заключала в себе такие «коренные недостатки», которые делали ее «совершенно бесполезной». «Так неудачно, — писал Семенов, — кончилась попытка разрабатывать русскую картографию через посредство несомненно лучших иностранных картографов» [21, стр. 89].

Труды Ханыкова по картографии Средней Азии и сопредельных стран были тесно связаны с его работами по изучению истории исследования этой части Азии. В «Пояснительной записке к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями» Ханыков изложил историю географических исследований Аральского бассейна начиная с древнейших времен до 1850 г. Свой труд по составлению этой карты, который основывался только на маршрутах путешественников или съемках отдельных частей страны, не связанных общей сетью, он сравнивал с «восстановлением древних зданий по сохранившимся обломкам, с тою разницею, что от зодчего требуют главным образом ненарушимости общего характера древней архитектуры, картограф же обязан оправдать и малейшие подробности своей работы» [35, стр. 269].

В ходе изучения истории исследования Средней Азии Ханыков открыл и опубликовал ряд важных документов о пребывании там русских путешественников.

В 1850 г. он напечатал материалы о поездке в 1740—1741 гг. из Орска в Хиву поручика Гладышева и геодезиста Муравина. «Документы эти, — писал Ханыков, — составляют первое достоверное свидетельство об очертании берегов Аральского моря и о состоянии народов, занимавших в новейшее время низовья Аму-Дарьи, ибо обнародованные в 1754 г. Ганвеем [48] показания английских купцов Томпсона и Гока, проникших в одно время с Гладышевым, только не по восточному, а по западному берегу Арала, крайне скудны и неотчетливы» [32, стр. 521].

Извлечения из этих документов были напечатаны П. И. Рычковым в «Топографии Оренбургской». Но они, так же как заимствования Генвея, были не полны, поэтому «многие ученые, — писал Ханыков, — неоднократно изъявляли желание, чтобы журналы Гладышева и Муравина были напечатаны целиком». Во время пребывания в Оренбурге Ханыков познакомился с родственниками Рычкова и приобрел у них эти документы и рукописную «Историю Оренбургскую» [19], к которой была приложена карта Муравина и составленный им план г. Хивы, которые Ханыков опубликовал в приложении к своей статье.

В 1850 г. Ханыков опубликовал статью «О карте Миллерова маршрута от Орска до Зюнгорских владений [10] и обратно» [31].

Поручик Миллер был начальником первого купеческого каравана, отправленного Татищевым в августе 1738 г. из Орска в Ташкент. Помощником Миллера был геодезист подпоручик Алексей Кушелев. В июне 1739 г. купеческий караван возвратился обратно в Орск.

Вторую поездку в Казахстан Миллер совершил в 1743 г. «Об этой поездке, — писал Ханыков, — до нас не дошло подлинных показаний Миллера, и лишь краткое упоминание о ней встречаем в вышеупомянутой же «Оренбургской Истории» Рычкова. Тем интереснее было для меня найти в одном приобретенном мною рукописном экземпляре этой

[10] Владения Джунгарского ханства, с которым казахи в первой половине XVIII в. вели борьбу.

Истории — маршрут Миллера, приноровленный, вероятно, им самим к географической сетке. Документ этот был бы всегда любопытен как первое достоверное известие о странах, лежащих к востоку от Арала; но сверх того он и доселе еще остается единственным показанием этого рода, ибо путь, пройденный Миллером к югу-востоку от реки Сары-Су, не был посещаем после него ни одним образованным путешественником. Посему издание этого документа в том виде, как он найден мною, несмотря на всю неудовлетворительность его, для науки весьма не бесполезно» [31, стр. 663].

В 1851 г. Ханыков опубликовал документы о поездке в 1800 г. горных чиновников Поспелова и Бурнашева в Ташкент. В примечании к этой публикации он писал: «Ташкент был доселе только три раза посещаем европейскими путешественниками: Миллером и Кушелевым в 1739 г., Поспеловым и Бурнашевым в 1800 г., Назаровым в 1813 г. Сведения, сообщенные Миллером, вошли в примечания к «Оренбургской истории» Рычкова, изданной в 1759 г., но замечания Поспелова и Бурнашева не были еще обнародованы; а потому считаем не бесполезным для географии издать эти заметки в том самом виде, в каком они изложены составителями» [33, стр. 44].

Поражает огромная эрудиция, знания и кипучая деятельность Ханыкова. Это изумляло и его современников. Неизвестный автор рецензии на книгу Я. В. Ханыкова «Список мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически», писал, что «количество трудов, предпринятых и уже совершенных г. Ханыковым для Русского Географического общества в течение последнего времени, может изумить даже самых ревностных и деятельных тружеников науки, тем более, что основательность и ученое достоинство этих трудов удовлетворяет самым строгим требованиям. Если бы подобною деятельностью, сведениями и талантами обладало, на пользу Общества, еще несколько членов, то нет сомнения, что в самое короткое время далеко бы оставило оно за собой все однородные учреждения, существующие за границею уже десятки лет» [18, стр. 672].

Но деятельность Ханыкова в Русском Географическом обществе продолжалась недолго. В конце 1851 г. он был переведен в Уфу на должность гражданского губернатора Оренбургской губернии.

19 января 1852 г. на общем собрании членов Общества обсуждался вопрос об отъезде Ханыкова. Вместо Ханыкова ученым секретарем Общества был назначен В. А. Милютин, который 13 февраля 1852 г. на общем собрании в присутствии Ханыкова прочел торжественный рескрипт председателя Общества в. кн. Константина Николаевича об уходе Ханыкова с поста ученого секретаря. Перед отъездом в Уфу Ханыков в письме в Совет Общества подробно изложил ход работ и по Географическому обществу, и по своим «ученым занятиям».

Карта озера Иссык-Куль, писал Ханыков, окончена, но издание ее отложено, так как она «должна была войти в состав общей карты северо-западной части Средней Азии». Ханыков просил опубликовать ее на русском языке до того, как она будет обнародована на немецком в картографическом издании Фрипопа, куда она была отправлена для издания генеральной карты Азии, которую составлял Киперт.

Северный лист карты Каспийского моря Ханыков обещал окончить до отъезда в Оренбург. Четыре листа карты северо-западной части Средней Азии были почти закончены. Ханыков оставлял Болотову все нужные материалы для полного завершения работы. «Основание пояснительному тексту к этой карте, — писал Ханыков, — положено изданием списка астрономических пунктов северо-западной части Средней

Азии». Ханыков обещал до отъезда закончить пояснительную статью к этой карте. «Карта северной Персии, следующая к статье Бларамберга, — писал Ханыков, — может быть составлена по довершении южного листа Каспийской карты...»

В заключение Ханыков писал: «К переводу 7-й части Риттера приступлено и уже около $^1/_3$ тома переведено. Довершение сего под моим надзором я принимаю на себя и в отсутствии; ...выборка географических терминов из Академического словаря уже сделана, но требует еще пополнения. Если Совету угодно будет предоставить эту работу моему руководству, я буду иметь честь изготовить по сему предмету особое соображение» [38, стр. 21].

Совет согласился с предложениями Ханыкова и просил его привести их в исполнение. Из постановления Совета видно, что члены его ясно понимали, какую огромную потерю понесло Общество с отъездом Ханыкова в Оренбург.

Совет постановил сообщить Ханыкову, что Общество «искренне сожалеет о предоставившейся необходимости лишиться его прямого и непосредственного содействия, ознаменовавшегося в короткое время исправления им должности секретаря и участия в трудах Совета замечательными успехами по всем отраслям занятий Общества и значительным распространением самого круга его действий».

Совет просил Ханыкова «на будущее время оказывать Обществу то же полезное содействие, которым он отличался с самого времени его вступления в число действительных членов Общества» [38, стр. 22].

После отъезда в Уфу канцелярско-бюрократическая машина настолько поглотила Ханыкова, что он почти лишился возможности заниматься наукой. 22 апреля 1852 г. Ханыков писал Н. А. Милютину из Уфы: «О себе сказать особенно нечего. С утра до 3 часов суета приема, непрекращающийся поток донесений и пр. Затем обед, сон или прогулка, а после чтение журналов губернского правления, копий приказов моей канцелярии, продолжающееся до вечера, потом сон, и завтра то же самое» [11].

Однако, несмотря на все трудности, Ханыков поддерживал связь с Географическим обществом, в самой Уфе смог собрать вокруг себя сотрудников, которых заинтересовал изучением географии Азии.

В 1852 г. в «Вестнике Русского Географического общества было опубликовано письмо Ханыкова к секретарю Географического общества В. А. Милютину под названием «Географическая деятельность в Оренбургском крае». «Здешняя географическая деятельность, — писал Ханыков, — довольно обширна». Самыми важными работами в 1852 г. он считал съемку правого берега Сырдарьи и всего пространства к востоку от Тургая и к югу от Эмбы до Устюрта — по параллели в 45° с. ш. «Съемка эта, между прочим, — писал он, — обнаружила важный географический факт, что плоские возвышенности на восток от Тургая оканчиваются обрывом, совершенно похожим на чинк Устюрта, т. е. обрисовывают северо-восточную окраину моря, соединявшего некогда Арал и Каспий» [39, стр. 18].

Далее Ханыков пишет об исследованиях в Оренбургском крае Анненкова, Г. С. Карелина и В. В. Вельяминова-Зернова. Последний, писал он, провел «все лето в киргизских степях по Эмбе для филологических и этнографических наблюдений». В заключение Ханыков отметил, что «под его руководством» составлялся из ревизских сказок список всем

[11] Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 169, № 1102, л. 47.

селениям Оренбургской губернии. «Наконец, — писал Ханыков, — генерал-майор Бларамберг изготовлял для Географического общества карту северной Персии по материалам, которые я сообщил ему...» [39, стр. 19].

Из «Оренбургских ведомостей» видно, что Ханыков много разъезжал по Оренбургскому краю и, конечно, кроме служебных дел занимался и географическими исследованиями. В мае 1852 г. Ханыков был в Бирске, в августе — в Оренбурге, в сентябре ездил по всей губернии.

В апреле 1852 г. Ханыков опубликовал в «Оренбургских ведомостях» письмо А. В. Суворова Г. А. Потемкину от 10 декабря 1784 г. Эту публикацию Ханыков напечатал без подписи, так же как и многие другие статьи и заметки в неофициальной части «Оренбургских ведомостей». Авторство Ханыкова в данном случае устанавливается из его письма внуку знаменитого полководца А. В. Суворова — А. А. Суворову от 22 апреля 1852 г., в котором Ханыков писал: «Найдя в семейном архиве вашего рода собственноручное письмо знаменитого деда вашей светлости с печатью князя Таврического, я счел долгом издать этот исторический документ в неофициальной части ведомостей вверенной мне губернии» [12].

Среди чиновников, работавших под начальством Ханыкова, выделялся В. В. Завьялов, систематически публиковавший в неофициальной части «Оренбургских ведомостей» интересные материалы по истории исследования Средней и Центральной Азии. В декабрьском номере этого издания за 1852 г. Завьялов опубликовал отрывок из нового предисловия А. Гумбольдта ко второму изданию его капитального труда «Центральная Азия». Статья Завьялова была помещена в разделе «Библиография» под названием «Успехи развития азиатской географии в последние пятнадцать лет». Статья эта начинается такими словами: «Спешим порадовать любителей географии Азии известием о скором выходе в свет исправленного издания сочинения Гумбольдта „Средняя Азия", обнародованного в первый раз в 1843 г.» [7, стр. 542].

Хотя Гумбольдту не удалось опубликовать второго издания «Центральной Азии», это предисловие представляет большой интерес для истории науки.

«С того времени, — писал Гумбольдт, — когда я издал результаты астрономических наблюдений, сделанных в путешествие мое по Сибири, и карту Средней Азии, география обширной части материка между Каспийским и Аральским морями и северными отрогами Тянь-Шаня получила более твердые основания благодаря благородному содействию правительства, Императорского Географического общества и многих усердных и просвещенных наблюдателей.

Я уже воспользовался, — писал он далее, — многими драгоценными указаниями состоящего при Министерстве внутренних дел статского советника Я. Ханыкова, которого продолжительное пребывание в Оренбурге было весьма полезно для ближайшего ознакомления с южною оконечностью Урала и степями, простирающимися на восток и юго-восток к Аральскому морю. Карта Урала и карта степей Оренбургских киргизов, изданная в 1845 г. Джоном Арроусмитом в Лондоне, составлены по этим указаниям. К карте степей приложена объяснительная записка, за которую обязаны Н. В. Ханыкову, брату автора. Ему же принадлежит важное для геологии замечание об отсутствии посред-

[12] Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, собрание А. В. Суворова, т. 15, л. 82.

ствующей горной цепи, которая бы соединяла южную оконечность Мугоджарских гор Уральского хребта с северо-восточною оконечностью Устюрта. Горные хребты оканчиваются у северных истоков речки Чеган, а утесы чинка начинаются гораздо южнее» [7, стр. 543].

Гумбольдт пишет, что благодаря карте Средней Азии, которая составлялась Болотовым и Ханыковым, он «мог изменить очертание окрестностей Арала, Балхаша и Иссык-Куля при подошве вулканического, покрытого снегом хребта Тянь-Шань». Далее Гумбольдт подчеркнул, что Болотов с «редкой проницательностью» приложил к азиатской картографии проекцию Гаусса. «География Аральского моря, — писал Гумбольдт, — неожиданно достигшая настоящей степени совершенства, обязана этим столько прекрасным и многочисленным наблюдениям моего почтенного друга, подполковника Лемма (1846), сколько же тяжким и обширным трудам гг. офицеров Императорского флота Бутакова и Поспелова... Эти материалы и еще множество других послужили основанием для карты Аральского моря, Хивинского ханства и части Хорасана, составленной в масштабе 50 верст в английском дюйме Яковом Владимировичем Ханыковым» [7, стр. 544].

Предисловие Гумбольдта показывает, как высоко ценил выдающийся немецкий географ труды русских ученых, и в особенности работы Я. В. Ханыкова.

В период с 1852 по 1854 г. Завьялов опубликовал в «Оренбургских ведомостях» серию библиографических обзоров под общим названием «Об источниках и пособиях для изучения Оренбургского края и соседственных земель Средней Азии» [9]. Свою статью «Заруцкий в Астрахани и на Урале» он специально посвятил Ханыкову [8].

Вопрос о том, что писал сам Ханыков в «Оренбургских ведомостях» в период его пребывания в должности оренбургского гражданского губернатора, подлежит дополнительному изучению. То, что он действительно публиковал свои работы без подписи, видно по его статье о А. В. Суворове. За своей же подписью в «Оренбургских ведомостях» Ханыков опубликовал только две статьи.

С января 1853 г. в неофициальной части «Оренбургских ведомостей» появился новый раздел — «География и статистика Оренбургского края»; в этом разделе Ханыков начал печатать свою работу «Географические очерки Оренбургского края». Несмотря на то что ему удалось опубликовать только небольшой отрывок из этой работы, она имеет важное значение для изучения истории развития русской географической мысли.

«Всякая наука, — писал Ханыков, — имеет целью определить законы для частных явлений, входящих в область ее исследований. А потому и землеведение обязано установить основные характеристические черты, обуславливающие географическое значение каждой части земной поверхности, затем указать, на какие подобные участки подразделяется означенная поверхность, какие соединяет в себе всякий участок географические отличия и какое имели они влияние на историческую судьбу его» [41, стр. 6].

Ханыков проявлял глубокий интерес к теоретическим вопросам географии. Он много работал над теорией географии в тесной связи с проблемой изучения территории России и сопредельных стран и сразу подошел к разработке главных вопросов — районированию и генерализации.

«Теоретическое отступление» в «Географических очерках Оренбургского края» Ханыков сделал для того, чтобы подтвердить «права географии на значение науки», так как «убеждение в этой несомненности,—

писал он, — далеко не всеобщее». Д. А. Милютин, например, считал, что «география менее всякого другого предмета может образовать какую-либо специальную науку, ибо она сама не имеет определенного значения, а состоит из данных самых разнородных, относящихся ко всем отраслям знаний» [41, стр. 8].

Без «систематического обрабатывания географических данных, — писал Ханыков, — самое накопление их, увеличивая только материалы для науки, не подвигает ее и становится по большей части бесплодным... Сколько мелочных подробностей и, так сказать, географических игрушек повторялось в учебниках, обременяло память учащихся, отнюдь не разъясняя и не определяя понятий их об изучаемых странах!.. Но если вредно для землеведения пренебрежение к географической теории, то столь же гибельно ложное направление этой теории, недостаточное развитие ее!» [41, стр. 7].

Ханыков пришел к выводу, что «землеведение мало полезно и даже невозможно, как наука, без теоретической обработки и что теоретическая обработка безвредна и не влечет в заблуждение только под условием верности начал принятой теории». Ханыков понимал, что успешное развитие теории географии «значительно затрудняется обширностью предмета землеведения и разнообразием признаков, на соображении которых должны быть основаны характеристика и классификация разных частей земной поверхности».

Главной проблемой географии он считал районирование. «Безотчетная потребность... в разграничении, — писал он, — известной каждому народу части означенной поверхности замечается в истории развития географических понятий и сведений у всех племен. Везде встречаем мы общие подразделения, не зависящие от современного политического разграничения и не столь изменчивые, как последнее. Нередко эти инстинктивные определения были так верны и метки, что сохранены доселе наукою, как, например, подразделение Старого Света на Азию, Африку и Европу, подразделение Средней Азии на Иран и Туран и т. д. Но разумеется, безотчетная случайная классификация не могла заменить научной, не в состоянии была обнять всего круга землеведения. Географы стали придумывать свои подразделения, основывая их частью на орографических и гидрографических признаках, как, например, деление Азии по сю и по ту сторону Иммауса, но преимущественно на астрономическом основании, по широтам или по климатам. Очевидно, что подобная классификация и проистекающая из нее характеристика разных отделов земной поверхности не могла быть удовлетворительна по частности, случайности признаков, на которых та и другая основывались; деление это, объясняя и оправдывая причину тождества или разнообразия лишь в некоторых явлениях в описываемых странах, не давало средств к верному разграничению и обозначению каждой самостоятельной части земной поверхности».

Для правильного районирования территории и ее познания необходимо, по мнению Ханыкова, «с точностью определить все существенные признаки, могущие иметь решительное влияние на географическое значение страны; затем показать, на каких пространствах однообразно проявляется совокупное действие этих свойств, и подтвердить справедливость этих выводов частным, подробным исследованием самого описываемого пространства».

«Значение каждой самостоятельной части земной поверхности в истории нашей планеты и человечества определяется, — писал далее Ханыков, — астрономическим положением этой части, горизонтальным очертанием ее, гипсометрическим характером, распределением вод, кли-

матом, геогностическими отличиями, ботаническим свойством, этнографиею преобладающих в ней племен, отношением характера ее к свойствам соседних стран, наконец, теми историческими обстоятельствами, которые могли споспешествовать или препятствовать успешному осуществлению страною своего назначения» [41, стр. 8].

По мнению Ханыкова, «систематическая география» невозможна, если описание территории опирается на «произвольно взятое пространство». Необходимо правильное «разграничение земной поверхности». Нужно выделить такие пространства, которые составляют «самостоятельное целое». Если территория состоит из «нескольких географических единиц», нужно определить их «разнохарактерный состав» и указать, «к какому целому каждая часть относится».

«Точно так, — писал Ханыков, — как нельзя написать истинно художественной истории какого-либо случайно взятого года, а необходимо либо указать, какой момент составляет описываемый год в общей жизни народа, либо избрать предметом самостоятельный период или историю целого народа, или, по крайней мере, биографию замечательной личности, точно так же легко составить географический очерк любой губернии, но не всякая губерния, т. е. пространство, определенное произвольными границами, может иметь свою географию, т. е. служить предметом для художественно-систематического описания. Преимущество это принадлежит только таким пространствам, изучение которых может привести к выводам о значении, принадлежащем описываемому пространству в истории нашей планеты и человечества; можно написать географию Кавказа и Закавказья и невозможно, по нашему мнению, географию, например, Чебоксарского уезда» [41, стр. 9].

Далее Ханыков разбирает один из важнейших вопросов районирования, не разрешенный и в настоящее время: «чем же определяется право быть самостоятельным географическим целым, на чем должно быть основано заключение о пределах, обозначающих эту единицу?» Правильный вывод исследователя по этому вопросу должен быть основан, по мнению Ханыкова, на «соображении всех вышеисчисленных категорий географического описания, но иногда и даже большею частью влияние одного характеристического свойства так решительно и преобладающе, что оно одно определяет основы географического разграничения». В качестве примера Ханыков приводит два крупных района — северо-восточную материковую и юго-восточную морскую Азию. Основой их «географического разграничения», писал он, служит преобладание воды в южном полушарии. «Это различие имеет преобладающее влияние на характер стран, явлений в них органической жизни и самую историю их». Для полярной полосы, писал он, «климатическое свойство... составляет из этой местности самостоятельный географический отдел». «Жар и безводие соединяет в одно географическое целое пустыни Африки» [41, стр. 9].

Забытые работы Ханыкова должны занять достойное место в истории географии в нашей стране.

В первом номере «Оренбургских ведомостей» за 1853 г. была опубликована еще одна статья Ханыкова, которая является введением к его работе «Материалы для статистики народонаселения Оренбургской губернии». Так же как в конце статьи «Географические очерки Оренбургской губернии», здесь было написано: «Продолжение следует». Но ни одна из этих статей не имела продолжения.

Вступление к «Материалам для статистики народонаселения Оренбургской губернии» написано для своего времени очень смело. Ханыков пишет, что «главные представители» статистической науки

А. П. Заблоцкий-Десятовский, Д. А. Милютин и К. С. Веселовский 19 марта 1852 г. на заседании Отделения статистики Географического общества возбудили вопрос «о причинах неудовлетворительности отечественной статистики, при кажущемся богатстве материалов по этой части, равно как о действительнейших способах к устранению дальнейшей бесплодности статистических работ» [42, стр. 9].

Ханыков указывает, что все они пришли к выводу, что «статистическая деятельность у нас не ведет к той цели, к которой должна бы вести, т. е. не доставляет настоящего понятия о предмете своих исследований, но относительно причин этого явления и средств к улучшению встретилось разномыслие». Сам же Ханыков считал, что «основная современная потребность русской статистики заключается в разъяснении: какие у нее в настоящее время есть или могут быть источники для разных отделов статистики, понимая под словом источники первообразные факты, достаточно дробные для употребления при разрешении статистических задач и достаточно достоверные по способу собирания их. Затем стараться обнародовать эти источники так, как издаются исторические документы с комментариями, вариантами и критическими пояснениями» [42, стр. 11].

В качестве иллюстрации высказанных положений Ханыков опубликовал в приложении «Таблицу народонаселения Оренбургской губернии по IX ревизии», составленную под его руководством В. П. Бестужевым.

В последующие годы своей жизни Ханыков уже новых работ не печатал. В 1853 г. в издании Географического общества вышла в свет его «Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран» [43], над которой он работал начиная с 1850 г. В 1855 г. он опубликовал второе издание «Списка мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически» [44].

Неожиданное прекращение деятельности талантливого ученого нельзя объяснить только занятостью Ханыкова по должности гражданского губернатора. 30 июня 1853 г. семью Ханыковых постигло несчастье. В Орской крепости скончался от холеры Александр Владимирович Ханыков — младший брат Якова Владимировича Ханыкова.

А. В. Ханыков был однокурсником Чернышевского по Петербургскому университету. Чернышевский много писал о Ханыкове в своем дневнике. Вот, например, запись за 26 ноября 1848 г.: А. В. Ханыков «человек умный, убежденный, много знающий». Ханыков «знакомил меня с новыми общими идеями (не о фурьеризме только говорю я, а вообще) и дельный человек, ужасный пропагандист, но мирным путем убеждения; кажется, я свяжусь с ним; он нисколько не увлекает меня, но теперь я его уважаю, как уважаю человека с убеждением и сердцем горячим» [46, I, стр. 182—183].

7 апреля 1849 г. А. В. Ханыков на обеде в честь Шарля Фурье произнес речь, в которой сказал: «Отечество мое в цепях, отечество мое в рабстве, религия, невежество — спутники деспотизма — затемнили, заглушили твои натуральные влечения» [23].

2 мая 1849 г. А. В. Ханыков был арестован. Из рассказов своих знакомых Чернышевский узнал, «как взяла полиция тайная Ханыкова, Петрашевского, Дебу, Плещеева, Достоевских... Я, напр[имер], — писал Чернышевский, — сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы» [46, I, стр. 274].

Позднее Чернышевский писал о том, что «за Ханыкова хлопотали». Хлопотали, конечно, прежде всего его братья Я. В. и Н. В. Ханыковы. И не исключено, что Я. В. Ханыков получил назначение в Оренбургский

край через своего приятеля А. В. Перовского для того, чтобы как-то облегчить участь несчастного брата, которому расстрел, а позднее и 10-летняя каторга были заменены солдатской службой в Оренбургском батальоне Орской крепости, пребывание в которой и свело его в могилу.

Интересно отметить, что в 1855 г. только один Чернышевский откликнулся на выход в свет второго издания «Списка мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически», составленного Я. В. Ханыковым и Ю. В. Толстым. В «Современнике», в рецензии на X книгу «Записок Русского Географического общества», где опубликована эта работа Ханыкова и Толстого, Чернышевский писал, что этот список и карта Ханыкова принадлежат «к числу капитальных трудов», которые «пользуются достаточным весом в ученом мире, чтобы уже имя составителя ручалось за высокое достоинство его нового труда. Свод астрономических наблюдений сделан из 23 русских и иностранных ученых путешествий. Всех местностей, определенных астрономически до 1849 г. между 64° и 102° долготы и 34°—54° северной широты, собрано в списке и отмечено на карте 486; из них большая половина определена трудами русских ученых, из которых первым был г. Вишневский, в [1806—1815 гг.], почти не имевший в этом деле предшественников и между иноземцами. Из общего числа местностей 360 находится таких, для которых определена и широта и долгота; для остальных найдена только широта. В некоторых полосах этой части материка число определенных местностей так значительно, что карты могут быть составлены с удовлетворительной точностью. Таково пространство, ограничиваемое Орской крепостью на севере, Аральским морем и р. Тургаем на востоке (45°—51° сев. шир., 76°—83° долг.) и Персидские области, прилегающие к Каспийскому морю; другие полосы, напротив того, остаются еще бедны астрономически определенными пунктами; особенно это надобно сказать о пространствах между южною частью Каспийского моря на западе, Аральским морем на севере и Бухарою на юго-востоке (38°—43° сев. шир. и 71°—79° долг.) и еще более обширном пространстве на восток от рек Ишима и Сары-Су и на север от озер Кара-Кул и Иссык-Кул (43°—54° сев. шир. и 84° и 102° долг.). Трудами русских ученых в скором времени конечно пополнятся и эти пробелы; тогда карта северо-западной половины среднеазиатских стран достигнет равной точности во всех своих частях» [46, II, стр. 708—709].

О жизни и деятельности Ханыкова после 1855 г. имеется очень мало материалов. Из «Памятной книжки Оренбургской губернии на 1856 и 1857 гг.» видно, что в 1856 г. он находился в отпуску, а в 1857 г. в должности гражданского губернатора его уже заменил И. М. Потулов.

В Архиве Географического общества нам удалось обнаружить два письма Ханыкова в Совет Общества, из которых видно, что он хотел закончить начатые им работы. 1 июля 1857 г. Ханыков писал следующее: «В Географическом обществе находятся три труда, которые остановились без окончаний и не обнародованы.

1. Карта Средней Азии, начатая мною и Болотовым, в которой есть малая часть неконченная.

2. Карта Каспийского моря, совершенно оконченная, но которую нужно исправить по новым сведениям.

3. Перевод, сделанный под моим руководством Толстым, тома географии Риттера о Хиве, Бухаре и Кокане.

4. Наконец, и карта озера Иссык-Куль, которую по новым сведениям, полученным из Оренбурга, тоже надобно переделать.

5. Обращаю внимание Совета Географического общества на орографическую карту Южного Урала, которая изготовлена мною в 1841 г. на французском языке, в масштабе 10-ти верст, а описание Урала и карта в малом масштабе, но очень хорошо награвированная Аровсмитом, находится во 2-й части 13 тома Записок Лондонского Географического общества 1844 года.

Если Совету Географического общества благоугодно будет оказать мне содействие наймом двух топографов для окончания всех нужных картографических работ.

Дополнением к переводу Толстого о Хиве послужит описание Хивинского ханства Данилевского и моя карта Аральского моря и Хивинского ханства, дополнением к сведениям о Бухаре может служить описание путешествия брата моего Николая Ханыкова. Относительно Кокана есть новейшие подробные сведения у члена Географического общества Вельяминова.

Если Совету Географического общества угодно будет дозволить мне в каком-либо заседании лично представить ему те карты и материалы, которые у меня имеются, я с удовольствием исполню эту обязанность» [13].

Совет Географического общества отрицательно отнесся к предложениям Ханыкова, что вынудило Якова Владимировича вновь обращаться в Общество 18 октября 1857 г.: «Что я предлагал сделать для Общества, изложено в моем представлении Совету Общества, но он не согласился на эти предложения по недостатку средств и отказал мне в исполнении предположения моего. Тем не менее я прошу Общество возвратить мне карту, начатую мной с Болотовым, Средней Азии и прошу еще поручить кому-нибудь перевести с английского языка из XIII тома Географического журнала Лондонского общества 1843 года мое Орографическое замечание Оренбургского края, помещенное на страницах 278—324, и издать карту, приложенную к нему Аровсмитом» [14].

На этом письме есть помета о том, что карта была возвращена Ханыкову 22 октября 1857 г. Но что стало с Ханыковым и с его картами в последующие годы, нам ничего не известно. Семенов писал, что еще в Уфе у Ханыкова началась душевная болезнь, сведшая его в могилу. Ханыков умер в Москве 25 января 1862 г.

В некрологе, опубликованном в отчете Общества за 1862 г., было написано: «Угас после продолжительной болезни один из талантливейших людей нашей среды, бывший (1851 г.) секретарь Общества Я. В. Ханыков. Каковы ни были собственно ученые заслуги покойного, Общество без сомнения всегда сохранит благородную память об этом человеке, сумевшем придать своими счастливыми дарованиями такое одушевление занятиям Общества» [45].

ЛИТЕРАТУРА

1. [Бларамберг И. Ф.], Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Ф. Бларамбергом в 1841 г., — «Записки Русского Географического общества», 1853, кн. VII, стр. 1—359.
2. Вальская Б. А., Яков Владимирович Ханыков, — в кн. «Отечественные экономико-географы», под ред. Н. Н. Баранского и др. М., 1957, стр. 182—185.
3. Вальская Б. А., Е. П. Ковалевский и русские востоковеды, — «Доклады Восточной комиссии ВГО», 1965, вып. 1(2), стр. 38—47.
4. Вальская Б. А., Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока, М., 1960, стр. 1—3.

[13] АГО, ф. I, оп. 1, № 19, (1857), л. 1—2.
[14] АГО, ф. I, оп. 1, № 26 (1850), л. 59.

5. Гумбольдт Александр, Письмо Я. В. Ханыкову от 16 декабря 1851 г., — «Вестник Русского географического общества», 1852, ч. IV, отд. VII, стр. 17—18.
6. Дело петрашевцев, т. II, Л.—М., 1941, стр. 365—366.
7. Завьялов В. В., Успехи развития азиатской географии в последние пятнадцать лет, — «Оренбургские губернские ведомости», часть неофиц., 1852, 6 декабря, № 49, стр. 542—544.
8. Завьялов В. В., Заруцкий в Астрахани и на Урале, — «Оренбургские губернские ведомости», часть неофиц., 1853, № 1, стр. 2—6; № 2, стр. 17—22.
9. Завьялов В. В., Об источниках и пособиях для изучения Оренбургского края и соседственных земель Средней Азии, — «Оренбургские ведомости», часть неофиц., 1852, № 33, 34; 1853, № 1, 22, 27, 32, 34, 38, 42, 51; 1854, № 1—51.
10. Кобеко Д., Царскосельский лицей, Наставники и питомцы, СПб., 1911.
11. Новое сочинение Гумбольдта, — «Журнал Министерства народного просвещения» 1843, ч. XXXVIII, отд. 7, стр. 31—32.
12. О картографических и географических трудах Л. В. Ханыкова,— «Географические известия», 1850, стр. 291—302.
13. О трудах Лемана в связи с работами других исследователей Оренбургского края и соседних с ним стран, — «Географические известия», 1850, стр. 422—432.
14. Отчет Русского географического общества за 1850 г., СПб., 1851.
15. Отчет Русского географического общества за 1851 г., СПб., 1852.
16. Рескрипт в. кн. Константина Николаевича Я. В. Ханыкову,— «Вестник Русского географического общества», 1852, ч. IV, отд. VII, стр. 55.
17. Рескрипт короля Прусского Я. В. Ханыкову, — «Вестник Русского географического общества», 1852, ч. IV, отд. VII, стр. 31—32.
18. [Рец. на кн.:] Я. В. Ханыков и Ю. В. Толстой. Список мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически. СПб., 1850, 100 стр., —« Географические известия», 1850, стр. 671—672.
19. Рычков П. И., История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии (1734—1742), — «Ежемесячные сочинения», 1759, ч. I и II.
20. Рычков П. И., Топография Оренбургская, СПб., 1762.
21. Семенов П. П., История полувековой деятельности Русского географического общества, СПб., 1896.
22. Средняя Азия [рец.], — «Отечественные записки», 1843, т. XXX, отд. II, стр. 1—18 и 71—94; 1843, т. XXXI, отд. II, стр. 1—11.
23. Ханыков А. В., Речь на обеде в честь Шарля Фурье 7 апреля 1849 г., — Дело петрашевцев, т. III, М.—Л., 1951, стр. 18.
24. Ханыков Н. В., О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малою Ордами, — «Журнал Министерства внутренних дел», 1844, ч. 8, № 10, стр. 3—60.
25. Ха[ны]ков Я. [В.], Статистическое обозрение Австрии, — «Журнал Министерства внутренних дел», 1836, ч. XIX, стр. 156—176 и 438—448 (извлечено из «Journal des travaux de la Société Française de Statistique universelle»).
26. Ханыков Я. В., Географическое обозрение Оренбургского края, — «Материалы для статистики Российской империи», т. I, отд. II, СПб., 1839, стр. 1—42.
27. Ханыков Я. В., Обозрение рудного производства частных Оренбургских заводов в 1838 г., — «Материалы для статистики Российской империи», т. II, отд. IV, СПб., 1841, стр. 46—118.
28. Ханыков Я. В. и Ханыков Н. В., Карта земель киргизов Внутренней и Малой орд, — «Журнал Министерства внутренних дел», 1845, ч. 10, стр. 95—104. Из письма Александру Гумбольдту от 27 марта 1845 г.
29. Ханыков Я. В., Очерк состояния Внутренней киргизской орды с картой, — «Записки Русского географического общества», 1849, кн. I, стр. 121—148.
30. Ханыков Я. В. и Толстой Ю. В., Список мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически, СПб., 1850.
31. Ханыков Я. В., О карте Миллерова маршрута от Орска до Зюнгорских владений и обратно, — «Географические известия», 1850, стр. 661—663.
32. Ханыков Я. В., Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным, — «Географические известия», 1850, стр. 519—599.
33. Ханыков Я. В., Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., — «Вестник Русского географического общества», 1851, ч. I, отд. VI, стр. 1—56.
34. Ханыков Я. В., Отзыв о корректурных листах Генеральной карты Азии Киперта, в масштабе 250 верст в дюйме, — «Вестник Русского географического общества», 1851, ч. 1, кн. 1, отд. 1, стр. 57—62.
35. Ханыков Я. В., Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями, — «Записки Русского географического общества», 1851, кн. V, стр. 268—358.
36. Ханыков Я. В., Толстой Ю. В., Дополнения и исправления списка мест в се-

веро-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически, СПб., 1851.
37. Ханыков Я. В., Карта Аральского моря и Хивинского ханства с окрестностями, СПб., 1851.
38. Ханыков Я. В., Письмо вице-председателю Русского географического общества от 15 декабря 1851 г., — «Вестник Русского географического общества», 1852, ч. IV, отд. VII, стр. 20—21.
39. Ханыков Я. В., Географическая деятельность в Оренбургском крае (из письма к секретарю Русского географического общества), — «Вестник Русского географического общества», 1852, ч. VI, кн. 1, отд. V, стр. 18—19.
40. [Ханыков Я. В.], Письмо А. В. Суворова Г. А. Потемкину от 10 декабря 1784 г.,— «Оренбургские губернские ведомости», часть неофиц., 1852, № 16.
41. Ханыков Я. В., Географические очерки Оренбургского края, — «Оренбургские губернские ведомости», часть неофиц., 1853, № 1, стр. 6—9.
42. Ханыков Я. В., Материалы для статистики народонаселения Оренбургской губернии. Вступление, — «Оренбургские губернские ведомости», часть неофиц., 1853, № 1, стр. 9—12.
43. Ханыков Я. В., Карта озера Иссык-Куль и сопредельных с ним стран, СПб., 1853.
44. Ханыков Я. В. и Толстой Ю. В., Список мест в северо-западной части Средней Азии, положение которых определено астрономически, — «Записки Русского географического общества», 1855, кн. X.
45. Ханыков Я. В. [некролог],—«Отчет Русского географического общества, 1862», СПб., 1863, стр. 4.
46. Чернышевский Н. Г., Полное собрание сочинений, т. I, М., 1939; т. II, М., 1949.
47. Шенрок В. И., Материалы для биографии Н. В. Гоголя, ч. 4, СПб., 1898, стр. 191.
48. Hanway [Jonas], An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea, with a Journal of Travels etc., London, 1753.
49. [Humboldt A.], Asie Centrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologue comparée, par A. Humboldt, vol. 1—3, Paris, 1843.
50. Khanikoff J., Orographical Survey of the Country of Orenburg — «Journal of the Royal Geographical Society of London», 1843, vol. 13, стр. 278—324.
51. Khanikoff, Karfe de la mer d'Aral et du khanat de Khiva, Paris, 1851.

Т. И. Султанов

С. К. ИБРАГИМОВ И ЕГО ИСТОРИКО-ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование данных по средневековой истории казахского народа, содержащихся в таджикско-персидских и тюркских источниках, в широких масштабах начато советскими учеными лишь в последние десятилетия. Серьезные заслуги в этом исследовании принадлежат казахскому ученому С. К. Ибрагимову (1929—1960 гг.). Он умер еще совсем молодым, но за свою недолгую жизнь многое успел сделать и своими работами проложил путь и помог наметить направления дальнейших исследований, которые успешно развиваются в наши дни в Казахстане.

Сапар Камалович Ибрагимов родился 28 декабря 1929 г. в селении Каракамыс Урицкого района Кустанайской области. Отец его был учителем. Воспитывался С. К. Ибрагимов в семье своего дяди, в г. Алма-Ате, где в 1941 г. окончил неполную среднюю школу, затем обучался на двухгодичном подготовительном отделении при Казахском государственном университете, в который поступил в 1945 г. В 1950 г. он с отличием окончил исторический факультет этого университета со специальностью по истории зарубежного Востока. В октябре 1950 г. С. К. Ибрагимов поступил в аспирантуру Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР и был откомандирован в Ленинград, в ИВАН СССР, где закончил аспирантуру и 26 июня 1953 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную вопросам новейшей истории Синьцзяна. Оба выступавшие на защите оппонента — проф. Н. В. Кюнер и Л. А. Березный — дали высокую оценку диссертационной работе С. К. Ибрагимова [1, л. 4].

Однако в дальнейшем С. К. Ибрагимов не продолжал успешно начатых им занятий новейшей историей зарубежного Востока. Вполне определившиеся уже в аспирантские годы научные интересы молодого ученого влекли его в другую область. Его прежде всего привлекала история родного народа, и притом в первую очередь наименее изученные ее периоды.

В Институте истории, археологии и этнографии АН КазССР, куда в августе 1953 г. С. К. Ибрагимов был принят научным сотрудником (отдел «Древняя и средневековая история Казахстана»), молодой ученый получил все возможности работать в избранной им области. Ему была представлена длительная командировка в Ленинград, в ЛО ИВАН СССР, где он в течение ряда лет занимался исследовательской работой над источниками по истории Казахстана и одновременно изучал персидский язык и приобретал навыки в чтении рукописей на староузбекском и других тюркских языках. В мае 1958 г. С. К. Ибра-

Сапар Камалович Ибрагимов

гимов возвратился в Алма-Ату и продолжал там свои исследования.

В 1960 г. он участвовал в составе делегации СССР в работе XXV Международного конгресса востоковедов в Москве, где выступил с докладом, посвященным одному из интересных для историографии Средней Азии и Казахстана сочинений — *Футухат-и Хани* Бинаи. Это была его последняя научная работа. 12 апреля С. К. Ибрагимов выехал в командировку в г. Уральск и 14 апреля 1960 г. скоропостижно скончался.

Главным объектом исследований С. К. Ибрагимова была средневековая история Казахстана.

В своих источниковедческих статьях С. К. Ибрагимов рассматривал произведения ряда восточных авторов, в которых встречаются интересные данные о внутриполитическом положении Восточного Дешт-и-Кыпчака в XV в. и Казахском ханстве XV—XVI вв. [5; 9; 11; 12; 13; 14]. Эти произведения долгое время оставались малоизученными, что объясняется труднодоступностью источников. В то же время необходимость составления более полной и основанной на материалах источников истории казахского средневековья настоятельно требовала привлечения трудов именно восточных авторов в более широких масштабах.

Некоторые существенные пробелы в изучении средневековой истории Казахстана были отчасти восполнены введением в научный обиход сведений из источников, обработанных С. К. Ибрагимовым, пользовавшимся сочинениями средневековых авторов, писавших на староузбекском, персидском и арабском языках. Хронологические рамки источников, привлеченных С. К. Ибрагимовым, довольно широки. Он использовал как сочинения восточных авторов XI—XVII вв., так и русские документальные материалы XVIII—XIX вв., хранящиеся в архивах.

С. К. Ибрагимов совместно с арабистом В. С Храковским исследовал три раздела из *Диван лугат ат-тюрк* Махмуда Кашгарского [7; 12]. Во введении к опубликованному ими переводу извлечений из этих разделов затронуты вопросы этногенеза и образования казахского языка.

Согласно их выводам, материал, содержащийся в *Диван лугат ат-тюрк*, дает основание полагать, что в X—XI вв. казахский язык, не был еще сформирован. Махмуд Кашгарский постоянно говорит об огузо-кыпчакской общности и не упоминает кыпчаков как самостоятельное объединение [21, стр. 64, 66—68].

Основной круг источников, над исследованием которых особенно много и плодотворно работал С. К. Ибрагимов, относится к периоду XV—XVI вв. и непосредственно касается истории Казахского ханства. Так, им были опубликованы переводы обширных извлечений из *Тарих-и*

Абулхайр-хани Масуда, *Шейбани-наме* Бинаи, а также отрывки из ряда тюркоязычных сочинений [11; 13; 6][1].

С. К. Ибрагимов не успел написать задуманных им обобщающих исследований по средневековой истории Казахстана; краткие выводы, встречающиеся во всех его статьях, имеют предварительный характер. Но все эти статьи представляют научный интерес, ибо они написаны на основании трудов восточных авторов, чьи произведения служат ценными источниками по средневековой истории Казахстана и Средней Азии и касаются тем, которые относятся к проблемным вопросам исторического прошлого казахского народа.

Основные статьи С. К. Ибрагимова, посвященные истории Казахстана и Средней Азии, охватывают период с конца 20-х годов XV в. до середины XVI столетия, т. е. периоду, к которому относится возникновение Казахского ханства и сложение на территории Казахстана и Средней Азии устойчивых общностей тюркоязычных народов. По трактовке С. К. Ибрагимова, основные этапы истории данного периода представляются таким образом. В 20-е годы XV в. Узбекский улус состоял из нескольких независимых феодальных владений потомков сыновей Джучи-хана, Орда-Ичена и Шейбана и мангытских эмиров, ведших между собой упорный и ожесточенный спор за верховную власть. В дальнейшем все владения были объединены Абулхайр-ханом в единое кочевое государство. Но его победа в междоусобной борьбе степных феодалов не прекратила династийных распрей, которые продолжались до конца его жизни.

После смерти Абулхайр-хана борьба между потомками Орда-Ичена и Шейбана за верховную власть над кочевыми племенами Узбекского улуса разгорелась с новой силой и послужила толчком к крупным феодальным междоусобиям, приведшим к «образованию в конце XV в. на современной территории Казахстана новых самостоятельных феодальных владений с правителями из потомков Орды, а не Шейбана» [16, 175][2].

С уходом части кочевых племен во главе с Шейбани-ханом и завоеванием ими Мавераннахра и Хорасана во взаимоотношениях между потомками Барак-хана и Абулхайра наступает новый период. С. К. Ибрагимов подчеркивает значение экономических вопросов во взаимоотношениях между казахскими владениями и новой державой Шейбанидов, созданной в Мавераннахре и Хорасане на развалинах империи Тимуридов[3]. Отныне Шейбани-хану приходится вести оборонительную войну с бывшими сородичами, оставшимися кочевать в степи и управляемыми своими ханами, которые теперь представляли столь же реальную опасность для него, как незадолго перед этим кочевые узбеки для государства Тимуридов.

В наступлении на владения Шейбани-хана и его преемников казахские ханы и султаны выступали теперь совместно с племенами Ногайской орды. Часть мангытов, поддерживавших Шейбани-хана в годы его «казачества» [28, л. 97а, б], в начале XVI в. присоединилась к казахам

---

[1] Однако следует отметить, что не все переводы выполнены на одинаково высоком уровне. В некоторых местах автор иногда допускает слишком вольное обращение с текстом [6, стр. 108, 111, 112].

[2] Существует и иное мнение, относящее казахских ханов к потомкам другого сына Джучи-хана — Тука-Тимура [25, стр. 87].

[3] Утверждение С. К. Ибрагимова, согласно которому борьба потомков Барака и Абулхайр-хана имела только династийный характер вплоть до 1506—1507 гг., далеко не бесспорно. Как показывают те же источники, которыми пользовался С. К. Ибрагимов, экономические причины играли существенную роль наряду с политическими уже в первые годы появления на исторической арене Шейбани-хана.

и принимала участие в набегах на владения своего недавнего союзника. По этому поводу в источниках содержится следующее сообщение, относящееся к началу весны 910/1504 г.: «В это время Қасым-хан с помощью и при поддержке мангытов завоевал господство над всей Қыпчакской степью и имел возможность совершать набеги и нападения на границы Ташкента и Туркестана» [26, л. 178б]. Мангыты и в последующие годы составляли часть войска казахского хана Қасыма, принимая участие в его войнах с Шейбанидами [29, л. 97а].

Однако и первые владения потомков Барак-хана не представляли прочного политического объединения, о чем свидетельствуют постоянные изменения границ и факты перехода племен из одного объединения в другое. Оформление же нового государственного образования, получившего название Қазахского ханства, с определенной территорией и этническим составом, закончилось к первой четверти XVI в. Создание этого государства способствовало ускорению процесса формирования казахского народа [13, стр. 6, 7].

В связи с этим большое значение имеет материал, извлеченный С. Қ. Ибрагимовым из *Тарих-и Абулхайр-хани* Масуда и *Шейбани-наме* Бинаи, в которых приводятся названия родов, населявших Узбекский улус в 30—60-х годах XV в., а также родов, поддерживавших Шейбани-хана в годы его «казачества» и ушедших с ним в Мавераннахр. Қак справедливо отмечал С. Қ. Ибрагимов, сопоставление этих данных со сведениями из более поздних источников, непосредственно касающихся казахов, дает богатый материал для выявления этнического состава населения Қазахстана, необходимый для исследования процесса сложения казахского народа, который закончился к 40-м годам XV в. [16, стр. 180].

Таким образом, по мнению С. Қ. Ибрагимова, с середины XVI в. с большой степенью вероятности можно считать казахов обособившимся народом, отличавшимся от узбеков по роду хозяйственной деятельности и по своему быту. К этому времени процесс выделения крупных этнических групп из кочевых объединений и их уход в оседлые области в основном завершился, хотя пополнение родо-племенного состава казахов за счет соседей происходило в течение всего XVI в. [2; 20; 22; 24]. Кстати сказать, именно к середине XVI в. относится встречающийся, по-видимому впервые, в восточных источниках термин «Қазакстан», под которым автор-современник подразумевал территорию, населенную определенной группой племен, носящих название «казак» [3, л. 219б].

С. Қ. Ибрагимов высказал интересные мысли по отдельным вопросам казахской историографии. После выхода в свет «Исследования о Қасимовских царях и царевичах» В. В. Вельяминова-Зернова, где приводятся сведения Мухаммеда Хайдера об откочевке сыновей Барак-хана Гирея и Джанибека из Узбекского улуса в западные пределы Моголистана, в исторической литературе утвердилась традиция считать это событие началом возникновения казахской государственности, что едва ли справедливо.

В 50-х годах проф. А. А. Семеновым на основании исследования источников было высказано мнение, что уход Гирея и Джанибека в долину Чу и Козы-Баши явился «лишь одним эпизодом в истории узбеков-казахов», которая «не охватывала весь народ, а лишь его небольшую часть» [23, стр. 36]. Эта мысль А. А. Семенова была признана основательной С. Қ. Ибрагимовым и развита им в своих работах. Указывая на то, что ни придворные историки Шейбани-хана, писавшие вскоре после смерти Абулхайр-хана, ни автор *Тарих-и Абулхайр-хани* при довольно подробном описании событий, связанных с именем главы коче-

вых узбеков, ни слова не говорят об откочевке. С. К. Ибрагимов высказал предположение, что уход Гирея и Джанибека «не сыграл существенной роли в политической жизни племен, населявших узбекский улус» [12; 15, стр. 5; 16, стр. 177, 178].

Действительно, известные нам источники, кроме *Тарих-и Рашиди* и зависящих от него сочинений более поздних авторов, не упоминают о расколе в Узбекском улусе при жизни Абулхайр-хана и выделении из него нового политического образования. Сообщение же, содержащееся в *Тарих-и Рашиди,* по-видимому, следует отнести к тому обстоятельству, что Мухаммед-Хайдер, будучи историографом правителей Моголистана, не мог не упомянуть на страницах своего труда события, отразившие некоторые стороны внешней политики моголистанского хана Эсен-Буки (1434—1462 гг.), причем этой откочевкой было положено начало традиционному союзу между потомками Барака и правителями Моголистана, продолжавшемуся более семидесяти лет и нарушенному при правлении Абд-ар-Рашид-хана (1533—1565-66 гг.) [27, л. 82а, б].

Следовательно, наиболее возможным предположением в рассматриваемом вопросе будет то, что отложение Гирея и Джанибека от основной массы кочевых узбеков могло явиться всего лишь одной из форм протеста наиболее самостоятельных султанов, которыми была так богата кочевая жизнь номадов, когда их предводителю не вторило громкое имя могущественного, сильного. Тем более что это отложение совпало со временем наибольшего ослабления власти Абулхайр-хана [12, стр. 155].

В связи с этим серьезного внимания заслуживают работы С. К. Ибрагимова, касающиеся малоисследованного вопроса о положении ханской власти и ее взаимоотношений с феодальной знатью. В статьях С. К. Ибрагимова мы находим взятые из источников примеры, указывающие на то, что сила и прочность ханской власти зависела от того, насколько политика ханов отвечала интересам представителей крупных родов. В тех случаях, когда власть хана шла вразрез со стремлениями феодальной аристократии или ущемляла ее права, последняя не только не поддерживала его, но покидала своего предводителя и нередко даже вступала с ним в открытую борьбу.

Причиной недовольства ханом могли послужить различные поводы. Так, при преемнике Абухайр-хана Шейх-Хайдер-хане «обычай управления государством и устав султанства не соответствовали прошлым порядкам и не было соблюдения обычаев старины», и потому представители крупных родов, провозгласившие его ханом, в скором времени покинули Шейх-Хайдера [12, стр. 154]. Поводом к недовольству ханом могли послужить и такие его личные качества, как высокомерие и жестокость по отношению к своим подданным. Так, себялюбивый и жестокий казахский хан Тахир был настолько непопулярен и нелюбим, что вскоре был оставлен большинством своих племен и военачальников и вынужден был искать покровительства у шейбанида Кильди-Мухаммед-султана. Махмуд б. Вели, излагая события, имевшие место после смерти отца Кильди-Мухаммеда, Суюнджи-Ходжа-хана, писал: «В это время Тахир-хан, сын Адик-хана, который после Касым-хана стал править над всей Кыпчакской степью и некоторыми областями Моголистана, по причине грубости своего характера отвратил от себя сердца племен и воинов, был покинут начальниками войска и знатными людьми страны и обратился за помощью к могуществу султана» [26, л. 218а].

В подобных случаях происходили значительные передвижения, нарушавшие нормальный ритм жизни кочевников и приводившие к отко-

чевке части малорасположенных к хану феодалов со своими улусами в соседние земли; примером этого и может служить отложение сыновей Барака от главы кочевых узбеков Абулхайр-хана.

С. К. Ибрагимовым была написана весьма содержательная статья и о термине «казах», где рассматривается эволюция значения этого слова [15]. Автор не соглашается с аргументацией ученых, доказывающих существование этнического термина «казах» в X—XI вв. Рассматривая как маловероятную гипотезу предположение проф. А. А. Семенова о возможности вывода слова «казах» из монгольского термина «Хасагтэргэн», С. К. Ибрагимов приводит данные, противоречащие этому мнению. По мнению автора, значение слова «казах» претерпело следующую эволюцию: «XIII—XV вв. — в смысле «скиталец, вольный, изгнанник, бродяга»; с конца XV в. в противовес термину «узбек» оно приобретает политический характер, употребляясь как название отдельных феодальных владений; с начала XV в., после откочевки части кочевых племен с современной территории Казахстана во главе с Шейбани-ханом в Мавераннахр, термин „казах" начинает приобретать этнический характер» [15, стр. 71]. По воспоминаниям участников XXV Международного конгресса востоковедов в Москве, эта статья С. К. Ибрагимова вызвала большой интерес у многих советских и иностранных ученых и высказанные в ней положения были предметом оживленных бесед и дискуссий.

С. К. Ибрагимов отличался широтой научных интересов. Хотя основное внимание молодого ученого было направлено на исследование истории Казахского ханства XV—XVI вв., он в то же время был автором содержательных статей, касающихся вопросов внешнеторговых связей казахов в XVIII в. и развития земледелия у казахов в середине XIX столетия [4; 8]. Хронологические рамки статьи «Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII веке» гораздо шире указанного в заглавии периода: в ней были привлечены материалы о торговле казахов и в XVI—XVII вв. — по этой теме из-за малочисленности сведений до сих пор нет сводной работы. Страницы о торговле казахов в XVIII в. написаны на основе русских архивных материалов и исторической литературы и освещают основные моменты из истории внешнеторговых связей казахов данного периода, в котором главное место принадлежало России. Статья о земледелии у казахов в середине XIX в. написана С. К. Ибрагимовым на основании рукописей оренбургского купца Д. У. Белова, неоднократно бывавшего в казахских степях и оставившего любопытные записи о способах обработки земли казахами, об условиях найма на работу и ремесле казахов.

За десять лет научной деятельности С. К. Ибрагимовым было опубликовано также восемь рецензий, написанных совместно с другими авторами, несколько научно-популярных статей, посвященных различным народам Востока [17; 181], и написана глава учебного пособия по истории Казахской ССР для 8-го класса средней школы.

Последние годы жизни Сапар Камалович активно работал над подготовкой к переизданию первого тома «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой орды» знаменитого русского востоковеда В. Г. Тизенгаузена [19, 255]. Второй том сборника, по замыслам С. К. Ибрагимова, должен был включать переводы извлечений из восточных рукописей, относящихся к истории Казахстана и Средней Азии XV—XVIII вв. К сожалению, преждевременная смерть помешала ему осуществить свои замыслы.

Исследование восточных источников, в котором С. К. Ибрагимов принимал самое деятельное участие, получило свое дальнейшее разви-

тие в наши дни в Казахстане, прежде всего в Институте истории АН КазССР (В. П. Юдин, К. А. Пищулина, Б. Е. Кумеков и др.), а также в трудах ученых соседних братских республик Средней Азии (Б. А. Ахмедов, М. А. Абдураимов, С. Г. Агаджанов и др.). Группой казахстанских ученых совместно с сотрудниками ЛО ИВАН СССР подготовлен и сдан в печать ценный сборник материалов по истории казахских ханств XV—XVIII вв., куда включены переводы извлечений из большого числа тюркских и персидских источников, дающие достоверный и довольно обширный материал для изучения казахского средневековья. В сборнике содержатся сведения, имеющие большое значение как для исследования истории Казахстана, так и для понимания событий истории соседних народов.

В заключение следует подчеркнуть, что изыскания С. К. Ибрагимова внесли значительный вклад в исследование исторического прошлого казахского народа. Его работы особенно ценны введением в научный обиход ряда важных источников.

С. К. Ибрагимов был талантливым историком. Но только исключительная энергия, постоянная целеустремленность и очень большое трудолюбие, без которых любой талант остается мертвым капиталом и без которых нет пути в настоящую науку, позволили молодому казахскому ученому в короткий срок преодолеть трудности и преграды, стоящие перед исследователем восточных рукописей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив ЛГУ, ф. 1, год 1953, оп. 40, связка 45, ед. хр. 116.
2. Жданко Т. А., Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950.
3. Зайн ад-дин Васифи, *Бадаи ал-Вакаи,* Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырова, т. II, М., 1961.
4. Ибрагимов С. К., Рукопись по истории развития земледелия у казахов в середине XIX в., — ИАН КазССР. Серия ист., экон., философии, права, 1955, вып. 2, стр. 107—110.
5. Ибрагимов С. К., Некоторые источники по истории Казахстана XV—XVII вв.,— «Вестник АН КазССР», 1956, № 9 (138), стр. 52—59.
6. Ибрагимов С. К., Некоторые данные к истории казахов XV—XVI вв., — ИАН КазССР. Серия ист., экон., философии, права, 1956, вып. 3, стр. 107—113.
7. Ибрагимов С. К., Храковский В. С., Махмуд Кашгарский о расселении племен на территории Казахстана в XI в., — «Вестник АН КазССР», 1958, № 11, стр. 93—98.
8. Ибрагимов С. К., Из истории внешнеторговых связей казахов в XVIII в., — УЗИВАН СССР, М., 1958, т. XIX, стр. 39—54.
9. Ибрагимов С. К., Сочинение Мас'уда бен Османи Кухистани «Тарих-и Абулхайр-хани» (перевод), — ИАН КазССР. Серия ист., археол. и этногр., 1958, вып. 3 (8), стр. 85—102.
10. Ибрагимов С. К., Храковский В. С., Материалы по истории образования казахского языка, — ИАН КазССР. Серия ист., археол. и этногр., 1959, вып. 2 (10), стр. 94—100.
11. Ибрагимов С. К., «Шейбани-наме» Бенаи как источник по истории Казахстана XV в., — «Труды сектора востоковедения АН КазССР», 1959, т. I, стр. 190—207.
12. Ибрагимов С. К., Новые материалы по истории Казахстана XV—XVI вв., — «История СССР», 1960, № 4, стр. 152—158.
13. Ибрагимов С. К., «Фатухат-хани» Бинои как источник по истории Казахстана второй половины XV в., — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР».
14. Ибрагимов С. К., «Михман-намеи Бухара» Рузбехана как источник по истории Казахстана XV—XVI вв., — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», 1960, стр. 141—157 (ТИИАЭ АН КазССР, т. 8).
15. Ибрагимов С. К., Еще раз о термине «казах», — «Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана», 1960, стр. 66—71 (ТИИАЭ АН КазССР, т. 8).
16. Ибрагимов С. К., К истории Казахстана в XV в., — «Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 172—181.

17. Ибрагимов С. К., Индия (историко-экономическая справка), — «Қазақ тілі», 1951, № 8 (77).
18. Ибрагимов С. К., Республика Вьет-Нам (историко-экономическая справка), — «Жаңа Омір», 1952, № 2 (83).
19. Ибрагимов С. К. [некролог], — «Проблемы востоковедения», 1960, № 4.
20. Иванов П. П., Новые данные о каракалпаках, — «Советское востоковедение», 1945, т. 3.
21. Макмуд Қошғарий, Девону — луғатит турк, т. 1, Тошкент, 1960.
22. Перетяткович Г., Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации), М., 1877.
23. Семенов А. А., К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», 1954, т. 12.
24. Юдин В. П., О родо-племенном составе моголов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахами и другими народами, — ИАН КазССР. Серия общественных наук, 1965, вып. 3, стр. 52—65.
25. Юдин В. П., [Рец. на кн.:] Б. А. Ахмедов, Государство кочевых узбеков, М., 1965, 191 стр., — ИАН КазССР. Серия общественных наук, 1966, № 2, стр. 85—89.
26. بحر الاسرار فی مناقب الاخیار. Махмуда б. Вели. Фотокопия рукописи. ЛО ИВАН СССР. ФВ-82.
27. تاریخ رشیدی Мухаммеда Хайдера б. Хусейн Гургани. Рук. ЛО ИВАН СССР. В-648.
28. تواریخ گزیده نصرت نامه анонимного автора. Рук. ЛО ИВАН СССР. В-745.
29. زبدة الآثار Абдаллаха б. Мухаммед б. Али Насраллахи. Рук. ЛО ИВАН СССР. Д-104.

В. А. Ромодин

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ДОМУСУЛЬМАНСКОЙ ИСТОРИИ КАФИРОВ ГИНДУКУША И ПОЛИТИКА АБДУРРАХМАН-ХАНА (по *Сирадж ат-таварих*)

Кафирами мусульманские соседи называли жителей горной области Восточного Гиндукуша до завоевания ее в 1895—1896 гг. войсками афганского эмира Абдуррахман-хана и распространения в ней ислама [1]. До этого завоевания кафиры не подчинялись правителям соседних государств и сохраняли свои верования и самобытный уклад жизни. Их изучение нередко выводит исследователей за узкие локальные и временные рамки гиндукушского Кафиристана XIX в. и дает результаты, полезные при разработке общих для многих народов Средней и Центральной Азии вопросов истории и истории культуры [2]. Исследователи различных специальностей обращались к недавнему прошлому кафиров Гиндукуша и подходили к его изучению с разных сторон. Авторы книг и статей о кафирах и на смежные темы зачастую уделяли внимание и политической истории Кафиристана. Однако многие вопросы истории и предыстории завоевания этой области войсками афганского эмира остались слабо освещенными вследствие скудости и ограниченности доступной европейским авторам информации о событиях, происходивших в конце XIX в. на восточногиндукушских окраинах и рубежах Афганистана [3].

Из афганских источников чаще всего привлекалась «Автобиография» Абдуррахман-хана [1], содержащая большой материал по различным вопросам, но о политике эмира в отношении кафиров в этой книге сообщается очень немногое [1, т. I, стр. 378—383]. Г. Е. Грумм-Гржимайло [3] и некоторыми другими авторами использовались (по английским переводам) сведения из поэмы *Фатх-наме-йи Кафиристан,* написанной на персидском языке Шер Ахмадом Джалалабади [4]. В поэме дано довольно подробное описание походов в Кафиристан 1895—1896 гг., но восстановить по нему реальный ход событий не всегда возможно из-за гиперболичности и панегирической условности изложения.

---

[1] Географические данные об этой области (Кафиристан, ныне Нуристан) см. ниже, в статье А. Л. Грюнберга о Нуристане, стр. 264—265.

[2] О значении исследования кафирских языков также см. ниже, стр. 281—282.

[3] Европейцам въезд в Афганистан в конце XIX — начале XX вв. был запрещен. Исключением были немногие, приезжавшие по приглашению эмира. В Кабуле проживало несколько иностранных специалистов, главным образом англичан, находившихся на эмирской службе [5, стр. 276, 277, 443, 444]; круг их наблюдений был ограничен происходившим в столице.

[4] Текст издан в Лахоре в 1896 г.; тогда же напечатаны два английских перевода, более полный из них — в «The Asiatic Quarterly Review», стр. 283—290.

По обстоятельности и достоверности сведений о политике Абдуррахман-хана в отношении кафиров и о покорении Кафиристана на первое место среди афганских источников следует поставить историческое сочинение *Сирадж ат-таварих* [16][5], до сих пор еще мало использованное авторами работ, в которых в той или иной мере затрагивались эти темы[6]. *Сирадж ат-таварих* — официальная история Афганистана, написанная Файз Мухаммад-ханом (1862—1930) по приказу эмира Хабибуллахана и под его контролем. В соответствии с зафиксированными в предисловии [16, стр. 2, 3] указаниями эмира, определившими план и хронологические рамки сочинения, автор написал четыре тома, в которых изложена история Афганистана с середины XVIII в. до 1919 г.[7]. Из них первые два тома опубликованы в Кабуле в 1913 г. Там же в 1914/15 г. начал печататься 3-й том, изданный не полностью; описание событий в опубликованных разделах начинается с 1880 г. [16, стр. 379] и доводится до сентября 1896 г. [16, стр. 1240], прерываясь на незаконченной фразе. 3-й том *Сирадж ат-таварих* представляет собой подробную летопись современных автору событий; изложение основано главным образом на официальных документах, которые приводятся в пересказах, нередко в пространных выдержках, а иногда и в полном тексте[8]. При изложении сведений о политике Абдуррахман-хана в отношении кафиров автор *Сирадж ат-таварих* широко пользовался текстами фирманов этого эмира, его инструкций и писем должностным лицам, а также донесений его военачальников, чиновников и тайных агентов. Для уточнения и дополнения этих сведений полезны данные, содержащиеся в публикации Джонса, изданной в 1969 г. в Копенгагене [12][9].

Ниже приводится взятый из 3-го тома *Сирадж ат-таварих* и из других источников материал, позволяющий рассмотреть политику Абдуррахман-хана в отношении кафиров в 1885—1895 гг. и дополнить некоторыми данными во многом еще неясную картину событий последних лет домусульманской истории населенной ими области Восточного Гиндукуша. Обращаясь затем к известиям о ходе военных действий в 1895/96 г., ограничимся сжатым обзором и краткой характеристикой завоевания Кафиристана и его ближайших последствий. Эти вопросы, хотя и не полно, уже рассматривались в исторической литературе, а обстоятельному их изложению и анализу на основе новых данных должна быть посвящена другая работа.

* * *

В течение многих столетий кафиры Восточного Гиндукуша, защищенные от внешних вторжений недоступностью своих гор и ущелий, вели трудную и неспокойную жизнь в своих селениях, построенных с учетом

[5] На подробное описание покорения Кафиристана в *Сирадж ат-таварих* указал Ленц более 30 лет назад; но он не обратил внимания на имеющиеся в этом сочинении данные по предыстории завоевания и указывал только на «Автобиографию» Абдуррахмана как на источник сведений о «подготовке к завоеванию» [11, стр. 257, прим. 2].

[6] Насколько мне известно, впервые в советской исторической литературе данные из *Сирадж ат-таварих* о завоевании Кафиристана использованы в статье М. Гульджонова [4], опубликованной в 1967 г.

[7] 4-й том, посвященный истории Афганистана в 1901—1919 гг., остался неопубликованным. Есть сведения, что Файз Мухаммад-хан написал еще и 5-й том *Сирадж ат-таварих* с описанием событий 1919—1928 гг. Этот том также не издан.

[8] Характеристику *Сирадж ат-таварих* см. в рецензиях и других работах, указанных ниже, в списке литературы [5, стр. 437; 6; 7; 8].

[9] Джонс издал относящиеся к кафирам и Кафиристану извлечения из английских документов 1885—1900 гг., преимущественно из секретных докладов британских политических представителей и агентов, находившихся в Читрале, Пешаваре, Гильгите, Кабуле и т. д. [12, стр. 3].

необходимости постоянно быть готовыми отразить вражеское наступление или грабительский набег. Нападения и набеги угрожали жителям каждого селения от других «племен», кланов и общин кафиров, ибо кафиры не составляли единого народа и не были объединены политически, и между ними часто происходили и кратковременные столкновения и длительные войны. На границах области расселения кафиров не менее ожесточенные взаимные набеги и налеты были обычным делом даже в относительно мирные годы их сосуществования с мусульманскими соседями. Вместе с тем между Кафиристаном и его мусульманским окружением издавна поддерживались торговые связи; кафиры поставляли продукты скотоводческого хозяйства, а также уксус и вино, мед и воск, лесные орехи и т. п., а в обмен получали соль, грубые и дешевые ткани, некоторые металлы, оружие и разнообразные мелкие бытовые предметы разносной торговли. Только в годы больших войн мусульман с кафирами такая торговля временно прерывалась, но крупные походы в глубь кафирских гор мусульмане предпринимали редко. Мирные и немирные соседственные взаимоотношения вели к распространению влияния мусульманских народов на часть кафиров, прежде всего в пограничных местностях, где отдельные люди, а иногда и целые кафирские деревни принимали ислам [14, стр. 72]. Новообращенные нередко выступали как посредники между мусульманами и своими языческими соплеменниками. Из новомусульманской прослойки пограничного населения правители соседних государств подбирали себе пособников, пытаясь устанавливать политическое влияние в кафирских землях. А во время завоевания Кафиристана афганские военачальники из таких единоверцев находили достойных доверия проводников, хорошо знакомых с местными условиями. Однако в целом, при наличии длительных торговых и иных связей кафиров Восточного Гиндукуша с их мусульманскими соседями, успехи мирного проникновения ислама в Кафиристан к 1895 г. были сравнительно невелики и ограничивались территориально главным образом узкой порубежной кафиро-мусульманской полосой.

Походы, проводившиеся под знаменем «священной войны» мусульманскими ополчениями из Джалалабадской области во времена индийских падишахов Акбара (1556—1605) и Джахангира (1605—1627), привели к обращению в ислам жителей Тагао, Ниджрао и Лагмана, а также части населения долины р. Пич и районов, прилегающих к р. Кунар [10].

Однако проникновение в глубь собственно кафирских земель оказалось и тогда и впоследствии невыполнимым делом для слабо организованных добровольческих ополчений газиев и для отрядов феодальных правителей соседних мусульманских областей. Это показала неудача вторжения в Кафиристан, предпринятого в конце XVIII в. отрядами из Бадахшана, Кашкара (читральского), Кунара и Баджаура, к которым присоединилось несколько юсуфзайских ханов [11]. А правители больших и могущественных государств (Бабур и его преемники, а затем — государи Афганистана) не проявляли большой заинтересованности в отдаленной горной области Гиндукуша, лежавшей в стороне от главных стратегических и торговых путей, а потому не имевшей для них сущест-

---

[10] В те же времена происходили также, вероятно связанные с наступлением в этих районах мусульман, перемещения и завоевания самих кафирских племен в более отдаленных горных местностях, известные по историческим преданиям кафиров-кати [11, стр. 241—243].

[11] После некоторых первоначальных успехов вторгшиеся мусульманские отряды подверглись ожесточенным атакам кафиров и не смогли им противостоять. Поход окончился полным провалом [10, стр. 321].

венного политического значения. Положение изменилось к концу XIX в., когда англо-русское соперничество затронуло Памир и подступы к нему и когда колониальная экспансия Англии в сторону Гиндукуша создала угрозу захвата Кафиристана британскими завоевателями. Вопрос о будущем Кафиристана оказался связанным с безопасностью ближайших к нему жизненных центров афганского государства, таких, как Кабул и Джалалабад. Это обстоятельство сказывалось на политике Абдуррахман-хана, а вероятно и его предшественника — Шер Али-хана. Сведения о попытках Шер Али-хана покорить Кафиристан относятся к 1874 г. [12, стр.184]. Абдуррахман-хан с первых лет своего правления замышлял подчинить Кафиристан, опасался использования этой области и ее воинственных жителей Англией или Россией во вред его интересам, очень настороженно относился к любым попыткам проникнуть туда для изучения кафиров и их земель и препятствовал их осуществлению.

О недоверии Абдуррахман-хана к англичанам в делах, связанных с исследованием Кафиристана, свидетельствует его отношение к миссии Локхарта, отправленной в 1885 г. в Читрал через Кашмир и Гильгит. Согласно полученным им инструкциям, Локхарт должен был из Читрала пробраться в Кафиристан и досконально его обследовать. Указывалось, что следует сохранить в строгой тайне от афганских властей факт его пребывания в Кафиристане, рекомендовалось соблюдать особую осторожность при разведывании путей и держаться подальше от границ Афганистана [12, стр. 18]. В 1885 г. Локхарт не смог проникнуть в кафирские земли дальше пограничного с Читралом селения Барагаматаль. В 1886 г. он вновь пытался пройти в них через Вахан и Бадахшан. Абдуррахман-хан воспринял попытки исследования и разведывания Кафиристана англичанами как подготовку к захвату ими этой области и запротестовал, обвинив в апреле 1886 г. британское правительство в том, что оно намеревается «аннексировать Кафиристан» [12, стр. 20]. Как показывает дипломатическая переписка, опровержения и заверения англичан в отсутствии у них таких замыслов отнюдь не рассеяли опасений афганского эмира; неоднократные просьбы вице-короля Индии ни к чему не привели [12, стр. 21—23], и Абдуррахман-хан так и не пустил Локхарта к кафирам [12].

В 1886—1888 гг. внутреннее положение в Афганистане было весьма напряженным и афганскому эмиру было не до того, чтобы всерьез заниматься планами подчинения кафиров силой оружия; его государство потрясали опаснейшие восстания гильзайских племен и Исхак-хана [1, т. I, стр. 333—359]. Для ликвидации последствий восстания на севере Абдуррахман-хан осенью 1888 г. выехал из Кабула (оставив заместителем в столице своего старшего сына) в Мазари Шариф и вернулся только в июле 1890 г. [1, т. I, стр. 361]. К этим годам относятся неоднократные попытки Абдуррахман-хана распространить свое влияние на кафиров и добиться их подчинения мирным путем. Чтобы подготовить почву для этого, он и его военачальники вели переговоры с кафирскими старшинами, стараясь привлечь их на свою сторону деньгами и подарками и склонить к принятию ислама. В 1887 и 1888 гг. ко двору эмира прибывали довольно крупные депутации от кафиров, участники которых не возвращались без почетных халатов и денежных подарков [12, стр. 24—30]. Весной 1889 г. к афганскому двору проследовала де-

[12] Но эмир пошел частично навстречу просьбам правительства вице-короля Индии о предоставлении информации о Кафиристане географического характера и в присутствии британского дипломатического агента в Кабуле Атаулла-хана сам начертил карту Кафиристана, предупредив, что она нуждается в исправлениях и дополнениях. Копия с этой карты была отправлена Атаулла-ханом 3.VIII.1886 г. в Индию [12, стр. 23].

путация в 200 кафиров-чомья (чими), а летом туда направлялся Бидж Балли (его называли главным в Вайгале) с 60-ю соплеменниками [12, стр. 33]. В 1885—1889 гг. направленных против кафиров походов эмирские войска не предпринимали. Иногда небольшие отряды гарнизонной пехоты, расположенные в пограничных с кафирами местностях, участвовали в отражении кафирских набегов, время от времени происходивших на кафиро-мусульманских рубежах [16, стр. 508]. В некоторых случаях крупные силы эмирских войск вели военные действия в соседних с Кафиристаном районах [16, стр. 479, 480] и при этом проникали и в кафирские горы. Так было в ноябре 1886 г. в ходе карательной экспедиции против восставших мусульманских жителей горной местности к северу от Лагмана, смежной с кафирскими землями, в которых укрывалась часть повстанцев, ушедших в глубь гор со своими семьями и скотом [1, т. I, стр. 330—333; 16, стр. 523]. Во время этой экспедиции поход эмирских войск в ущелья Нуджиль и Фараджган испугал окрестное кафирское население и побудил 130 семей из Шама и 70 семей из ущелья Жина явиться в лагерь афганского командующего выразить покорность и принять ислам [16, стр. 522—524]. В других случаях отдельные группы кафиров заявили о признании ими власти Абдуррахман-хана, сохраняя свою прежнюю религию и соглашаясь уплачивать причитавшуюся с иноверцев джизью [16, стр. 600].

С 1888 г. в источниках сообщается о намерениях Абдуррахман-хана послать войска и подчинить кафиров силою, ежели они будут упорствовать и не признают его власть по «доброй воле» [12, стр. 26], а также о подготовке к этому: о разведывании путей в Кафиристане и о попытках прокладки дорог на подступах к нему [12, стр. 27—29]. Эмир и его военачальники продолжали ограждать кафиров от проникновения к ним людей из других государств, вели борьбу с распространением влияния на них соседних мусульманских правителей и противодействовали походам в кафирские земли ополчений афганских племен, над которыми еще не был установлен контроль эмирских властей. Не получила разрешения пройти в Кафиристан через оккупированные афганскими войсками припамирские княжества экспедиция Громбчевского, снаряженная Русским Географическим обществом в 1889 г. [9, стр. 1110, 1111; 16, стр. 650]. Абдуррахман-хан старался добиться преобладающего влияния в Восточном Кафиристане, который издавна был объектом соперничества между афганскими эмирами и мехтарами Читрала [13]. В 1888 г., принимая на дурбаре вызванных им кафирских старшин, Абдуррахман-хан указывал, что подчинение ему будет более выгодным для них, чем вассальная зависимость от правителя Читрала [12, стр. 26]. Эмир соглашался удовлетворить просьбу кафирских посланцев о предоставлении им вооружения (читральские правители избегали давать им оружие), он принял Рам малика, одного из влиятельных людей Камдеша, и беседовал с ним о вмешательстве в читральские дела; на обратном пути в Камдеш Рам малик был убит людьми читральского мехтара, узнавшего о беседе [12, стр. 25—27].

С 1889—1890 гг. в споре из-за Восточного Кафиристана наряду с прежними его участниками все более активную роль стал играть новый соперник, правитель Баджаура, а затем и Дира — Умра-хан Джандоль-

---

[13] Влияние, которым пользовались в Восточном Кафиристане читральские правители, объяснялось территориальной близостью, а также тем, что у читральцев искали поддержки оба враждовавшие друг с другом племени — кантоз и кам, принадлежавшие к восточной ветви кафирских племен кати и примерно равносильные, пытаясь этим путем получить перевес [11, стр. 243].

ский [14]. Значение этого спора, поскольку Умра-хана поддерживали тогда англичане, стало перерастать рамки местного конфликта между соседними феодальными правителями. Помогая Умра-хану с намерением создать противовес влиянию Абдуррахман-хана в пограничных патанских (афганских) областях, англичане следили за тем, чтобы джандольский правитель не слишком усилился, опасаясь объединения им воинственных горцев на подступах к Гиндукушу. Умра-хан видел в организации под своим руководством «священной войны» с кафирами надежный путь к укреплению своего авторитета и расширению владений. Летом 1889 г. он объявил о предстоявшем в ближайшее время джихаде против кафиров, базой для вторжения в их земли должна была стать крепость, возведенная на асмаро-читральской границе. Вести о намерениях Умра-хана встревожили читральского правителя, а кафиры, пытаясь воспрепятствовать им, отправили посланцев в Дир к Мухаммад Шариф-хану (врагу Умра-хана) и к Шах Баба, авторитетному религиозному руководителю баджаурских мусульман [12, стр. 33, 34]. В июне 1890 г. Умра-хан завоевал весь Дир. Поздравляя его с победой, Шах Баба призвал к «священной войне» с кафирами, указал, что надо помешать их связям с англичанами, и обвинил мехтара Читрала в неверии. Умра-хан хотел тогда покорить земли кафиров-«сияхпушей», а затем напасть на Читрал, но по совету Шах Баба отложил военные действия на конец сентября [12, стр. 36—38].

Военачальники Абдуррахман-хана противодействовали осуществлению завоевательных планов Умра-хана и пресекали попытки нападений афганских племен на кафиров [15]. Обстановка побуждала эмира поторопиться с реализацией своих замыслов подчинения кафиров, и в начале 1890 г. он решил отправить к ним посланца с ультимативными условиями, о чем заявил на дурбаре 22 февраля и сказал, что пообещает им полностью избавить от постоя войск селения, где кафиры «по своей свободной воле» станут мусульманами, но предупредил, что в тех селениях, жители которых сохранят прежнюю религию (приняв обязательство платить джизью), будут размещены хассадары [16] и построены крепости. В случае отказа кафиров подчиниться ему, Абдуррахман-хан собирался весной послать войска и ополчения, чтобы покорить их [12, стр. 35]. Поход эмирских войск на кафиров в 1890 г. состоялся, но не весной, а поздней осенью. В начале ноября в Кабул был вызван из Джалалабада сипа-салар Гулам Хайдар-хан [17] и получил от эмира «инструкцию о покорении Кафиристана», в соответствии с которой

---

[14] Умра-хан — младший сын правителя Джандола, феодального владения в Баджауре (входившего в состав княжества Дир), в 1878—1879 гг. завоевал власть над Джандолом и создав сильное (по местным масштабам) войско, добился преобладания в Баджауре. В 1882 г. занял значительную часть территории Дира, в 1883 г. разбил враждебную ему коалицию соседних правителей и затем усиливал свое влияние в окрестных землях, несмотря на противодействие Абдуррахман-хана [15, стр. 161—164; 16, стр. 414, 590, 591 и др.].

[15] Летом 1890 г. был предотвращен набег сафи Пича, мамундов и саларзаев на кафиров Вамы, а в мае 1891 г. эмирские войска рассеяли отряды саларзаев, момандов и шинвари, двинувшиеся на селения кафиров Вамы и Камдеша, которые запросили защиты у эмирских военачальников, ссылаясь на то, что они уже согласились подчиниться Абдуррахман-хану [12, стр. 38, 41—43].

[16] Хассадары — пехотинцы нерегулярных войск эмира [2, стр. 49].

[17] Гулам Хайдар-хан Чархи — один из лучших военачальников Абдуррахман-хана, сипахсалар (командующий) Джалалабадским округом, впоследствии — главнокомандующий (сипах-салар-и аввал). Приобрел известность в афганской армии уже во времена Шер Али-хана и прославился во второй англо-афганской войне. Руководил действиями войск Абдуррахман-хана при подчинении племен Восточного Афганистана [16, стр. 394, 430 и др.], командовал в Кунаре и вел пограничные переговоры с англичанами, а затем завоевал Восточный Кафиристан.

прибыл с войсками в район Лагмана, где занялся заготовкой провианта, сбором сведений о пути похода и «приступил к подчинению Кафиристана и Кохистана Лагмана» [16, стр. 702]. Поход был неудачным, войска не прошли в кафирские горы и застряли в ущелье Париан, где зимой 1891/92 г. терпели лишения и страдали от холода, не имея ни палаток, ни теплого обмундирования, пригодных для защиты от морозов [12, стр. 39, 40]. Весной 1891 г. эмир предпринял еще одну попытку организовать поход на кафиров под руководством Гулам Хайдар-хана Чархи, для которого были выделены военные силы из полков, находившихся в Кабуле, его окрестностях и в районе Шинвар [16, стр. 710], оказавшуюся безрезультатной.

Осенью 1891 г. кафиры из района Панджшера (где успехи распространения мусульманской религии были сравнительно значительны) и из других мест прибывали к афганскому двору и принимали ислам, получая от эмира в награду деньги и подарки [16, стр. 737; 12, стр. 44]. Продолжая принимать и одаривать являвшихся к нему кафиров, Абдуррахман-хан, видимо, теперь решил, что без применения внушительной военной силы дело подчинения Кафиристана не подвигается или подвигается слишком медленно. Так или иначе, именно в это время он впервые начал основательную и систематическую, во всяком случае, более тщательную, чем прежде, подготовку к завоеванию Кафиристана, предусматривая вторжение в него с нескольких сторон. 20 октября был отправлен эмирский фирман находившемуся в Бадахшане генералу Сайид Шах-хану. Ему предписывалось двинуться из Бадахшана в область Мунджан «с двумя или с одним пехотным полком из регулярного войска, которое находится под его знаменем», отремонтировать, расчистить и подровнять дорогу до Мунджана, где собрать «все пригодные к делу» военные силы, соорудить укрепление для проживания войска, назначить «для устройства укрепления и исполнения дел» подходящих начальников, которые обосновались бы там на зиму. В конце фирмана эмир указывал общую задачу войскам, выделенным для покорения Кафиристана: им надлежало выступить весной [1892 г.] со стороны Панджшера, Кунара и Мунджана, чтобы или завоевать Кафиристан, или добиться его подчинения «рассудительностью и мирными, разумными средствами», т. е. ограничиваясь только «движением победоносных войск, без сражения и смертоубийства» [16, стр. 743]. К походу из Кунара готовился Гулам Хайдар-хана Чархи, «уполномоченный на завоевание Кафиристана», выступивший в начале декабря из Хоста и, «развернув знамена поколения Асмара, Шигаля, ущелья Пич и Кафиристана», проследовавший 18 декабря через местность Шева в Чаган-Сарай с двумя полками регулярной пехоты, артиллерией и 200 человек конницы [16, стр. 745—746]. Корнейль Мухаммад Умар-хан, командовавший отрядами, назначенными для наступления из Панджшера, прошел из Парвана в Андараб, где остановился 19 декабря. Сайид Шах-хан, отправившийся с войсками из Файзабада в Мунджан, прибыл в Хинджан; там 20 старшин кафиров из ущелья Вайран, «вступив на путь покорности», явились приветствовать его. «Он к ним ко всем отнесся милостиво и уважительно, разрешил им вернуться домой, сделав внушение, повелел, чтобы они другим кафирам, живущим в тех горах, дали указания о подчинении, дабы дело не перешло от мирной речи к мечам и копьям» [16, стр. 746]. При подготовке войск, продолжавшейся в конце 1891 — начале 1892 г., принимались меры к снабжению их зимним обмундированием. 7 января Гулам Хайдар-хан получил 3 тыс. кабульских полушубков, присланных для воинов, которым предстояло покорять кафиров [16, стр. 747].

В начале 1892 г. Абдуррахман-хан хотел добиться политических изменений в Дире и Баджауре, а если удастся — подчинить Баджаур. На пути к выполнению этих планов стоял Умра-хан, и назревало столкновение с ним. Но англичане предупредили эмира, что присутствие его войск в Баджауре и вооруженный конфликт с Умра-ханом будет рассматриваться как нарушение интересов Англии. Эмиру пришлось ограничить поставленные перед Гулам Хайдар-ханом задачи завоеванием Асмара и «наказанием и подчинением» афганского племени сафи в районе Печа [16, стр. 749; 12, стр. 47, 50]. Кафиры прислали на помощь сафи отряд (сообщалось, будто 2 тыс. человек), но он ушел обратно, ибо сафи отказались от кафирской поддержки в связи с тем, что муллы обвинили их в неверии, как полагающихся на помощь язычников [12, стр. 51]. Гулам Хайдар-хан послал против сафи карательную экспедицию, об успехе ее донес эмиру 13 февраля, затем продвинулся в Печ с главными силами, захватил у сафи много оружия, обложил их податями, взял заложников и собирался пойти на Кафиристан, а потом на Асмар [16, стр. 751; 12, стр. 52]. Однако он не только не проник в кафирские земли, но не смог удержаться и на подступах к ним — в ущелье Печ. Из-за недостатка провианта он отвел войска в Верхний Чаган-Сарай, где тяжело заболел, а после излечения табибом, присланным ему эмиром из Кабула [16, стр. 751, 754], занялся не Кафиристаном, а Асмаром. Готовившиеся к вторжению в кафирские земли отряды из Мунджана и Андараба до весны также не выступили. А в апреле началось восстание в Хазараджате, для подавления которого эмиру пришлось бросить 40 регулярных полков с артиллерией и около 100 тыс. воинов ополчений, привлеченных к участию в объявленной против повстанцев «священной войне»; заботы по ликвидации восстания надолго приковали внимание эмира и его властей [16, стр. 773, 781, 782, 803, 812 и др.]. К 1892 г. относится также значительное обострение отношений Абдуррахман-хана с Англией, связанное с экспансией англичан в населенные афганцами (патанами) пограничные районы. Обстановка никак не благоприятствовала реализации планов завоевания Кафиристана, приуроченного эмиром к весне 1892 г. На сей раз гроза миновала кафиров.

Но к началу весны этого года непосредственная опасность для кафиров еще была налицо, и их старшины устремились тогда в лагерь сипахсалара в Верхнем Чаган-Сарае, пытаясь смирением и велеречивыми обещаниями отклонить грозившие бедствия. К нему «прибыли 300 старшин кафиров из племен семи сторон, которые узнали о намерении сипахсалара подчинить Кафиристан и были объяты страхом и ужасом; они смиренно выразили ему покорность и повиновение и признали религию ислама, удостоились обращения на истинный путь...» [16, стр. 751]. По другим сведениям, у сипахсалара побывали тогда 320 кафиров, которых он отпустил 11 марта, получив от них заверения в том, что они сохранят преданность кабульскому правительству [12, стр. 53]. В это время создалось такое положение, что Асмарское вассальное владение эмира могло ускользнуть из его рук, ибо Умра-хан сделал правителем в нем своего ставленника. Во второй половине марта посланные Гулам Хайдар-ханом отряды овладели Асмаром (ставленник Умра-хана бежал в Читрал), затем эмирские полки прочно заняли этот важный пункт в Кунарской долине, которому Абдуррахман-хан придавал очень большое значение, называя его воротами Кунара, Лагмана, Кафиристана и Джалалабада [1, т. II, стр. 209, 210].

После занятия Асмара сипахсалар «наводил порядок» в окрестных районах и старался привлечь на свою сторону соседних кафиров, пре-

пятствуя распространению влияния Умра-хана и его захватам; продолжалось соперничество между афганским эмиром, Умра-ханом и мехтарами Читрала из-за Кафиристана и смежных районов [16, стр. 824; 12, стр. 47—50, 54]. За спиной читральских правителей и Умра-хана стояла Англия. В 1892 г. англичане снабжали Умра-хана оружием и старались настроить его против афганского эмира, пытались усилить влияние зависевшего от них мехтара Читрала среди кафиров и включить в состав Читрала спорные пограничные пункты [16, стр. 797, 857]. Абдуррахман-хан резко порицал читральского правителя и подобных ему, которые «каждодневно поступаются соблюдением божьих запретов и велениями шариата за 5 рупий, перепадающих им от английского правительства» [16, стр. 857]. Английская политика в отношении Кафиристана и смежных с ним областей описывается в *Сирадж ат-таварих* как направленная во вред интересам афганского эмира, и в связи с этим упоминается о пребывании среди кафиров Дж. Робертсона [18]. Имени его не названо, сообщается только, что «кафиры-камоз выставили вон из области Камоз одного англичанина, который год тому назад поселился среди них и обманно-обольстительными речами склонял их к подчинению своему правительству, дабы он не возбуждал бы смуты среди кафиров, обитающих в той горной местности», а также, что вместе с ним кафиры выгнали «четырех человек из своих людей, которые были его прихлебателями» [16, стр. 856].

Сведения о контактах англичан с кафирами вызвали со стороны Абдуррахман-хана попытку убедить племя кам в твердости своей позиции и в нереальности помыслов об ориентации на англичан. В феврале 1893 г. он дал аудиенцию десяти старшинам кафиров-камоз (Джаннаху и другим) и «вдохновляющей речью изволил разъяснить», что считает всех кафиров «райатами и нукерами» государства и что лучше бы они «подобру» подчинились ему, ибо в противном случае будут приведены к повиновению силой. «А если,— продолжал эмир,— кафиры будут ослеплены прельстительными известиями и посулами чиновников английского правительства и от послушания отвернутся», правительство Афганистана не допустит, «чтобы они протянули руку завоевания к Кафиристану». Высказав все это, он пожаловал каждого халатом, наградил подарком и приказал, чтобы его речи они изложили всему своему племени [16, стр. 873].

Прибыв в свои места, эти старшины склонили подчиниться эмиру жителей сел. Нашагам, уже раньше согласившихся стать мусульманами. В марте, по сообщениям, относящимся к западным рубежам кафирских земель, в Панджшер явились свыше 150 кафиров, согласившихся принять ислам; они были поселены в Париане и обеспечены на первое время питанием и одеждой [16, стр. 874, 876]. Ограничиваясь в 1893 г. постепенным распространением своего влияния среди отдельных групп кафирского населения, Абдуррахман-хан продолжал удерживать Умра-хана от джихада против кафиров. Встречая иногда противодействие своим завоевательным планам и со стороны английских властей, Умра-хан начинал колебаться в ориентации своей политики и в июне посылал «дерзкие» письма английским пограничным чиновникам, сетуя на то, что англичане многое с него требуют, но мало что дают [16, стр. 917, 12, стр. 61].

---

[18] Джордж Робертсон (1852—1916) медик по образованию, чиновник английской колониальной администрации Индии с 1878 по 1899 г., единственный из европейских исследователей кафиров Гиндукуша, проникший в XIX в. в их земли, пробыл там около года (1890—1891), вернулся в Гильгит в ноябре 1891 г. [12, стр. 45]. Опубликовал в Лондоне в 1896 г. свою книгу о кафирах Гиндукуша [14].

Судьба Кафиристана была решена на переговорах Абдуррахман-хана с английским представителем Дюрандом, закончившихся соглашением, подписанным 12.XI 1893 г. Результаты его были очень тяжелыми для афганского народа: сильнейший дипломатический нажим и военные угрозы англичан вынудили эмира признать отторжение от Афганистана большей части земель пограничных афганских племен. В ходе длительных и напряженных переговоров англичане сочли выгодным сделать эмиру отдельные уступки в вопросах, для них второстепенных, чтобы заставить его согласиться на предложенные ему условия. К числу таких вопросов относились сохранение эмиром Асмара и будущее Кафиристана. Англичане знали, что Абдуррахман-хан исключал возможность сдачи своих позиций по этим вопросам [12, стр. 60]. Ссориться с эмиром окончательно из-за таких малозначительных для них объектов англичане не хотели. Им нужен был сохранявшийся при Абдуррахман-хане внешнеполитический контроль над Афганистаном и предусмотренный соглашением Дюранда буферный «Ваханский коридор». Кафиры для руководителей английской колониальной политики не представляли интереса. Со стороны этих руководителей предоставление эмиру «свободы рук» в Кафиристане было корыстной сделкой за счет малого и слабого народа, послужившего разменной монетой. В 3-м пункте Дюрандова договора говорилось о согласии британского правительства на сохранение эмиром Асмара «и долины выше него до Чанака» [12 стр. 64], из чего вытекало и признание Кафиристана областью, которая должна была быть включена в состав владений афганского эмира. На дурбаре 13 ноября Абдуррахман-хан, сообщая о предусмотренной соглашением с Дюрандом границе, поспешил оповестить, что Кафиристан отошел к Афганистану [16, стр. 948]. Для Абдуррахман-хана, продолжавшего вести политику феодально-монархического национализма и желавшего считаться руководителем в делах веры и среди своих подданных и среди афганцев за пограничной чертой, вопрос о судьбе Кафиристана, сохраняя значение для безопасности жизненных центров государства, приобретал актуальность особого рода в сложном положении, в котором эмир оказался в результате переговоров с Дюрандом. Раньше Абдуррахман-хан не исключал возможности сохранения частью кафиров их старой религии при условии признания его власти и уплаты джизьи. Теперь же ему гораздо более, чем прежде, нужна была слава победоносных походов против идолопоклонников и обращения их в ислам как средство укрепления своего авторитета мусульманского государя и ревнителя веры, а также как идеологическое противоядие от горечи и разочарования, причиненных многим соглашением Дюранда.

Но Абдуррахман-хан не проявлял необдуманной спешки с походами в кафирские земли. Ему нужен был весь Кафиристан, а по соглашению Башгульская долина значилась вне пределов его владений и относилась к Читралу [12, стр. 64]. В 1894 г. имели место крупные осложнения с англичанами при разграничении в землях момандов; Абдуррахман-хан отстаивал свои позиции на этом участке и одновременно требовал признания за ним всей Башгульской долины, не поступаясь ни одним селением; попытки Умра-хана овладеть пограничными селениями башгульских кафиров были пресечены эмирскими военачальниками; в Асмаре было увеличено число войск [16, стр. 995, 1015; 12, стр. 71, 75; 5, стр. 296, 297]. Для изучения границ Кафиристана эмир назначил в качестве специалиста Тути-хана, положив ему постоянное жалованье; были выделены полки, которым предстояло наступать на кафиров из Бадахшана; к началу 1895 г. относятся известия о заготовках припасов в Мунджане

[16, стр. 982, 983; 12, стр. 72, 77]. То были предварительные мероприятия, к непосредственной подготовке к вторжению в Кафиристан эмирские войска приступили позднее, после окончания читральского конфликта и решения вопроса о Башгульской долине.

В отношениях Умра-хана с англичанами, на которых он прежде ориентировался, наступило охлаждение, они перестали давать Умра-хану оружие и препятствовали его попыткам вмешиваться в читральские дела; в конце концов он стал склоняться на сторону афганского эмира, вторгся в Читрал и в тамошней смуте начала 1895 г. поддержал одного из претендентов на власть — Шер Афзаля, ставленника Абдуррахман-хана, а англичане помогали противникам Шер Афзаля [16, стр. 928, 929, 1051 и сл.; 12, стр. 69 и сл.; 5, стр. 297, 298]. В результате этих событий Умра-хан вступил в вооруженный конфликт с англичанами, его войска вместе с войсками Шер Афзаля осадили укрепление, в котором находился британский политический агент Робертсон; англичане направили в Читрал военные силы и разбили осаждавших, Шер Афзаль бежал и был убит, Умра-хан получил убежище в Кабуле, англичане покорили Баджаур, князь Дира стал их вассалом [16, стр. 1062 и сл.; 5, стр. 298—300]. Положение в соседних с Восточным Кафиристаном областях определилось. В них теперь господствовали англичане, опираясь на подчинившихся им местных феодальных правителей. Умра-хан, единственный конкурент Абдуррахман-хана в завоевании кафирских земель, лишился всех своих владений, стал изгнанником и находился на попечении эмира в его столице. Весной 1895 г. между афганскими и английскими представителями по разграничению была достигнута договоренность, оформленная в соглашении по пограничным вопросам от 9 апреля, о том, что Башгульская долина будет принадлежать Афганистану, к Афганистану отходили по этому соглашению селения Сао, Нари и Биркот, расположенные на границе с Читралом и служившие длительное время объектом соперничества между афганским эмиром, мехтаром Читрала и Умра-ханом; Абдуррахман-хан был очень обрадован и, получив от Гулам Хайдар-хана документы этого соглашения, щедро наградил доставивших их Ахмад-Джана табиба и кунарского казия муллу Амирулла-хана [16, стр. 1070; 12, стр. 77—80].

Летом 1895 г. Абдуррахман-хан решил не откладывать больше завоевания Кафиристана и в конце июня — начале июля приказал приступить немедля к тщательной подготовке войск вторжения [16, стр. 1116, 1117]. Получив приказ эмира, Гулам Хайдар-хан Чархи сосредоточил в Сао и Нари припасы на два месяца и распорядился заготовить к выдаче каждому солдату по сумке с мукой для довольствования в предстоящем походе в кафирские горы, непроходимые для вьючных животных, почему каждый воин должен был нести весь потребный запас на себе; к осени сипахсалар занял граничащие с Читралом местности с целью отрезать кафирам возможные пути бегства [16, стр. 1117, 1124, 1125, 1129]. Эмирские войска готовились к вторжению в Кафиристан одновременно с нескольких сторон, и для исходных позиций главным отрядам были назначены (как и в 1891 г.) районы Кунарской долины, Панджшера и Бадахшана (Мунджан); кроме того, сравнительно небольшой отряд должен был выступить из Лагмана [16, стр. 1149; 12, стр. 77—83; 1, т. I, стр. 381, 382]. Теперь, в отличие от предшествовавших попыток вторжений эмирских военачальников в кафирские горы, в наступлении на Кафиристан кроме регулярных войск должны были принять активное участие отряды добровольцев и многочисленные ополчения; добровольцев было приказано набирать и в округе Кабула, ополчения готовились в разных районах страны, но преимущественно в со-

седствовавших с кафирами. Инструкции эмира о сборе лашкара из местных людей получили, в частности, старшины панджшерских селений, в которых в конце сентября публично оглашались фирманы эмира о завоевании Кафиристана [16, стр. 1148, 1149; 12, стр. 82—83]. Приготовления, сбор ополчений, передвижения войск продолжались до поздней осени [16, стр. 1129, 1130, 1136, 1140, 1145, 1148, 1149; 12, стр. 100, 102, 107—109]. При этом в пограничных местностях иногда происходили отдельные военные столкновения, но в то же время не прерывались переговоры с кафирами с намерением показать им, что будто бы есть еще возможности договориться и изъявлением покорности и согласием платить налоги избежать вторжения или отсрочить его. В прилегающих к Кунарской долине районах кафиры еще в начале осени 1895 г. думали, что в этом году сипахсалар не пойдет в их земли; передвижения эмирских войск в пограничные с Читралом местности, однако, встревожили кафиров, и в лагерь афганского командующего явилось несколько представителей племени кам, пытавшихся договориться с ним на условиях уплаты налогов и джизьи («подобно индусам, подвластным эмиру») о сохранении старой веры, командующий не отверг их предложений, а вступил в переговоры, опасаясь того, что категорический отказ может побудить объединиться племена камоз, кантоз и мадугальских кафиров для отпора завоеванию, а также того, что, убедившись в неизбежности вторжения, кафиры могут сжечь свои жилища и рассеяться в горах [16, стр. 1129, 1130; 12, стр. 100]. Сипахсалар воспользовался переговорами для получения сведений о положении в землях племени кам и о путях предстоявшего наступления, отправив к ним с их согласия, в начале августа табиба Ахмад-Джан-хана и Са'ид Мухаммад-хана якобы для осмотра их имущества с целью установления размера причитающихся с них налогов; они вернулись 1 сентября с восемью старшинами кафиров-кам и доставили собранные ими в счет уплаты налога 1 тыс. рупий, в этом же месяце кафирские старшины принесли еще 820 рупий [16, стр. 1130, 1136, 1145; 12, стр. 101][19]. Ведя одобренную эмиром тактику переговоров, вводивших кафиров в заблуждение, и получая поступавшие от них деньги, Гулам Хайдар-хан Чархи держал в своем лагере около 50 кафиров, в их числе были многие старшины (Кан Мали Деми, Шили Чандлу, Мираг Чандлу и др.). Все они получали пищу из его собственной кухни. В то же время велась разведка путей. Сипахсалар сам выезжал на рекогносцировки и по его приказам подводились дороги к местам, намеченным для вторжения. Сбор сведений о путях предстоявшего наступления и усиленная подготовка к нему проводились также в Панджшере, Мунджане и Лагмане [16, стр. 1129, 1148, 1149; 12, стр. 102—109].

Приказ Абдуррахман-хана об одновременном вторжении в Кафиристан «со всех сторон» [1, т. I, стр. 382], очевидно, предусматривал начало военных действий главными отрядами в первый день лунного месяца джумада ас-сани (19 ноября 1895 г.): именно в этот день приступил к проведению операции по завоеванию Восточного Кафиристана Гулам Хайдар-хан Чархи [16, стр. 1163; 13, стр. 286]. Он разделил силы находившихся под его командованием регулярных войск и ополчений на четыре части и каждой из них дал свое направление наступательных действий; в исполнение предписанного они двинулись на следующие местности: Камдеш, Гавардеш, Питтигаль и Базгаль [16, стр. 1163]. 20 ноября Ахмад Шер-хан Хаттак занял местность Базгаль, жители

[19] В *Фатх-наме-йи Кафиристан*, не без поэтического преувеличения, говорится, что в течение нескольких дней кафиры собрали налог и представили его командующему в суммах, исчислявшихся тысячами [13, стр. 285].

которой при приближении наступавших подожгли свои дома и бежали. Те из них, кого удалось схватить, были убиты. В течение трех дней был занят ряд селений (Гавардеш и др.), затем (по-видимому, 22 ноября) и главный населенный пункт кафиров-кам — Камдеш [16, стр. 1163; 12, стр. 109; 13, стр. 286]. Наступившие холода и снегопады затрудняли передвижения эмирских войск, но препятствовали и кафирам бежать и укрываться в горах. Все же довольно многим удалось миновать афганские кордоны и перейти в Читрал. Сопротивление в Восточном Кафиристане было разрозненным, внезапность нападения помешала кафирам объединиться, неравенство в вооружении было очень велико. Значительное сражение произошло в местности Мандугаль. О его результатах сипахсалар сообщал 28 ноября. Там к нему явились 50 человек уже ранее принявших ислам, просили назначить им наставника в религии и посредничали между своими кафирскими соплеменниками (запросившими пощады) и сипахсаларом [16, стр. 1173; стр. 111; 13, стр. 287]. Сипахсалар реквизировал у покоренных кафиров оружие, брал заложников, приказывал сжигать в их селениях капища и учреждать мечети. «Подняв знамена возвращения», он прибыл 18 января в Биркот; завоеванный за два месяца Восточный Кафиристан был в основном весь подчинен к концу января; потери участвовавших в его завоевании войск составили 29 убитыми и 30 ранеными [16, стр. 1173, 1174, 1178; 12, стр. 148, 155].

Со стороны Панджшера на кафиров выступил Мухаммад Али-хан с регулярными войсками и многочисленными ополчениями. Разделив эти силы на шесть частей, он каждой из них назначил направление движения в горы Кафиристана [16, стр. 1164]. Главной целью было завоевание находившегося в сердце кафирских гор района Кулэма, осуществлявшееся при поддержке отряда, сформированного в Лагмане. Продвижение туда было очень трудным, а в ночь на 5 декабря сильный снегопад преградил переходы через перевалы, немало воинов погибло в снегах от холода (в отряде Мухаммад Садик-хана тогда замерзло 50 человек). К этому же времени относится сообщение о гибели группы кафиров, пытавшихся бежать в Читрал и занесенных снегом. Наступление все же продолжалось, отряд Мухаммад Садик-хана к 1 января подошел к Кулэму, где произошло самое крупное сражение при завоевании Кафиристана. Наступавшие потеряли около 120 человек (из них 6 из гератского пехотного полка и 5 из тюркского пехотного полка, остальные из состава ополчений). 2 января, на другой день после одержанной победы, Мухаммад Садик-хан овладел построенной из камня крепостью Кулэм. Всего было взято 1430 пленных, захвачено 79 ружей, 33 длинных боевых ножа («селава»), 16 копий и т. д. Подчинив селения района Кулэма, Мухаммад Садик-хан и Авлийа Кул-хан 19 января отправились в обратный путь и через Дуаб, местность Мех и Нийази спустились с гор к Лагману [16, стр. 1166, 1167, 1174—1176, 1178].

Весной 1896 г. продолжалось покорение остальных частей Кафиристана. В начале марта на завоевание кафиров-сапидпушей» Пушангаля и Катвара были направлены из Мунджана войска генерала Тадж Мухаммад-хана и бадахшанское ополчение, а из Андараба — тамошние отряды и каттаганские люди под командованием корнейля Мухаммад Умар-хана. С другой стороны, посланные Гулам Хайдар-ханом Чархи отряды заняли Парун и Рамгэль, без боя подчинились кафиры Вайгала и Прасуна. Покорение кафиров ущелья Пич и Дигаля сипахсалар возложил на афганское племя сафи [16, стр. 1188, 1189, 1192—1194; 12, стр. 173, 207 и сл.]. В результате завоевание Кафиристана было в основном закончено. Эмир наградил отличившихся участников этого дела

повышением в чинах и подарками. Особенно ценные дары получил Гулам Хайдар-хан Чархи [16, стр. 1189; 12, стр. 124, 125, 206].

Кафиры были обращены в ислам, обложены налогами, познакомились с эмирскими сборщиками податей, получили солдат на постой и мулл для обучения истинной вере, которых должны были кормить. Новые порядки туго прививались среди оставшихся на своих местах (многие были переселены и оказались под постоянным надзором властей) жителей покоренного Кафиристана. Нередки были случаи сопротивления, жестоко подавлявшегося, время от времени происходили убийства мулл. В наиболее отдаленных селениях противодействие эмирским порядкам и новой вере проявлялось сильнее, старые традиции дольше сохранялись, притом некоторые затерянные в горах глухие деревни отнюдь еще не были сколько-нибудь прочно подчинены и к осени 1896 г. 30 августа этого года Абдуррахман-хан предписал правителю Лагмана Мухаммад Али-хану произвести розыск и расследование, а затем наказаниями и карательными действиями усмирить и вразумить 1360 семей из селений, расположенных в ущельях Кулэм, Паргаль (پارگل), в Пушале и в других местностях. В приказе эмира были указаны названия этих селений и численность проживавших в каждом из них семей, над которыми надо было, проведя сыск, чинить расправу. Утверждалось, что эти семьи продолжают коснеть в невежестве (по части веры), «не признали шариата и не вступили на путь повиновения правительству», о чем Абдуррахман-хану стало известно из донесений его тайных агентов, находившихся в Кафиристане [16, стр. 1238]. К ноябрю из Афганистана поступили известия о том, что 16 селений в долине Рамгэль «еще до сих пор не подчинены афганцами» и что эмир собирается послать войско на эти селения [12, стр. 239].

Завоевание привело к большой убыли населения в Кафиристане, численность жителей в нем уменьшилась, по-видимому, в два раза или около того; при переписи, проведенной по приказанию эмира к осени 1896 г. было насчитано менее 25 тыс. жителей [12, стр. 235], тогда как численность населения Кафиристана до вторжения эмирских войск определялась (по минимальным оценкам) цифрою около 40 тыс. Велики были потери кафирских воинов во время боевых действий, они могли противопоставить завоевателям, снабженным английскими ружьями новейших по тому времени систем, в основном холодное оружие, луки и стрелы и старинные мушкеты (современного типа ружей у них было очень мало). В тех районах, где кафиры оказывали значительное сопротивление и военные действия отличались ожесточением, был полностью уничтожен ряд деревень. Несмотря на афганские кордоны и тяжелые зимние условия, около 3 тыс. кафирских беженцев сумели добраться до Читрала, впоследствии часть из них вернулась в свои селения, где они стали подданными афганского эмира и мусульманами. Другая часть вынуждена была из-за недостатка средств к существованию переселиться на территорию Дира и в другие соседние с Читралом области. В Читрале в 1900 г. оставалось 700 кафиристанских беженцев [12, стр. 250—252, 264]. Много кафиров было взято в плен во время завоевания, и тысячи были тогда и впоследствии принудительно переселены в различные районы Афганистана, более всего в близкие к Кабулу местности, где они оставались потом долгое время. С 6 декабря 1895 по 30 января 1896 г. войсками, находившимися под командованием Мухаммад Али-хана, было взято 2309 пленных, приведенных в Чарикар. Кроме того, 1600 кафиров, выразивших ему покорность, были под конвоем воинов ополчения доставлены 29 декабря 1895 г. в местности Ариб и Париан; племена западных кати из долины Рамгаль и

Кулэма были по приказанию эмира переселены в долину Логара около Кабула, где пробыли 25 лет, и т. д. [16, стр. 1167, 1173, 1174; 12, стр. 215, 216, 246; 11, стр. 177, 237].

Ограничимся этими данными, ибо сколько-нибудь подробное рассмотрение вопросов, связанных с передвижениями населения Нуристана и другими ближайшими и более стдаленными по времени последствиями завоевания Кафиристана, выходит за рамки задач, стоящих перед автором в настоящей статье. В заключение следует отметить, что для исследования многих вопросов, представляющих интерес при историко-этнографическом изучении Нуристана (в частности, топонимики и ономастики), в *Сирадж ат-таварих* имеется заслуживающий внимания материал, анализ которого, конечно, потребует тщательного сопоставления с данными других источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автобиография Абдурахман-Хана эмира Афганистана. Издано Султаном Магомет-Ханом. Перевел с англ. М. Грулев. С приложением карты Афганистана, портрета Абдурахман-Хана и 8 рис., т. I—II, СПб., 1902.
2. Бабаходжаев М. А., Вооруженные силы Афганистана и военные преобразования эмира Абдуррахмана, — сб. «Очерки по новой истории Афганистана», Ташкент, 1966.
3. Грумм-Гржимайло Г. Е., Завоевание Кафиристана, — «Новый Восток», 1925, № 8—9.
4. Гульджонов М., Завоевание Кафиристана и распространение в нем ислама, — сб. «Ближний и Средний Восток. История, экономика», М., 1967.
5. Массон В. М., Ромодин В. А., История Афганистана, т. II, М., 1965.
6. Ромодин В. А., Источники «Сирāдж ат-тавāрйх», — сб. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткое содержание докладов V годичной научной сессии ЛО ИВАН. Май 1969 года», Л., 1969.
7. Ромодин В. А., «Сирāдж ат-тавāрйх» (т. III) как источник, — сб. «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА. Май 1968 года», Л., 1968.
8. Семенов А. А., [рец. на кн.:] Светильник историй (سراج التواريخ), история Афганистана, составленная по повелению и при ближайшем участии афганского эмира Хабибуллы-хана, — «Известия Туркестанского Отд. РГО», т. 17, Ташкент, 1925.
9. Семенов П. П., История полувековой деятельности имп. Русского Географического общества. 1845—1895. Составил по поручению Совета имп. Географического общества вице-председатель общества П. П. Семенов при содействии действительного члена А. А. Достоевского, ч. III, СПб., 1896.
10. Afghanistan and its inhabitants. Transl. from the Hayat-i-Afghan of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestley, Lahore, 1874.
11. Deutche im Hindukusch. Bericht der Deutchen Hindukusch-Expedition 1935 der Deutchen Forschungsgemeinschaft, Berlin, 1937.
12. Jones, Schuyler, A Bibliography of Nuristan (Kafiristan) and the Kalash Kafirs of Chitral. Part Two. Selected Documents from the Secret and Political Records, 1885—1900, København, 1969 (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab Historisk-filosofiske Meddelelsen 43,1).
13. A Missionary, The Amir's Paen, the Mitai valley and the Kafirs, — «The Imperial and Asiatic Juarterly Review, and Oriental and Colonial Record», Ser. 3, October 1896.
14. Robertson G. S., The Kafirs of the Hindu-Kush, London, 1896.
15. Wyliy H. C., From the Black Mountain to Waziristan, London, 1912.
16. فيض محمد كاتب بن سعيد محمد مغول معووف بهزارهٔ محمد خواجه، سراج التواريخ، ج ۱—۲، كابل ۱۳۳۱ [1912/13]، ج ۳ كابل ۱۳۳۳ [1914/15—].

А. Л. Грюнберг

НУРИСТАН. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Памяти Н. И. Вавилова — первого русского исследователя Нуристана

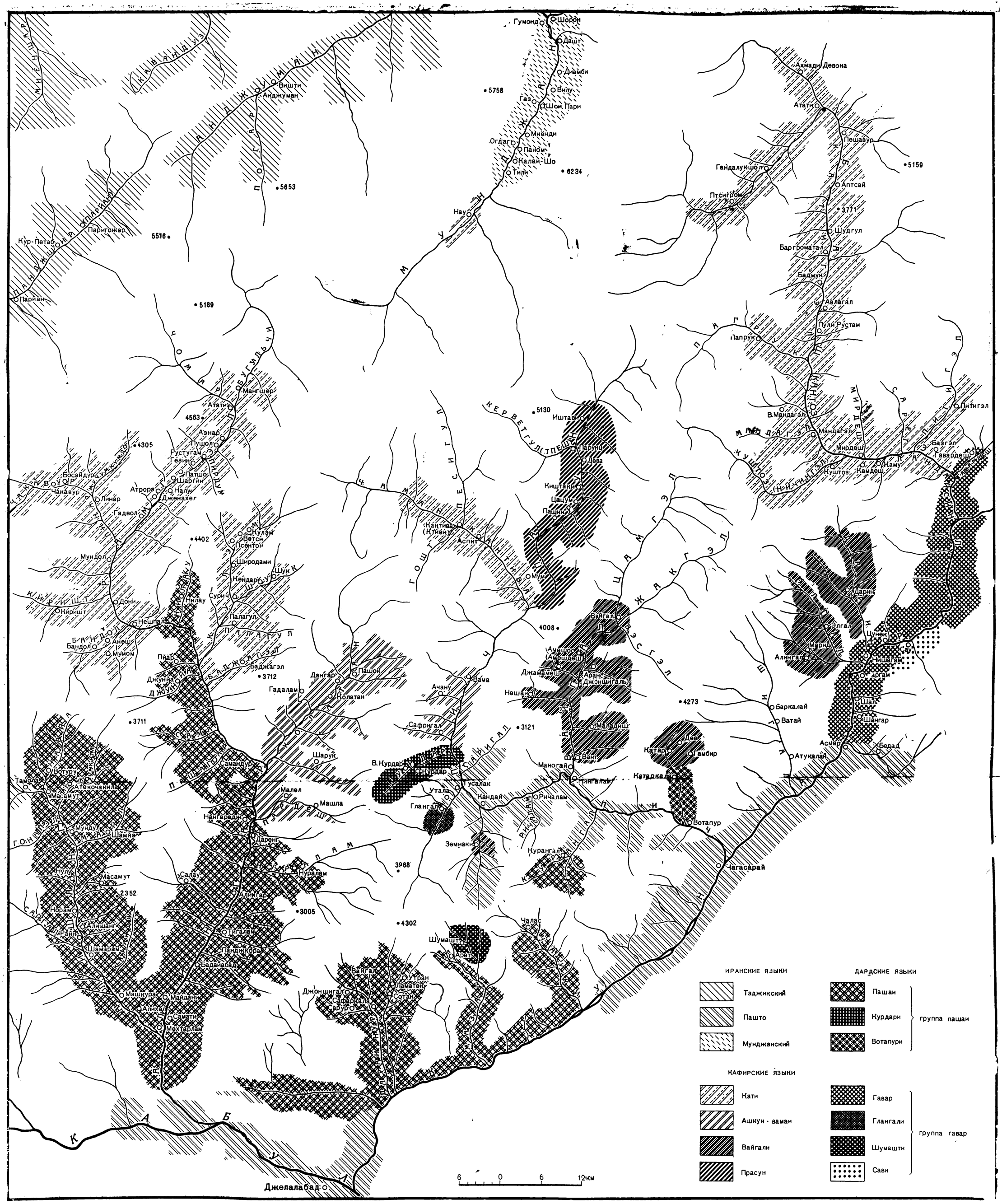
Одним из наименее исследованных районов Восточного Гиндукуша является Нуристан (бывший Кафиристан) — область Афганистана, расположенная в верховьях и отчасти в среднем течении трех рек; двух правых притоков р. Кунар [1] — р. Башгуль на востоке (Восточный Нуристан) и западнее р. Пич (Центральный Нуристан); далее к западу р. Алингар, впадающей в р. Кабул выше устья р. Кунар (Западный Нуристан) [2]. На севере естественную границу Нуристана составляет Главный хребет Гиндукуша, образующий резкий изгиб к югу в центре описываемого района (верховья р. Пич); здесь проходит водораздел между Центральным Нуристаном и бассейном р. Мунджан, правого истока р. Кокча. На северо-западе верховья р. Алингар (ее правый исток — р. Рамгэль) близко подходят к верховьям р. Панджшир; ниже горные хребты отделяют собственно Нуристан от бассейна р. Алишанг, сливающейся с р. Алингар недалеко от ее устья. На востоке Нуристан граничит через водоразделы с бассейном р. Читрал. С юга верховья рек, образующие Нуристан, отделены от их нижнего течения труднопроходимыми теснинами.

Чрезвычайная труднодоступность Нуристана способствовала сохранению здесь весьма своеобразных реликтовых языков и архаических черт быта, не находящих прямых соответствий нигде за пределами Восточного Гиндукуша. Нуристан сохранял свою обособленность от внешнего мира до сравнительно недавнего времени. Лишь в 1895/96 г. он был завоеван войском эмира Абдуррахмана и включен в состав Афганистана, после чего эта область получила свое нынешнее официальное название Нуристан — Страна света (имеется в виду свет истинной веры, принесенной афганцами языческому населению страны). Завоевание Кафиристана, естественно, привело к вытеснению бытовавших здесь языческих культов [3] официальной суннитской формой ислама и в связи с этим к утрате населением некоторых этнографических особенностей; как далеко, однако, зашел этот процесс, пока судить трудно, так как

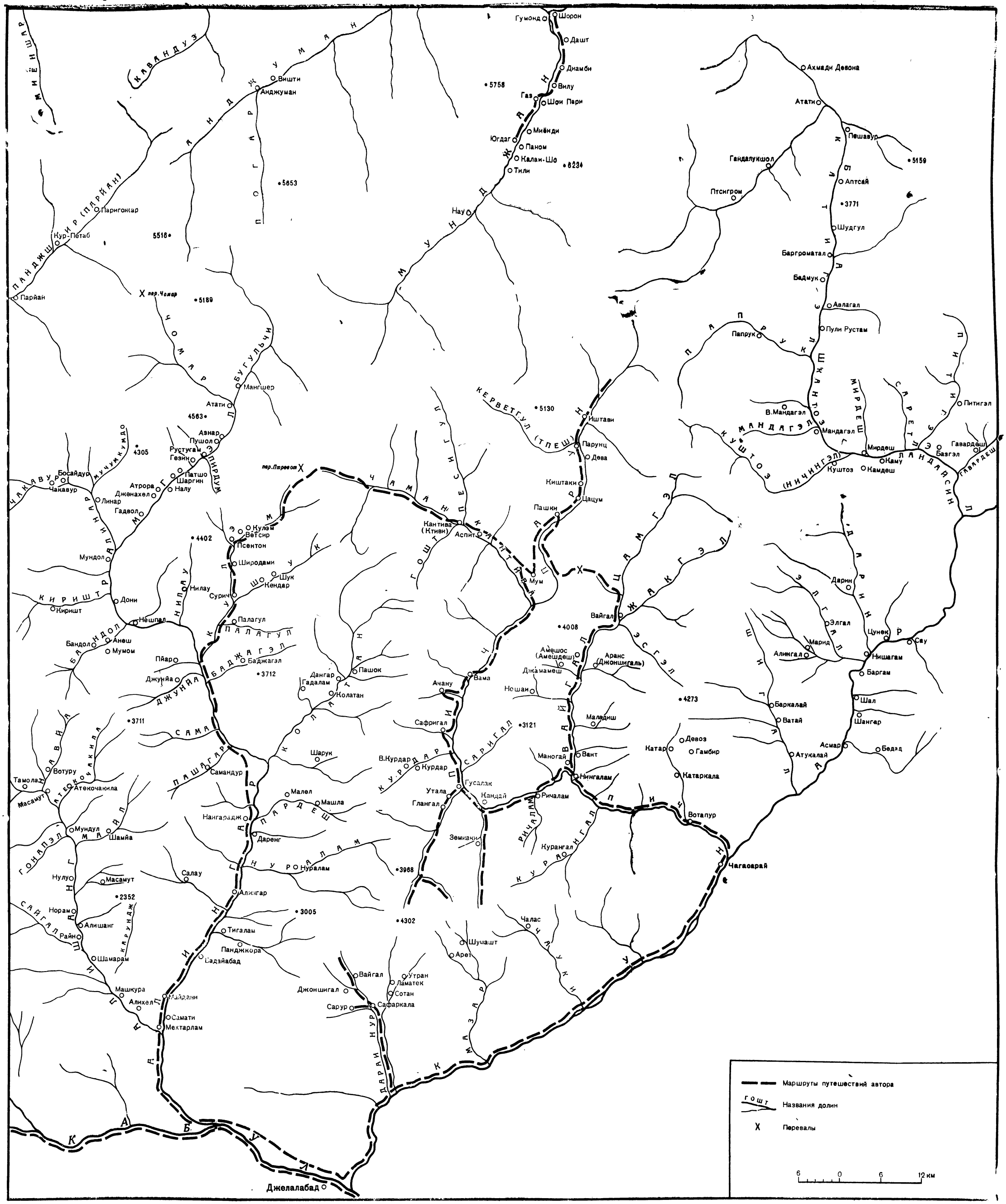
[1] Большой правый приток р. Кабул, впадающий в нее в районе Джалалабада; верхнее течение Кунара, на территории нынешнего Западного Пакистана, известно под названием Ярхун или Читрал.

[2] Здесь и далее см. карту на вклейке.

[3] В нетронутом виде один из такого рода культов продолжает сохраняться в долинах Бумборет, Румбур и Бирир в верхнем Читрале [30, № 287, 300].



НИРИСТАН. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАРТА



НУРИСТАН (МАРШРУТНАЯ СХЕМА.
НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ И ГИДРОСЕТЬ НАНЕСЕНЫ ПО МАТЕРИАЛАМ АВТОРА

наши сведения об этнографии современного Нуристана в целом скудны и отрывочны [4].

Сказанное выше позволяет утверждать, что Нуристан представляет весьма плодотворное поле для исследований, в частности в области языкознания и этнографии,— исследований, значение которых выходит далеко за рамки этого района,— и вполне объясняет тот растущий интерес к Нуристану, который наблюдается в европейской науке в настоящее время.

По языковому признаку население Нуристана делится по крайней мере на четыре группы:

Первая из них, говорящая на языке кати, населяет Восточный Нуристан — долину р. Башгуль от сел. Гавардеш (Гурдеш) в среднем течении до ее верховьев (восточная группа говоров), а также долину р. Кантива (Ктиви) — левого истока р. Пич (Центральный Нуристан) и долины рек Рамгэль и Кулэм, истоков р. Алингар в Западном Нуристане — до их слияния (западные говоры).

Между двумя указанными районами вклинивается долина р. Парун (Ирасун, Прунгель) — левого истока р. Пич, население которой говорит на языке паруни (васи, васи вери, прасун) и известно в литературе под названием прасунских кафиров.

Долина р. Вайгал — большого левого притока р. Пич, берущего начало, как и сама р. Пич, в Главном хребте, почти до самого устья населена вайгальцами (вай, вайгали; последний термин употребляется и как обозначение их языка). Близко к вайгальцам по языку население сел. Земиаки (Джамлам) в долине р. Чапа-Дара, правого притока р. Пич, и, возможно, сел. Гамбир и Катар в долине р. Катар (левый приток, впадающий в р. Пич в ее низовьях); оба эти селения находятся уже за пределами собственно Нуристана [5].

Наконец, население долин Баджайгэль, Маджагэль и Тетин (Пардеш), левых притоков р. Алингар, ниже слияния р. Мамгэль и Кулэм говорит на языке ашкун; к языку ашкун относительно близки говоры сел. Вама в долине р. Пич, выше сел. Гусалак, представляющего южную границу Нуристана и сель Сафригал и Ачану (в правых притоках р. Пич, между Вама и Гусалаком).

В непосредственном соседстве с нуристанцами живут этнические группы, говорящие на дарских языках — пашаи в Западном Нуристае, гавар в Восточном Нуристане. Низовья р. Пич заселены афганцами-сафи, с вкраплениями дардских языковых островков (дол. р. Курдар, правого притока р. Пич, ниже устья р. Сафригал; сел. Гланган в дол. р. Дигал, правого притока р. Пич; сел. Катар-кала в верховьях р. Катар, левого притока р. Пич, и сел. Вотапур и дол. р. Пич, возле устья р. Катар [6]; сел. Курангал в верховьях одноименного ущелья, левого притока р. Пич). Таким образом, общее количество языков, представленных в долине р. Пич,— не менее девяти — явление уникальное даже для Восточного Гиндукуша.

Языки четырех вышеуказанных групп нуристанцев — кати, ашкун-вамаи, вайгали, прасун — принято объединять в особую группу кафирских языков; при этом степень близости друг к другу языков кати, вайгали и ашкун-вамаи значительно больше, нежели близость каждого из них к языку прасун. Последний, по мнению Г. Моргенстьерне, является едва ли не самым своеобразным из ныне известных индоевропейских язы-

[4] Как, впрочем, и любые другие сведения, относящиеся к Нуристану.

[5] Согласно другому мнению, язык сел. Гамбир и Катар не может отождествляться с вайгальским [12, стр. 8].

[6] В настоящее время почти вымер [12, стр. 8].

ков (22, стр. 188), причем с большой вероятностью можно предполагать в нем наличие неиндоевропейского субстрата.

Выше была дана группировка населения Нуристана по языковому признаку[7]; значительно более сложными представляются этнические отношения между четырьмя перечисленными языковыми группами. Прежде всего, все эти группы не имеют какого-либо общего самоназвания; применяемые их соседями — афганцами-сафи по отношению к ним термины «джадиди» (новообращенный) и «кустйани» (искаженное перс. kuhistani «горец») не являются этническими. Среди самих нуристанцев они малоупотребительны, а второй из них применяется и по отношению к другим дардским этническим группам, например, глангальцам.

Двусмысленный термин «кафиры» (из ар.-перс. kāfir «неверный»), заимствованный первыми европейскими путешественниками у мусульман — соседей нуристанцев и утвердившийся в европейской литературе, разумеется, также не этнический в своей основе. В современном Афганистане он, по вполне понятным причинам, по отношению к жителям Нуристана не применяется. Возможно, уместнее было бы пользоваться термином «нуристанцы», как это и делается в современном Афганистане, однако во избежание модернизации и терминологического разнобоя мы будем пользоваться, говоря о прошлом нуристанцев и их старых обычаях, традиционными терминами «кафиры» и «кафирские языки», понимая их как синонимы терминов «нуристанцы» и «языки Нуристана»[8].

Относительная близость языков кати, вайгали и ашкун друг к другу ощущается и самими носителями этих языков. Кафиры, по крайней мере в Центральном Нуристане, осознают общее происхождение этих трех групп; все они, однако, противопоставляют себя прасунским кафирам, считая их другим, неродственным себе народом.

С другой стороны, как отметил в свое время А. Герлих, кафиры верхней части Восточного Нуристана, выше сел. Папрук (самоназвание Кантос), считают кафиров, живущих ниже по течению (самоназвание Кам, Камос), другим народом [15, стр. 173—174].

Интересно также отметить тот факт, что, согласно сделанным Герлихом [15, стр. 217—218] омберам (правда, немногочисленным), антропологическая группировка кафиров не совпадает с языковой. Герлих устанавливает большее сходство в физическом типе между прасунскими кафирами и кафирами-ашкун; вместе с тем последние значительно отличаются от кафиров сел. Вама[9].

Отметим также, что обычное для мусульманской традиции разделение кафиров на сиёхпушей (одетых в черное) и сафедпушей (одетых в белое) не имеет ни этнографических, ни лингвистических оснований и в настоящее время исследователями не применяется. Преобладание белого цвета в одежде характерно для Центрального Нуристана, т. е. для этнографически и лингвистически различных групп прасунцев, вамаи и вайгальцев; последние две группы, имея между собой много общего в одежде, вместе с тем резко отличаются в этом смысле от прасунцев.

Что касается религии, то, по-видимому, у прасунских кафиров в этом смысле больше общего с кати, чем, например, с вайгальцами. Есть достаточно убедительные свидетельства того, что в Вайгале су-

[7] См. стр. 265.

[8] По поводу термина «кафир» см. также [29], стр. CVI—CVII.

[9] Своеобразие физического типа прасунских кафиров по отношению к кафирам-кати и вамаи бросается в глаза всякому, посещающему Нуристан; оно столь же хорошо заметно, как, например, различие между язгулемцами и шугнанцами на Памире.

ществовала особая религия, не идентичная или, во всяком случае, не вполне идентичная более известной религии восточных кати [10].

Относительно общей численности кафиров нет точных данных; А. Герлих оценивал их количество в 34 тыс. человек, из них 10 тыс. восточных кати, 10 тыс. западных кати, 2 тыс. прасунских кафиров, 6 тыс. ашкун, 1 тыс. вамаи и 5 тыс. вайгальцев [15, стр. 175]; в более позднее время сообщались более высокие цифры, свыше 60 тыс. [7, стр. 82—83]; однако эти цифры представляются нам завышенными.

Единственным европейцем, которому удалось побывать в Кафиристане до его завоевания афганцами, был английский врач Д. С. Робертсон. Его книга «Кафиры Гиндукуша» (8; 28) продолжает оставаться единственным источником наших сведений о доисламской религии и быте кафиров. Эти сведения относятся к Восточному Кафиристану, преимущественно к сел. Камдеш, где он прожил около года в 1891—1892 гг., и отчасти к долине р. Парун, куда он совершил непродолжительную поездку; о Западном Кафиристане у него практически никаких сведений нет. Но и сведения о тех местах, где он был, при всей их огромной ценности страдают некоторыми существенными лакунами и недостатками. Как справедливо отмечают во введении к русскому переводу «Кафиров Гиндукуша» А. Половцов и А. Снесарев, самым значительным недостатком является «скудость лингвистических данных, вполне, впрочем, естественная ввиду неподготовленности автора к специально лингвистическим работам и, может быть, вследствие этого, неверное понимание части добытых данных» [8, стр. 1] [11].

После завоевания Кафиристана эта область в течение длительного времени оставалась закрытой для европейцев. Первыми европейцами, побывавшими в Кафиристане после его завоевания, были Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич, прошедшие в 1924 г. за четыре дня путь от Парунского перевала с Мунджаном по долине р. Парун (Центральный Нуристан) до с. Гусалак — южной границы Нуристана. Изучение этнографии и языков Нуристана не входило в задачу ботанической экспедиции Н. И. Вавилова; тем не менее в книге «Земледельческий Афганистан» [3, стр. 117—139] он сообщает о Кафиристане интересные сведения, в том числе этнографические и языковые; за это последующие исследователи Нуристана будут ему всегда благодарны. Раздел, посвященный Кафиристану в упомянутой книге, содержит также краткий очерк изучения Кафиристана (стр. 119—120). Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич были первыми и последними русскими исследователями, которым удалось побывать в Нуристане. Но и количество европейских исследователей из других стран, работавших в Нуристане, относительно невелико [12].

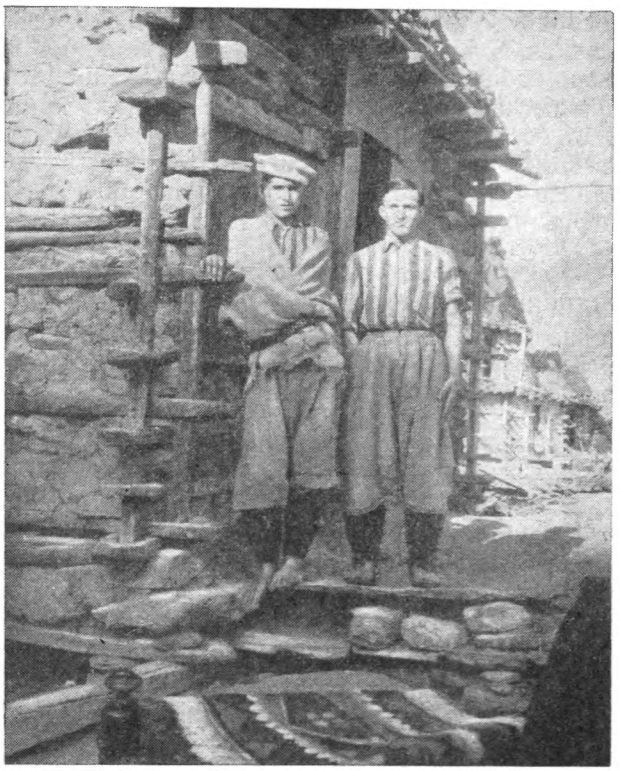
Следует упомянуть немецкую экспедицию в Гиндукуш 1935 г. В состав экспедиции входили антрополог А. Герлих и лингвист и этнограф В. Ленц. Ими написаны соответствующие разделы отчета экспедиции [15, стр. 168—246, 247—284]. Раздел, посвященный антропологии и племенному делению кафиров, несмотря на абсолютную неприемлемость теоретических посылок автора, заключает в себе много ценной

---

[10] Ср., например, существующие описания кафирского пантеона [8, стр. 64—95; 24, стр. 101—189] и перечень вайгальских богов у Эдельберга [17, стр. 174—175].

[11] Забегая вперед, отметим, что этим же недостатком страдает и большинство более поздних заметок по этнографии Кафиристана.

[12] Мы не ставим себе здесь задачей дать очерк истории изучения Нуристана. По этому вопросу см. «Библиографию по Нуристану (Кафиристану) и кафирам-калаша Читрала» [30, особенно № 89].



Нуристанцы сел. Вама

информации о социальных отношениях у кафиров, о строении семьи, кланов, роли рабов и т. п. Интересные сведения содержатся и в разделе «Языковые и этнографические исследования в Нуристане», хотя чисто языковых данных здесь почти нет; их заменяет описание собранных языковых материалов (стр. 274 и сл.), которые в дальнейшем так и не были опубликованы.

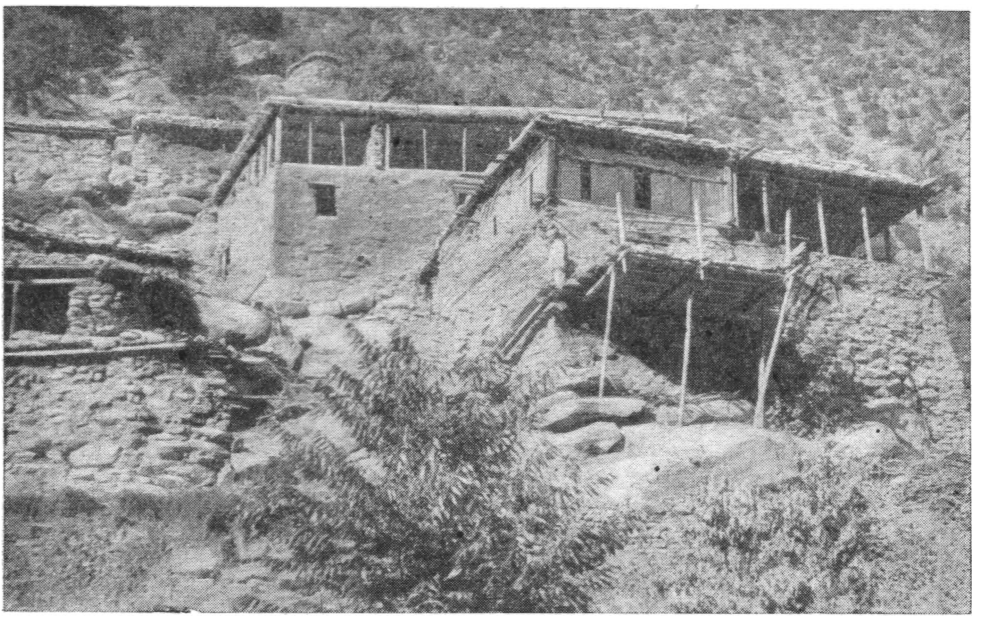
Особую ценность представляет раздел «Топографические работы экспедиции» (стр. 296—351), содержащий большие списки топонимов Нуристана, сверху вниз по долинам рек, с указанием троп и перевалов [13].

В 1955/56 г. была организована Западногерманская Гиндукушская экспедиция; район работ экспедиции охватывал верхний Читрал, Дир и Сват. В этой экспедиции участвовал западногерманский лингвист Г. Будрусс, совершивший поездку в Нуристан и посвятивший значительное время изучению языка и мифологии прасунских кафиров и кафиров Вама. Им опубликована работа, посвященная мифологии прасунских кафиров [13] [14] и подготовлены работы по языкам прасунских кафиров и кафиров Вама.

---

[13] Необходимость в таком разделе была вызвана полной географической неизученностью области, в значительной степени сохраняющейся и поныне; достаточно сказать, что первая более или менее точная географическая карта (1 : 50 000) была составлена впервые (по данным проведенной в 1957—1959 гг. аэрофотосъемки) только в 1967—1968 гг. американской фирмой «Fairchild Aerial Surveys» (Лос-Анжелес) по заказу Министерства горных дел и промышленности Афганистана.

[14] К сожалению, эта работа осталась мне недоступна.



Сел Сафригал

Значительную роль в исследовании исторической этнографии Кафиристана сыграли работы двух датских экспедиций 1947—1949 и 1953/54 гг. Из опубликованных по результатам этих экспедиций работ наиболее важными представляются работы Л. Эдельберга [30, № 79, 82, 83; последняя в соавторстве с А. Шефером и В. Ленцем, а также 17, стр. 153—202].

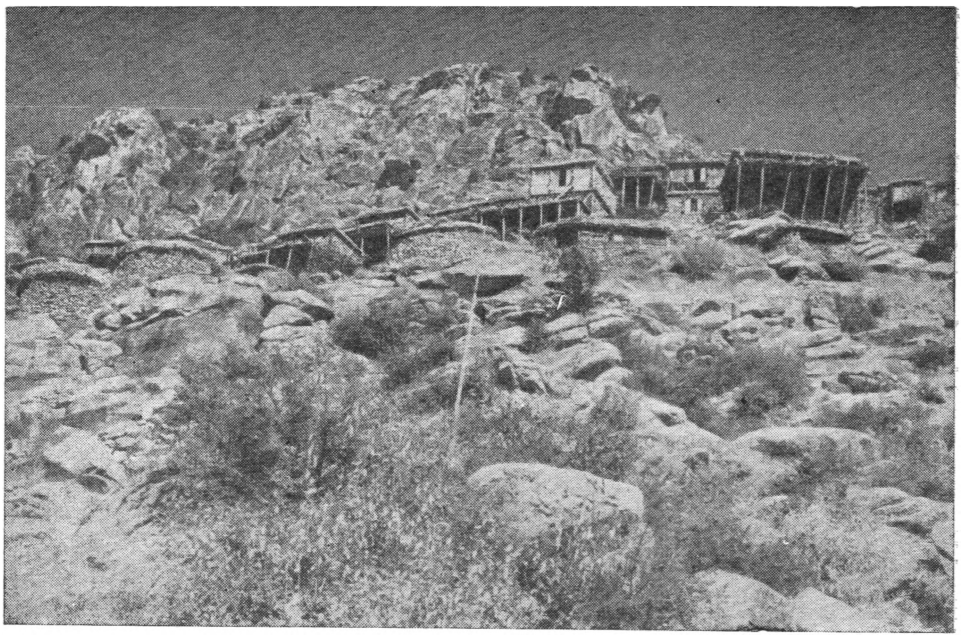
Как уже было указано, после Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича никому из советских ученых не удалось побывать в Нуристане.

Можно назвать лишь две советские публикации, посвященные Нуристану в более позднее время: статьи А. А. Поляка «Нуристан (Кафиристан)» [7] и заметка Гаврилина «Страна за семью печатями» [4].

Первая представляет собой краткий обзор имеющихся сведений о Нуристане. К сожалению, в этом обзоре не учтены важные публикации по Нуристану, в частности отчет германской экспедиции 1935 г. [15]; некоторые из сообщаемых здесь сведений носят явно ошибочный характер. К числу последних относится, например, группировка нуристанцев по языковому и племенному признаку [7, стр. 83]. Что касается второй заметки, то она представляет собой изложение впечатлений журналиста от кратковременной автомобильной поездки в нижнюю часть Восточного Нуристана и, по-видимому, не претендует на научность.

Автору настоящей статьи довелось в течение двух полевых сезонов 1963 и 1964 гг. работать в составе геологической партии в Центральном и Западном Нуристане и на южной границе Центрального Нуристана.

В 1963 г. (июнь и август) работа проходила в долинах двух правых притоков р. Пич — Дшал и Чапа-Дара. Долины обеих рек были пройдены от их устьев до самых истоков; в течение большей части указанного времени представилась возможность изучать бытующие в этом районе реликтовые языки — язык сел. Земиаки (дол. р. Чапа-Дара) и



Сел. Ачану

язык сел. Глангал (дол. р. Дигал) [15], ранее известные лишь по упоминаниям у В. Ленца [15, стр. 273] и Г. Моргенстьерне [23, стр. 241].

В сентябре — октябре 1963 г. был совершен (вместе с геологом С. Л. Шварковым [16]) поход в Центральный Нуристан по следующему маршруту: от сел. Гусалак вверх по долине р. Пич с заходом в Сафригал и Ачану; мимо сел. Вам до слияния р. Кантива (Ктиви) и р. Парун, образующих р. Пич; далее вверх по долине р. Кантива почти до ее истоков; затем вниз до Мумского перевала в междуречье Кантива и Парун; через перевал в долину р. Парун и вверх по долине до истоков реки; вниз по долине до устья р. Чатрас, левого притока р. Парун, несколько выше ее слияния с р. Кантива; вверх по р. Чатрас до одноименного перевала на водоразделе р. Парун и р. Вайгал; через перевал Чатрас в долину р. Цамгэль до сел. Вайгал, расположенного у слияния р. Цамгэль с р. Вэсгэль. Отсюда вниз по р. Вайгал с заходом в сел. Вант и далее вниз по р. Вайгал до ее слияния с р. Пич, по долине которой проходит автодорога.

Таким образом маршрут проходил по всем селениям Центрального Нуристана, населенным кафирами-вама и прасунскими кафирами, по всем селениям Ктиви и двум вайгальским, включая самое крупное из них — сел. Вайгал.

В октябре 1964 г. вместе с С. Л. Шварковым был совершен второй поход в Центральный Нуристан. Вначале маршрут этого похода совпал с первым: Гусалак — Вама (в Ваме был нанят носильщиком

---

[15] См. заметку автора об этих языках [5].

[16] Пользуюсь случаем, чтобы выразить здесь ему, а также геологам П. А. Полквому, В. М. Народному, А. В. Трифонову и Г. С. Симкину свою глубокую благодарность за дружескую помощь, искреннее доброжелательство и понимание целей моей работы.

один из местных жителей, служивший автору в течение всего похода информатором по языку вамаи) — устье р. Кантива — верховья р. Кантива. От сел. Ктиви по долине Чаман мы прошли к перевалу Птревот; через перевал Птревот[17] в долину Ветсир, приток р. Кулэм, и вниз по долине р. Кулэм с заходами в боковые ущелья до слияния р. Кулэм и р. Рамгэль; вниз по р. Алингар до сел. Нангарадж, где расположено волостное управление и немного выше которого начинается автомобильная дорога.

В феврале 1968 г. вновь была предпринята кратковременная поездка в долину р. Пич (ущелье Чапа-Дара).

Весной и осенью 1968 г. автор имел возможность изучать язык кати в г. Кабуле у служащего одного из афганских учреждений Нури Саида, уроженца Западного Нуристана; он оказался не только хорошим языковым информатором, но и сообщил автору много ценных сведений по современной этнографии и фольклору кафиров. По моей просьбе он записывал также на магнитофон тексты от нуристанцев-кати, приезжавших на короткое время в Кабул и, оказывал помощь в расшифровке и переписи этих текстов. Автор считает своим долгом выразить ему искреннюю благодарность.

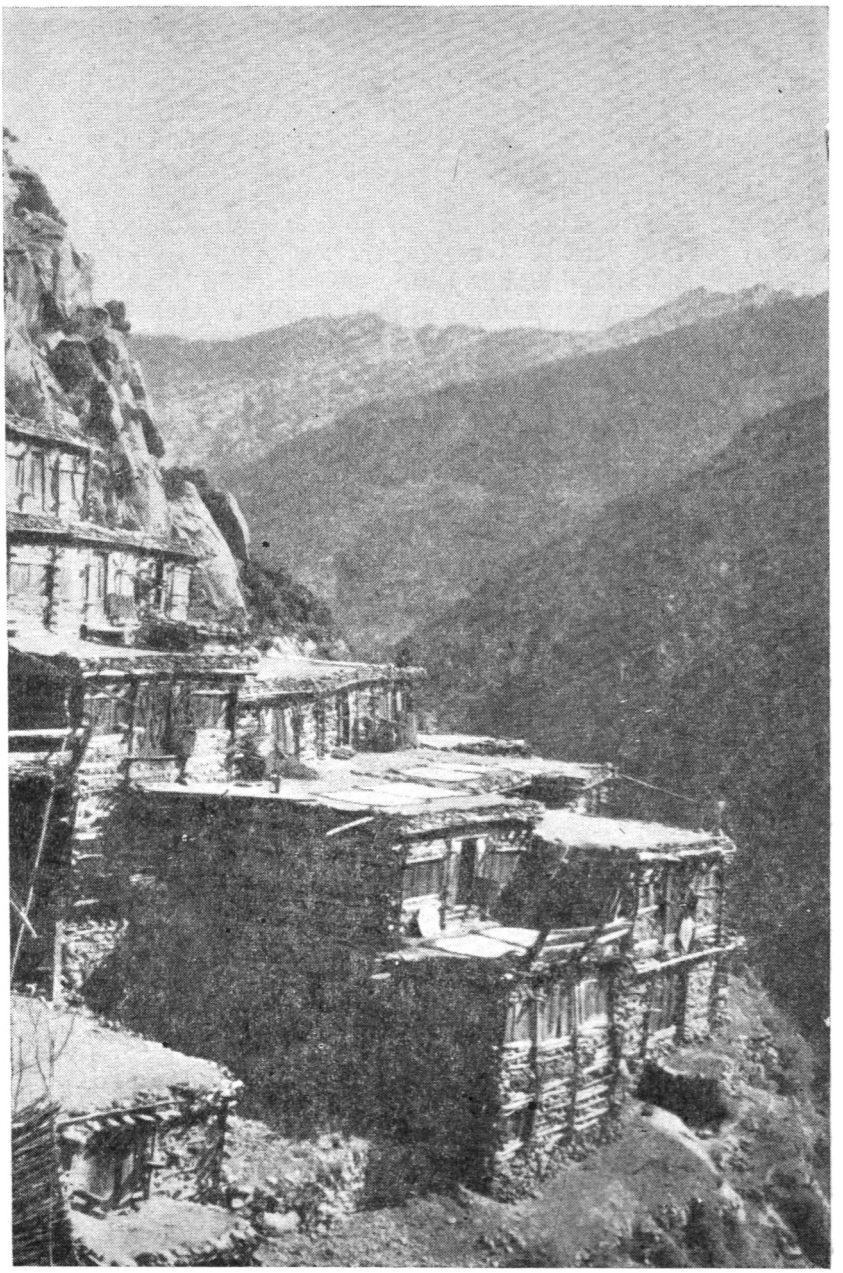
Ниже сообщаются некоторые из этнографических и лингвистических сведений, собранных автором во время посещений Нуристана и работы над изучением языка кати в Кабуле. Размеры настоящей статьи заставляют автора ограничиться только материалами, относящимися к нуристанцам-кати, преимущественно Западного Нуристана. В основе сообщаемых сведений лежат записанные на языке кати рассказы, а также собственные наблюдения автора. Рассказы приводятся в суммированном виде.

Разумеется, излагаемые сведения не могут характеризовать достаточно полно ни этнографию и язык кати, ни даже собранный автором материал. Автор рассматривает настоящую публикацию как предварительную, считая опубликование собранных им материалов и более детальное изучение соответствующих вопросов делом будущего. Однако при том интересе к Нуристану, который наблюдается в настоящее время, и при том в целом малом количестве информации, которым мы о нем располагаем, можно надеяться, что и такого рода публикация окажется небесполезной.

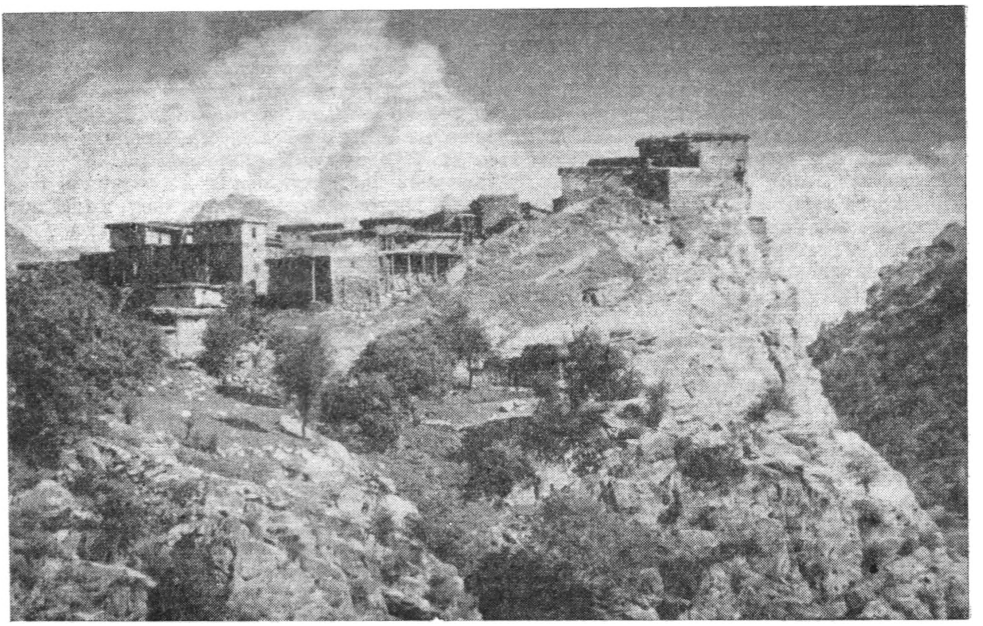
Обычаи, связанные со свадьбой и сватовством

Об обычаях, связанных со сватовством и свадьбой в Нуристане, известно очень немного. Робертсон пишет об этом буквально следующее: «Браки совершаются очень просто: это явная купля женщины мужчиной. Когда человек захочет жениться на какой-либо девушке, он посылает приятеля к ее отцу, чтобы испросить его согласия и договориться о цене, о которой часто торгуются в течение долгого времени. Когда размер платы установлен, сватающийся посещает дом девушки, режут козла, устраивают кое-какое угощение — и брак закончен». Сведения эти, как и все, что сообщается Робертсоном, относятся к Восточному Нуристану, причем едва ли они являются исчерпывающими даже и для этого района. При рассмотрении современных обычаев Западного Нуристана следует, впрочем, иметь в виду то обстоятельство, что со

[17] Точнее говоря, через хребет возле перевала Птревот; тропу на перевал в связи с отсутствием карты, проводника и ненастной погодой найти не удалось.



Сел. Вама



Сел. Кантива

времени посещения Кафиристана Робертсоном прошло более семидесяти лет, из которых не менее двадцати пяти западные нуристанцы провели в изгнании, в окрестностях Кабула [18], подвергаясь усиленной исламизации, большей, чем кафиры Центрального и Восточного Нуристана. Было бы, вероятно, ошибочным видеть в современных обычаях прямое продолжение доисламских, хотя иногда рассказ строится в прошедшем времени, а порой и прямо утверждается, что рассказываемое относится в равной мере и ко времени язычества. Однако допускаемые в то же время рассказчиками и всегда особо оговариваемые реминисценции из доисламских времен, а главное, сопоставление сведений, полученных у разных информаторов, позволяют сказать с достаточной определенностью, что речь идет об обычаях в их современном виде. В этих обычаях можно видеть немало общего с тем, что наблюдается за пределами Нуристана, и вместе с тем есть и значительное своеобразие; таким образом, здесь, как и всюду, где речь идет о современной этнографии Нуристана, особенно Западного, мы видим смешение черт доисламского и современного мусульманского быта.

В старое время юноша не мог жениться, пока не убьет хоть одного человека. Женились не по согласию. Какая девушка понравится матери или отцу, на той его и женили [19]. Сначала мать или сестра юноши уговаривают девушку; получив ее согласие, отец юноши засылает сватов к отцу девушки. Если отец девушки соглашается, то сразу назначают выкуп. Если же отец с первого раза не соглашается, то отец юноши снова

[18] См. ниже. стр. 280.

[19] Другой рассказчик утверждает прямо противоположное: «У нас и в старину и сейчас обычай таков: прежде чем жениться, парень и девушка договариваются между собой. После этого отец юноши засылает сватов к отцу девушки и берет ее в жены для своего сына». На самом деле, конечно, так же как за пределами Нуристана, может иметь место и то и другое, хотя решающее слово несомненно всегда, кроме исключительных случаев (см. ниже), за родителями девушки и юноши.

посылает других сватов. Когда отца наконец удается уговорить, назначают выкуп [20]. Назначив выкуп, отец девушки режет одного или двух козлов и, созвав односельчан, устраивает угощение. После этого девушка и юноша считаются помолвленными. Некоторые устраивают помолвку между юношей и девушкой, когда они еще малолетние. Когда они вырастут — тогда становятся супругами. Свадьбу устраивают осенью, когда закончены полевые работы и когда не очень жарко и не очень холодно. Осенью отец девушки, получив выкуп, покупает ей материю на одежду. В покупке материи участвует либо сам юноша, либо его отец. Затем шьют одежду. Накануне того дня, когда невесту предстоит увезти в дом мужа, устраивают празднество в доме девушки. Наутро, когда взойдет солнце, девушку обряжают в новые одежды и украшают. Надевают на нее два или три головных покрывала и туфли.

Тем временем жених с восходом солнца садится на коня; все односельчане собираются на площади и стреляют из ружей. Музыканты начинают играть на флейтах и бубнах. Потанцевав на площади, отправляются в дом за девушкой. Всю дорогу до дома девушки стреляют из ружей, танцуют, играют на флейте. Свадебный поезд в селе девушки встречают юноши. Отец девушки угощает приехавших за невестой. Помолившись, они увозят невесту. Если путь далекий, жениха и невесту сажают на коня; если близкий, то девушка идет в дом мужа в окружении женщин. Когда невеста приблизится к селу, ее осыпают грецкими орехами. Невесту ведут в дом жениха. Возле дверей невеста останавливается, не соглашаясь войти внутрь. Заплатив ей выкуп [22], ее вводят в дом.

После этого жених кладет призы для соревнующихся в стрельбе, верховой езде, в беге, перетягивании каната, толкании камня, борьбе. Для всадников, например, шкуру быка, для стрелков — козла, для бегунов и соревнующихся в перетягивании каната — однолетнего козла. Вечером, перед заходом солнца, устраивают угощение для всех — для тех, кто ездил за невестой, и для тех, кто с ней вместе приехал. Поев, веселятся до утра, — женщины отдельно, мужчины отдельно.

А в старое время отец давал девушке, когда та в первый раз приходила домой после свадьбы, рабыню, или женщину-бари [23], сто сиров зерна, две — четыре коровы, лошадь, двадцать — тридцать голов сыра, тридцать — сорок мер грецкого ореха.

Выйдя замуж, женщина делила свои волосы пробором и заплетала косы, а в косы вплетала белые раковины.

В том случае, когда родители жениха и невесты по тем или иным причинам (например, мал выкуп; невеста просватана за другого; юноша и девушка относятся к враждующим семьям или кланам) не могут сговориться, возможно и похищение девушки (или даже замужней женщины, если девушку уже успеют выдать за другого). В этом смысле представляет интерес записанный автором от одного из нуристанцев из верхнего Кулэма (назовем его К.) длинный и чрезвычайно занимательный рассказ, главным действующим лицом которого является сам рассказчик. Недостаток места не позволяет нам здесь привести целиком этот рассказ, изобилующий весьма интересными этнографическими подробностями [23].

К. было двенадцать лет, когда его женили на девушке из другого селения. Там он познакомился с другой девушкой, и они влюбились друг в друга. Родители девушки, однако, были против их брака. Встретившись тайком с К., девушка дала согласие на похищение. Но прежде чем К. ее похитил, прошло несколько лет; ее тем временем выдали замуж, у нее родился ребенок, который вскоре умер. Все это время они тайком встречались и обсуждали планы побега, а ее родители и родители мужа подстерегали

---

[20] Выкуп дается преимущественно скотом, но исчисляется в деньгах; в одном из рассказанных случаев он составлял двадцать тысяч афгани. В случае, если у родителей жениха нет возможности отдать выкуп сразу, возможна отработка женихом выкупа в доме невесты; ср. аналогичный обычай на Памире у куфцев [1, стр. 135], а также ниже, стр. 275.

[21] Символический.

[22] См. ниже, стр. 276.

[23] Автор познакомился с рассказчиком еще в 1964 г., во время пребывания в Кулеме. История, излагаемая ниже, рассказана в январе 1968 г. Столь долгий стаж знакомства и объясняет необычную откровенность и искренность рассказчика, имя которого я считаю неудобным в связи с этим называть. Отмечу, что рассказчик предложил мне совершить кафирский обряд побратимства, и только чисто внешние обстоятельства жизни в Кабуле помешали его осуществить.

К., чтобы, уличив в свиданиях с девушкой, убить. В конце концов К. с товарищем удалось увезти ее, когда она вышла в горы за дровами. Но тут разгневался отец К., и очень больших трудов стоило уговорить его смириться с происшедшим. Послали посредников к отцу женщины и после долгих переговоров определили сумму выкупа. Она, по крайней мере, в три раза превышала обычную. Отдельный выкуп — козел и бык предназначался свекрови; по обычаю, она должна была козла зарезать и съесть вместе с новым зятем, но она присоединила его к своему стаду. К. не смог заплатить весь выкуп сразу и вынужден был по требованию тестя идти отрабатывать оставшуюся часть в дом жены. Под конец К. пригрозил своей новой жене, что продаст ее, если она не заставит тещу уговорить тестя уменьшить выкуп. По словам рассказчика, в данном случае с его стороны это была пустая угроза — он очень любил свою вторую жену, но якобы вообще у нуристанцев, если выкуп заплачен, муж может свою жену продать кому заблагорассудится [24].

Рождение ребенка. Совершеннолетие

Женщине, если она была на сносях, отводили место в некотором отдалении от селения [25]. Женщина уходила туда и там рожала. Через семь дней, помывшись и причесавшись, она возвращалась домой. Если ребенок был мальчиком — приносили в жертву двух коз; если девочкой — одну козу. Тут же детям обривали голову [26] и давали имя. Имя давалось по отцу или деду [27].

Когда детям исполнялось двенадцать лет, на них надевали штаны. До двенадцати лет ни девочки, ни мальчики не могли носить штанов [28]. Созывали односельчан, убивали двух коров или быка, или козу, или овцу и праздновали совершеннолетие. Угощали всех односельчан; если кто-нибудь из лиц, близких к данной семье, не приходил, то в его дом посылали и мясо, и хлеб, и похлебку на всех членов его семьи, начиная от грудных детей и кончая стариками. В тот вечер и мужчины и женщины веселились — били в бубен, играли на флейте, пели песни, танцевали.

Некоторые обычаи, связанные с войной

Воинов, убивших хотя бы одного врага, называли шурмоч. Человек, убивший семь мужчин, назывался леймоч. Когда такой человек возвращался домой, его встречали радостными криками: «Э шуро-шурей — шуро!» Женщины и мужчины, приходя посмотреть на него, осыпали его зернами пшеницы, восклицая: «Слава тебе, о леймоч!». Потом его вели домой и увенчивали, как короной, султаном фазана [29]. Через плечо ему надевали ленту, а на ленту нашивали четыре раковины. Потом он постепенно становился пырымоч. Пырымоч — человек, совершенный во всем, богатый, отважный, гостеприимный...

В старину на войну отправлялись с луками. В то время ружей не было. У кого не было лука, отправлялся на войну с кинжалом и им убивал врагов. У леймоча всегда было изукрашенное копье. В честь этих отважных людей мы пели такую хвалебную песню:

В четырех местах я подстерегал врага,
В трех не смог его убить,
А в четвертом я его убил [30].

У леймоча был лук и колчан. Стрелы были намазаны ядом, и, если поражали человека, тот уже не мог остаться в живых.

---

[24] Ср. у Робертсона [8, стр. 214].

[25] Родильный приют, находившийся под защитой богини Нирмали, см. 8, стр. 273.

[26] См. 8, стр. 38—39.

[27] Собственное имя, по словам информаторов, ребенок получал по достижении двенадцатилетнего возраста.

[28] Ср. у Робертсона: «У кафиров нет особой церемонии на случай достижения девочкой зрелости; над мальчиками же должны быть выполнены особые формальности для получения разрешения носить платье взрослых мужчин, т. е. широкие штаны... Вне Кафиристана мальчики могут носить штаны, но в своей стране они не могут этого делать, пока не выполнят установленных правил» [8, стр. 269].

[29] Ср. описание одного из кафирских праздников у Робертсона: «Плясуны, все из которых были джасты (высшая каста. — *А. Г.*)... украсили себе головы белыми тюрбанами, в передней стороне которых были воткнуты палки с головными перьями фазанов» [8, стр. 149].

[30] Рассказчик дает и подлинный вариант песни и ее перевод на кати. Подлинный вариант представляет собой, по-видимому, архаическую или диалектальную форму языка и прямому переводу не поддается.

Судя по имеющимся данным, указанные титулы — шурмоч, леймоч и пырымоч — не связаны с описываемыми Робертсоном рангами старшин — джастов и канеашей — кандидатов в джасты.

В рассказе ничего не говорится о ритуальных угощениях, которые, согласно Робертсону, необходимо было устроить, чтобы стать джастом. С другой стороны, по Робертсону, ранг джаста не связан непосредственно с военными заслугами того или иного лица (в частности, джастом могла стать и женщина). Термин ǰaṣt известен и в Западном Нуристане, но его удовлетворительного объяснения мне получить не удалось.

Рабство и касты

О касте рабов-бари в Кафиристане и о положении этой касты Робертсон пишет довольно много в разных местах своей книги. Сведения о рабстве в Кафиристане, сообщаемые Робертсоном, были позже уточнены и представлены в суммированном виде А. Герлихом в упоминавшемся ранее разделе отчета германской экспедиции в Гиндукуш [15, стр. 233 сл.]. А. Герлих устанавливает существование в Восточном Нуристане двух категорий рабов. Первая из них — рабы-ремесленники бари — каста, принадлежность к которой так же незыблема, как принадлежность свободного кафира к его клану.

Другая категория рабов, найденная А. Герлихом только у племени кантос,— рабы-ланэ. Это свободные кафиры, попадавшие в рабство за долги. Ланэ могут освободиться, заплатив определенный выкуп. Работа ланэ не была так специализирована, как у бари; естественно, что ланэ и не могли бы выполнять работу бари, для которой требовались особые профессиональные навыки; в прочем же его правовое положение не отличалось от положения бари: его можно было купить и продать (но только внутри клана) или дать в качестве приданого дочери.

В примечании на стр. 236 Герлих сообщает, что, по данным Ленца, в Западном Нуристане лавын (=ланэ)—раб, цена которого шестьдесят козлов; бари же — бедняк, нуждающийся в помощи, работающий кузнецом или мельником. Это не вполне внятное сообщение дает возможность различных толкований и наводит на мысль о существенных отличиях в этом плане между Западным и Восточным Нуристаном. Между тем в Западном Нуристане наблюдается такое же положение, как, согласно описанию Герлиха, у кафиров-кантос.

Выше уже приводились рассказы о свадьбе, в частности о приданом, дававшемся невесте; рассказчики особо подчеркивали тот факт, что в состав приданого могли входить как бари, так и рабы-лавын.

Сказки западных кати имеют характерную концовку, где упоминаются рабы обеих категорий: «...они (действующие лица сказки) поковыряли, кипяченое молозиво нам [досталось], что на ложке осталось — бари, а что ко дну котла прилипло — рабам-лавын».

О бари сообщаются следующие сведения (рассказ Нури Саида):

В старину наши люди, говорят, покупали бари за деньги[31]. Мне неизвестно, от какого племени они ведут свое происхождение. Дома их стоят на краю деревни. В середине деревни строить дома им не разрешают. На девушках-бари другие не женятся, и не выдают своих девушек за бари. В старину вместе с бари пищу не ели, и в домах у них не ели. У бари земли нет; и по сей день там на верху, в деревнях кати, бари не свободны.

[31] Термин «бари» информаторы переводили на персидский язык либо как āhangar «кузнец», либо как ɣulām-i zarxarīd «раб, слуга, покупаемый за деньги». Рабы-лавын переводятся просто ɣulām «раб, слуга».

Работа их — кузнечное ремесло: изготовление топоров, заточка серпов, изготовление металлической и каменной посуды.

Бари вместе с другими в мечеть не ходят и не молятся. В прошлом году бари в нашей деревне хотели переселиться в другое место, но их не пустили: мол, вы до сих пор не свободны.

В вышеприведенном рассказе обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, то, что кастовое деление продолжает сохраняться в Нуристане по сей день, и, во-вторых, то, что каста бари ощущается нуристанцами не только как социальное, но и как этническое подразделение. Неоднократно высказывалось предположение, что бари являются потомками древнего, докафирского населения Нуристана[32]. В сохраняющемся сознании этнических отличий между бари и свободными кафирами можно видеть лишнее подтверждение справедливости такого предположения.

Что касается рабов-лавын, то нет достаточных оснований утверждать о наличии в настоящее время пережитков этой формы рабства. Отметим, что в сказочном фольклоре упоминания о рабах-лавын встречаются нередко.

Похоронные обряды

Когда умирал леймоч или пырымоч, то из дерева изготовлялось грубое изваяние умершего; после этого один из рабов брал его на спину и прыгал (танцевал?) с ним по улицам деревни. Семь дней и семь ночей покойника не хоронили, а труп его выставляли на высоком месте. Тем временем изваяние его таким образом носили по улицам. Родственники умершего в течение этих семи дней давали угощение и «сымри»[33]. Мертвеца хоронили, положив в гроб. Внутренности вынимали, клали в глиняный сосуд и хоронили отдельно. Вместе с умершим хоронили все, что принадлежало ему при жизни, — лук, копье, меч, кинжал, боевой топор, шлем. В горшок клали сымри, правую руку умершего погружали в горшок и так его хоронили. На его могиле ставили его деревянное изваяние. Если умирала женщина, то ее хоронили вместе со всеми ее украшениями, в могилу к ней также клали сосуд с сымри.

Для оценки достоверности вышеприведенных сведений сравним рассказ с тем, что излагается у Робертсона. Согласно Робертсону, в Камдеше изображения умерших изготовлялись не из дерева, а из соломы, и над этими изображениями, так же как и над самим трупом, проводились погребальные церемонии в доме для обрядовых танцев [8, стр. 301—303]. Робертсон особо подчеркивает, что изображение умершего во время погребальных танцев держат на плечах не рабы, а «важные люди» (стр. 304). Но если эти расхождения и можно еще объяснить неточностью наших рассказчиков (хотя два наши информатора сообщают одно и то же), то нет никаких оснований сомневаться в достоверности прочих сообщаемых ими деталей, тем более, что часть из них совпадает с тем, что сообщает Робертсон (покойника хоронят в одежде, женщин — с украшениями; на могилах умерших ставятся изваяния [8, стр. 305—307 и сл.][34]). Упомянутые расхождения могут, конечно, объясняться и действительными различиями в погребальном обряде между Западным Нуристаном и Камдешем.

Исторические предания

Наиболее подробную сводку исторических преданий кафиров приводит А. Герлих [15, стр. 238—243]. Согласно Герлиху, такого рода

---

[32] См., например, 8, стр. 20.

[33] Ритуальная пища: ячменные лепешки, покрошенные в растопленное масло.

[34] Описание такого роди изваяний см. в работе Дугласа [16].

предания бытуют только у кати; у прочих кафирских племен рассказы повествуют лишь о недавнем прошлом, хотя смутные представления о своем происхождении существуют, по-видимому, и у них.

О том, что кафиры-кати склонны возводить себя к арабскому племени корейшитов, сообщают уже Бёрнс [2, стр. 292—293] и Биддёльф [11, стр. 132]; эта же версия для племени кам приведена у Робертсона [8, стр. 28]. По Герлиху, племя кам приписывает только себе происхождение от корейшитов и называет Абу-Джиля (Abu Dschihil) своим прародителем, отделяя себя и в этом смысле от кафиров-кати; в свою очередь последние делают то же самое по отношению к камцам. Сообщается, что прародителями кати были брат и сестра Брок и Врок, поселившиеся сначала в Кантиве (Ктиви) [35]. Расселяясь из Ктиви, кафиры вели ожесточенные битвы, на западе — с пашаи, населявшими долины Рамгэля и Кулэма, на востоке — с некиим племенем джажи в нижнем течении р. Башгуль [36], и племенем кашгари — в верховьях реки. Называется также древнее население Кантивы, якобы тождественное с кафирами-вамаи, и Вайгала — племя шурари неизвестного происхождения.

Как сообщает Герлих, об этом периоде завоеваний повествуют многие героические песни кафиров-кати. К сожалению, никаких других сведений об этих песнях не дается и их содержания, хотя бы краткого, не приводится [37].

Предания о более поздних временах, по Герлиху, представляют собой рассказы о межплеменной борьбе и зарегистрированы лишь у восточных кати. По-видимому, никаких легенд об Александре Македонском, столь распространенных к северу от Кафиристана [38], членам германской экспедиции собрать не удалось. Между тем такого рода легенды представляют, естественно, значительный интерес, особенно в свете работы Л. Эдельберга о вайгальских серебряных кубках [39].

Ленц [15, стр. 250] сообщает, что кафиры отказывались давать какие-либо сведения о завоевании Кафиристана, по-видимому из религиозных соображений; такие сведения, исходящие от самих нуристанцев, публикуются здесь впервые. Ни Ленц, ни Герлих не сообщают также, сохранились ли у кафиров какие-либо воспоминания о пребывании в Кафиристане Робертсона.

Приведенные ниже рассказы записаны у двух лиц: чиновника одного из кабульских учреждений Гульмира, родом из Западного Нуристана; крестьянина Абдулла Куштузи из сел. Куштуз в Восточном Нуристане.

---

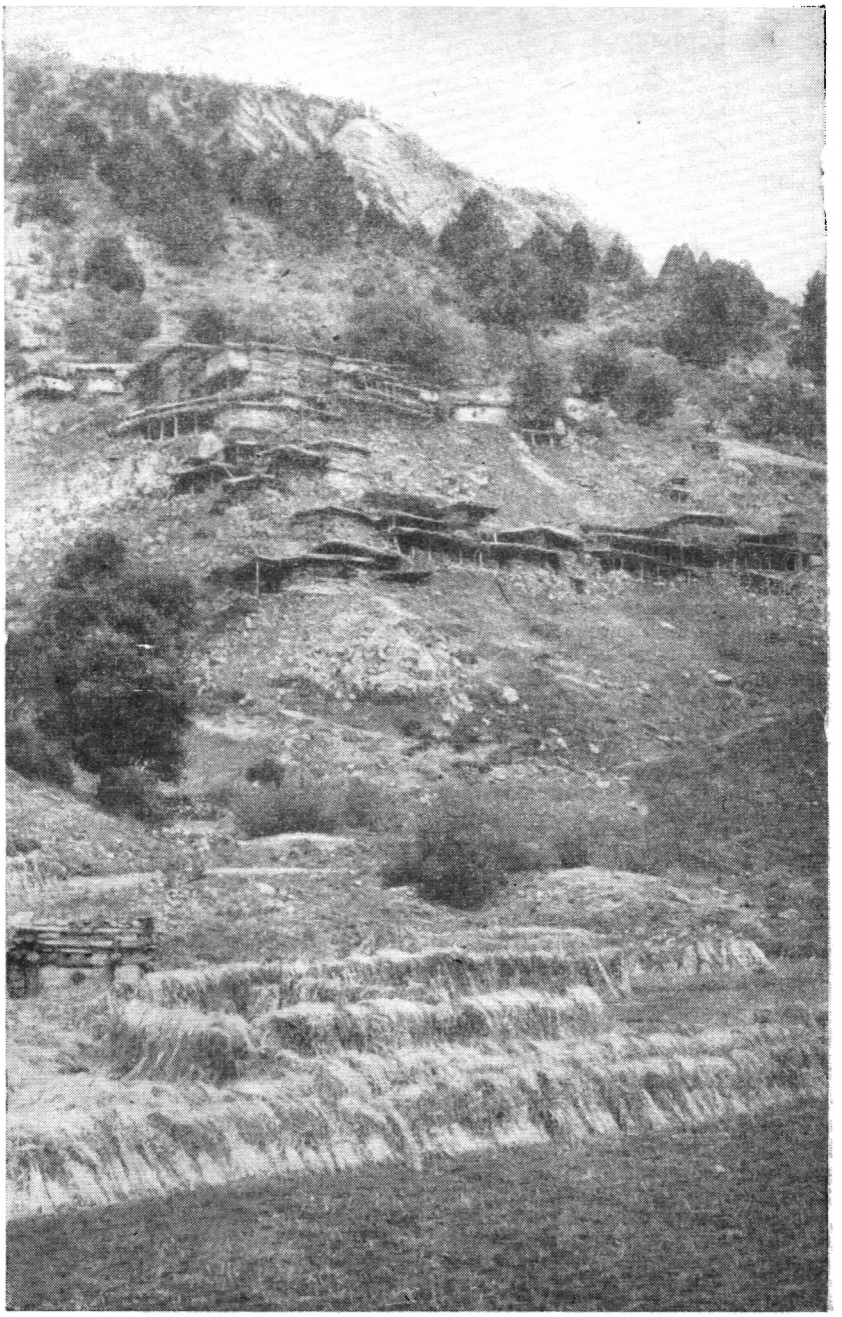
[35] О Ктиви, как прародине кафиров, см. также 15, стр. 268.

[36] Робертсон приводит сходную камскую легенду, согласно которой джажи были полностью вытеснены камцами, когда последние пришли в Башгульскую долину, потерпев тяжелое поражение в битве с вайгальцами [8, стр. 28—29]; упоминаются и другие аборигены — аром, остатком которых якобы является население сел. Гавардеш и с. Аромбром [8, стр. 15]; у Герлиха те и другие отождествляются друг с другом [15, стр. 242].

[37] Ср. также 15, стр. 252.

[38] В частности, на Памире.

[39] Л. Эдельберг анализирует те места из текстов Курция Руфа и Арриана об индийском походе Александра, где они повествуют о завоевании им неизвестного народа, жившего в селении Ниса у подножия горы Мерос. Удивительное совпадение деталей описания обычаев этого народа и природы населяемых ими мест с тем, что можно наблюдать в Центральном Нуристане сейчас или в исторически недавнее время, приводит автора к выводу, что Александру пришлось иметь дело с предками современных кафиров [17, стр. 194—196]. Добавим к сказанному у Эдельберга, что представляется соблазнительным сопоставление топонима Ниса с названием вайгальского селения Нишеи, а горы Мерос — с историческим топонимом Мер (согласно приведенной Герлихом легенде, одним из древних поселений племенного подразделения кафиров, ныне населяющего сел. Куштуз в Восточном Нуристане [15, стр. 242]).



Сел. Цацум

Последнему принадлежат сведения о старых владениях кафиров и рассказ о Робертсоне.

Наши люди в старое время пришли из Аравии. Там был один человек, его звали Абу-Джиль, у него было два сына, один — Рок, другой Брок. Хазрати Омар очень притеснял их. Они ушли оттуда и пришли в Ктиви. Жили в Ктиви; потом Рок пошел в Рамгэль, а Брок — в Парайгром. Потом людей стало больше, и появились кланы: Карал-дары, Габыр-дары, Трымсынг-дары и другие. Центр наш был наверху, в Ктиви, и когда людей стало много, наши люди спустились в Киштo, Мумо, Кам, а с другой стороны — в Рамгэль и Кулэм, отвоевали эти области у старого населения. В старину долина Ландайсин, Камбыгром, Парайгром[40] — все это было наше. Во времена язычества, еще до приезда Робертсона, Кома[41] была нашей, Шива[42] была нашей, Дарраи-Нур[43] был наш, Мандровул[44] в Лагмане тоже был наш. И земли вплоть до того места в Пакистане, которое называют Турагундый, были наши. И Кофарай Гундый был наш. В те времена между нами и нашими соседями всегда шла война.

Когда пришел Александр Великий с походом, он многих наших людей увел силой с собой в Индию. Когда он умер, его военачальники отпустили наших людей, и все они вернулись к себе домой.

Прошло много времени, и на кати напал эмир Тимур, принес им веру ислама. Его войско высекло на скале возле селения Патшо памятную надпись[45]. Эмир Тимур привел людям Рамгэля семь мулл. Эти муллы объяснили людям законы мусульманской веры. Когда эмир Тимур ушел вместе со своим войском, все люди собрались и на большой скале Шаргон закололи этих семь мулл эмира Тимура и, заколов их, сожгли, а сами вернулись к язычеству...

Когда пришел Робертсон, он появился сначала в селении Кам. Он раздавал нашим людям деньги. Он остался там; была там одна девушка по имени Вуто Сунмри, он взял ее себе в названые сестры. Возможно, что он давал ей за это деньги. И вот наши люди набросились на него: «Мы никакой Вуто знать не хотим! Все мы Вуто! Если раздаешь деньги — принеси нам всем, а если не раздаешь — никому не давай». Вытащив кинжалы, они говорили: «Мы тебя убьем».

Когда он собрался уходить, он стал хвалить наш народ: «У вас хорошие головы, вы сильные, если бы вы как следует учились — из вас вышли бы большие люди. Я-то пришел, чтобы просветить вас. Раз вы не хотите — я ухожу». И сказав это, он ушел.

Завоевание Нуристана эмиром Абдуррахманом излагается по-разному в Восточном и Западном Нуристане, что, вероятно, отражает различия, имевшие место в действительности.

Восточная версия: ...Народ наш много воевал и осталось нас мало. В той стороне[46] мы воевали с баджаурцами, с сафи, ниже с афганцами. Наш народ не подчинился ни Тимуру и никому другому. Во времена Абдуррахман-хана пять наших людей были в плену в Кабуле: один — Малик-Сафед, другой — Малик-Сиёх, третий — Каландар, четвертый — Кумур-хан[47]. В старину они нападали на летовки мусульман, забирали людей и продавали их. Их взяли в плен и привезли в Кабул.

Амир Абдуррахман обращался с ними хорошо и сделал их при себе слугами. Кумур-хан был у него чойдорбоши; Каландар-хан — стольник; Малик Сиёх — хранитель кальяна; Малик-Сафед — личный слуга; был еще Муборакшо-хан, военачальник. И вот все они пришли и стали нас уговаривать, мол, мусульманство — это хорошо. И так, и эдак, без войны обратили нас в ислам.

Западная версия: ...Когда русские хотели напасть на Нуристан (!), эмир Абдуррахман, услышав об этом, собрал большое войско и напал на людей кати. Это войско было вооружено пушками и ружьями. В сражениях с кати он дошел до Кулэма; в это время в Кулэм пришли также люди из Рамгэля: таким образом, у кати оказалось большое войско; они оттеснили войско Абдуррахмана до самой Дарунты, и тогда Абдуррахман дал сигнал мира. Кати, услышав звуки труб, испугались и бросились в

---

[40] Соответственно нижнее, среднее и верхнее течение р. Башгуль.

[41] Нижнее течение р. Пич, ныне населено афганцами-сафи; а также селение возле устья р. Кунар.

[42] Крупное селение в долине р. Кунар.

[43] Долина правого притока р. Кунар населена пашаи.

[44] Миндравар, крупное селение в низовьях р. Алингар.

[45] Речь идет о действительно существующей в районе сел. Потшо в долине р. Рамгэль надписи; ее воспроизведение см. 15, рис. 115 и 116. Неясно, принадлежит ли она действительно Тимуру или сделана в более позднее время.

[46] Т. е. выше по течению Кунара.

[47] Имя пятого см. ниже.

бегство вверх. Войско Абдуррахман-хана, преследуя их, вновь достигло Кулэма. Кати сражались с афганцами луками, копьями, пращами. Абдуррахман-хан не смог дойти до Большого селения [сел. Кулэм] и, поставив свои пушки в Мнуйнар, стал обстреливать селение. Несмотря на обстрел, кати не сдавались и сражались своими луками до смерти.

Войско Абдуррахмана не смогло одержать верх над кати; вечером афганцы решили: «Завтра мы заключим с кати мир». На следующий день предводитель кати надел белое платье и пошел к эмиру Абдуррахману сдаваться. Увидев, что идут кати, Абдуррахман встретил их предводителя, одарил его красивой одеждой. После этого, собрав всех кати, расцеловал его, их повезли в Кабул.

Когда кати прибыли в Бутхок, их пришли приветствовать большие вельможи Абдуррахмана. На Чаман-е Хозури их встречал и сам Абдуррахман. С тех пор страну кати стали называть Нуристаном. Нуристанцам дали земли в Пагмане, Чак-и Вардак, в Логаре. Так и закончилась война Абдуррахмана с кати [48].

Когда Абдуррахман умер, Хабибулла стал царем, наши люди написали ему прошение с тем, чтобы он отпустил их на родину. Амир Хабибулла разрешил. Теперь наши люди там занимаются скотоводством и земледелием, а прежними делами не занимаются.

Язык

Существующими сведениями о кафирских языках мы обязаны в основном работам известного норвежского ираниста Г. Моргенстьерне; я оставляю здесь в стороне более ранние работы, представляющие, за небольшим исключением, лишь исторический интерес [49]. Подробная характеристика работ Моргенстьерне не входит здесь в мою задачу; отмечу лишь, что эти работы при всей их большой ценности представляют собой заметки, основанные на фрагментарном и не всегда достоверном материале, записанном преимущественно в виде изолированных слов и форм.

Однако и тот материал, который представлен в указанных работах, позволяет считать, что кафирские языки представляют большой интерес для сравнительного языкознания. Относительно их места среди индоиранских языков высказывались различные точки зрения [50]; наиболее обоснованной представляется в этом смысле точка зрения самого Моргенстьерне. В своем отчете о поездке в Афганистан и в статьях, посвященных отдельным кафирским языкам [20; 21; 22; 24; 25; 26], он отмечает некоторые особенности отражения в них индоевропейского консонантизма, которые можно суммарно представить в таблице (см. стр. 282).

Исходя из приведенных в таблице соответствий, Моргенстьерне приходит к выводу, что кафирские языки первоначально занимали независимое положение внутри арийской группы языков [51].

Моргенстьерне отмечает, что кафирский материал может пролить свет и на проблему развития палатальных в индоевропейских языках satəm в целом [20, стр. 227]. Эта идея положена в основу статьи В. Иванова «Проблема языков centum и satəm» [6]. Рассмотрение кафирского и анатолийского языкового материала, по мнению автора статьи, лиш-

[48] О переселении западных кати см., например, 15, стр. 270.

[49] Библиографию работ по кафирским языкам см. в книге Д. Эдельман «Дардские языки» [10]. Упоминания заслуживает также маленькая публикация В. Иванова по языку кати [19].

[50] См. 10, стр. 7—8.

[51] «Общий арийский язык, вероятно, не был однородным, и кафирские языки могут представлять диалект, не восходящий непосредственно ни к индоарийскому, ни к иранскому. Примечательные архаизмы кафирских языков и их географическая позиция делают весьма возможным предположение, что это реликт языка племен, отколовшихся от основной массы ариев и проникших на границу Индии до вторжения индоарийцев. Последние частью ассимилировали кафиров, частью оттеснили их в неприступные горные твердыми Кафиристана. Здесь они и жили в относительной изоляции, что дало им возможность сохранить доныне некоторые из присущих им языковых особенностей» [20, стр. 234].

ний раз убеждает нас в том, что следует признать существование нескольких типов индоевропейских диалектов с переходными говорами между ними. При этом кафирские языки отражают архаичное общеиндоевропейское состояние противопоставления палатальных и велярных [6, стр. 23].

* индо-евр.	др.-инд.	каф.	ир. (в скобках—др.-перс.)	индо-ир.
*ḱ	ç	c	s(θ)	t′
*ǵ	j	z/ʒ	z(d)	d′
*ǵh	h	z/ʒ	z(d)	
*g^{w}h перед *e, *i	h	j	j	
*g^{w} перед *e, *i	j	j	j	
*s после u	ṣ	s	š	

В лингвистической литературе отмечался также тот факт, что кафирские языки в числе других языков Восточного Гиндукуша представляют первостепенный интерес как для типологических исследований, так и для исследований в области лингвистической географии, включая и проблему языковых контактов [52].

Широкому изучению этих языков в обобщающих лингвистических исследованиях препятствуют скудость и фрагментарность опубликованного материала, что в особенности относится к весьма своеобразному и архаичному языку кати [53].

Ниже публикуется небольшой рассказ на западном диалекте кати, с грамматическим пословным комментарием и переводом.

Гласные фонемы: a, ā, o, u, ы, i, e (для всех гласных, кроме a — ā, долгота нефонологична; гласный ā встречается в небольшом количестве слов).

Согласные фонемы могут быть представлены в следующей таблице:

	Смычные		Щелевые		сонорные	аффрикаты
	звонкие	глухие	звонкие	глухие		
нецеребральные непалатализованные	b d g ɓ	p t k	z ‖ ʒ v ‖ w	s	m r l n y	c č j
церебральные непалатализованные	ḍ	ṭ	ẓ	ṣ	ṛ ṇ	č̣
нецеребральные палатализованные	ɓ′ d′ g′ n′	p′ t′ k′	v′	s′ š	m′ r′ l′ n′	c′
церебральные палатализованные	ḍ′	ṭ′	ẓ′	ṣ′	ṛ′ ṇ′	
огубленные	—	—	ẓ°	š°	— —	

[52] См. 9, стр. 172.

[53] Кати — один из немногих дардских языков, которому не посвятил специальной лингвистической статьи Г. Моргенстьерне. Наши современные сведения о кати основаны на устаревших и неполных материалах Раверти [27, 1864 г.], Дэвидсона [14, 1902 г.], Грирсона [18, 1919 г.], вышеупомянутой публикации Иванова [19] и статье Моргенстьерне о кафирской мифологии [24], где дается небольшое количество ритуальных текстов, не всегда адекватно понятых и переведенных.

ТЕКСТ

I. yimósty (1) rypúšte (2) mančí (3) káyo (4) parastíš (5) nè-kuly (6) as'a (7)-mem (8). stósty (9) čor (10) dyvó (11) kustý (12) ni (13) s'o-mem (14): kór-vu (15) állы (16) vuncév (17) bi-bo (18) stá-vu (19) ḍyvrý (20) bṛuʒ (21) bi-bo e (22) állы voṭ (23) bi-bo sta (24) gáti (25) e ryrý (26) nuyé (27)-ǰe (28) syṛézai (29) gáiti (30) vóṭe (31) pšéi (32) vúteti (33) e mančí pšy (34) býnosi (35). sty (36) pšý bi-bo by (37) dík'a (38) por (39) vúkceti (40) kóṭo (41) vrípulo (42) lály (43) as'ò-mem.

II. sty vri layí-bo (44) ste (45) by dušt (46) ka (47) symrí (48) ka ésstuk (49) valé (50) ácely (51) as'a-mem. sty symr'é yo (52) čivók (53) ky (54) mančó (55)-pciṛ (56) byṭý kuly (57) as'o-mem. ste (58) yúti (59) amní (60) vr'ó (61) lály as'a-mem: «e Imról (62) Délu (63) mačimṛór (64)-o (65)! o Bagíšṭ (66)-ol» — kati (67) pšy čipčurúk (68) vyt'éti (69) dúšto (70) dík'a-por (71) vúgaiti (72) ǰi kulei (73): «o Imro! tu (74) namóč (75)!»

III. ste (76) ǰi kyṛý-bo (77) syvéry (78): «o Imról Sundarý-ṛo (79) tu namóč! kaširpaḍúvo (80) psov (81) yimó (82) b(a)rú vyt'e! (83)» — kulei. «šaṛývo (84)-ty (85) psov, yimó (86) šayé (87) bru vyt'ei!» — kati syṛéza (88) paščónas'a (89)-mem. d'um (90) gati (91) Imrósty (92) štris (93)-ta (94)/sto-ky (95) Kymṛai (96) kunas'a (97)-mem, sut (98) što (99) stó-ky (100) stósty (101) ǰuk (102) ašt (103) kulei/ pṛólei (104).

Примечания к тексту

(1) yimósty притяж. ф. личн. мест. 1 л. мн. ч. yimo 'мы'.
(2) rypúšte опред. ф. от наречия rypúšt 'раньше', 'прежде': 'прежний'.
(3) mančí м. 'человек', 'мужчина'; косв. mančé, косв. мн. mančó.
(4) káyo косв. ф. мн. ч. мест. kay 'что'.
(5) parastíš перс. 'поклонение'.
(6) né-kuly отриц. ф. м. р. причастия II от гл. 'делать'; инф. kústy; ж. р. kulí. Причастия II на ly//li имеют обычно значение будущего времени; реже значение давнопрошедшего времени, как в данном тексте.
(7) as'a 3 л. мн. ч. пересказ. накл. связки; ед. ч. 1 л. м. as'om, ж. as'em; 2 л. м. as'oš, ж. as'eš; 3 л. м. as'ó, ж. as'é; мн. ч. 1 л. as'ómiš, 2 л. as'óseṛ, 3 л. as'á. Сочетание прич. II с этой формой связки обозначает факт, известный с чужих слов; это значение неочевидности подчеркнуто специальной постпозитивной частицей -mem.
(8) -mem частица, указывающая на неочевидность действия, см. (7).
(9) stósty притяж. ф. мн. ч. указ. личн. мест. дальн. ст. sty; косв. м. ste, ж. sto, мн. sto.
(10) čor м. обычай.
(11) dyvo 'молитва' (тадж. duo).
(12) kusty инфинитив гл. 'делать'; dyvó kusty 'молиться'.
(13) ni прям. форма указат. мест. бл. степени 'этот'.
(14) см. (7) и (8).
(15) kór-vu вопр. мест. 'где', 'куда', с послелогом местонахождения -vu: 'там, где'
(16) állы прилаг. м. 'большой', ж. álli.
(17) vuncév м. 'источник' косв. vuncéve, косв. мн. vuncévo.
(18) bi-bo 3 л. ед. ч. прош. вр. соверш. гл. 'быть', инф. bysty; ед. ч. 1 л. b'úm-bo. 2 л. b'úš-bo, 3 л. bí-bo; мн. ч. 1 л. b'úmiš-bo, 2 л. b'úṛ-bo, 3 л. bí-bo (без частицы bo не употребляется).

(19) sta-vu 'там'.
(20) ḍыvгы прилаг. м. 'ровный',ж. ḍыvгi.
(21) bruʒ 'лужайка', 'луг'.
(22) e числительное-артикль 'один'.
(23) voţ м. 'камень', косв. vóţe.
(24) sta 'туда'.
(25) gáti деепричастие от гл. 'идти', 'уходить', инф. gāstы, ср. (30).
(26) рыгы́ 'ком', 'шар'.
(27) nuyé косв. ф. сущ. м. р. nu 'сливочное масло'.
(28) -ǰe соединит. союз 'и'.
(29) sыţéʒai сочетание косв. ф. сущ. ж. р. sыţéʒa, пр. ф. sыţéʒ 'арча', 'древовидный можжевельник' с соединительным союзом ei. В целом — обычная для кати плеонастическая конструкция с двумя соединительными союзами: núye-ǰe sыţéʒ-ai- 'масло и арчу'.
(30) gáiti дееприч. от гл. 'нести', 'уносить', инф. gayácestы ср. (25).
(31) vóţe см. прим. 23.
(32) pšéi послелог 'на поверхность чего-л.' ср. šayí 'голова'.
(33) vúteti дееприч. от гл. 'класть', 'ставить' (отвесно вниз), инф. vútestы; направление отвесно вниз (а при других глаголах также и отвесно вверх) передается приставкой vu; ср., напр., vúncestы 'появляться' (сверху или снизу), vúkšostы 'тянуть (отвесно вверх или вниз)'; ср. также valúkšostы 'тянуть снизу вверх наискось' vákšostы 'тянуть' (горизонтально), vavúkšostы 'тянуть' (сверху вниз наискось), níkšostы 'тянуть' (вниз по течению, на юг), číkšostы 'тянуть' (вверх по течению, на север) и т. д. и т. п.
(34) pšы м.пшур (священник, жрец в кафирской религии)
(35) bы́nosi 3 л. ед. ч. м. р. имперф. гл. 'быть', инф. bы́stы; ед. ч. 1 л. м. р. bынos' um, ж. р. bы́nes'um; 2 л. м. р. bы́nos'uš ж. р. bы́nes'uš; 3 л. м. р. bы́nosi, ж. р. bы́nesi; мн. ч. 1 л. bы́nosimiš, 2 л. bы́nos'uţ, 3 л. bы́nasi.
(36) stы указ.-личн. мест. дальн. степ., см. (9).
(37) bы предлог с широким значением направления и местонахождения; с косв. ф. имени.
(38) dík'a косв. ф. сущ. ж. р. dik' 'небо'.
(39) por послелог направления.
(40) vúkceti дееприч. от гл. vúkcestы 'смотреть' (отвесно вверх или вниз), ср. (33), ср. также (25).
(41) kóţo косв. ф. мн. ч. сущ. koţ 'сила' в наречном значении: 'сильно', 'громко'.
(42) vrípulo косв. ф. мн. ч. от vripul 'речь', 'слова' (из vri 'говорение', 'речь' и puţ 'слово').
(43) lalы прич. II от гл. 'бить', инф. lásty; зд. в сочетании с vripul в знач. 'говорить'; ср. vri lastы 'говорить' и тадж. гап задан 'говорить'.
(44) layí-bo прош. соверш. от гл. lastы, ср. (18), (77).
(45) ste косв. ф. м. р. местоим. stы, см. (9), 36).
(46) dušt м. 'рука'.
(47) ka 'или'.
(48) sымrí м. косв. sымr'é, 'вид ритуальной пищи'.
(49) éstuk 'что-либо', 'нечто'.
(50) valé 'другой'.
(51) áceIы прич. II гл. 'приходить', инф. acestы; см. (6), (7), (8).
(52) yo неизм. 'каждый'.
(53) čivók нареч. мало.
(54) kы стяж. форма дееприч. kati от гл. 'делать', инф. kustы (см. прим. 12); употребляется также как наречный суффикс: čivok kы 'помаленьку', 'понемногу'.
(55) mančó см. (3).
(56) pciţ послелог 'наверх', 'сверху'.
(57) bыţы kulы прич. II. от гл. bыtы kustы 'делить', ср. перевод фразы в целом на

таджикский язык: ин нонҳоро кам карда сари ҳар яке аз нафарҳо тақсим мекардааст.

(58) ste косв. м. от sti в знач. эргатива при дееприч. yuti от перех. гл. yusti 'есть' см. (9), (36), (59).

(59) yúti дееприч. гл. 'есть', инф. yusti.

(60) amní местоимение бл. степени с уточняющим префиксом: 'вот этот', 'вот эти'.

(61) vr'ó косв. мн. от vri 'слово'.

(62) Imro зват. ф. от Imra Имра (главное божество кафирского пантеона).

(63) Delu 'божество' (вообще).

(64) mačimṛor-o из manči 'человек'+mṛor 'хозяин', 'господин'. Обычный эпитет бога Имра.

(65) -o звательная частица.

(66) Bagišt Багишт, один из главных богов кафирского пантеона.

(67) kati см. (12), (54); гл. kusti регулярно употребляется в значении 'сказать'.

(68) čirčuṛuk 'впереди', ср. čuṛi 'острие'.

(69) vi̇t'eti дееприч. гл. 'останавливаться', инф. vit'éšti.

(70) dúšt-o косв. мн. от dušt 'рука'.

(71) см. (38), (39).

(72) vúgaiti дееприч. гл. vúgayacesti 'возносить к небу' см. (30), (33).

(73) ji kulei сочетание прич. П. гл. 'говорить', инф. ji kusti и союза ei см. (12, 29). Плеоназм: досл. 'подняв руки и говорил'.

(74) tu косв. ф. личн. мест. 2 л. t'u.

(75) namóč 'молитва'.

(76) ste см. (58). Здесь в знач. эргатива при перех. гл. ji kusti.

(77) kiṛi-bo прош. вр. соверш. гл. ji kusti. Согласовано по роду с самодополнением ji; ж. р. kiyí-bo, ср. (18), (44).

(78) siyéri 'другой' (пр. ф. ед. ч. м. р. и мн. ч.), ж. siyéri.

(79) Sundari-ro зват. ф. от Sundarí имя одного из богов кафирского пантеона(?).

(80) kaširpaḍuvo косв. мн. от м. kaširpaḍuvay; из kašir- осн. прилагательного 'белый', ср. kašíri 'белый', kašíri 'белая'; paḍu м. чалма; -vay суффикс (связанный с основой -vay//-vo 'иметь') 'обладающий белой чалмой', т. е. мусульманин.

(81) psov повелит. от гл. 'губить', 'уничтожать', инф. psósti.

(82) yimo неизменяем. мест. 1 л. мн. числа, здесь в объектном значении, ср. (1), (86).

(83) b(a)ru vit'é повелит. от глагола 'увеличивать', инф. b(a)rú vit'esti.

(84) šaṛivo косв. мн. от šaṛivay из šaṛi 'чалма' (-paḍu)+суфф. vay 'обладающий чалмой', т. е. мусульманин; ср. (80).

(85) ti эмоциональная частица.

(86) yimó неизм. мест. 1 л. мн. ч. в притяжательном значении, ср. (1), (82).

(87) šaye косв. ф. ед. ч. от šayi м. 'голова'.

(88) siṛeʒa см. (29).

(89) paščónas'a имперф. пересказ, накл. гл. 'зажигать', инф. paščósti, ср. (7), (35).

(90) d'um м. 'дым'.

(91) gati дееприч. гл. 'уходить', зд. 'восходить', инф. gāsti.

(92) Imróstu притяж. от Imra, ср. (1), (9).

(93) štris: štri 'женшина', 'жена', косв. ф. štr'a; -s притяжат. аффикс 3 л. ед. ч.

(94) -ta послелог направления.

(95) -ki послелог адресата действия; ср. (54).

(96) Kimṛái жена бога Имра (тж. Kṛumai), одна из главных богинь кафирского пантеона.

(97) kunaša см. (89).

(98) sut числ. 'семь'.

(99) štó 'звезда'; sut što семь звезд — Большая Медведица.

(100) sto-ki см. (9), (95). Относится к sut što: stó-ki .... kulei 'их называли', 'про них говорили'.

(101) stósti ж. р. притяж. мест. sti. Относится к Kimṛái.

102) ǰuk ж. 'девушка', 'дочь'.

(103) ašt 3 л. мн. ч. наст. вр. изъяв. накл. связки. Ед. ч. 1 л. (a)súm, 2 л. (a)s'úš, 3 л. (a)sы; мн. ч. 1 л. (a)sы́miš, 2 л. (a)séṛ, 3 л. ášt.

(104) pṛólei прич. П. гл. 'достигать' (инф. pṛósty)+союз ei; ср. (29); dyum gáti... pṛólei 'дым поднимался... и достигал'.

Перевод

I. Наши прежние люди, говорят, ничему не поклонялись[1]. Их обычай молиться был таков: [если] где был большой источник и [если] там была ровная лужайка и большой камень, [то], придя туда, клали на камень ком сливочного масла и [ветку] арчи, и один человек становился жрецом[2]. Став жрецом, он смотрел в небо и громко произносил [заклинания].

II. После того как он произнес [те] слова, то у него в руке появлялось либо лепешка, либо что-нибудь другое[3]. Он делил эту лепешку понемногу между людьми. Съев ее, они говорили такие слова: «О Имра! О бог, властвующий над людьми! О Багишт!» — и жрец, стоя впереди и простирая руки к небу, говорил: «О Имра! Тебе [эта] молитва!»

III. Когда он это скажет, другие говорили: «О Имра! О Сундари! Тебе [эта] молитва! Сгуби тех, что [ходят] в белых чалмах, и увеличь нас»[4]. Сказав: «Сгуби тех, что в чалмах, и возвысь нас», зажигали арчу. Дым, поднимаясь, достигал жены Имра (говорят, ее называли Кымрай, а семь звезд [Большой Медведицы] на небе считались ее дочерьми).

Примечания к переводу

[1] Т. е. не были идолопоклонниками. Защищая своих предков от этого обычного в устах мусульман обвинения, рассказчик допускает сознательную неточность.

[2] Т. е. выполнял функции жреца.

[3] Будучи мусульманином, рассказчик тем не менее не сомневается в том, что дело именно так и обстояло в действительности и что в руке у жреца-кафира появлялся дар богов.

[4] Переведено дословно; очевидно, следует понимать как: «сделай так, чтобы нас стало больше, а мусульман — меньше». Кафиры несомненно остро ощущали свою малочисленность и неравенство сил по отношению к мусульманам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С., Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. 1, Сталинабад, 1953,— «Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. 7.
2. [Бёрнс А.], Путевые записки сэр Александра Борнса, М., 1847.
3. Вавилов Н. И., Земледельческий Афганистан,— Избранные труды в пяти томах, т. 1, М.—Л., 1959.
4. Гаврилин В., Страна за семью печатями,— «Азия и Африка сегодня», 1968, № 9, стр. 43—45.
5. Грюнберг А. Л., К изучению дардских языков (Глангали и Земиаки) [в печати].
6. Иванов В., Проблема языков centum и satəm,— «Вопросы языкознания», 1958, № 1, стр. 12—23.
7. Поляк А. А., Нуристан (Кафиристан,— «Краткие сообщения Института востоковедения, XXXIII (Афганский сборник)», М., 1959.
8. Робертсон Дж., Кафиры Гиндукуша (извлечение). Перевели с английского А. Половцов и А. Снесарев, Ташкент, 1906.
9. Топоров В. Н., Предварительные материалы к описанию фонологических систем консонантизма дардских языков,— «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии», М., 1966, стр. 172—192.
10. Эдельман Д. И., Дардские языки, М., 1965.
11. Biddulph I., Tribes of the Hindoo-Koosh, Calcutta, 1880.
12. Budruss G., Die Sprache von Woṭapur und Kaṭārqalā, Bonn, 1960.

13. Budruss G., Zur Mythologie der Prasun Kafiren. Festschrift Hermann Lomme , Wiesbaden, 1960.
14. Davidson I., Notes on the Bashgali (Kafir) Language,—«Journal of the Asiatic Society of Bengal», 1902, LXXI, I, extra № 1.
15. Deutsche im Hindukusch. Bericht der Deutschen Hindukusch-Expedition, 1935, Berlin, 1937.
16. Douglas Newton, Funerary Figures of the Kafirs,—«Natural History», 1963, vol. 72, № 6, стр, 40—47.
17. Edelberg Lennart, Nuristanske sølvpokaler (оттиск из KUML, 1965).
18. Grierson G. A., Linguistic Survey of India, vol. VIII, pt II, Calcutta, 1919.
19. Ivanow W., A specimen of Bashgali from Kamdesh,—«Acta Orientalia» (Leiden), 10, 1932, стр. 157.
20. Morgenstierne G., Indoeuropean k' in Kafiri,—NTS, 1945, XIII, стр. 225—238.
21. Morgenstierne G., The language of the Ashkun Kafirs,—NTS, 1929. II.
22. Morgenstierne G., The language of the Prasun Kafirs,—NTS, 1949, XV.
23. Morgenstierne G., Notes on Shumashti, a Dardic dialect of the Gawar-bati type,—NTS, 1945, XIII, стр. 239—281.
24. Morgenstierne G., Some Kati myths and hymns,—«Acta Orientalia» (Leiden), 1951, XXI, стр. 3.
25. Mosgenstierne, Report on a linguistic mission to Afghanistan, Oslo, 1926.
26. Morgenstierne G., The Waigali language,—NTS, 1954, XVII.
27. Raverty H. G., On the language of the Siāh-pōsh Kāfirs,—«Journal of the Asiatic Society of Bengal», XXXIII, Calcutta, 1864.
28. Robertson G. S., The Kafirs of the Hindoo-kush, London, 1896.
29. Scarcia Gianroberto, Ṣifat-nāma-yi Darvīš Muḥammad Ḫān-i Ġāzī. Cronaca di una crociata musulmana contro i Kafiri di Lagman nell'anno 1582 edito e tradotto da Gianroberto Scarcia, Roma, 1965 (Serie orientale Roma, XXXII).
30. Jones Schuyler, An annotated bibliography of Nuristan (Kafiristan) and the Kalash Kafirs of Chitral, pt 1, København, 1966.

А. Л. Грюнберг

ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЫ НУРИСТАНА

Район, расположенный к северу от Джалалабада по правому берегу рек Кунар и Кабул, является одним из наиболее многоязычных и вместе с тем малоисследованных как в лингвистическом, так и в географическом отношении районов Восточного Гиндукуша. Из опубликованных до сих пор карт этого района наиболее детальными и точными являются карты Л. Эдельберга[1] [* 17, * 30]. Эти карты основаны на анализе аэрофотоснимков масштаба 1 : 250 000 и 1 : 25 000, представленных Л. Эдельбергу министерством горных дел и промышленности Афганистана. Указанные карты не содержат лингвистической информации. С другой стороны, мелкомасштабные карты распространения дардских языков на рассматриваемой территории, приложенные к языковым работам Г. Моргенстьерне [* 21, * 22, * 23, * 25, * 26], носят обобщенно-схематический характер; их автор не имел возможности пользоваться сколько-нибудь достоверной крупномасштабной топографической основой, так как во время составления этих карт такой основы еще не существовало.

В настоящей публикации дается попытка суммировать имеющиеся в научной литературе сведения по географическому распространению языков на территории Нуристана и прилегающих к нему районов. При составлении карты использованы крупномасштабные карты, с которыми автор имел возможность ознакомиться во время работы в министерстве горных дел и промышленности Афганистана.

Распространение языков показано по следующим источникам:

Пашаи. Г. Моргенстьерне [3]. Собственные наблюдения автора в Нижнем Алингаре и Нижнем Алишанге, а также в Дараи Нуре. Южная граница между пашаи и пашто показана условно.

Кати, западный. Собственные материалы автора, сверенные с наблюдениями С. Л. Шваркова.

Кати, восточный. Работа Робертсона [* 28] и Ленца [* 15].

Кати в Центральном Нуристане. Собственные наблюдения автора.

Ашкун-ваман и. Работа Г. Моргенстьерне [* 21] и собственные материалы автора (в частности, расспросные сведения).

Вайгали. В долине Вайгал — по собственным наблюдениям автора. В долинах Дрэн и Эльгель — по расспросным сведениям, сообщаемым Г. Моргенстьерне [* 26]. В сел. Земиаки — по материалам автора. В селениях Гамбир, Катар и Девоз — по работе Г. Будрусса [* 12].

[1] Здесь и далее цифры в скобках под звездочкой означают ссылки на список литературы, приложенный к статье «Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки» (стр. 286—287 наст. изд.).

Гавар. Работа Г. Моргенстьерне [2]. Границы между гавар и соседними языками показаны условно.

Вотапури. Г. Будрусс [* 12].

Глангали. Собственные наблюдения автора.

Сави. По работе Г. Будрусса [1].

Шумашти. Работа Моргенстьерне [* 23].

Мунджанский. Собственные наблюдения автора.

Прасун. Собственные наблюдения автора.

Современное состояние изученности языков представленного на карте региона не позволяет считать указанную карту окончательной. Целый ряд вопросов, относящихся к распространению языков, расположенных по территории Восточного Гиндукуша в пределах Афганистана, продолжает оставаться неясным. Из числа таких вопросов назовем: 1) пределы распространения языка гавар; 2) диалектное членение и границы распространения языка пашаи, в частности отношения между языком селения Курангал и долины Курдар и прочими диалектами пашаи; 3) отношение языка Трегама (Гамбир, Девоз, Катар) к вайгальскому; 4) отношение между языком собственно Вайгала и языком долины Дрэн; 5) вопрос о языке долины Шигал; 6) границы распространения языка ашкун.

Несмотря на указанные выше неясности, обобщение существующих данных представляется вполне целесообразным, тем более что на русском языке такого рода сведения до сих пор не публиковались.

Топонимика дается по собственным наблюдениям автора, по отчету немецкой экспедиции (* 7), по вышеупомянутым лингвистическим работам, а также по топооснове. Топонимы, указанные на топооснове, собраны группой топонимики Департамента горных дел и промышленности министерства геологии и горных дел Афганистана; к сожалению, при сборе топонимики были допущены значительные ошибки, вызванные незнакомством с соответствующими языками и стремлением к ложному этимологизированию; в несомненных случаях эти ошибки исправлены.

ЛИТЕРАТУРА*

1. Buddruss G., Die Sprache von Sau in Ost-Afghanistan. Beiträge zur Kenntniss des dardischen Phalura. München, 1967.
2. Morgenstierne G., Notes on Gawar-Bati Skrifter utgitt av det Norske Videnskapsakademi i Oslo. II, Hist.-Filos. Klasse, 1950, № 1.
3. Morgenstierne G., Indo-Iranian Frontier Languages, vol. III, The Pashai language, Oslo, 1956.

* См. также список литературы к статье „Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки" на стр. 286—287 наст. изд.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ	— «Вестник древней истории», М.
ДАН	— «Доклад Академии наук».
ЗВОРАО	— «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества», СПб., Пг.
ИАН	— «Известия Императорской Академии наук», СПб.
ИАН СССР	— «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
ИВАН	— Институт востоковедения АН СССР.
ИМКУ	— «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент.
ИРГО	— «Известия (Имп.) Русского географического общества», СПб.
ИУзФАНСССР	— «Известия Узбекского филиала Академии наук СССР», Ташкент.
КСИА	— «Краткие сообщения Института археологии», М.
КСИВ	— «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
КСИИМК	— «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
КСИЭ	— «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
НАА	— «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура», М.,
ОНУ	— «Общественные науки Узбекистана», Ташкент.
ПВ	— «Проблемы востоковедения», М.
СА	— «Советская археология», М.
СМАЭ	— «Сборник Музея антропологии и этнографии», Л.
ТГЭ	— «Труды Государственного Эрмитажа», Л.
ТИИАНТаджССР	— «Труды Института истории Академии наук Таджикской ССР», Душанбе.
ТИИАЭАНКазССР	— «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.
ТИЭ	— «Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая», М.—Л.
ТКирАЭЭ	— «Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции».
ТМИУ	— «Труды Музея истории Узбекистана», Ташкент.
ТОВЭ	— «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
ТТашГУ	— «Труды Ташкентского государственного университета», Ташкент.
ТХЭ	— «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», М.—Л.
ЭВ	— «Эпиграфика Востока», М.—Л.
AM	— «Asia Major», London (Leipzig).
APAW	— «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», philologisch-historische Klasse, Berlin.
BEFEO	— «Bulletin de l'École Française d'Extrême — Orient», Hanoï, (Paris — Saïgon).
BGA	— Bibliotheca geographorum arabicorum.
BSO(A)S	— «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».
CRAIBL	— «Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres», Paris.

HJAS	— «Harvard Journal of Asiatic Studies», Cambridge Mass.
JA	— «Journal asiatiqe», Paris.
JAOS	— «Journal of the American Oriental Society», New York — New Haven.
JASB	— «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
JESHO	— «Journal of the Economic and Social History of Orient», Leiden.
JRAS	— «Journal of the Royal Central Asia Society», London.
JSFOu	— «Journal de la Société Finno-ougrienne», Helsinki.
RSO	— «Rivista degli Studi Orientali», Roma.
SPAW(SBAW)	— «Sitzungsberichte der Königlich Preu-ßischen Akademie der Wissenschaften», philologisch-historische Klasse, Berlin.
TP	— «T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, ethnographie et les arts de l'Asie Orientale», Paris — Leiden.
WZKM	— «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
С. А. Несмеянов (Москва), *В. А. Ранов* (Душанбе), К палеогеографии мустьерских стоянок в горах Средней Азии 6
Е. А. Мончадская (Ленинград), Эсхил о Средней Азии 22
Ю. А. Заднепровский (Ленинград), Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. — V в. н. э. . . . 27
Т. И. Зеймаль (Ленинград), Древние и средневековые каналы Вахшской долины 37
Б. И. Маршак (Ленинград), К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. 58
В. И. Распопова (Ленинград), Один из базаров Пенджикента VII—VIII вв. . . 67
А. Исаков (Пенджикент), Дворец правителей древнего Пенджикента . . . 76
Л. И. Альбаум (Ташкент), Новые росписи Афрасиаба 83
О. И. Смирнова (Ленинград), Места домусульманских культов Средней Азии (по материалам топонимики) 90
Е. В. Зеймаль (Ленинград), «Сино-кхароштийские» монеты (к датировке хотанского двуязычного чекана) 109
С. Г. Кляшторный (Ленинград), *В. А. Лившиц* (Ленинград), Согдийская надпись из Бугута 121
Л. И. Чугуевский (Ленинград), Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана 147
Е. И. Кычанов (Ленинград), Тангуты и Запад 157
А. М. Мандельштам (Ленинград), К данным ал-Бируни о Закаспии 163
О. Г. Большаков (Ленинград), Два вакфа Ибрахима Тамгач-хана в Самарканде 170
С. Г. Агаджанов (Ашхабад), Огузские племена Средней Азии IX—XIII вв. (историко-этнографический очерк) 179
Б. Е. Кумеков (Алма-Ата), Страна кимаков по карте ал-Идриси 194
А. А. Иванов (Ленинград), Печать Гаухар-Шад 199
И. М. Оранский (Ленинград), О термине «мазанг» в Средней Азии 202
А. З. Розенфельд (Ленинград), Дарвазский фольклор 208
Б. А. Вальская (Ленинград), Яков Владимирович Ханыков (1818—1862) . . . 218
Т. И. Султанов (Алма-Ата), С. К. Ибрагимов и его историко-востоковедческие исследования 241
В. А. Ромодин (Ленинград), Последние годы домусульманской истории кафиров Гиндукуша и политика Абдуррахман-хана (по *Сирадж ат-таварих*) . . . 249
А. Л. Грюнберг (Ленинград), Нуристан. Этнографические и лингвистические заметки 264
А. Л. Грюнберг (Ленинград), Опыт лингвистической карты Нуристана . . . 288
Список сокращений 290

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Выпуск X

Средняя и Центральная Азия

Утверждено к печати
Восточной комиссией Географического общества СССР
Академии наук СССР

■

Редактор *И. Л. Елевич*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *В. М. Кочеткова* и *А. В. Шандер*

Сдано в набор 19/VIII 1970 г. Подписано в печать 26/I 1971 г.
А-05810. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 18,25 + 0,5 п. л. вкл.
Усл. печ. л. 26,25. Уч.-изд. л. 25,9. Тираж 2500 экз.
Изд. № 2536. Зак. № 979. Цена 1 р. 80 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Список опечаток

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
25	13 св.	милян	мидян
35	24 св.	т. II	т. XI
49	32 св.	*quem* ко	*quem)* ко
81	12-13 св.	эпохой	эпопеей
96	4 св.	rmAataiš	Armataiš
96	10 св.	удвоенное g	удвоенное д
98	14 сн.	мавзи	мавзи‘
104	4 св.	nm'c	nm'č
108	10 св.	1811	1888
111	19 сн.	Cugramayasa	Gugramayasa
116	8 св.	Ханя	Хяня
128	23 св.	ayu-ka	āyu-ka-
128	25 св.	''kwncyq	''ykwncyq
129	20 св.	nwyγwy-štr	nwy γwy-štr
132	27 св.	богов	бога
138	27 св.	'HRZY	'ḤRZY
139	4 св.	-para	-pāra
139	9 сн.	puštrw	pyštrw
141	33 св.	truh^{ə}	truk^{ə}
141	2 сн.	*us'ara-	*ustara-
142	37 св.	впервого	впервые
157	27 св.	Уйгурцы	Уйгуры
161	7 сн.	Малов С.Е., Памятники древнетюркской письменности уйгуров Ганьчжоу,–	Маеда Масана, К вопросу о создании объединения уйгуров в Ганьчжоу, –
164	18 сн.	الغزاوه	الغزاوه
168	6 св.	نخان	میانخان
171	12 сн.	‘ли	‘Али
172	6 сн.	سمسك	نهمك
173	4 сн.	قنعلرة	قنطرة
175	30 св.	رقعت	وقعت
177	28 св.	حانص	خالص

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
191	15 св.	ТаджССР	ТуркмССР
203	16 св.	А.И. Вилькина	А.И. Вилькинс
206	29 св.	«среднеарабских цыган»	«среднеазиатских цыган»
218	10 сн.	А.А. Кайзерлинг	А.А. Кейзерлинг
239	15 св.	Л.В. Ханыкова	Я.В. Ханыкова
245	20 сн.	Абухайр-хана	Абулхайр-хана
256	9, 14, 18 св.	Печ	Пич
263	4 сн.	Wyliy	Wylly
265	18 св.	Ирасун	Прасун
265	24 сн.	сель	сел.
269	4 сн.	Дшал	Дигал
274	20 св.	22	21
274	29 св.	23	22
274	10 сн.	куфцев	хуфцев
285	6 сн.	kunaśa	kunas'a
289	25 св.	*7	*15

1 p. 80 K